МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РА

ФОНД «ВАНАДЗОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. ТУМАНЯНА»

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВАНАДЗОР
2024

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РА

ФОНД «ВАНАДЗОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. ТУМАНЯНА»

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации»

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ванадзор – 2024

ՀՀ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

«ՎԱՆԱՁՈՐԻ Հ. ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ» ՀԻՄՆԱԴՐԱՄ

VII ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

«Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում»

ԳԻՏԱԿԱՆ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

Վանաձոր – 2024

RA MINISTRY OF EDUCATION, SCIENCE,
CULTURE AND SPORT

"VANADZOR STATE UNIVERSITY AFTER H. TUMANYAN"
FOUNDATION

THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

"Language and Literature in the Context of Intercultural Communication"

MATERIALS OF INTERNATIONAL CONFERENCE

Vanadzor – 2024

УДК 81:82:316.7(082)
ББК 81+83+60.524.22g43
Я 410

Печатается по рекомендации Ученого Совета Фонда «Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна».

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тадевос Тадевосян, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (председатель), **Валерий Пилоян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (заместитель председателя), **Тарон Даниелян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (ответственный секретарь)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Паргев Геворкян, д.пед.н., проф., Ванадзорский государственный университет (Армения) **Лилит Брутян**, д.филол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), **Наталья Никонова**, д.филол.н., проф., Томский государственный университет (РФ), **Инна Швед**, д.филол.н., проф., Брестский государственный университет (Беларусь), **Ольга Чевела**, д.филол.н., Казанский государственный медицинский университет (РФ), **Мария Пильгун**, д.филол.н., проф., Институт языкознания РАН (РФ), **Антон Репонь**, PhD, университет имени М. Бэла (Словакия), **Ирина Савченко**, д.соц.н., проф., Нижегородский лингвистический университет (РФ), **Карине Арустамян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (Армения), **Сергей Калашников**, к.филол.н., доцент, Волгоградский государственный университет (РФ), **Эрмине Бабурян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (Армения), **Асмик Арутюнян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (Армения), **Нина Джагинян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (Армения), **Арен Сантоян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (Армения), **Лусик Варданян**, к.филол.н., доцент, Ванадзорский государственный университет (Армения), **Наира Амбарцумян**, к.филол.н., доцент, Институт литературы им. М. Абегяна НАН РА (Армения), **Елена Нарбут**, к.филол.н., доцент, Северо-Восточный государственный университет (РФ), **Ольга Макаровска**, к.гуманитарных н., доцент, Университет имени Адама Мицкевича (Польша).

Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации:
Я 410 VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ / МОН РА; Фонд «Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна»; Редколлегия: Т. В. Тадевосян и др.- Ванадзор, 2024.- 370 с.

В сборник включены доклады VII Международной научной конференции «Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации», прошедшей 18-19 октября 2024 года в Фонде «Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна», которые по рекомендации Ученого Совета Фонда «ВГУ» печатаются как научные публикации.

В сборнике обобщены филологические и методические статьи, которые были рецензированы, отредактированы и рекомендованы для печати членами научной редакционной коллегии.

ISBN 978-9939-1-2006-5

УДК 81:82:316.7(082)
ББК 81+83+60.524.22g43

© Авторская группа, 2024
© Фонд «Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна», 2024

Տպագրվում է «Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան» հիմնադրամի գիտական խորհրդի երաշխավորությամբ:

ԳԻՏԱԿԱՆ ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՈՒՐԴ

Թաղևոս Թաղևոսյան, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (նախագահ), **Վալերի Փիլոյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (նախագահի տեղակալ), **Տարոն Դանիելյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (պատասխանատու քարտուղար)

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ԱՆԴԱՄՆԵՐ

Պարգև Գևորգյան, մ.գ.դ., պրոֆ., Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան), **Լիլիթ Բրուտյան**, բ.գ.դ., պրոֆ., Երևանի պետական համալսարան (Հայաստան), **Նատալյա Նիկոնովա**, բ.գ.դ. պրոֆ., Տոմսկի պետական համալսարան (ՌԴ), **Իննա Շվեդ**, բ.գ.դ., պրոֆ., Բրեստի պետական համալսրան (Բելառուս), **Օլգա Չնելա**, բ.գ.դ., Կազանի պետական բժշկական համալսարան (ՌԴ), **Մարիա Պիլգուն**, բ.գ.դ., պրոֆ., ՌԳԱ Լեզվաբանության Ինստիտուտ (ՌԴ), **Անտոն Ռեպոն**, PhD., Մ. Բելի անվ. համալսարան (Սլովակիա), **Իրինա Սավչենկո**, սոց.գ.դ., պրոֆ., Նիժնի Նովգորոդի լեզվաբանական համալսաևան (ՌԴ), **Կարինե Առուստամյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան), **Սերգեյ Կալաշնիկով**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վոլգոգրադի պետական համալսարան (ՌԴ), **Հերմինե Բաբուդյան,** բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան), **Հասմիկ Հարությունյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան), **Նինա Ջաղինյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան)**, Արեն Սանթոյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան), **Լուսիկ Վարդանյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, Վանաձորի պետական համալսարան (Հայաստան), **Նաիրա Համբարձումյան**, բ.գ.թ., դոցենտ, ՀՀ ԳԱԱ Մ. Աբեղյանի անվան գրականության ինստիտուտ (Հայաստան), **Ելենա Նարբուտ**, բ.գ.թ., դոցենտ, Հյուսիս-արևելյան պետական համալսարան (ՌԴ), **Օլգա Մակարովսկա**, հումանիտար գ.թ., դոցենտ, Ադամ Միցկևիչի անվան համալսարան (Լեհաստան).

Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում. VII ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ / ՀՀ ԿԳՆ, «Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան» հիմնադրամ; Խմբ. խորհուրդ՝ Թ. Վ. Թաղևոսյան և այլք. – Վանաձոր, 2024.- 370 էջ:

Ժողովածուն ներառում է 2024 թ. հոկտեմբերի 18-19-ին «Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան» հիմնադրամում տեղի ունեցած «Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում» VII միջազգային գիտաժողովի զեկուցումները, որոնք «ՎՊՀ» հիմնադրամի գիտխորհրդի երաշխավորությամբ տպագրվում են որպես գիտական հոդվածներ:

Ժողովածուն ամփոփում է բանասիրական և մեթոդական հոդվածներ, որոնք գիտական խմբագրական խորհրդի անդամների կողմից գրախոսվել, խմբագրվել և երաշխավորվել են տպագրության:

©Հեղինակային խումբ, 2024
© «Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան» հիմնադրամ, 2024

Printed on the Recommendation of the Academic Council of "Vanadzor State University after H. Tumanyan" Foundation.

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

Tadevos Tadevosyan, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Chairman), **Valery Piloyan,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Chairman Assistant), **Taron Danielyan,** Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Executive Secretary)

THE MEMBERS OF SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

Pargev Gevorgyan, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vanadzor State University (Armenia), **Lilit Brutyan**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Yerevan State University (Armenia), **Natalya Nikonova**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State University (RF), **Inna Shved**, Doctor of Philological Sciences, Brest State University (Belarus), **Olga Chevela**, Doctor of Philological Sciences, Kazan State Medical University (RF), **Maria Pilgun**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (RF), **Anton Repon**, PhD., Institute named after M. Bel (Slovakia), **Irina Savchenko**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Linguistic University (RF), **Karine Arustamyan**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Armenia), **Sergey Kalashnikov**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Volgograd State University (RF), **Hermine Baburyan**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Armenia), **Hasmik Harutyunyan**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Armenia), **Nina Jaghinyan**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Armenia), **Aren Santoyan**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Vanadzor State University (Armenia), **Lusik Vardanyan**, Candidate of Philological Sciences, Vanadzor State University (Armenia), **Naira Hambardzumyan**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Literature after M. Abeghyan of NAS RA (Armenia), **Yelena Narbut**, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Northeastern State University (RF), **Olga Makarowska**, Candidate of Humanities, Associate Professor, Adam Mickiewicz University (Poland).

Language and Literature in the Context of Intercultural Communication:
THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE / MoES RA, "Vanadzor State University after H. Tumanyan" Foundation; Edit. Board: Tadevosyan T. V. and others. Vanadzor, 2024. - 370 p.

The collection includes the reports of the VII International Scientific Conference "Language and Literature in the Context of Intercultural Communication", which took place in "Vanadzor State University named after H. Tumanyan" Foundation on October 18-19, 2024. The reports are printed as scientific publications on the recommendation of the Academic Council of "VSU" Foundation.

Philological and methodological articles which were reviewed, edited and recommended for publication by the members of the Editorial Board are generalized in the collection.

© The group of authors, 2024
© "Vanadzor State University after H. Tumanyan" Foundation, 2024

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԼՐԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЖУРНАЛИСТИКА

LITERARY STUDIES AND JOURNALISM

УДК 070

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ЗДОРОВЬЯ НА СТРАНИЦАХ «СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ» (1897-1900)

Василиса Азарова

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-8-23

Ключевые слова: *благотворительность, Сибирь, детское здоровье, сибирская периодика, «Сибирская жизнь», летние детские колонии, образ благотворителя*

Введение

Благотворительность в области здоровья детей была одной из обсуждаемых и волнующих тем в сибирском образованном обществе на рубеже XIX-XX веков. Многие вопросы (здоровье, образование и пр.) решались с помощью попечительских советов и благотворительных обществ. Одной из таких организаций было Общество содействия физическому развитию, которое действовало в Томске с 1896 года. Деятельность общества должна была способствовать развитию в людях «подвижности умственной и физической». Инициатором и идеологом общества стал врач, педагог, преподаватель Императорского Томского университета, известный общественный деятель Владислав Станиславович Пирусский (1857-1933). Он разработал и продвигал собственную систему оздоровления и воспитания, сутью системы являлось предупреждение болезней путем использования природных факторов, например, лечение воздухом. Его деятельности посвящено множество трудов {1, 2 и др.}, проводится Международная научно-практическая конференция, посвященная его памяти [3]. В. Пирусский был автором большого количества текстов, посвященных здоровью детей и взрослых, опубликованных в издания книжного и периодического характера, выходивших в Томске рубежа веков [4, 5, 6 и др.], его материалы публиковались и в газете «Сибирская жизнь». Крупнейшая дореволюционная частная газета Сибири поднимала вопросы благотворительности

часто, писали на эту тему многие авторы. В периодике отражалась деятельность попечительских советов и обществ, публиковались отчеты с заседаний, обзоры докладов, рассказывалось о результатах и успехах обществ, а также с помощью литературных произведений формировался образ благотворителей (Н. Хохлов, С. Гусев-Оренбургский, Е. Гадмер).

Целью данной статьи стало выявление особенностей отражения темы благотворительности в области здоровья детей на страницах сибирских общественно-политических газет. Для решения поставленной цели был выполнен ряд задач: произведена выборка материалов (методом фронтального просмотра), рассмотрены жанровые особенности раскрытия темы, определены решаемые авторами задачи и используемые для этого текстовые приемы.

В качестве методов применялись историко-типологический, описательный, проблемно-тематический, жанровый анализы.

В исследовании использовались материалы крупнейшей в Сибири частной газеты «Сибирская жизнь» [7] (номера с ноября 1897 по декабрь 1900 годов просматривались методом сплошной выборки), далее в тексте упоминается как «СЖ».

Особенности освещения благотворительности в публицистике

Материалы, попавшие в выборку, делятся на две большие группы по целям, которые преследовали авторы создаваемых текстов. Это деление почти полностью совпадает и с жанровым характеристиками текстов. Целью текстов первой самой многочисленной группы было информирование читателей о современном положении дел, фиксация настоящего момента, освещение деятельности и результатов этой деятельности благотворителей, она включила в себя преимущественно тексты публицистические (отчеты, доклады, статьи). Тексты второй группы создавали образ благотворителя, формировали гражданскую ответственность и деятельное поведение граждан, в основном, это литературные произведения (рассказы, в том числе святочные). В отдельную микрогруппу мы выделили объявления и части заметок, направленные на реальное

вовлечение граждан в процесс благотворительности, прямой призыв к действию.

Начнем с наиболее многочисленной группы публицистических текстов. В структуре всего издания эти материалы, как и литературные произведения, редакция располагала в разделе фельетонов в подвале второй и третьей полос.

Больше половины материалов этой группы раскрывали тему летних детских колоний – так на рубеже XIX-XX веков назывались прототипы летних лагерей отдыха для детей. Тексты «Летние детские колонии» (СЖ. 1897. № 263), «Томское общество содействия физическому развитию» (СЖ. 1897. № 269), вышедший спустя шесть номеров, и текст с таким же названием в январе следующего 1898 года (СЖ. 1898. № 11) можно считать серией материалов, или даже одним материалом с продолжением, хотя «продолжение следует» и не публиковалось в финале текстов. Материалы представляли опыт и историю деятельности, которую Общество содействия физическому развитию активно продвигало в Томске, привлекая к идеям оздоровления людей, способных профинансировать или иначе помочь проектам.

Первый текст представлял доклад Пирусского, прочитанный 21 ноября на заседании Томского Общества содействия физическому развитию. Докладчик представил историю вопроса, приводя опыт Швейцарии, Германии, Парижа, России, озвучивая цифры по затратам, сложности, возникшие у первых устроителей колоний. В завершении материала Пирусский делал акцент на том, что подобного рода учреждения «должны служить необходимым дополнением школы» (СЖ. 1897. № 263) и внедряться там, где школьное образование обязательно. Второй материал давал более локальную информацию о двух летних колониях, работавших для томских школьников в 1897 году и более подробно рассказывал о первой колонии, которая была организована в 17 верстах от города на средства Общества. Сообщались точные цифры детей, процедура и критерии отбора детей, «поскольку из 86 поданных попечителям

заявок, удовлетворены были только 48» (СЖ. 1897. № 269); описывались условия размещения детей и сопровождающих их взрослых в первой колонии: «в четырех комнатах поставлены были 27 кроватей для детей, одна комната отведена под столовую, а в последней, самой маленькой поместилась заведывающая колонией учительница; в отдельных флигельках разместилась экономка, прислуга и кухня» (СЖ. 1897. № 269); а также представлялось окружающее колонию пространство – близость деревни, песчаный сухой бор, изобилующий ягодами, купальня на реке. Говорилось о питании детей с приведением таблицы суточного пайка, рассказывалось о режиме дня колонистов, об общем состоянии дел во время смен. Автор материал подробно рассказывал о жизни детей в дачной колонии, по всей вероятности, для того, чтобы сформировать позитивный образ такой деятельности, новой для Томска. Проживание детей на даче длилось 7 недель, в отличие от современных детских 2-3-х недельных смен; авторы замечали, что несмотря на долгую разлуку с родными, после выезда в город «маленькие путники с нескрываемым удовольствием возвращались к себе на дачу» (СЖ. 1897. № 269), подтверждая таким образом удачность и востребованность колоний.

Об устройстве второй колонии в селе Берском Барнаульского округа более подробно рассказывалось в третьем тексте. Колония была устроена В.А. Гороховым, сибирским купцом и меценатом, в его усадьбе в 300 верстах от Томска. Туда были отправлены на оздоровление 11 девочек. «Все расходы по обстановке, продовольствию и доставке в колонии приняты были г. Гороховым на свой счет» (СЖ. 1898. № 11),– писал Пирусский, отдавая дань (или как бы сейчас сказали, формируя лояльность) купцу Горохову. Часть материала за подписью В.С. Пирусского (2 колонки из 5 занимаемых) составлял дневник заведовавшей учительницы «для характеристики образа жизни и время провождения детей» (СЖ. 1898. № 11). Эти выдержки из дневника за конкретные даты описывали быт, режим жизни и состояние детей, подтверждая значимость происходящего,

утверждая необходимость подобных проектов. Дальше приводились данные прироста и привеса детей и, в целом, делались положительные общие выводы, что также работало на цель формирования положительного образа летних колоний для детей в обществе.

Через год редакция в материале «Детские колонии» (СЖ. 1899. № 145) делилась результатами деятельности Общества. Автор заметки, имя которого не зафиксировано, приводил количество детей, помещенных в колонию в этом году – 100 человек (из 180, подавших заявки), замечал, что несмотря на относительно непродолжительные смены (5 недель) – «результаты утешительные: жизнь в колонии воздействовала на здоровье детей несомненно благотворно, о чем можно заключить по общему увеличению веса, роста и объема груди детей; у некоторых вес увеличился до 5-7 фунтов» (СЖ. 1899. № 145). В 1900 году в материале «Вниманию Томского общества» приводилась очередная цифра: за четыре года работы Общества «воспользовались дачной жизнью 257 детей обоего пола» (СЖ, 1900, № 78). Фиксировались результаты оздоровления: «Особенно же улучшение здоровья обнаружилось у страдавших малокровием и истощением, развившимся от дурных условий жизни, и выразилось прибавкой веса, большей подвижностью, заживлением ран и здоровой окраской наружных покровов» (СЖ, 1900, № 78).

Материал «Вопросы физического развития» (СЖ. 1898. № 134) был посвящен детским летним колониям только частично, во второй части материала представлялся опыт организации физических упражнений для укрепления здоровья в г. Москва. Автор, подписавшаяся К. Г-ва, представляла два доклада: г. Игнатова о «летних вакационных колониях для детей» и г. Марковникова «Обзор деятельности комиссии по организации подвижных игр и желательной постановке физических упражнений в учебных заведениях», прочитанных на заседании в московском гигиеническом обществе и аргументировала внимание к этой теме необходимостью «противодействовать вредным последствиям слишком

усиленной нервной и умственной деятельности современного человечества путем рациональной физической гигиены» (СЖ, 1898, № 134). В первом докладе представлялся опыт Швейцарии, Германии, Франции, Италии, Норвегии, Бельгии, Австро-Венгрии по укреплению здоровье подрастающего поколения, говорилось о трех видах колоний: молочные, деревенские и лечебные санатории – с помощью которых в названых странах также производилось лечение рахитизма и малокровия детей. Второй доклад представлял опыт организации летней площадки и зимнего катка в Москве, приводились цифры собранных и потраченных средств, упоминались конкретные места, количество ведер для заливания катка, количество пар лыж и пр. данные.

Еще два материала из этой группы обращались к теме организации питания неимущих детей «Голодные дети» (СЖ. 1899. № 266) и «По поводу школьных завтраков» (СЖ. 1900. 263). Как и в ранее рассмотренных материалах тут использовался прием привлечения зарубежного опыта, в материале «Голодные дети» редакция рассказывала, что «в Бельгии, Германии и Франции все бедные дети, посещающие школы, получают завтраки за счет государства» (СЖ. 1899. № 266), в Англии об этом заботятся частные общества с тех пор, как «из отчета лондонского совета выяснилось, что, приблизительно 44000 детей являются в школу голодными». Приводились цифры Томска, где «детей, являющихся в школу “впроголодь”, около 600 человек», приводились расчеты средств, требующихся на кормление ежедневно. На страницах газеты обсуждались организационные вопросы, диалог шел не только между авторами издания и читателями, но и между отдельными организациями, городскими сообществами. Например, в заметке «По поводу школьных завтраков» (СЖ. 1900. 263) совет общества содействия физическому развитию обращался к совету общества попечения о начальном образовании с просьбой «ассигновать необходимую ежемесячную сумму на устройство в продолжение всего учебного сезона горячих завтраков для беднейших и болезненных детей двух содержимых общество

попеч. о нач. образовании школ» (СЖ. 1900. 263).

Значительно отличается от других текстов этой группы материал «Наше утро» (СЖ. 1899. № 250), здесь использовались совершенно иные текстовые приемы. Читателям рассказывалось об утре на детской площадке, организованной Обществом содействия физического развития (об этом мы узнаем из подзаголовка материала). Являясь публицистическим текстом по объекту отражения – реальному событию – материал не давал конкретных фактов и детских характеристик, но с помощью литературных средств создавал образ происходящего, вызывал положительные эмоции и позитивное отношение к тому, что описывала автор Н. Т–ва. Рисуя картинки из жизни, обращая внимание на настроение и состояние детей, автор пользовалась глаголами настоящего времени: «Еще нет 10-и, но звонкие голоса уже раздаются на лестнице; то пришел Гриша, за ним Митя, а вот и три щебетуньи, одна другой меньше — разделись; и топот резвых ножек уже слышится в зале. Все прибывают дети» (СЖ. 1899. № 250). Иллюстрируя укрепление здоровья и содействие физическому развитию, автор описывала гимнастические упражнения группы детей, делая читателя свидетелем происходящего: «…опустить руки, повернуться и пересчитаться по 2, разделившись на четыре линии – занимает у нас не много времени. Смех и говор не смолкают, а иногда и перебранка, но это не мешает нам стоять хорошо. Мы сделали несколько движений, глубокий вздох, опять сдвинулись в два ряда и пошли парами одна влево, другая вправо. О, мы знаем правую сторону,– недаром первое время часто путали, и обе руки оказывались правыми!» (СЖ. 1899. № 250).

Опубликованный материал был близок к жанру современного репортажа, однако не являлся таковым, поскольку в нем отсутствовали конкретные факты – читатель не узнавал, где и когда проходила площадка, какие дети участвовали в этом, кто занимался организацией и даже имя ведущей площадки оставалось скрытым за сокращением. Таким образом к цели информирования о произошедшем добавлялась, а может быть, и выходила на первый план цель

формирование впечатления, эмоционального отношения, позитивного образа Общества и его деятельности, для достижения которой автор привлекала литературные приемы и средства.

Особенности освещения темы в литературных формах

Литературные тексты дореволюционных авторов работали на другую цель – создание образов благотворителей и формирование у читателей верного с точки зрения редакции поведения сограждан. Рассказ Н.М. Хохлова «Сытые и голодные» (СЖ. 1898. № 1) представлял нам состоятельную «счастливую парочку», «жизнь их была рядом взаимных нежных угождений. Богатство дополняло их счастье. Владимирские имели большой дом в центре города и два прекрасно устроенных имения» (СЖ. 1898. № 1). Будучи родителями «премиленького крошки-первенца», у которого «всего было не только вдоволь, но и с избытком», в качестве рождественского подарка, рождественского доброго дела они решили помочь «кому-нибудь глубоко нуждающемуся», «какому-нибудь забитому, несчастному ребёнку, беззащитному, брошенному» (СЖ. 1898. № 1). На улице они выбрали «мальчика лет девяти, крайне бедно и легко одетого, дрожащего от холода» и, узнав о непростой жизни его семьи, помогли и деньгами, и связями, и с долгами расплатились. Говоря о впечатлениях героини-благотворительницы от условий жизни этой семьи, автор делал акцент на том, как «Нина Андреевна с содроганием внимала этой крайне простой сама по себе, но ужасной, житейской драме» (СЖ. 1898. № 1), «была вся потрясена и еле держалась на ногах от волнения» и, по всей вероятности, редакция ожидала той же реакции от читателей. Потрясение от картин бедности, убогости, неустроенности должно было вызвать в сердцах читателей желание также поделиться своими избытками, помочь неимущим и прозябающим в нищите. Финалом рассказа становилось вознаграждение благотворителям – чувство умиротворение в момент встречи Нового года: «на душе у них было светло и радостно, как никогда…» (СЖ. 1898. № 1).

Рассказ «Правдивое слово» (СЖ. 1900. № 280), написанный

С. Гусевым-Оренбургским, нам представляется программным произведением для редакции — происходящее в рассказе как будто описывало основную идею, миссию издателей частной сибирской газеты. В центре сюжета был фельетонист Нехлюдов, человек добрый, самоотверженный, и не случайно, на наш взгляд, он носил «любимую» фамилию Л. Толстого. В рождественский вечер фельетонист пребывал в мрачном настроении, осознавая всю тщетность своей деятельности, и вдруг встречал героиню его последнего фельетона, «за злосчастную судьбу которой с малолетними детьми он сегодня так горячо говорил перед обществом со страницы газеты, призывая к благотворительности…» (СЖ. 1900. № 280). Дело газеты – горячо говорить с обществом, призывать к благотворительности, вовлекать. Попадая в дом вдовы учителя Мухранова, он неожиданно для себя видел, что общество отозвалось на призыв «горячего и правдивого слова»: многие люди прислали дары, пожертвования, подарки, доктор пришел лечить больную дочь вдовы. Соображения об ответственности общества за жизни всех детей, разделяемые автором Гусевым-Оренбургским, по всей видимости, с издателем и редакцией газеты, произносила одна из героинь рассказа, студентка: «Что же это за общество, которое даёт в среде своей страдать маленьким, невинным малюткам!» (СЖ. 1900. № 280). А значимость газеты, ее роль в продвижении этих идей в обществе читались в следующей реплике: «Слышите? – качнулся доктор к Нехлюдову,– Как слова-то ваши запали в душу? Чуть не целиком повторяет… А?» (СЖ. 1900. № 280) – студентка повторяла фразу, написанную Нехлюдовым в фельетоне, подтверждая действенность его слов, значимость его дела, а значит и значимость дела редакции «Сибирской жизни». Автор утверждал продвижение идей благотворительности как одну из задач для литератора, повышал значимость газетного дела для общества.

Будущих граждан сибирские авторы и издатели также видели носителями «благотворительного» сознания и обращались к ним. О том, как пробудить такое сознание в детях богатых родителей,

редакция говорила через рассказ Е. Гадмер «Проблески сознания» (СЖ. 1898. № 47). Героями рассказа были двенадцатилетний мальчик Митя, «сын богатых родителей», в начале рассказа «изнеженный воспитанием» (СЖ. 1898. № 47), и студент Василий Петрович Рубежов, учитель Мити, «бывший студент, за участие в какой-то студенческой истории исключенный из университета» (СЖ. 1898. № 47). Под влиянием нового учителя мальчик попадал на суконную фабрику отца, которой раньше совсем не интересовался, поскольку там «грязно и пахнет чем-то скверным – не то шерстью, не то маслом каким-то» (СЖ. 1898. № 47) и становился свидетелем травмы своего ровесника, работающего там. Развернувшийся перед Митей несчастный случай стал первым всполохом сознания, пробудил в нем какие-то незнакомые ему до сих пор чувства и мысли. Гадмер обращала внимание на то, как возникает ответственность в юной душе: «Он в первый раз сознал свою, до некоторой степени, прикосновенность к фабрике и чувствовал себя как бы виноватым перед пострадавшим мальчиком» (СЖ. 1898. № 47).

Столкновение же с условиями жизни этого маленького рабочего еще больше потрясли господского сына: «Нищенское убожество Ефремовой избы, нищета, выглядывающая из каждого угла, еще более усилили это впечатление. Митя пробовал представить себя в положении этого мальчика и содрогался от этой мысли. Беспечная веселость его, то радужное настроение, в котором находился он с самого приезда домой, сменилась грустным, сосредоточенным раздумьем. В первый раз еще он сталкивался с темными сторонами жизни. Он сам вызвал Рубежова на желательный для того разговор. Василий Петрович не преминул воспользоваться случаем и горячо отозвался на запросы просыпающейся детской души» (СЖ. 1898. № 47). Для автора оказывается очень важным нахождение рядом с пробуждающейся душей уже сформировавшегося взрослого человека с осознанным взглядом на жизнь, способного поддержать постепенное изменение сознания мальчика,

возникающие в нем озабоченность, сострадание и даже желание как-то изменить впервые встреченную несправедливость жизни. Это желание находило в рассказе реализацию. Увидев дворовых мальчишек, у которых никогда не было елки, праздника, подарков, юный герой решился потратить подаренные ему на праздник деньги на елку для «тех» детей: «Ну ничего! – прибавил он успокоительно,– будет и на вашей улице праздник!». И в этих словах студенту Рубежову «почудилось могучее пророчество любящей детской души, обращенное в царство мрака и страдания» (СЖ. 1898. № 47).

Прямой призыв к благотворительности

Прямой призыв к благотворительности так же встречался на страницах газеты. И если в финале материала «Детские колонии» (СЖ. 1899. № 145) автор сокрушался о том, что «местное общество содействия физическому развитию не пользуется такими симпатиями публики как, например, в Варшаве, где на однородные учреждения жертвует людьми имущими десятки тысяч рублей, людьми же среднего достатка или малоимущими посильные лепты, как деньгами, так одеждою, утварью и всякого рода припасами и вещами» (СЖ. 1899. № 145), то в тексте «Вниманию Томского общества» (СЖ, 1900, № 78) томское общество представлялось уже не таким равнодушным, напротив, сообщалось, что достигнутые результаты стали возможны только «при горячем сочувствии и помощи <...> местного населения», которое приглашалось к сбору средств через лотерею-аллегри.

Адресатом таких обращений были не только взрослые, встречались объявления, правда, не касающиеся вопросов здоровья, где призыв к пожертвованию и сбору средств был направлен на самих детей: «коротенькая просьба юному молодому поколению попросить родителей небольшую часть из ассигнованных денег на пасхальные подарки уделить нуждающимся детям» (СЖ. 1898. № 70). Еще раз газета призывала детей подумать о тех, кто мерзнет и голодает, когда в их домах зажигаются рождественские огни, в

материале об организации рождественской елки для бедных – «вспомните это, дети, и помогите, чем можете», «принимаются пожертвования всем, чем можно: платьем, съестным, деньгами, конфектами, игрушками» (СЖ. 1900. № 276).

Выводы

Здоровье детей было обсуждаемой темой в обществе Сибири рубежа веков. Количество текстов о благотворительности в области здоровья в сибирской периодике рубежа веков – значительно, и представлено как литературными, так и публицистическими произведениями. Деятели благотворительных обществ создавали позитивные образ своей деятельности и посредством газет вовлекали в нее граждан. Авторы сибирских изданий формировали образы благотворителей в литературных произведениях и называли имена реальных благотворителей в материалах публицистических; рассказывали о деятельности обществ, освещая и кризисные, сложные моменты в работе; стремились вовлечь горожан в благотворительную деятельность.

Наиболее часто используемые жанровые формы относились к публицистическим (обзоры докладов, отчеты о деятельности, заметки), тема благотворительности обретала литературную форму (рассказы), встречались объявления. Материалов этой тематики часто располагались в раздел фельетонов в силу своего объема и, можем предположить, в связи с отсутствием строгого различия между этими видами текста для самой редакции в тот период.

Издание преследовало несколько целей и использовало для их достижения разные текстовые приемы. Публицистические средства, оперирующие к аналитической, рациональной стороне сознания общества, использовались для информирования граждан о деятельности, ведущейся обществами. Отличительным признаком публицистических текстов было использование статистики, цифр, показателей, смет, а также активная отсылка к иностранному опыту. Опыт зарубежных стран (Германии, Швейцарии, Англии, Америки и пр.) брался за пример, был ориентиром заботы о детях.

Пробуждение эмоционального отношения и формирование представлений о правильном поведении граждан, установка общественных ценностей, а именно вовлечение граждан в благотворительность – преимущественно решалось средствами литературы. Литераторы драматизировали, апеллировали к эмоциям, указывали морально верное поведение. На стыке этих двух целей возникали новые формы: стремление авторов вызвать эмоциональное отношение к реальным событиям, применение литературные средства в описании реальных событий можно наблюдать в материале «Наше утро», что мы осмелимся назвать зарождением жанра репортажа.

И сибирские литераторы, и сибирские фельетонисты продвигали идеи благотворительности, общественной ответственности за детей, а также за бедные семьи. Томская интеллигенция призывалась к благотворительности, к заботе о ближнем, к неравнодушному отношению. Причем авторами в качестве благотворителей рассматривались не только взрослые, особое внимание уделялось детям, транслировались верные с точки зрения редакции ориентиры у подрастающих граждан. И если через произведения литераторов, таких как Н. Хохлов, С. Гусев-Оренбургский или Е. Гадмер, редакция обращалась к читателям аллегорически, рассказывая истории, показывая пример правильного с точки зрения редакции поведения, то в публицистических текстах авторы напрямую призывали горожан к участию в благотворительности, приглашая участвовать в сборе средств на организацию летних колоний, праздников для малоимущих и подобное.

Важная роль в этом деле благотворительности и ответственности за жизни других отдавалась газете, как рупору, способному донести до сограждан эти ценности. Вместе с героем Гусева-Оренбургского фельетонистом Нехлюдовым, который «поверил в себя, в своё дело, в своё призвание, в отзывчивость человеческих сердец, в торжество горячего и правдивого слова» (СЖ. 1900. № 280), должно быть, верили в торжество горячего и правдивого слова и авторы сибирской частной газеты.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-8-23

ЛИТЕРАТУРА

1. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания ВС Пирусского //Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № . 9 (137). – С. 181-187.
2. Яковлев А. Н., Загревский О. И., Масловский Е. А. Физическая реабилитация, лечебная физическая культура и курортология в жизни врача и педагога ВС Пирусского //Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № . 5 (23). – С. 155-168.
3. Шилько В. Г. (ред.). Физическая культура, здравоохранение и образование: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной памяти ВС Пирусского, г. Томск, 17 ноября 2016 г. – STT Publishing, 2015.
4. Пирусский В. С. и др. Краткий санитарный обзор Томской переселенческой станции. – 1892.
5. Пирусский В. С. Обращение Томского общества содействия физическому развитию о сборе средств на содержание летних и зимних колоний //ГАТО, ф. – Т. 438.
6. Детская книга : [статьи]. Сб. 1. Томск : издание Городской секции по внешкольному образованию ко дню «Детской книги», 1918. 16 с.
7. Сибирская жизнь. [Электронный источник] URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349025/

ԱՌՈՂՋՈՒԹՅԱՆ ՈԼՈՐՏՈՒՄ ԲԱՐԵԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ ԹԵՄԱՅԻ ԱՐՏԱՅՈԼՈՒՄԸ «ՍԻԲԻՐՅԱՆ ԿՅԱՆՔԻ» ԷՋԵՐՈՒՄ (1897-1900)

Վասիլիսա Ազարովա

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *բարեգործություն, Սիբիր, մանկական առողջություն, սիբիրյան պարբերականներ, «Սիբիրի կյանք», ամառային մանկական ճամբարներ, բարերարի կերպար*

Սիբիրի նախահեղափոխական հասարակության մեջ շատ խնդրահարույց հարցեր լուծվում էին բարերարների՝ հոգաբարձուների խորհուրդների և բարեգործական ընկերությունների օգնությամբ: Հոդվածում քննարկվում են բարեգործության թեմայի լուսաբանման առանձնահատկությունները Տոմսկի «Սիբիրի կյանք» հասարակական-քաղաքական մասնավոր թերթի էջերում (1897-1900):

Կիրառվել են պատմատիպաբանական, նկարագրական, պրոբլեմային-թեմատիկ, ժանրային վերլուծության մեթոդները:

Սիբիրյան հրատարակությունների հեղինակները լրագրողական տեքստերում հիշատակում էին իրական բարերարների անուններ և գրական ստեղծագործություններում կերտում էին բարերարների կերպարներ: Նրանք խոսում էին կազմակերպությունների գործունեության մասին՝ լուսաբանելով ճգնաժամային պահերը: Նրանք ձգտում էին քաղաքացիներին ներգրավել բարեգործական գործունեության մեջ՝ հատուկ ուշադրություն դարձնելով երեխաներին, ձևավորելով ճիշտ ուղեցույցներ աճող քաղաքացիների շրջանում:

REFLECTION OF THE THEME OF CHARITY IN THE FIELD OF HEALTH ON THE PAGES OF "SIBERIAN LIFE" (1897-1900)

Vasilisa Azarova

Summary

Key words: *charity, Siberia, children's health, Siberian periodical, "Siberian Life", summer colonies for children, image of a philanthropist*

In the pre-revolutionary Siberian society, many problematic issues were solved with the help of philanthropists: boards of trustees, charitable societies. The article considers the coverage of philanthropy on the pages of Tomsk's public-political private newspaper "Siberian Life" (1897-1900).

Historical typological analysis, descriptive research, problem-thematic approach and genre analysis were used as the main methods used in the periodical.

The authors of Siberian publications spoke of real philanthropists in publicized texts and created images of philanthropists in literary works; they talked about the activities of societies, reporting on their moments of crisis as well; sought to involve townspeople in charitable activities, paying special attention to children, forming the right values in young citizens.

УДК 070

ПУБЛИЦИСТИКА БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ 1918-1919 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ Г.А. ВЯТКИНА)

Ирина Герасимчук

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-24-32

Ключевые слова: *журналистика, сибирские авторы, Омск, Г. А. Вяткин, литературные сообщества, сибирский текст, Колчак*

Российская региональная публицистика начала XX века пользуется устойчивым интересом со стороны исследователей: все больше появляется работ, в которых рассматривается творчество малоизученных авторов, отразивших в своих работах картину жизни глазами современников. Одним из таких авторов был Георгий Андреевич Вяткин (1885-1938) сибирский поэт, критик, публицист. Он родился в Омске, долго жил и работал в Томске, много ездил по Сибири: Иркутск, Барнаул, Новониколаевск (Новосибирск) и др. Выезжал и в европейскую часть России: бывал в столицах, в Финляндии, Харькове и др. Вяткин был дважды арестован, осужден, расстрелян как враг народа, а в 1956 году реабилитирован. Личные архивы Вяткина не сохранились, однако с его публикациями ситуация другая. Вяткин плодотворно сотрудничал с многими изданиями, как региональными, так и столичными, работал корреспондентом в начале Первой мировой войны [1], имел большой опыт работы литературным обозревателем [2, 3], был заядлым театралом и отличался большим опытом в рецензировании культурных событий (см. напр.: [4-6]). Архивные подшивки изданий начала XX века позволяют собрать полностью корпус текстов Г. А. Вяткина и обозначить этапы его творческой биографии, выявить эволюцию его литературно-публицистического творчества.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей публицистики Вяткина в период, когда он жил и работал в Омске, в 1818-1919 годах являющемся Белой столицей Сибири.

К 1818 году Вяткин уже выпустил несколько сборников своих стихотворений: самый ранний так и назывался «Стихотворения» (Томск, 1907); кроме этого, были опубликованы сборники «Под северным солнцем», (Томск, 1912), «Алтай» (Омск, 1917), «Опечаленная радость» (Петроград, 1917). Также была напечатана книга «Золотые листья» (Петроград, 1917). Вяткин участвовал в совместных с другими литераторами сборниках, где публиковал свои стихи и прозу, например, «Русская муза» (СПб, 1904), «Избранные произведения русской поэзии», которые выпускал В. Д. Бонч-Бруевич и др. [11]. Серьёзным личным литературным успехом и профессиональным признанием было получение Вяткиным премии имени Н. В. Гоголя на литературном конкурсе за рассказ «Праздник» [7, 453].

В Омск Вяткин переехал в начале 1918 года из Томска, где он находился после демобилизации из армии. В Томске он занимался культурно-просветительской работой: выступал со стихами и лекциями для учителей, студентов, землячества, получал приглашения от омской прессы, о чем писал своей супруге Капитолине Васильевне [12]. После переезда Вяткин оказался в центре событий, связанных с превращением Омска в столицу Сибири, а затем в Белую столицу, в связи с переходом власти к адмиралу А. В. Колчаку. Вяткин, активно включившийся в омскую общественную жизнь (он получил должность руководителя информационного бюро, подал заявление на вступление в РГО [13]), оказался востребован и при новой власти: он вошел в число организаторов «Кружка литературы и искусства», выступал с докладами о художественной литературе сибиряков [14, 3], сотрудничал с местными СМИ. Его публикации выходили в нескольких газетах: «Русь» (демократический орган сельскохозяйственной кооперации), «Заря» (меньшевистко-эсеровского направления) [8, 136], «Наша газета» (выходила под редакцией руководителя пресс-бюро Колчака Н. В. Устрялова) и «Русская армия» (издавалась в Омске как

всероссийская) [9, 75]. Все эти издания в той или иной мере выражали симпатию действующей в городе власти Колчака.

Рассмотрим особенности публикаций Вяткина в каждом издании.

В «Заре» за 1918-1919 гг. им были опубликованы сонет и статья «Дорогая охрана». В сонете автор обозначал важность не слов, а действий, призывая читателя за теми «…чей дух горит любовью. Кто в битвах утверждает свой завет…» [14, 2]. Это произведение скорее имело художественный смысл, чем носило характер работы с населением и декларированием ценностей редакции. Второй материал поднимал тему охраны города и правительственных учреждений: это один из немногих материалов Вяткина на социально-экономическую тематику. В статье Вяткин довольно подробно разобрал задачи охранных патрулей, привел калькуляцию затрат, оценил работу квартальных комитетов, организовывавших охрану, и пришел к выводу, что в организации охраны нужны законная почта и справедливые основания, с чем квартальные комитеты справиться не могут [14, 3]. В статье Вяткин ссылался на Союз возрождения России, который придерживался центристской позиции [8], при этом в самом материале политическая подоплека отсутствовала, упор был сделан на организацию жизни города, недостаточную охрану и кражи.

Газета «Русская армия» создавалась как большое общественно-политическое издание, к его работе привлекли сотрудников с литературным и журналистским стажем, в числе которых был Вяткин, на момент создания газеты имевший должность директора бюро обзора печати в управлении делами Временного Сибирского правительства [10, 61]. В газете «Русская армия» Вяткиным было опубликовано шесть материалов. Это самый разнообразный пул текстов по тематике и жанрам: стихотворение «Родина» [15, 1]; статья о преступниках, использующих форму военнослужащих для совершения грабежей и краж «Серая шинель» [15, 2]; некролог

солдатам, павшим в годы только закончившейся на момент публикации Первой мировой войны «Некролог безымянным» [15, 2]; обзор статьи в сборнике «Мысль» (Петроград, 1918), посвященной гастролям театра в действующей армии «Искусство на фронте» [15, 2]; статья по мотивам письма с фронта «Когда вы веселитесь» [15, 2] и рассказ «Его королева» [15, 2].

В издании «Наша газета» Вяткин опубликовал пять материалов: статью о поездке в Томск и встрече с Потаниным «В гостях у Г. Н. Потанина» [16, 3]; стихотворение «В красных масках (под впечатлением от внутреннего фронта)», где автор образно описывал большевиков в виде черных гадин в красных масках, которые как провокаторы зовут на погромы [16, 3]. В том же номере «Нашей газеты» Вяткин опубликовал воззвание к соотечественникам «Не надо распрей», в котором автор призывал всех сплотиться против общего врага на фоне созыва Государственного Земского Совещания, которое инициировал Колчак. Вяткин сравнил выборы в грядущее Учредительное Собрание с кораблем, на котором должно быть согласие [16, 2]. Еще два стихотворения были опубликованы в «Нашей газете»: «К оружию» [16, 3] стихотворение-призыв к аудитории встать на сторону армии Колчака, поскольку родина в опасности; «Идущим вперед» [16, 3] обращено уже к солдатам, которые свой выбор сделали.

В газете «Русь» (демократический орган сельскохозяйственной кооперации) у Вяткина вышли несколько публикаций. Материал «О Репине» представлял собой впечатления автора от встречи с художником Ильей Ефимовичем Репиным и размышления о том, как быть художником во время гражданской войны [17, 2]. В тексте «Театр и музыка. Спектакли для солдат» – обзор на пьесу «Совдепщики», которую показывали на фронте,– Вяткин разбирал постановку и в конце рецензии признавал спектакль примером агитации в образах и картинках» [17, 3]. Еще один материал Вяткина, опубликованный в газете «Русь», обращает на себя особое внимание. Это серия

текстов «Поездка на Тобольский фронт» [17, 2], которая вышла в трех номерах газеты и представляла собой большой очерк о поездке с адмиралом Колчаком. В материале Вяткин в красках описал и красоту природы, и величие Сибири, и Колчака, и народ, который общался с Верховным правителем.

В конце 1919 года армия Колчака отступила, и Вяткин с супругой тоже выдвинулись на восток. В Иркутске Вяткин был арестован, этапирован в Омск, где был осужден за сотрудничество с Колчаком, и стал сотрудничать с новой, советской, властью. Это решение сильно отразилось на дальнейшей судьбе литератора и является предметом дальнейших исследований.

Таким образом, короткий период работы в изданиях Белой столицы оказался важным этапом в творческой биографии Вяткина. Большинство его текстов в этот период носили социальный характер и являлись реакцией на события в стране и мире. Вяткин осваивал новые общественно-политические темы, часто использовал воззвания для агитации населения и солдат. В 1919 году он впервые принял участие в поездке крупного политического деятеля (Верховного правителя А. В. Колчака) и отразил этот новый жизненный опыт в жанре путевых заметок с элементами репортажа, очерка и др. При этом писатель по-прежнему освещал культурные события Омска, рассказывал на страницах изданий о простых людях, оказавшихся в эпицентре Гражданской войны, и занимал активную позицию в обществе: работал в РГО, организовывал и проводил просветительские и культурные мероприятия.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-24-32

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимчук И. В. Осмысление событий Первой мировой войны в публикациях Г. А. Вяткина (1914-1916 гг.) // Вопросы журналистики. 2023. № 13. С. 124-139.
2. Яковенко А. В. Г. А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX в. и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского университета. 2007. № 22. С. 86-90.
3. Яковенко А. В. Отдел «Библиография» журнала «Сибирский наблюдатель» (1901-1906): к истории критической библиографии и рецензирования в Сибири // Народная культура : личность, творчество, досуг (этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга): сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции. Омск. 2003. С. 359-361.
4. Герасимчук И. В. Репортажи Г. А. Вяткина о культурной жизни начала XX в // Журналистика в поисках моделей развития: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Томск, 27-28 сентября 2023 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. С. 6-10.
5. Герасимчук И. В. Г. А. Вяткин в газете «Волжское слово»: «самарский период» сибирского публициста // Сфера культуры. 2024. Т. 16, № 2. С. 33-35.
6. Родченко Ю. И. «Тартюф» Ж.Б. Мольера в театральных рецензиях томской периодики конца XIX - начала XX в. (на материале «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни») // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. С. 20-23.
7. Дубровский А. В. «Дик и чуден Алтай» (по материалам архива Г. А. Вяткина в ИРЛИ РАН) // Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология / под ред. Е. Е. Дмитриевой, П. В.

Алексеева, М. М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН, ИЦ «Азбуковник», 2021. С. 450-475.
8. Шереметьева Д. Л. Омская газета «Заря» и государственная власть в ноябре 1917 – июне 1919 года: проблемы политической адаптации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия История, филология. 2015. Т. 14. № 1. С. 131-141.
9. Очерки истории города Омска / Департамент культуры и искусства администрации г. Омска, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Том 2. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2005. 400 с.
10. Шереметьева Д. Л. Газета штаба Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами России «Русская армия» в контексте установления военной диктатуры адмирала А. В. Колчака осенью 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30. № 3. С. 58-65.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 518. Оп.1. Ед. хр. 68. Л. 1-5.
12. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) (далее – РО ИРЛИ). Ф. 742, Оп. 1 Ед. хр. 26.
13. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 86, оп.1, д. 232а, л. 5.
14. Заря. 1918. № 157.
15. Русская армия. 1918. № 17.
16. Наша газета. 1919. № 32.
17. Русь. 1919. № 27.

ՍՊԻՏԱԿ ՄԱՅՐԱՔԱՂԱՔԻ ՀՐԱՊԱՐԱԿԱԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆԸ 1918-1919 ԹԹ. (ՀԻՄՆՎԵԼՈՎ Գ. Ա. ՎՅԱՏԿԻՆԻ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ՎՐԱ)

Իրինա Գերասիմչուկ

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *լրագրություն, սիբիրյան հեղինակներ, Օմսկ, Գ. Ա. Վյատկին, գրական համայնքներ, սիբիրյան տեքստ, Կոլչակ*

Հոդվածում քննարկվում է սիբիրյան հայտնի հեղինակ Գեորգի Անդրեևիչ Վյատկինի (1885-1938) լրագրողական գործունեությունը 1918 և 1919 թվականներին՝ Օմսկում գտնվելու ընթացքում, պարզորոշվում են տեքստերի թեմատիկ դաշտը և ժանրային առանձնահատկությունները, բացահայտվում են այս ժամանակահատվածում նրա լրագրության յուրահատկությունները: Նկատվում է, որ Գ. Ա. Վյատկինի 1918-1919 թվականների տեքստերի մեծ մասը խորապես սոցիալական բնույթ են կրում և արձագանք են 1917 թվականի երկու հեղափոխություններին և դրանց հաջորդած քաղաքացիական պատերազմի իրադարձություններին: Գրողի ուշադրության կենտրոնում շարունակում է մնալ հասարակ մարդը, որը պատմական համատեքստում ներգրավված է իրադարձությունների մեջ: Գ. Ա. Վյատկինի «Օմսկի» շրջանը նախորդած «Տոմսկի» շրջանից տարբերվում է հորիզոնական զարգացմամբ, որը կապված է նրա կարիերայի հետագծի փոփոխության հետ (Ռուսական աշխարհագրական ընկերության մուտք գործելը, գրական համայնքի ստեղծումը և այլն):

PUBLICISM OF THE WHITE CAPITAL 1918-1919 (BASED ON THE MATERIALS BY G. A. VYATKIN)

Irina Gerasimchuk

Summary

Key words: *journalism, Siberian authors, Omsk, G. A. Vyatkin, literary communities, Siberian text, Kolchak*

The article discusses the journalistic activities of the famous Siberian author Georgy Andreevich Vyatkin (1885-1938) during his stay in Omsk in 1918 and 1919. The article clarifies the thematic field and genre features of the texts, and reveals the features of its journalism during the specific period.

As a result, we have come to the following conclusions: most of G. Vyatkin's texts of 1918-1919 are of a deeply social nature, they are a reaction to the events of the two revolutions of 1917 and the subsequent Civil War. In addition, writer's focus remains on the average person, the common man, involved in the events of the historical context. G. Vyatkin's "Omsk" differs from the previous "Tomsk" by horizontal development associated with a change in the author's career trajectory (joining the Russian Geographical Society, creating a literary community, etc.).

УДК 070

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ РЕКЛАМНО-СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ ТИФЛИСА (1865-1905 гг.)

Тарон Даниелян

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-33-43

Ключевые слова: *Российская империя, Кавказский цензурный комитет, периодическая печать*

Введение

Развитие периодической печати в Российской империи во многом определялось с предусмотрительными и сомнительными позициями правительства по отношению журналистского дела. Плюрализм мнений и инакомыслие в общественном сознании были теми факторами, к которым цензура относилась с предосторожностью: правительство ичиновники на местах в равной степени не доверяли столичным, и правительственным журналистам [8].

Именно эти факторы были причинами того, что многие проекты по изданию газет и журналов «считались по разным причинам «неудобными» цензурным ведомством и местными властями» [5, 63].

И даже после широкомасштабных реформ, реализованных при царствовании Александра 2-го и принятия сравнительно либеральных решений в разных сферах политической и экономической жизни страны, «бюрократический аппарат обладал колоссальной инерцией и консерватизмом, что сказывалось на всех сторонах общественно-социальной жизни России» [6, 30].

Особенно в 1880-х годах, когда активно развивается книгоиздательская индустрия, цензура более насторожена и внимательно следила за ее развитием и пыталась остановить рост периодических изданий и сомнительных публикаций критического характера. В этом отношении заслуживает внимание система периодической печати Тифлиса.

Постановка вопроса

В конце 19 века в многонациональном центре Кавказского наместничества, в Тифлисе, были введены некоторые ограничения в области издательского дела: правительство опасалось не только пробуждения национального самосознания, но и «всячески препятствовало вообще развитию культуры у «инородцев» [2, 235], для которых предпосылками издания и развития газет и журналов были два взаимосвязанных и взаимозависимых компонента: цензор и профессиональная проправительственная или лояльная интеллигенция. Также важным условием было наличие средств для оплаты труда цензорам и культурный статус народа. «Знакомство представителей интеллигенции с печатным делом в глазах властей служило гарантией наличия у нее высокой профессиональной культуры, достаточной для занятия деятельностью» [1, 55-56].

Цензура планомерно следила также за развитием рекламно-справочных изданий, так как увеличение спроса и предложения рекламных и справочных информаций привело к появлению изданий делового-экономического характера и в этой сфере также наблюдался количественный спрос. «Рекламно-справочные издания служили товаром на котором издатели-редакторы тех времен делали свой бизнес» [7, 53]:

В Тифлисе также был спрос на рекламно-справочные сообщения, которые постоянно публиковались как в официальных, так и в частных газетах (для опубликования рекламно-справочной информации, за исключением библиографических сведений, формат журнала не подходил). Однако заметим, что реклама никогда не становится основным и главнейшим источником дохода для периодической печати Тифлиса. Этот факт часто признавали издатели и редакторы газет и журналов. Об этом свидетельствует также следующий статистический факт.

14 июня 1868 г. было принято законодательное положение о праве министра внутренних дел приостановления продажи газет и

журналов в розницу [Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), 2-е собр. Т. 43 (1868), ч. 1: № 45973, с. 805.]. Эта мера помимо существенного материального ущерба «влекла за собой серьезные потери в производственно-сбытовой деятельности» [4, 44]. Законом 1879 г. министр внутренних дел мог запретить периодическим изданиям печатать частные объявления и рекламы сроком от двух до восьми месяцев [ПСЗРИ, 2-е собр., Т. 54 (1879 – 18 февраля 1880). Ч. 2: № 45973. С. 87.] (12 мая 1863 г. министр внутренних дел получил возможность временно прекращать публикацию в периодических изданиях частных объявлений [Там же. Т. 38. (1863), Ч. 1: № 39613. С. 440.], но это законоположение не была подтверждена законом от 6 апреля 1865 г.). Оба эти меры наказания действовали внезапно, без мотивирования, были непредвидимыми и наносили материальный ущерб, значительно превышающий все штрафы, налагаемые по суду [3, 339], а также сужали пределы гласности и расширяли «возможности экономического воздействия на печать» [9, 135]:

Однако, отметим, что до 21 января 1905 г., когда эти законоположения были отменены, ни одна из этих экономических санкций не была применена по отношению тифлисских газет, а это значит, что доходы от рекламы и продажа в розницу не оказывали решающее влияние на доходы периодических изданий [Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. СПб: изд. «Нестор-История», 2011. С. 254-309], но если даже были такие издания (как, например, газета «Тифлисский листок»), то их издатели и редакторы работали осторожно, в пределах допустимого.

Тем не менее, с политической точки зрения «благонадежные» проекты рекламно-справочных изданий также получали отказы на заявленные ходатайства по разрешению издания.

Цель и задачи

Целью нашего исследования является выявление причин,

которые повлияли на запрет издания рекламно-справочной прессы. Наша задача – определение факторов, которыми определялись отрицательные решения по заявленным ходатайствам Главного управлением по делам печати, Кавказским цензурным комитетом, а также полицмейстером города Тифлиса.

Начало рассматриваемого периода – 1865 г., когда в Тбилиси вышла в свет первая торговая газета Григора Тер-Александрянца «Вачаракан» («Купец», 1866-1867 гг., издавалась на армянском), а завершение данного этапа мы рассматриваем октябрь 1905 г., когда фактически была упразднена цензура.

Методы

Нами были использованы научные методы отбора и группировки. Источниковая база исследования составляют архивные материалы Российского государственного исторического архива.

Новшество и актуальность темы

Новизна данной статьи заключается в том, что впервые анализируются неосуществленные проекты рекламно-справочных периодики, актуальность мотивируется тем, что система рекламных-справочных изданий Тифлиса до сих пор не были в поле медиаисследований и это восполняет пробел в изучении системы периодической печати в Кавказском наместничестве Российской империи.

Результаты

В заявленных проектах рекламно-справочных изданий программа в основном включала следующие пункты: телеграммы Северного агентства, городские и губернские хроники, экономические новости, интересные сведения разных газет, рецензии, маленькие рассказы, анекдоты, биография знаменитых людей, частные и общественные объявления и реклама. В некоторых из проектах программа содержала исключительно справочные сведения, объявления и рекламу.

С 1865 по 1905 годы в Кавказский цензурный комитет поступило 13 прошений для разрешения издания в Тифлисе газет

рекламно-справочного формата: по два проекта содержали программу газет на армянском, грузинском и кавказско-татарском (ныне азербайджанском) с переводом на русский, остальные 7 – на русском. Из 13 прошений положительное решение получили 7 проектов (по одной газете на грузинском и армянском, остальные на русском), но два из них, по неизвестным нам обстоятельствам, так и не вышли в свет. 5 проектов получили отказ по разным причинам. Проанализируем причины, по которым заявителям не разрешалось печатать рекламно-справочные газеты.

а. причиной отрицательного решения на издание газеты служил тот аргумент, что издание газет и журналов без предварительной цензуры разрешалось исключительно столичной прессе [РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1886 г., Д. 71. Л. 2 – 3 об.]. Именно из-за этого Александр Небиеридзе получил отказ на издание газеты «Грузинские объявления», проект которого он представил в 1886 г. в Главное управление по делам печати, «желая пополнить чувствуемый пробел в грузинской периодической печати» [Там же. Л. 1].

По представленной программе газета должна была выходить в свет в неделю два раза, рекламные сообщения должны были печататься по желанию рекламодателя как на местных, так и европейских языках [Там же. Л. 2-2 об.]. Причиной отказа стал тот факт, что в прошении А. Небиеридзе просил разрешение издания под его «личной ответственностью». Обратим внимание на то, что программа и ее название газеты были типичными для формата газетных «листков», которые в это время были очень популярны в Российской империи [Там же. Л. 1], и в которых основным содержанием были справочные сведения, объявления и рекламы, но главное управление по делам печати назвал программу газеты «литературно-общественной» [Там же. Л. 3], в связи чем проект получил отклонение.

б. Причина отказа неизвестна. «Закавказское центральное справочное агентство» Шио Давыдова, помимо распространения

своих справочных бюллетеней посредством афиш, местных газет и журналов, нерегулярно печатала также газеты-листовки справочного агентства, которые бесплатно раздавались на улице. Это послужило поводом для того, чтоб «листовку» классифицировали как периодическое издание несмотря на то, что она не имела наименования, сроки выхода, подписную цену, и кроме рекламно-справочных информации в ней не печатались другого рода материалы [РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1889 г. Д. 64. Л. 1 об.].

Основатель агентства в ноябре 1889 г. обращается в Главное управление по делам печати с прошением издавать газету «Закавказский справочный листок», в котором должны были печататься только телеграммы, объявления, рекламы и справочные сведения. В прошении было отмечено, что каждый номер газеты будет печататься только с разрешения соответствующего надзорного органа (Кавказский цензурный комитет, полиция и т. д.). Отмечалось, что формат газеты будет похож на «Русский справочный листок», который уже печатался в Москве, она будет печататься в неделю два раза, а при накоплении материала каждый день [Там же]:

По этому вопросу Кавказский цензурный комитет доложил Главному управлению по делам печати, что «препятствий не встречает» [Там же. Л. 8], но 20 ноября 1889 г. Департамент полиции Министерства внутренних дел отклоняет проект издания [Там же. Л. 9]. Через три месяца Ш. Давыдов приостанавливает деятельность справочного агентства [Там же. Л. 10].

г. Причиной отклонения был тот аргумент, что основатель или редактор издания не имели надлежащего образования. В 1896 г. владелец типографии Кемал Унсизаде обращается в цензурный комитет с прошением для разрешения издания по предварительною цензурою русско-татарских газет «Летучий листок» («Верак перид») [РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1896 г. Д.110. Л. 1] и «Местные объявления» («Иллан Меккхан») [РГИА. Ф. 776. Пп. 12. 1896 г. Д.111. Л. 1]. Сообщалось, что ответственным редактором русского отдела будет

статский советник Георгий Климовский. К. Унсизаде в своем прошении отметил тот факт, что на Кавказе нет татарской (ныне азербайджанской) газеты, а «замкнутость местных мусульман требует сообщения с цивилизованным миром и знакомство с Россией» [РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1896 г. Д.110. Л. 1].

9 апреля 1897 г. Главноначальствующий гражданской части на Кавказе Григорий Голицын в своем докладе министерству внутренних дел сообщает, что хотя с формальной стороны препятствий к удовлетворению ходатайства не встречает, но заявитель проекта не имеет надлежащего образования и навыков в издательском деле, в связи чем «казалось бы более осторожным отклонить это ходатайство» [Там же. Л. 12].

По той же самой причине в марте 1897 г. получает отклонение заявитель проекта на издание газеты «Коммерческий листок» Давид Тутаев [РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1897 г. Д.15. Л. 5 об.], который, по данным свидетельства Тифлисского губернатора Георгия Шервашидзе был хорошего поведения «в нравственной и политической неблагонадежности замечен не был» [Там же. Л. 2].

д. Причиной отклонения был тот аргумент, что в проекте газеты было повторение и единообразие контента. В 1902 г. по этой причине отклоняется прошение Айка Тер-Аствацатуряна на издание журнала «Матенагет» («Библиограф»), на том основании, что в армянской прессе так или иначе публикуются материалы, содержание которых совпадает с программой журнала «Матенагет» [РГИА. Ф. 776. Оп. 14. 1902 г. Д. 129. Л. 16]: Также отмечается, что заявитель не имеет финансовых средств для издания журнала, а некоторые пункты проекта «крайне тенденциозны в целях возвеличивания армянской национальности» [Там же, Л. 14 об.].

Как уже отметили, о двух изданиях – «Тифлисские объявления» и «Сборник кавказских объявлений», которые получили разрешение на выпуск, нам не удалось получить сведения.

Проект газеты Григора Ванцяна «Тифлисские объявления»

получил разрешение только при условии, если в программе были бы внесены изменения и из программы были бы исключены все те положения пункты, которые подлежат рассмотрению предварительной цензуре (официальные хроника, судебные новости и т. д.), а рекламный блок, материалы которого рассматривались полицейским начальством, разрешалось печатать [РГИА. Ф. 776. Оп. 14. 1901. Д. 32. Л. 7 об.].

Проект Георгия Иванова на издание настольного справочника «Сборник кавказских объявлений», предполагал периодичность 1-2 раза в год [РГИА. ф. 776. Оп. 14. 1903 г. Д. 193. Л. 1]. Главное управление по делам печати 6 декабря 1903 г. сообщило, что по программе г. Иванова справочник не соответствует формату периодического издания, и по этой же причине особого разрешения не надо [Там же. Л. 3 об.]:

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что на отклонение проектов рекламно-справочных изданий Тифлиса влияли следующие факторы: неправильно оформленное прошение автора проекта или его тенденциозное истолкование органами цензуры, образовательный ценз, финансовые средства и политическая благонадежность заявителей проектов.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-33-43

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелян А. А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. – СПб: Роза мира, 2004. 235 с.
2. Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван: изд. АН Армянской ССР, 1957. 515 с.
3. Бильбасов В. А., Нужды русской печати. Цит. По Периодическая печать и цензура в Российской империи в 1865-1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. – СПб, Изд. «Нестор-История», 2011.
4. Блохин В. Ф. Государственная «газетобоязнь» в России и Франции во второй половине XIX века // Вестник МГИМО-Университета. 2016; (6 (51)). 42-49 с.
5. Жилякова Н. В. Типологическое разнообразие неосуществленных изданий Томской губернии начала XX века, Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика, с. 62 – 74, DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-62-74
6. Жирков В. В. Золотой век журналистики: история русской журналистики 1900-1914 годов: учебное пособие. – Спб. 2011. 291 с.
7. Корнилова К. С. Рекламно-справочные издания в истории российской журналистики. М. Вест-Консалтинг. 2010. с. 53.
8. Лепилкина О. И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII-начала XX вв.). М.: Илекса, 2010. 364 с.
9. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. - СПб, Северная звезда. 2013. 135 с.

ԳՈՎԱԶԴԱՅԻՆ-ՏԵՂԵԿԱԳՐԱԿԱՆ ՀՐԱՏԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՉԻՐԱԿԱՆԱՑՎԱԾ ՆԱԽԱԳԾԵՐԸ ԹԻՖԼԻՍՈՒՄ (1865-1905 ԹԹ.)

Տարոն Դանիելյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *Ռուսական կայսրություն, Կովկասի գրաքննչական կոմիտե, պարբերական մամուլ*

Ռուսական կայսրությունում պարբերական մամուլի զարգացումը մեծապես պայմանավորված էր լրագրության նկատմամբ կառավարության զգուշավոր դիրքորոշմամբ: Բազմակարծությունը և հասարակական գիտակցության մեջ այլախոհությունը այն գործոններ էին, որոնց նկատմամբ գրաքննությունը զգուշավոր էր վերաբերվում: Իշխանությունները համակարգված կերպով էին վերահսկում նաև գովազդային-տեղեկատվական լրագրերի զարգացումը: Նման նախագծերի ծրագիրը հիմնականում ներառում էր նորություններ, ակնարկներ, փոքր ձևաչափի գրականություն, հայտարարություն և գովազդ: Գովազդային-տեղեկատվական թերթերի տպագրման վերաբերյալ բացասական որոշումների պատճառները հետևյալ փաստարկներն էին. անբարեհաջող ծրագիր, նախագիծը ներկայացնելու ընթացակարգի խախտում, նախագծի հեղինակի՝ դատարանի կողմից խարդախության մեջ մեղադրական եզրակացություն, օրենքի տարընթերցում, հրատարակչի կամ խմբագրի ոչ պատշաճ կրթական մակարդակ: Հրատարակիչների համար գովազդային-տեղեկատվական թերթերը կատարել են որոշակի տարանցիկ գործառույթ՝ հետագայում լրագրի ծրագիրն ընդլայնելու նպատակով: Միևնույն ժամանակ գրաքննության կոմիտեի աշխատակիցների կանխակալ վերաբերմունքը հրատարակիչների և նրանց մտադրությունների նկատմամբ խոչընդոտ դարձավ պարբերական մամուլի շուկայում մրցակցության ընդլայնման ընթացքում:

UNREALIZED PROJECTS OF ADVERTISING AND REFERENCE PUBLICATION IN TIFLIS (1865-1905)

Taron Danielyan

Summary

Key words: *Russian Empire, Caucasian Censorship Committee, periodical press*

The development of the periodical press in the Russian Empire was largely determined by the prudent positions of the government towards journalism. The diversity of opinions and dissent in the public mind were factors to which censorship treated with caution. The authorities were systematically studying the development of advertising and reference publications. The program of such publications mainly included news, reviews, small-format literature, announcements and advertisements. The following arguments served as the reasons for the negative decisions on the publication of advertising and reference newspapers: unreliable program, violation of the procedure for filling a petition, the author of the project was accused of fraud by the court, the publication of newspapers and magazines without prior censorship was allowed exclusively to the metropolitan press, the founder or editor of the publication did not have the proper education. As an argument for the refusal, the factor was also cited that the permission for exclusively advertising publications was given by the chief of police. However, the facts prove exactly the opposite point of view. The study of archival materials reveals the conflicting standards of decision-making of officials of the censorship committee. Their foresight can be explained by the fact that many publishers of advertising newspapers after some time petitioned for an expansion of the publication program, hoping to print socio-political and literary content. Yet often, even from a political point of view, trustworthy publishers of advertising and reference publications were also denied petitions to expand the publication's program. Thus, it can be stated that advertising and reference newspapers for publishers had a certain transit function for the subsequent expansion of the publication program.

УДК 070

ОТ «АВТОБИЗНЕСА» ДО «ЧЕХОВСКИХ ПЯТНИЦ»: ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ ТОМСКА КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI В.*

Наталия Жилякова

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-44-55

Ключевые слова: *региональная журналистика, печатная пресса, типология, «томская медийная аномалия»*

Томская специализированная пресса пережила период бурного развития в конце XX – начала XXI в. в связи с активизацией общественно-политической и экономической жизни как в России в целом, так и во всех российских регионах. И хотя газетная периодика составляла большую часть этого типологического блока, но и журналы выходили в этот период в большом количестве, отвечая на запросы самых разных аудиторных групп и освещая многие аспекты жизни Томска, Сибири, России и мира.

В исследованиях, посвященных журнальной журналистике Томска, в основном рассматривается дореволюционный период (см. напр.: [3, 5-7, 9]), советским изданиям уделяется заметно меньше внимания, хотя отдельные работы исследователей периодически публикуются в научных журналах (см.: [8]). Томские журналы конца XX – начала XXI в. рассматриваются по большей части в контексте «новейшей истории» региональной печати, изучаются также некоторые типологические группы или отдельные журналы как типичные представители того или иного типа изданий [1, 2, 4]. Цель настоящего исследования – выявить тематическое разнообразие специализированных журналов, убедительно демонстрирующее масштабы развития журнального дела в Томске в 1990-2010-х гг.

* *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00511, https://rscf.ru/project/22-18-00511/*

Основными источниками сведений о современных томских журналах являются четыре ресурса.

Во-первых, это база данных Роскомнадзора, которая была любезно предоставлена руководителем Управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Томской области факультету журналистики Томского государственного университета по запросу, связанному с проведением грантового исследования «От журналистики к медиа: переформатирование медиасистемы России 1990-2020-х годов (на материалах медиа Томска и Томской области)» (грант РНФ № 22-18-00511) в мае 2022 г. В базе данных содержатся сведения обо всех СМИ Томска и Томской области, зарегистрированных и снятых с регистрации в период с 1990 по 2022 гг.

Во-вторых, это информация, собранная участниками проекта «Товики», посвященного описанию Томска и Томской области (создан в 2007 г.): здесь в том числе размещены многочисленные статьи о томских медиаресурсах – газетах, журналах, медиахолдингах, электронных СМИ и т.д.

В-третьих, часть журналов хранится в местных библиотеках (Научная библиотека Томского государственного университета, Томская областная библиотека им. А.С. Пушкина) как в традиционном бумажном, так и в оцифрованном виде.

Четвертый важный источник сведений – томские журналисты, которые участвовали в выпуске журналов и сохранили их в своих личных архивах; оригиналы хранятся также на факультете журналистики ТГУ, так как силами студентов и преподавателей здесь реализовывался проект «Пресс-Интеграл», помогавший в выпуске многих томских изданий.

Объединение сведений, полученных из вышеперечисленных источников, позволило составить предварительный список томских журналов 1990-2010-х гг. В базе данных Роскомнадзора указано более 130 СМИ, зарегистрированных как журналы, в Товики дополнительно перечислено более 300 названий журналов (не занесенных

в базу данных Роскомнадзора); также получена информация о ранее не учтенных журналах из личных архивов (около 10 изданий). Часть из них являются журналами общественно-политическими и изданиями универсальной тематики, рассчитанными на массовую аудиторию, но большая часть – это СМИ специализированные, отличающиеся, согласно определениям медиаисследователей, прежде всего направленностью на определенную целевую аудиторию и узостью тематики. К такому виду прессы относятся издания культурно-просветительские, детские, технические, коммерческо-рекламные, литературно-критические и др.

Специализированные журналы выходили в Томске и до революции, и в советское время. Новые представители этого вида печати начали издаваться в Томске во время «перестройки», это были прежде всего издания краеведческие («Томская старина» (с 1990 г.), «Сибирская старина» (с 1993)), литературно-художественные («Сибирские Афины» (с 1993)) и культурологические. Характерным примером журнала 1990-х гг. был журнал «Томский зритель»: он издавался с 1989 г. как орган управления культуры томского облисполкома и томского отделения Союза театральных деятелей РСФСР, однако пользовался большой степенью свободы в обсуждении текущей общественно-политической, культурной, литературной, театральной жизни Томска и России. В журнале поднимались самые острые и скандальные темы: о СПИДе, о масонах, о местных рок-группах и т.д. Это был классический «перестроечный» журнал, ориентировавшийся, судя по всему, на знаменитый «Огонек».

В середине 1990-х гг. тематический спектр специализированных журналов стал расширяться. Появились издания для деловых людей («Наше дело» (с 1996)), для любителей «глянца» (первый томский гламурно-глянцевый журнал «У всех на устах» начал издаваться с 1996 г.), для молодежи, обдумывающей карьерные перспективы («Формула успеха» (с 1996)), для людей, озабоченных проблемами здоровья («Ваше здоровье» (с 1998)), для первых

пользователей компьютерной техники («Компьютеры и связь» (с 1999)), для автолюбителей («Авторегион» (с 1999)), для молодежи («Я – это я» (с 1999)), для детей («Бурундук» (с 1999)) и т.д. В журналах публиковалось много рекламных объявлений, которые позволяли обрести редакциям относительную финансовую независимость, однако исключительно рекламный контент в этот период публиковался только в газетах, таких как «Рекламный дайджест», «Реклама» и др.

Но настоящим расцветом для томских журналов стали 2000-е годы – они же «благословенные» и «сытые»,– когда благосостояние россиян стало расти, а СМИ активно развивались, пока еще не чувствуя серьезной конкуренции со стороны цифровых технологий и социальных сетей, ведь интернет и мобильная связь только начали свое победное шествие. Поэтому по всей России, в том числе и в Томске, этот период отмечен появлением невиданного количества журнальных проектов, в том числе журналов глянцевых, полноцветных, занявших свою особую нишу в системе СМИ.

В Томске в начале 2000-х гг. зародился и получил распространение в журналистских и околожурналистских кругах термин «томская медийная аномалия». О его происхождении рассказывал Алексей Севостьянов, долгое время бывший председателем томского Союза журналистов, уточняя, что впервые термин употребил генеральный секретарь Союза журналистов России Игорь Яковенко: «Речь не шла о каком-то огромном количестве СМИ в Томской области или их высочайшем качестве. … Томская медийная аномальность в том, что власть (и региональная, и местная), под каким бы прессингом СМИ она ни оказывалась, ни разу не позволяла себе судиться со СМИ или вызывать журналистов на ковер и устраивать истерики. Яковенко так сравнивал Томск с тогдашней лужковской Москвой, шаймиевским Татарстаном, соседним Кузбассом» (Медиатор. 2003. № 3(14)).

«Томская медийная аномалия» во многом стала возможна благодаря позиции Виктора Мельхиоровича Кресса, губернатора

Томской области в 1991-2012 гг. Он говорил о себе: «Я был и остаюсь сторонником максимальной открытости в общении с «акулами пера» и того же требую от подчиненных» (Медиатор. 2007. № 3(24)). Но были и другие факторы, способствовавшие формированию «томской медийной аномалии», которые в итоге определили «лицо» и особый характер томской журналистики в 2000-х гг.: малая доля «желтизны» на томском медийном рынке, востребованность качественной журналистики, общая «интеллигентность» и честность местных каналов СМИ – газет и журналов, ТВ, радио; ведущая роль ТВ-2 как лучшего регионального телевидения (высокое качество журналистской работы подтверждено 24 премиями ТЭФИ). «Аномальность» проявилась и в журнальном деле Томска в 2000-х и начале 2010-х гг. прежде всего на уровне тематического разнообразия журналов.

Томская специализированная журнальная периодика была представлена в таких тематических группах, как:

- Рекламные (подразделы «Отдых», «Недвижимость», «Строительство», «Автомобили», «Телегиды», «Вакансии», «Медицина») – «Хочу в отпуск!» (журнал туристической рекламы), «Твои квадратные метры», «Стройка», «Грузовик» (журнальное приложение к газете «Автовыбор»), «Антенна (Антенна в Томске)» – газета, выпускавшаяся в форме журнала; «Ваше здоровье» и др.;
- Бизнес. Финансы. Деловые издания – «Бизнес журнал Томск», «Бизнес и Техника (БИТ»), «Первый экономический» и др.;
- Развлекательные глянцевые журналы (журналы стиля жизни) – «Malina live», «Дорогое удовольствие», «Серебряный кофе» и др.;
- Религиозные – «Vita Жизнь (Томск Vita Жизнь)», протестанты; «Обретение (Обрѣтение)», православный молодежный журнал; и др.
- Молодежные – «Чемодан», Твой выход» и др.;

- Детские – «Хоб-с», «Бумка» (Приложение к журналу «Город»), «Томичонок» и др.;
- Спортивные» – «Хет-Трик», журнал о томском футболе; «Томь», официальный журнал футбольного клуба «Томь»; «Команда победителей» и др.;
- Литература. Культура – «Новый рок», «КоМУз», «Чеховские пятницы» и др.;
- Профессиональные – «Медиатор», журнал для журналистов, и др.

Рекламные журналы были наиболее многочисленным отрядом журнальной периодики в 2000-х: они приносили неплохую прибыль, потребительская аудитория росла и была относительно платежеспособной. Поэтому рекламные журналы имели возможность дополнительной специализации по тематике – отдельные издания давали рекламу, относящуюся к аптечной продукции, либо к строительным материалам, либо к автомобилям, и т.д. Универсальными по тематике были в основном рекламные газеты.

Успешными и довольно многочисленными в этот период были глянцевые журналы развлекательного характера, или журналы стиля жизни. Они издавались на дорогой бумаге в полноцвете, пользовались услугами ведущих профессиональных фотографов, успешно совмещали рекламный и информационно-развлекательный контент. Такими же яркими, глянцевыми были и журналы, освещавшие тематику бизнеса и финансов, а также спортивные журналы. Одновременное существование в Томске нескольких журналов о футболе было связано в том числе и с тем, что команда «Томь» в 2005-2016 гг. выступала в российской футбольной Премьер-лиге.

Детская и молодежная журнальная пресса отличалась «коротким жизненным циклом»: нередки были ситуации, когда удавалось выпустить только один номер, после чего издание прекращалось. Не отличались долговечностью и журналы религиозной направленности. Журналы, относящиеся к сфере культуры и литературы,

держались дольше за счет энтузиазма своих основателей и их готовности к трансформациям: так, журнал «Новый рок» выходил в начале своего существования «в бумаге», затем стал электронным СМИ, после чего частично переместился в социальную сеть «ВКонтакте». Журнал для журналистов «Медиатор», начав выходить в 2001 г., издается до сих пор, хотя за это время он несколько изменил название (в настоящий момент - «Томский медиатор»), сменил учредителя и лишился первоначальной мощной финансовой поддержки в лице «СХК» («Сибирский химический комбинат»).

Основные проблемы при изучении томских журналов связаны главным образом с тем, что очень небольшая их часть – процентов 15 – доступны для исследователя. И речь не о том, что их не выдают в библиотеках: многие журналы до библиотек так и «не дошли», поскольку в 1990-е гг. была фактически разрушена стройная советская система передачи обязательных экземпляров периодических изданий в библиотечные фонды. Издания сохранялись случайным образом: они передавались частными лицами, редакциями и издательствами в дар, «по знакомству», «по традиции» и т.д. Многие журналы были экспериментальными, выходили ограниченным тиражом и недолгое время. С 1997 г. ситуация изменилась: по закону Томской области «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов в Томской области» центральной государственной библиотекой является Томская областная универсальная научная библиотека имени А.С. Пушкина, в нее должны бесплатно передаваться все изданные на территории области газеты и журналы. Библиотека также активно оцифровывает томские издания и выкладывает их в открытый доступ, что значительно облегает труд исследователя.

Однако, как показал опыт, большой ошибкой и издателей, и читателей было полагаться на то, что «в интернете ничего не пропадает» и «все хранится». Так, создатели томской Вики в 2007 г. снабдили практически каждую статью о местных СМИ гиперссылками, переадресующими пользователей на сайты журналов и газет:

из этих ссылок рабочими осталось меньше одного процента. О большинстве томских журналов теперь сохранилась только та информация, которую приводят авторы томской Вики, и изображения первых полос изданий, оцифрованные для этого сайта. Иногда все, что сегодня известно о журнале – это его название. Но без доступа к изданию невозможно определить даже его тематику, не говоря уже о тираже, авторском составе, сведениях об учредителе и т.д.

Отнесение журналов к тому или иному типу затруднено также из-за «плавающих» типологических границ. Так, часть СМИ, зарегистрированных как «газета». выходили в формате полноценных журналов: издание о финансах, бизнесе, деловой жизни «Ваши личные финансы», рекламные «Курьер-недвижимость» и «Авто Бизнес Томск» (он же «Авто Business» и «Авто Бизнес 70»), медицинская газета в форме журнала «Здоровье. Томск. ру», и другие. Томский журнал, посвященный фантастической литературе, назывался «Фантастическая газета». Были и курьезные случаи: например, на первой странице спортивного ежегодного журнала «Томский футбол» было написано: «Независимая спортивная газета», так что издание можно было одновременно занести в разделы «газеты», «журналы» и «ежегодники».

Тематический спектр журналов также можно было либо сужать, либо расширять, учитывая тематические «пересечения»: многие медицинские издания одновременно являлись медицинскими, рекламными и корпоративными, а в категорию «глянцевых» в Томске попадали журналы не только «гламурные» и «женские», но и общественно-политические, рекламно-строительные, «бортовые» и даже компьютерные.

Окончание периода расцвета томской журнальной журналистики совпало с ухудшением экономической ситуации в стране (с середины 2010-х гг.) и стремительным «перетеканием» СМИ в цифровое медиапространство.

Таким образом, развитие рынка специализированных журналов

в Томске было обусловлено сочетанием нескольких факторов. Главным из них был экономический, связанный с общим подъемом экономики страны, повышением благосостояния населения в России. Поэтому можно говорить о «расцвете» журнальной журналистики в 2000-е «сытые» годы, когда особо востребованными оказались журналы, отражающие улучшение качества жизни – посвященные автомобильной тематике, вопросам недвижимости, организации свадеб, журналы «стиля жизни» и др. Заметно повысилось в этот период и полиграфическое качество, дизайн самих журналов, которые ориентировались на мировые образцы журнального дела.

«Медийная аномальность», ставшая особым признаком томской журналистики в 2000-е гг., отразилась и в журнальном деле, задав вектор на профессиональное качество специализированной прессы. Это стало возможным также благодаря деятельности отделения, а затем факультета журналистики ТГУ, поскольку редакторский и авторский корпус журналов «подпитывался» выпускниками и студентами журфака.

Дальнейшее изучение томской журнальной журналистики даст возможность проследить формирование сложной многоуровневой системы периодической печати Томска в конце XX – начале XXI в. и последующую ее трансформацию в медиасистему, включающую в себе как традиционные, так и цифровые СМИ и медиа.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-44-55

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова В. Н. Томские ювенильные издания 1990-2000-х гг.: к проблеме поиска, учета и сохранности // Медиаисследования. 2022. № 9. С. 22-29.
2. Безукладникова С. С. Развитие системы школьной прессы Томской области: тенденции и проблемы // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 174-176.

3. Есипова В. А. Самодеятельные ученические журналы Томска как источник по реконструкции организационных форм читательской активности: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 68. С. 298-309.
4. Жилякова Н. В. Новейшая история томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // Век информации. 2020. Т. 8. № 3. С. 58-67.
5. Жилякова Н. В. Становление системы журнальной периодики дореволюционного Томска (1886-1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 105-117.
6. Лавров Д. П. Некрологи в неофициальном отделе журнала «Томские епархиальные ведомости» // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 5-1. С. 680-685.
7. Некрылов С. А. Журналы Совета Императорского Томского университета как источник по истории организации научных исследований в Томском университете (1888-1917 гг.) //Документ в системе социальных коммуникаций: сб. материалов III Всеросс. научно-практич. конф. с международн. участием. Томск, 2008. С. 230-234.
8. Проскурина Е. Н. Сюжет просвещения в журнале «Томский зритель» (1926-1927) в аспекте проблемы «нового зрителя» // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 49-62.
9. Середкина Н. Н., Шпак А. А., Пименова Н. Н., Замараева Ю. С. Образ сибирских территорий Российской империи в журнале «Сибирский наблюдатель» (1901-1906 годы издания) // Былые годы. 2022. № 17 (3). С. 1385-1396.

«ԱՎՏՈԲԻՋՆԵՍԻՑ» ՄԻՆՉԵՎ «ՉԵԽՈՎՅԱՆ ՈՒՐԲԱԹՆԵՐ». 20-ՐԴ ԴԱՐԱՎԵՐՋԻ, 21-ՐԴ ԴԱՐԱՍԿԶԲԻ ՏՈՄՍԿԻ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱՑՎԱԾ ԱՄՍԱԳՐԵՐԻ ԹԵՄԱՏԻԿ ԲԱԶՄԱԶԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

Նատալյա Ժիլյակովա

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *տարածաշրջանային լրագրություն, տպագիր մամուլ, տիպաբանություն, Տոմսկի մեդիա անոմալիա*

Հոդվածում վերլուծվում են ամսագրերի լրագրության զարգացումը Տոմսկում 1990-2010-ական թվականներին, բացահայտվում են ամսագրերի թեմատիկ շրջանակի ընդլայնման փուլերը, և ուսումնասիրվում են Տոմսկի ամսագրերի լրագրության առանձնահատկությունները: Բացահայտված են ամսագրերի ուսումնասիրության հիմնական խնդիրները՝ կապված հրապարակումների կորպուսի վատ պահպանման, տիպաբանական անհասկանալի կարգավիճակի և թեմատիկ «հատումների» հետ: Եզրակացվում է, որ Տոմսկում մասնագիտացված ամսագրերի շուկայի զարգացումը պայմանավորված էր մի քանի գործոնների համակցությամբ՝ տնտեսական, քաղաքական, մասնագիտական և ստեղծագործական: «Լրատվամիջոցների անոմալիան», որը 2000-ական թվականներին դարձավ Տոմսկի լրագրության առանձնահատկությունը, արտացոլվեց ամսագրային բիզնեսում՝ սահմանելով մամուլի մասնագիտական որակի վեկտոր:

FROM "AUTOBUSINESS" TO "CHEKHOV FRIDAYS": THEMATIC DIVERSITY OF SPECIALIZED MAGAZINES IN TOMSK IN THE LATE 20TH- EARLY 21ST CENTURIES

Natalia Zhilyakova

Summary

Key words: *regional journalism, print media, typology, "Tomsk media anomaly"*

The article analyzes the development of magazine journalism in Tomsk in the 1990s-2010s, identifies the stages of growth of the thematic range of magazines, and examines the features of Tomsk magazine journalism. Poor preservation of the corpus of publications, ambiguous typological status, and thematic "intersections" are the primary issues with magazine studies. The development of the specialized magazine market in Tomsk was attributed to a combination of several elements: economic, political, professional and creative. The magazine industry mirrored the "Media Anomaly" that emerged as a distinctive aspect of Tomsk journalism in the 2000s, establishing a standard for the specialized press's professional caliber.

УДК 394

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE CULTURE OF THE PONTIC GREEKS IN THE CAUCASUS (BASED ON FIELD RESEARCH IN 2022-2024)*

Ksenia Klimova

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-56-64

Key words: *Pontic Greeks, Pontic Greek, Greeks of Russia, polyglossia, linguistic and cultural identity, Greek traditional culture*

The language and traditional culture of the Greeks residing in Russia and the former USSR have been the subject of extensive scientific research based on field materials. Notable studies include a detailed description of the language of the Pontic Greeks by F.A. Eloyeva [1], issues of national and linguistic identity were studied by V.V. Baranova [2], a detailed description of the culture and history of the Greeks of Russia and Ukraine is the subject of the monograph by Yu.V. Ivanova [3]. A collective work edited by I. Hasiotis presents further insights in Greek [4].

The mass migration of Greeks from the territory of the Ottoman Empire coincided with the conclusion of the Russo-Turkish War of 1828-1829. According to the Treaty of Adrianople, Russia gave the Ottomans the territories it had captured during the War (Gumushane, Erzurum, Kars, Bayburt) and withdrew from these regions. Notably, the Greeks residing in these areas fought on the side of Russia during the War. Following the request from Count I.F. Paskevich, the tsarist government permitted the resettlement of Christians from the Ottoman Empire into the Russian Empire. This migration occurred in several stages throughout the 19th and 20th centuries [5, 100-101].

Currently, a research team from the Lomonosov Moscow State

* *Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Fundamental Reseaches, project No 22-18-00484 «Slavic and non-Slavic borderland: funeral and memorial rituals in the ethnolinguistic aspect».*

University, the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences and the European University (St. Petersburg) started conducting an ethnolinguistic survey in Russian territories where the Greek population lives compactly. Six expeditions were carried out in areas, where the Greek presence is most clearly expressed within the broader cultural and linguistic landscape: Sochi [6] and other regions of the Northern Black Sea region (Novorossiysk, Anapa, Gelendzhik) [7], the Caucasian Mineral Waters region [8], Karachay-Cherkessia, North Ossetia-Alania [9], and Dagestan. All collected materials were digitized, cataloged, and organized into an electronic archive which is housed in the library of the Department of Byzantine and Modern Greek Philology of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University.

During our field research, we have collected data on the traditional culture of the Pontic Greeks, including calendar and family rituals (birth, wedding, funeral rites) using the ethnolinguistic questionnaire by A. A. Plotnikova [10], which includes more than 400 questions on vocabulary and phraseology related to various areas of traditional folk culture: the folk calendar, family customs, agricultural rituals, and folk mythology. Additionally, the survey was conducted with a special thematic questionnaire aimed at investigating the cultural practices of the Greek diaspora in Russia. This questionnaire included 57 items: 7 addressed general information about the history of the village, the settlement of the surveyed territories by Greeks, and religious and cultural life in the 19th-21st centuries; 43 focused on the traditional funeral rites, and the remaining 7 concerned changes in the Greek funeral rite in the post-Soviet period.

The initial fieldwork was conducted in Sochi in 2022. According to the All-Russian Population Census in 1897, the Greek community was the largest (25.7%) in the Sochi region, while the Russian population was in second place (24.2%). After the period of Stalin-era repressions and mass deportations of Greeks to Kazakhstan, as well as after the departure of the remaining population to Greece in the 1980-1990s, the number of Greeks has significantly decreased, now accounting for less

than one percent (0.82% according to the 2010 Census). According to various estimates, about 3.000-5.000 Greeks currently live in Sochi. The Greek population of Stavropol is represented by two groups of immigrants from territories located in modern Turkey, namely the Greeks (*Ρωμαίοι*), who speak the Pontic dialect of Greek (*ρωμαΐϊκα*), and the Urum Greeks, who speak the historical northeastern dialect of Turkish (*musulmanca*, *osmanca*, etc.). Currently, the territory of Stavropol is home to many descendants of the so-called Tsalka Greeks, who moved from the Ottoman Empire to Georgia (mainly to the village of Tsalka and its environs, which led to the emergence of the name "Tsalka Greek"), that is, on the territory of the Russian Empire as of the 19th-early 20th centuries.

Despite the complex historical turns and the Soviet era's general policy of homogenizing ethnic differences, our research team was surprised to find out that the Greek language (the Pontic dialect) and Greek traditions have been preserved to this day. The language is primarily spoken by the older generation, who attest that Pontic Greek, the mother tongue, was their first language and they only began speaking Russian in school. Middle-aged respondents can understand the language well, but they themselves speak it little. Young people and children use only common everyday expressions. Many respondents speak the standard Modern Greek, as they often travel to Greece, some live there, study, or visit relatives. The situation we observed during fieldwork is generally similar to what we see in the virtual space [11, 117-119].

Our expeditions noted a higher preservation of the traditional culture and languages among the Greeks of Stavropol compared to the Greeks of Sochi. The Greeks of the Caucasian Mineral Waters region live compactly in concentrated communities in areas surrounding the city of Yessentuki and in nearby settlements. According to various estimates, the total Greek population of the agglomeration is from 20.000 to 40.000 people.

There are many Greek cultural centers in the Caucasian Mineral

Waters dedicated to preserving and transmitting the traditional culture of the Pontic Greeks. These centers offer lessons at dance ensembles, classes of playing traditional musical instruments. The history of the Greek villages of Georgia and Asia Minor, the history of Greek clans and families, as well as the history of the Pontic Greeks and their migration in general are described in many local history books. With the active assistance of the Greek diaspora, Orthodox Churches and Church Complexes are being built in the Caucasian Mineral Waters. The standard Modern Greek language is taught in some schools and centers of additional education. Pontic language courses are also offered in the city of Yessentuki. People mainly of the older and partly of the younger generation communicate with each other in the Pontic language, and they write poetry in it (the poetry by Viktor Stoforandov).

The concentration of the Greek population in the Caucasian Mineral Waters region is still high: according to official data (2010 Census), the Greeks constituted 15.3% of the population in the Predgorny District (16,324) and 5.4% in the Yessentuki urban district (5,452). This largely predetermines the modern ethnolinguistic situation in the region. The compactness of the Greek population in certain areas of the Caucasian Mineral Waters (Yessentuki, Kirpichny, Inozemtsevo, Suvorovskaya, Grecheskoe and Dubovaya Balka villages, Sparta and Khasaut-Grecheskoe) also contributes to the preservation of some traditional culture elements as well as the language, which leads to the fact that representatives of other ethnic groups (Karachays, Circassians, Armenians, Gypsies, etc.) can speak Pontic Greek. Thus, in the village Khasaut- Grecheskoe even the mullah of the local mosque learned Pontic to communicate with the Greek population, and in the children's ensemble of the village of Sparta the soloist performing songs in the Pontic dialect is a boy from a gypsy family.

The research trip to the Greek villages of Georgia took place on August 16-28, 2022. During the fieldwork, the following territories were surveyed: Tsalka district, Borjomi district: Tsikhinjvari, Batumi district. The number of Greeks in Georgia, according to the 2002 Census, is

15.166 (according to various unofficial estimates, this number fluctuates between 2.000 and 100.000). In 1989 the number was 100.000. The diaspora has significantly decreased as a result of the migration of Greeks to Russia (Stavropol and Krasnodar regions), during the Stalin's era repressions and mass deportations of Greeks to Kazakhstan, as well as after the departure of the remaining population in the 1980-1990s to Greece. The Pontic tradition in Georgia acquired a number of new elements as a result of cultural interference (mainly from Armenians and Georgians). Since the initial migration of Greeks to these territories in the 19th century [12], by the beginning of the 21st century the number of Greeks in percentage terms had significantly decreased. The Greek traditional culture still exists, but due to historical and political circumstances its future seems pessimistic. Nevertheless, thanks to the enthusiasm of individual representatives of the Greek diaspora in Georgia, many cultural heritage sites such as churches, chapels, monasteries, cemeteries are maintained in a good condition.

Due to the lack of materials, it is difficult for us to give a full picture of the language and culture situation of the Greeks of the Caucasus region, but we can draw some preliminary conclusions. The traditional culture of the Pontic Greeks in all the surveyed regions: Georgia, Sochi, Novorossiysk, Caucasian Mineral Waters, the Karachay-Cherkess Republic, North Ossetia-Alania, and Dagestan is preserved to this day. The Pontic tradition on the territory of Russia has acquired a number of new elements not only due to the proximity to other peoples (mainly to the Russians), but also under the influence of external factors, including the peculiarities of the historical and cultural situation in the region in the 20th century. In comparison with the materials collected in Sochi and Vladikavkaz, the traditional culture and language of the Greeks of the Caucasian Mineral Waters are better preserved, however, in this region we can also observe a tendency towards the loss of the national language and the gradual replacement of elements of Greek traditional culture by the pan-Caucasian or, more broadly, by the Russian one.

There is a continuous effort to maintain ties with the "lost

homeland", encompassing both various regions of Pontus and the Greek villages in Georgia. Individual and organized groups undertake trips to the historical homelands of the Pontic Greeks, fostering connections with the local populations residing in these territories. Concurrently, ties with the "big homeland" – Greece – are preserved too. Modern Greek is taught in schools and cultural centers, a diverse assortment of Greek products is available in shops and cafes, Greek music and even radio broadcasts are played in various establishments, and entrepreneurs engage in business with Greece. Additionally, Pontic Greeks maintain relationships with numerous relatives who have migrated to Greece.

We can conclude that the traditional culture of the Pontic Greeks in all surveyed regions is preserved to this day. However, we observe transformations of ritual cultural practices due to the transition from the traditional rural lifestyle to the modern urban environment. Thus, in Vladikavkaz, where the Greeks have resided in the city since their initial migration, the occasional ritual for invoking rain (*kushkugara*, *koshkovora*, *koshkotera*) has been almost completely forgotten, and the lexeme itself is used exclusively in a metaphorical context, while in the village of Krasnaya Polyana (Sochi) and in the village of Khasaut-Grecheskoe (Karachay-Cherkessia), where the residents were engaged primarily in agricultural work, this ritual has been preserved quite well.

Cultural interference is noted, mainly from the side of Russian and pan-Caucasian culture, which is especially evident in funeral and memorial rites, in particular, including their culinary practices: at funerals, the traditional *kutia* (*kokia*) is often accompanied by standard dishes, such as borscht or chicken noodles, roast meat (sauce) etc., replacing traditional Pontic cuisine that was customarily used before the Soviet period.

This dual trend reflects a simultaneous tendency toward the erosion of the national language and the gradual replacement of elements of Greek traditional culture with pan-Caucasian or pan-Russia practices. Nevertheless, there is also a strong desire among the Pontic Greeks to preserve, and in some cases, to revive their unique traditions.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-56-64

REFERENCES

1. Eloeva F. A. Pontic dialect: Based on the Greek unwritten dialects of Georgia and Krasnodar region: abstract of the of the Doctor of Philology, St. Petersburg, St. Petersburg State University, 1997, - 30 p.
2. Baranova V. V. Language and ethnic identity. Urums and Rumei of the Azov region, Moscow: Publishing house of the state University, 2010.
3. Ivanova Yu. V. Greeks of Russia and Ukraine. St. Petersburg: Aletheia, 2004. 624 p.
4. Chasiotis I. K. Greeks of Russia and the Soviet Union. Thessaloniki: University Studio Press, 1997.
5. Xanthopoulou-Kyriakou, Migrations of Greeks to the Caucasus during the 19th century, vol. 10. 1993, p. 91-172.
6. Klimova K. A., Nikitina I. O. Traditional culture and language of the "Russian Greeks" of Sochi: an overview of the ethnolinguistic expedition, No 3-4, 2022. p. 249-260.
7. Klimova K. A., Nikitina I. O. Ethnolinguistic expedition to the Greeks of Anapa, Gelendzhik and Novorossiysk, V. 19, № 3-4., 2023, p. 185-194.
8. Klimova K. A., Nikitina I. O. Traditional culture of the *Romaioi* Greeks and *Urumlar* Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region. № 3-4, 2023, p. 302-319.
9. Klimova K. A., Nikitina I. O. Language and Culture of the Greeks of North Ossetia – Alania (based on materials from the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Vladikavkaz, № 12, 2024, p. 227-240.
10. Plotnikova, A. A. Materials for ethnolinguistic investigation of the balkan-slavic area, Moscow, 2009.

11. Klimova K. A. Language as a Basic Element of Ethnic Self-Identification of Pontic Greeks in Cyberspace. Balkan Polylogue: Communication in Culturally Complex Communities, 2018, p. 06-119.
12. Tanrıverdi. M. The resettlement of Greeks from the eastern vilayets of Turkey to Tsalka (1829-1831) according to the documents of the National Archives of Georgia, № 18(1), 2024, p. 60-67.

ԱՎԱՆԴՈՒՅԹՆԵՐՆ ՈՒ ՆՈՐԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ ՊՈՆՏՈՍԻ ՀՈՒՅՆԵՐԻ ՄՇԱԿՈՒՅԹՈՒՄ (ԸՍՏ 2022-2024 ԹԹ. ԴԱՇՏԱՅԻՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՏՎՅԱԼՆԵՐԻ)

Քսենիա Կլիմովա

Ամփոփում

Հանգույցային բառեր. *Պոնտոսի հույներ, Ռուսաստանի հույներ, պոլիգլոսիա, լեզվական և մշակութային ինքնություն, հունական ավանդական մշակույթ*

Հոդվածում քննարկվում են Ռուսաստանում բնակվող հույների էթնոլեզվական խմբի լեզվի և մշակույթի դաշտային ուսումնասիրությունների արդի խնդիրները, ներառյալ նրանց լեզվական և մշակութային պոլիգլոսիան և հարևան ավանդույթների, մշակույթների և լեզուների, առաջին հերթին ռուսերենի փոխադարձ ազդեցությունը: Աշխատանքը հիմնված է 2022-2024 թվականների դաշտային նյութերի վրա, որոնք հավաքվել են Ռուսաստանի (Սոչի և Հյուսիսային Սևծովյան տարածաշրջանի այլ շրջաններ, Կովկասյան Միներալնիե Վոդի, Կարաչաևո-Չերկեսիա, Հյուսիսային Օսիա-Ալանիա, Դաղստան և այլն) և Վրաստանի (Ծալկայի, Բորժոմիի, Բաթումիի շրջաններ) հունական բնակավայրեր կատարած արշավների ընթացքում:

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ НА КАВКАЗЕ (ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2022-2024 ГГ.)

Ксения Климова

Резюме

Ключевые слова: *Понтийские греки, понтийские греки, греки России, полиглоссия, языковая и культурная идентичность, греческая традиционная культура*

В статье рассматриваются актуальные вопросы полевых исследований языка и культуры этноязыковой группы греков, проживающих в России, в том числе их языковой и культурной полиглоссии и взаимовлияния языков и культур соседних традиций, в первую очередь русской. Работа основана на полевых материалах 2022-2024 гг., собранных в ходе экспедиций в греческие населенные пункты на территории России (Сочи и другие регионы Северного Причерноморья, Кавказские Минеральные Воды, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Дагестан и др.) и Грузии (Цалкинский, Боржомский, Батумский районы).

УДК 394

СТАРООБРЯДЦЫ СЕЛА ГУРЬЕВ КАЗАЧОК НА ХАРЬКОВЩИНЕ: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТРАДИЦИИ

Михаил Красиков

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-65-84

***Ключевые слова**: Украина, Харьковская область, религия, староверы, быт, фольклор, история*

Старообрядчество на Харьковщине не назовешь неизученным, однако фольклористы и этнологи до сих пор его, по сути, не касались, разве что в некоторой степени этнолингвист Вера Чубова, исследовавшая определенные аспекты ментальности жителей сел Староверовка-1 и Охочее Нововодолажского района [см., напр.: 10]. Историки в течение последних двух десятилетий опубликовали ряд весьма содержательных работ о борьбе царского правительства и православной церкви с харьковскими старообрядцами в XIX в. [1, 7, 8]. В 2018 г. вышла фундаментальная монография П.В. Еремеева [4] на основе его кандидатской диссертации «Старообрядцы Харьковской губернии (1825-1917): социальная структура и количественные характеристики» [5], где имеется детальная информация о государственном учете старообрядцев, о локализации их в регионе, о практике сокрытия веры частью мужчин-староверов. Тем не менее, эти замечательные труды, основанные на архивных документах, насыщенные цифрами и географическими названиями, дают все-таки неполное представление о жизни конкретной старообрядческой общины и тем более о судьбах ее представителей.

Первым шагом в направлении комплексного изучения жизни отдельного староверческого поселения стал выход двухтомника «Гурьев Казачок (1672-2015): краеведческие очерки и материалы», посвященного истории, быту и нравам староверов, авторства известного краеведа, основателя и директора Историко-краеведческого музея села Гурьев Казачок Золочевского района Харьковской области Василия Павловича Гурьева [2, 3].

В 2000 г. нам довелось быть в экспедиции в данном селе, а также в соседнем селе Уды, где тоже частично жили староверы, и сделать ряд записей (часть из них опубликована в качестве приложения во втором томе труда В. П. Гурьева). Опираясь на эти материалы и записанные на протяжении многих лет местным краеведом Василием Гурьевым, мы попытаемся вкратце дать характеристику духовной культуры и уклада жизни обитателей одного из самых старых старообрядческих сёл на Харьковщине – Гурьева Казачка.

Как справедливо заметил П. В. Еремеев, хотя по количеству староверов Харьковская губерния занимала одно из последних мест в Российской империи, в регионе существовали давние старообрядческие традиции [5, 2]. Некоторые села или части некоторых сел (например, в Удах) до сих пор сохранили свое старинное название – Староверовка.

Вопреки общераспространенному мнению о том, что старообрядцы, гонимые за веру, селились в глухих местах чуть ли не самовольно, топонимическая легенда с. Гурьев Казачок гласит, что основатель села казак Гурий был пожалован в 1672 г. землею за сторожевую службу в этих местах в середине XVII в., когда здешний край еще именовался Диким Полем и набеги татар происходили постоянно.

Сведений о конфликтах гур-казачан с властями и господствующей православной церковью в XVII-XVIII вв. народная память не сохранила, а документы этого периода пока не найдены. Однако известно, что в XIX в. борьба с раскольниками шла полным ходом. Архиепископ Харьковской епархии Филарет писал: «В сем приходе с давнего времени очень многие заражены были расколом поморской беспоповщины, они имели у себя две часовни: одну в селе Уды, а другую в хуторе Козачка <Гурьев Казачок> и содержали бродяг, лжеучителей. Со времени поступления на приход священника Николая Ничкевича, с 1830 г. обратившего на них особенное внимание, секта их начала ослабевать. После увещаний любви терпеливой по благости Божией в 1837 и 1839 г. обратил он 42 человек в право-

славную веру. По его же указанию гражданское начальство закрыло часовню их, выстроенную после 1826 г., в противность закону. В 1841 году преосвященный Смарагд архипастырскими увещаниями обратил 536 душ к единоверческой церкви. В 1847 г. часовня, существовавшая с давних пор в хуторе Козачке, сгорела до основания. Но секта еще не искоренилась. Ныне в сем приходе числится раскольников 20 муж. пола, 27 жен. пола. А в прежнее время их было: в 1826 г. 346 человек, в 1830 г. 397, в 1835 г. 535, в 1840 г. 612» [9, 175-176]. Современные комментаторы считают, что «часовня раскольников относится к началу XIX ст., но так как она была тайной, недозволенной к постройке, поэтому Филарет считает ее древней. Располагалась в небольшом деревянном доме, стоявшем в саду у главы раскольников» [6, с. 192]. По местным преданиям, молельный дом сгорел потому, что его подожгли. Службу верующие стали вести в доме наставника. В 1860 г. построили новый молитвенный дом. Народная память не сохранила факта перехода в единоверческую церковь кого-либо из гур-казачан. Судя по воспоминаниям старожилов, община в селе всегда была монолитна, стойко хранила древлеправославную веру поморского толка, наставник всегда был один, как и один молитвенный дом. Из коренных жителей, по утверждению В. П. Гурьева, в никонианство до 1917 г. перешло только 5 семей хутора Протопоповский Казачок.

Решительным шагом церковных и светских властей в сторону искоренения раскольничества в Гурьевом Казачке стало строительство в 1881 г. в центре староверческого села православного храма. Местные жители вначале созидание церкви расценили как заботу о них и подумали, что это строят молельный дом, а посему помогали – чем могли. Когда же стали завозить православные иконы, подвох раскрылся. Возмущению староверов не было предела: они восприняли строительство «иноверческого» храма в самом сердце своего села как надругательство над их верой и памятью предков. В день открытия Николаевской церкви на праздник Николы летнего старообрядцы перекрыли вход в храм и не

пускали туда священников и прочих православных, приехавших из соседних деревень, преимущественно Курской губернии: Березовки, Казачье-Рудченска, Тарасенков, Климового, Цаповки, Ключников, Радченков, Протопоповского Казачка, Сот-Казачка, Басова. Седобородые старцы стояли со своими иконами, пели, молились. Только после вмешательства жандармов, арестовавших «бунтовщиков», церковь открыли. Зачинщиком признали Павла Протопопова – сослали на каторгу. Церковь как культовое учреждение просуществовала в селе до 1929 г., но прихожанами ее были, в основном, не выходцы из старообрядческих семей, а приезжие [2, 363].

Одной из причин стойкости в вере старообрядцев было убеждение, что за отступничество Господь карает не только самих отступников, но и их потомков. В качестве доказательства всегда приводились реальные жизненные истории. Например, история Николая Савельевича Гурьева. Без благословения родителей он решил взять в жены православную девушку. Но и родители девушки не хотели ее отдавать за старовера, и поп поставил условием венчания крещение в новую веру. Николай перешел в никонианство, причем во время обряда говорил, что отрекается от старой веры и принимает новую, а затем, как велели, плевал через плечо и затирал ногой. Прошло немного времени – заболела нога, стала усыхать. Врачи признали туберкулез кости. На всю жизнь остался хромым. Хромота передалась по наследству – и внук хромал на ту же ногу.

Весьма показательна и история Аграфены Петровны Гурьевой. В начале XX в. девушка-староверка сбежала из дома к учителю, стала модисткой. Сперва у молодых всё было хорошо: жили в согласии, не бедствовали. В семье родились двое мальчиков и девочка. Мальчики погибли в войну. Дочь стала учительницей. Однажды отец с дочерью шли лесом, их окружили волки и лишь чудом не тронули. Но дочь после пережитого сошла с ума и окончила свои дни в приюте для душевнобольных. Отец с матерью с горя спились и умерли в нищете.

Браки в селе до 1920-х гг. совершались почти исключительно

между односельчанами, нередко между родственниками (братья женились на двоюродных или троюродных сестрах, с которыми часто росли в одной хате). Если и женились на иноверках, то они обязательно должны были принять староверие.

Замкнутость старообрядцев была притчей во языцех у жителей окрестных сел. Все знали, что в Гур-Казачке воду прохожему дадут только из специальной кружки, за стол рядом с собой не посадят. Впрочем, газета «Южный край» в 1891 г. писала: «На хуторе Гурьев-Казачок Удянской волости Харьковского уезда заботами местных землевладельцев Григория Ивановича и Ивана Ивановича Шафоростовых и с помощью земства выстроена школа, в которую стали отдавать учиться своих детей и староверы-беспоповцы, населяющие хутор. Дети, конечно, чуждые религиозных предрассудков своих родителей-староверов, с великой охотой посещают школу. Родители также, как кажется, остыли в своей закоренелой вражде ко всему православному и, по крайней мере, зная, что их дети присутствуют на уроках Закона Божия по своему желанию, не препятствуют этому. Мало того, самые рьяные из них уже стали забывать обычай носить с собой ложку и чашку, чтобы при встречах с православными не осквернять своих уст, и спокойно едят и пьют из одной посуды с православными» [2, 414].

Тем не менее нетерпимое отношение к «совятным» (иноверцам) сохранялось во многих старообрядческих семьях вплоть до 1960-х гг. В конце 1940-х гг. Иван Филиппович Гурьев (1924-2009), сын Филиппа Кузьмича Гурьева (1873-1963), бывшего 14 лет наставником в селе, захотел жениться на девушке из соседнего села. «Осмелился рассказать родителям. Мать молчит, а отец и слушать не хочет, протестует. Ведь такого в селе, среди староверов, не было случая. Отец из себя вышел, кричит: “Как ты осмелился совятную невестку в дом вести, она другой веры! Ты дьяволу продался, нашу святую веру нарушил! Не дождешься моего благословения”. Я пошел наперекор воли отца. Взять-то взял, а сколько пришлось пережить и перетерпеть! Жене напиться воды с той кружки, что мы

пьем, нельзя – грех. Покушать – надо отдельную для нее посуду. Станет готовить обед – отец рядом, чтоб мяса в борщ не положила во время поста. На каждом шагу упрекает, заставляет принять веру старообрядцев. Вот так строго придерживались у нас старинных обрядов и обычаев.

В такой атмосфере жить стало невыносимо, решили отделиться. Переселились на хутор Тряснэ. Отец так и не простил, всю жизнь упрекал за иноверку. Так и не дал родительского благословения. Всё твердил: "Не будет тебе жизни, накажет Господь"» [2, 380-381].

Дистанцироваться от православных старообрядцы желали и на том свете: хоронили они своих покойников вдали от никонианцев: «Кладбище староверов было отдельно. И православного Боже сохрани там хоронить – никогда не хоронили. А сейчас у нас всех скопом»[1] [3, 518].

Нравы у староверов были строгие. В селе до 1920-х гг. никто не курил. Это считалось большим грехом. Если замечали окурок на колодце (который, как правило, закрывался на замок) или в колодце, копали новый. Староверы не брили бороды. «Бритоуса» презирали и исключали из общины. Посты всегда соблюдались сурово. «Однажды у Степана Кондратовича Гурьева заболела жена. Случилось это под Пасху на Страстной неделе. Плачет ребенок, мать не может покормить. Идет отец брать разрешение, чтоб покормить малютку молоком от коровы. Долго наставник не соглашался, всё твердил: "Не могу такой грех брать на себя!" Отец не отстает, просит: "Смилуйся, батюшка! Ведь до Пасхи два дня!" С трудом таки удалось уговорить наставника» [2, 368].

Особенно строгие дни в Гур-Казачке были в первую и последнюю неделю Великого поста. В первую неделю от понедельника до среды староверы не употребляли никакой пищи. Даже воздерживались от воды. Только в среду после вечерни разрешалась постная трапеза. Во все дни недели употребляли только

[1] Записал М.М. Красиков 14.08.2000 в с. Гурьев Казачок Золочевского района Харьковской области от Фёклы Филипповны Гурьевой 1921 г. р.

холодные блюда без постного масла, во вторник и четверг ели горячую пищу (борщ, кашу) без постного масла. В субботу и воскресенье разрешалось готовить блюда с постным маслом (по-местному – олеёй), можно было пить и вино, но не водку.

Когда разговлялись, принимали напитки и покрепче, но знали норму. Родители не позволяли себе терять человеческое достоинство на глазах у детей, соседей, односельчан. Они больше шутили, ударялись в воспоминания. Знали свою родню до пятого колена. За чашкой чая пели стихи духовного содержания: «Жил юный отшельник», «С другом я вчера сидел», «Умоляла мать родная», «О лени» и другие. В приложении к статье приводим духовные стихи, записанные В. П. Гурьевым.

Существенно различались календарные праздники староверов и никонианцев, в частности Рождество и Новый год: «У старообрядцев кутьи не было. У православных заносили сноп связанный и приговаривали: „Расти овес зернистый, колосистый“» [3, 483]; «У старообрядцев не ходили щедровать – это только православные» [3, 486]; «На Рождество сено клали на стол только у православных. На Рождество ходили на всенощную молиться и православные, и старообрядцы» [3, 483]; «На Рождество в кажный двор старики-староверы ходили христославили. Кто хоче угостить – стопку нальет, пообедать посодя. К православным они не заходили – только к староверам» [3, 483].

От потомков староверов нами были записаны и календарные песни, и лирические, и свадебные, и даже частушки (правда, немного), подобные тем, которые были распространены и в православных русских селах района. Однако информанты вспоминали, что старики негативно относились к песням и танцам. Считалось, что петь можно только молитвы. Оттуда, где молодежь устраивала танцы, старушки уводили детей: «Не смотрите бесовские пляски, там земля провалится!» И. Ф. Гурьев вспоминал: «Однажды (это было в пост Страшной недели) пришел со школы. Мне понравилась песенка (разучивали на уроке) “Заинька, умойся! Заинька,

попляши!" Залез на печь и давай петь во весь голос. Отец как подхватывается со скамейки – и до меня: "А ну, замолчи, нечестивый! Бесовские песни поешь! Ты сатане служишь! Надо молиться!"» [2, с. 382]. Когда же парень подрос, проблема отцов и детей встала со всей остротой: «Пришло время „парубкувать". Где ни появлюсь, а надо мной насмешки: "У отца всеночная, а ты на танцы". Становилось обидно. Меня это унижало. В душе зарождался протест, бунт против родителей. Однажды отец подался в город по делам. Молодежь с патефоном просятся ко мне: "У тебя просторная комната, пусти, поиграем, потанцуем". Весело прошел вечер. Вернулся батя, узнал о нашем гулянье. Что только было! Ох, и досталось мне! Рассердился, кричит: "Как ты посмел приглашать безбожников! Опоганил хату! Ко мне молиться идут, а ты сатанинские пляски устроил! Опозорил меня!" И всё кадилом, кадилом окуривал по всем углам. В ту ночь не ночевал дома» [2, 383].

Технические новшества, появлявшиеся в селе в XX в., по рассказам старожилов, вызывали страх и смятение. «Это было в страду: по селу проехал на велосипеде учитель Филатов из соседнего села. Всё население высыпало на улицу. „Смотрите! Смотрите! Сатана на колесах!" – только и слышно было вокруг. Все со страхом смотрели вслед и неистово крестились. „Это не к добру",– вещали старушки. "Это Сатана на двух колесах, нам дурную весть принес",– вторили им старики. Весь день не работали. Все ждали, что будет дальше.

Иван Васильевич Гурьев, 1886 г. р., в 1932 г. впервые услышал и увидел, как движется трактор по дороге. Перепугался. Спрятался в канаве. Лежал вниз лицом и шептал молитву, просил: «Господи! Спаси меня от дьявольского творения, сохрани раба своего!» Поднялся, когда всё стихло и железное чудовище удалилось.

Впоследствии всё доказывал: "Не пускайте трактор на поля! Это от дьявола! Земля дымом пропитается, не даст урожая". Со временем его сын Мефодий и внук Дмитрий стали трактористами. Работали на полях колхоза. Отец стал гордиться сыном и перестал бояться "железного коня".

Крестьяне осторожно относились к новшествам. Во всём ждали подвоха. Жили скромно. Не обременяли себя жизненными благами.

Постепенно блага цивилизации входили в село. В 1954 г. село было электрифицировано. Поначалу старики отказывались проводить свет. Роптали: “Влиять будет на зрение”. Сейчас удивляются, как жили при лучине и керосиновой лампе.

Такое же было с радиоприемниками, телевизорами. Поначалу крестились на дьявольский экран. Потом начали смотреть и слушать. Правда, выключали, когда, по их мнению, шли “сатанинские передачи”» [2, 372-373].

Уже в 1920-1930-е гг. атеистическая пропаганда педагогов и культпросветработников (плюс, разумеется, репрессивная политика государства по отношению к верующим) увенчались известным успехом: ребенка, пришедшего с крестиком на шее, в школе «затюкивали» свои же одноклассники. Особенно доставалось сыну «служителя культа» – выбранного общиной наставника. Мальчика дразнили «Батюшкой», не давали проходу. Молельный дом в селе закрыли в 1940 г., превратили его в склад для зерна, а потом в клуб. После этого верующие тайком проводили службы в домах кого-либо из односельчан. В 1994 г. ушел из жизни последний наставник, никого не благословил, никому не передал духовные дела. Не нашлось в селе мужчины, чтобы мог вести службу, исполнять требы и таинства.

В. П. Гурьев так описывает картину религиозной жизни в своем селе на рубеже XX-XXI столетий: «Без благословения за наставника стала женщина. Это нарушение старообрядческого устава. Не разрешалось женщинам брать в руки кадило. Но она была грамотна, умела читать духовные книги, вести богослужение. Недолго прослужила наставником. Трагическая смерть настигла ее в своем доме; от этой вести все ужаснулись в селе. Это случилось в 1998 году.

Близится к закату, приближается к критической точке старообрядчество в нашем селе. Нет наставника, некому вести службу.

Даже пасхи не освящают, на Рождество не святят воду. С каждым годом уменьшается количество жителей, крещенных в эту веру. Да и в этих людях мало что осталось от старообрядчества. Сейчас уже ни у кого не увидишь лестовку в руках. <…> Впервые за много лет 14 апреля 2001 года настоятель Золочевской православной церкви протоиерей Богдан Иванчук в селе освящал пасхи. Со стороны староверов пришло только 15 человек. От православных – 58. <…> В 2007 году оформлена и оборудована в помещении бывшей конторы молитвенная комната для православных верующих. 24 марта отец Петр из Карасовской церкви провел ее освящение. <…> Староверов мало участвовало» [2, 377, 409].

Населения в селе на тот момент было 182 человека. В старой вере пребывали 104 жителя, остальные – никонианского течения. Своего наставника у староверов больше не появилось. Некоторые староверы стали участвовать в православной службе. Но переходить в православие отказывались.

Еще 20-25 лет назад можно было встретить в Гур-Казачке людей с диковинными отчествами, а кое-кто из старожилов еще носил имена, напрочь забытые на Харьковщине. Немудрено: старообрядцы имя давали строго по святцам: Калиней, Фатей, Ксенафонтий, Каллистрат, Селифон, Парамон, Пахом, Спиридон, Мартын, Мефодий, Гавриил, Харитина, Меланья, Аграфена, Евпраксия, Авдотья, Акулина. Сохранили местные жители своеобразный русский говор, с незначительными вкраплениями украинизмов. Среди гур-казачан сегодня никто не носит бороду по религиозным соображениям, толерантность (большая или меньшая – у всех по-разному) по отношению к иноверцам и атеистам стала нормой, однако почти в каждом доме висят старообрядческие иконы, и память о староверческом прошлом села жива в сознании каждого коренного жителя Гурьева Казачка.

Приложение

Юный отшельник

Жил юный отшельник, он, в келье молясь,
Священную книгу читал, углублясь.
В той книге прочел он, что тысяча лет,
Как день, перед Богом мелькнет и пройдет.
Монах пал в сомненья, стал думать о том,
Что тысячу лет не сравнить с одним днем.
Не верит: в священную книгу глядит,
И видит вдруг: птичка в келью летит.
Вся блещет, сияет и прелесть для глаз,
Как яхонты – перья, а пух – как алмаз.
Когда же вдруг крылья она распахнет,
То радугой светит, то златом сверкнет.

Прекрасная птичка в полете легка.
Быстрее и легче, как синь облака.
Летать она стала, у двери сидит;
И радостно юный отшельник глядит.
Неслышно подходит: молчит, не дыхнёт.
Только хочет схватить, а она вдруг порхнет.
Она – от него, а отшельник – за ней,
И вот он выходит из кельи своей.
Идет за ограду и в поле идет,
А птичка всё свищет, как будто зовет.
На прекрасное древо присела она,
И пеньем чудесным вся роща полна.
И миг наслажденья боясь потерять,
Звук каждый он ловит и жаждет внимать.

Расстроенный сердцем, в восторге душой,
Безмолвно внимает монах молодой.
Вдруг песнь умолкла, опомнился он.

Где же птичка-певичка? Исчезла, как сон.
А птичка взвилась, как будто стрела,
И в небо сокрылась, была – не была.
Вздохнул юный инок и в келью спешит,
И казалось ему: час в отлучке он был.
Боится, что опоздает в пути,
Что к трапезе ждут, и пора бы прийти.
И вот монастырь, только чудно ему,
Что ограда не та, непонятно уму.
За оградой и новая церковь видна,
Инок дивится: откуда взялася она?

Он стучит у ворот. Вот привратник идет
Незнакомый ему, прежде был, да не тот.
Не пускает монаха в обитель его:
– Ты чужой, не видал я лица твоего.
– И тебя я не знаю, привратник ты иль нет.
Привратник здесь был молод, ты стар и уж сед.
Я вышел отсюда не боле как час,
Чего здесь новый привратник у нас?
Или Спасов не здесь монастырь?
– Он и есть.
– Так пойди же к игумену и дай о мне весть.

Удивился привратник, игумена зовет.
И вот за игуменом весь причет идет.
Монах пред ними преклонился лицом.
Но только игумен ему незнаком.
И меж братии тоже знакомого нет.
Он смотрит, он ищет своих – не найдет.
И мудрый игумен пришельца спросил,
Какое он имя меж братьев носил.
– Антонием назвал в монашестве я,
При мне был игумен отец Илия.

И все изумились, по книгам глядят,
Нашли имена их лет триста назад.
– Антоний в день Пасхи без вести пропал,
Так писано в книгах,– игумен сказал.
– Дивен Бог в чудесах,– так монах повторил
И вдруг предо всеми свой вид изменил.
Он пал и молился, два дня протекли,
Почил он, и с честью его погребли.

Записал В. П. Гурьев от Анны Дмитриевны Гурьевой (1908-2000) в 1960 г.

Умоляла мать родная

Умоляла мать родная
Свое милое дитя.
Пред кончиною рыдала,
О судьбе ее грустя:
«Распростись навек со мною,
Ненаглядный мой цветок.
Скоро будешь сиротою,
У тебя отнимут мать.
Мне минута наступила
Тебя навеки покидать.
Скоро хладная могила
У тебя отнимет мать.
Ты, звезда, моя девица,
Пожалей своей красы,
Не сгуби себя, голубка,
Не плети ты две косы.
Не меняй златую волю
На прелестные цветы,
На простую жизнь земную,
На заботы, суеты.

Ты теперь хоть небогата
И в народе не славна,
Навек, птичка, ты крылата,
Беспечальна и вольна.
Не забудь того, девица:
Твой жених – с небес Творец,
Век ты будешь как царица,
С ним пойдешь ты под венец.
Лучше царских там палаты,
Вертограды и сады.
Поле устлано цветами,
Разный запах издают,
Рощи с чудными древами,
Где ангелы поют».

О лени

Восстань, ленивый,
Отряхни сон вскоре,
Воззри на все твари,
На небо и доли,
Как спешат, спешат свое дело
Исполнять пред Творцом.

Солнце и планеты
Текут непрестанно.
Звездный лик вкупе
Светит не мечтанно.
Дают нам во пшеницы,
Дают нам кругом свет.

Птицы прилетают,
Вся древа дубравна
Поют песни сладки,
Жизнь наша забавна.

Ты же спишь беспробудно,
Не радеешь ни о чем.

Ты же пока будешь
На одре кататься,
С боку на бок взнаки
Без стыда валяться,
Придет зло, нищета,
От лени беда.

Как на стол собрали
В обеднее время,
Кушанья довольно
Внесли цело бремя,
Лень встает, умывается,
Сам в лице, не кряхтит.

Простирает руку
На всяку похлебку,
Ест, как и здоровый,
Булку и селедку.
Гости все оглянулись
На него, засмеясь.

Лени стыдно стало,
Что ложь обличилась,
Пред честным собраньем
Явственно открылась.
Не мог быть за столом
С гостями, пошел вон.

В клеть свою зашедши,
Пробыл трое суток
Голодным, не евшим.
Помышляет он в себе,
Что будет отвечать на суде.

С другом я вчера сидел

С другом я вчера сидел
И вдруг зрю: смерть мне – предел.
О, горе мне, горе мне великое!

Я на вольном свете жил,
Сильно чрево обожил.
О, горе мне, горе мне великое!

Друга верного нет со мной,
Скрылся свет – хранитель мой.
О, горе мне, горе мне великое!

У огонь, смолу иду
За прегордость, жизнь свою.
О, горе мне, горе мне великое!

Ничему не верил я,
Жил, как пес иль как свинья.
О, горе мне, горе мне великое!

Дней воскресных не почел,
Во грехах все дни провел.
О, горе мне, горе мне великое!

Не почтил отца и мать
И всё тщался раздражать.
О, горе мне, горе мне великое!

В душегубстве виноват,
От меня убит мой брат.
О, горе мне, горе мне великое!

Мимо царства прохожу,
Горько плачу и тужу.
О, горе мне, горе мне великое!

Не будет мне царства там,
Не помилован я сам.
О, горе мне, горе мне великое!

Я попрошу каплю воды
Огорчить своей беды.
О, горе мне, горе мне великое!

А над нами есть Господь непостижим,
От него мы никуда не убежим.
О, горе мне, горе мне великое!

Записал В. П. Гурьев от Ирины Кирилловны Гурьевой (1912-1991), 1963. [2, 479-484]

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-65-84

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдіна С. О. Боротьба православної церкви та царського уряду зі старообрядництвом у 50-60-х роках XIX ст. (на прикладі Харківської губернії) // Українське релігієзнавство. 2003. № 25. С. 73-82;
2. Гурьев В. П. Гурьев Казачок (1672-2014): Краеведческие очерки и материалы: в 2 тт. Т. 1 / сост., ред., предисл., примеч. и доп. М. М. Красикова. Харьков: Эксклюзив, 2016. 528 с.
3. Гурьев В. П. Гурьев Казачок (1672-2014): Краеведческие очерки и материалы: в 2 тт. Т. 2 / сост., ред., предисл., примеч. и доп. М. М. Красикова. Харьков: Эксклюзив, 2017. 567 с.
4. Єремєєв П. В. Старообрядництво Харківської губернії: соціальны структури та статистика (1825-1917 рр.). Харків: Раритети України, 2018. 272 с.

5. Єремєєв П. В. Старообрядці Харківської губернії (1825-1917): соціальна структура та кількісні характеристики: Автореф. дис. … канд. іст. наук. Харків, 2014. 24 с.
6. Колода В. В. и др. Комментарии // Филарет [Гумилевский Д. г.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3 т. / Ред. А. Ф. Парамонов и др. Т. 3. Харьков, 2006. С. 173-218.
7. Обченко А. Н. Взаимодействие старообрядцев и государственной власти Российской империи (на основе материалов Змиевского уезда Харьковской губернии середины XIX в.) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2010. Вып. 7. С. 44-48.
8. Потоцький В. П. Релігійне сектантство в Харківській губернії (1861-1917): Автореф. дис. … канд. іст. наук. Харків, 2004. 24 с.
9. Филарет [Гумилевский Д. г.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: В 3 т. / Ред. А. Ф. Парамонов и др. Т. 1. Харьков: ИД «Райдер», 2004. 328 с.
10. Чубова В. Страшные участки пути и их осмысление в русских диалектах Слобожанщины // Культурна спадщина Слобожанщини. Культура, мистецтво, філософія, охорона пам'яток : зб. наук.-поп. ст. Харків, 2011. С. 282-288.

ԽԱՐԿՈՎԻ ՇՐՋԱՆԻ ԳՈՒՐԵՎ ԿԱԶԱՉՈՒԿ ԳՅՈՒՂԻ ՀՆԱԴԱՎԱՆԱԿԱՆՆԵՐԸ. ԱՎԱՆԴՈՒՅԹԻ ԿՅԱՆՔՆ ՈՒ ՎԱԽՃԱՆԸ

Միխայիլ Կրասիկով

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *Ուկրաինա, Խարկովի մարզ, կրոն, հնադավանական, կենցաղ, բանահյուսություն, պատմություն*

Հոդվածում վերլուծվում է Խարկովի մարզի Զոլոչևի շրջանի Գուրև Կազաչոկ գյուղում հնադավան ավանդույթի գոյության պատմությունը: Հիմնվելով Վ. Պ. Գուրևի տեղական պատմության՝ հեղինակի խմբագրած նյութերի, ինչպես նաև իր սեփական դաշտային գրառումների վրա, ուրվագծվում են մեկուսացման առանձնահատկությունները և գերիշխող ուղղափառ եկեղեցու դիմակայությունը, իսկ խորհրդային տարիներին՝ տեղական համայնքի իշխանությունների հակակրոնական քաղաքականությունը: Ուշադրություն է դարձվում հնադավանների կողմից Սուրբ Ծննդյան և Նոր տարվա տոնակատարության առանձնահատկություններին, նրանց կողմից այնպիսի նորարարությունների ընկալմանը, ինչպիսիք են հեծանիվը, տրակտորը, էլեկտրաէներգիան, ռադիոն, հեռուստացույցը: Ուսումնասիրվում են մենթորության ավանդույթը և հին հավատացյալ համայնքում դրա ոչնչացման պատճառները: Մեջբերվում են հին հավատացյալների շրջանում տարածված երգերի տեքստերը («Երիտասարդ ճգնավոր», «Մայրը աղաչում էր», «Ծուլության մասին», «Երեկ նստեցի ընկերոջս հետ»), որոնք հստակ արտացոլում էին այս կրոնական ենթամշակույթի ներկայացուցիչների աշխարհայացքը:

OLD BELIEVERS OF THE VILLAGE OF GURIEV KAZACHOK IN THE KHARKIV REGION: THE LIFE AND DEATH OF A TRADITION

Mikhail Krasikov

Summary

Key words: *Ukraine, Kharkiv region, religion, Old Believers, life, folklore, history*

The article analyzes the history of the Old Believer tradition in the village of Guriev Kazachok, Zolochiv district, Kharkiv region. The characteristics of isolation and conflict with the dominant Orthodox Church are described, along with the anti-religious policies of the local community authorities throughout the Soviet era, based on the author's edited local history of V.P. Gurev and his own field notes. Attention is paid to the features of the celebration of Christmas and New Year by the Old Believers, their perception of such innovations as a bicycle, tractor, electricity, radio, television. The study examines the Old Believer community's mentoring tradition and the factors that led to its demise. The texts of songs popular among the Old Believers ("The Young Hermit", "The Mother Begged", "About Laziness", "Yesterday I Sat with My Friend") are cited, which clearly reflected the worldview of the representatives of this religious subculture.

УДК 821.112.2

ТЕАТРАЛЬНАЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПЬЕСЫ БЕРТОЛЬДА БРЕХТА «МАМАША КУРАЖ И ЕЕ ДЕТИ» В СССР И РОССИИ

Наталья Никонова
Владислав Родиков

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-85-98

Ключевые слова: *Бертольд Брехт, пьеса «Мамаша Кураж и ее дети», эпический театр, театральная рецепция, переводческая рецепция, Борис Заходер, Всеволод Розанов*

Статья посвящена театральной и переводческой рецепции пьесы немецкого драматурга и режиссера Бертольда Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» («Mutter Courage und Ihre Kinder») в СССР и России второй половины XX–XXI вв. Исследование проведено с целью научного описания феномена Бертольда Брехта и, в частности, одной из его известнейших пьес с перспективы русских театральных деятелей и переводчиков. Основным объектом и материалом исследования послужили оригинальный немецкоязычный текст пьесы, два русскоязычных перевода под заглавием «Мамаша Кураж и ее дети» (1956 и 1963 гг.) и сто четыре официальных сайта российских драматических театров (их репертуар за период второй половины XX–XXI вв.). Предметом научной работы является русская театральная и переводческая рецепция пьесы «Mutter Courage und Ihre Kinder» (1939). В работе рассмотрены новаторские идеи Бертольда Брехта по социальной и эстетической роли театра, особенности поэтики пьесы «Mutter Courage und Ihre Kinder», история театральных постановок пьесы в СССР и России и характеристика двух переводов пьесы на русский язык, выполненных Соломоном Аптом и тандемом Бориса Заходера и Всеволода Розанова. На основе сравнительно-сопоставительного анализа переводов пьесы и оригинального текста выявлены приоритетные переводческие стратегии.

Имя Брехта прочно вошло в историю драматургии и театра в

целом. Он реформировал театр, обнаружил и вскрыл в его сущности принципиально новые средства выражения. «Самое главное – научить людей правильно мыслить» – таково творческое кредо немецкого драматурга, положенное в основу его теории эпического театра [2]. По мнению Брехта, все составляющие театра – актеры, декорации, музыка, свет – должны обращаться не к эмоциям зрителей, а к их мыслям, должны стимулировать критическое осмысление действительной реальности. Таким образом, эпический театр стал антитезой господствовавшему тогда аристотелевскому театру. Сегодня обе театральные парадигмы занимают равнозначные позиции, что говорит о важности мировоззрения Брехта, сумевшего сделать сцену трибуной социально-политического высказывания.

Впервые для русского зрителя пьеса «Mutter Courage und Ihre Kinder» была показана в Москве и Ленинграде в 1957 году в рамках гастролей театра

«Берлинер ансамбль». Постановку приняли неоднозначно, что критики связывали прежде всего с расхождением идей эпического театра с традициями русского народного театра. Критик Александр Мацкин высказывал альтернативное мнение: *«В спектакле "Мамаша Кураж" Брехт – драматург, режиссёр и теоретик – выступает в счастливом единстве; это вершина его эпического, так называемого "антиаристотелевского" искусства. И наша позиция зрителей вполне соответствует идеалу Брехта… Только в драматические минуты действия… вопреки кодексу Брехта, мы из зрителей наблюдающих превращаемся в зрителей сопереживающих»* [12].

Первым русским режиссером, поставившим «Mutter Courage und Ihre Kinder», был Максим Штраух, а роль Мамаши Кураж исполнила Юдифь Глизер. Постановка осуществилась на сцене Московского театра им. Маяковского в 1960 году. По поводу спектакля критик Нина Толчёнова писала: *«На сцене оживает в образах страшная философия грабежа и насилия, возникают её уродливые порождения, вызванные хищническими стремлениями к наживе…»* [8]. По своим постановочным принципам спектакль

Штрауха был далек от модели “эпического театра”, и в большей степени отвечал эстетическим требованиям главного режиссера театра Маяковского Николая Охлопкова, стремящегося создать «театр потрясения».

В целях нашего исследования мы изучили текущие и архивные репертуары театров всех федеральных округов Российской Федерации: Центрального, Северо-Западного, Южного, Северо-Кавказского, Приволжского, Уральского, Дальневосточного и Сибирского. Приведем в качестве иллюстративных примеров Центральный и Сибирский федеральные округи.

Для ретроспективы Центрального федерального округа мы отобрали двадцать один театр: Государственный академический театр имени Евгения Вахтангова; Московский академический театр сатиры; Московский Художественный театр имени А. П. Чехова; Московский академический театр имени Владимира Маяковского; Театр на Таганке; Московский театр «Современник»; Государственный театр наций; Московский драматический театр имени А. С. Пушкина; «Мастерская Петра Фоменко», Московский драматический Театр на Бронной; Московский драматический театр имени Марии Николаевны Ермоловой; Московский художественный академический театр имени Максима Горького; «Практика»; Российский академический молодежный театр; Российский театр драмы имени Ф. Волкова в г. Ярославле; Воронежский государственный академический театр драмы имени А. В. Кольцова; Рязанский государственный ордена Знак Почета областной театр драмы; Калужский областной драматический театр; Тверской академический театр драмы; Смоленский государственный академический драматический театр имени А. С. Грибоедова; Ивановский областной драматический театр.

Десять из рассмотренных театров обращались к творчеству Брехта, и только четыре – непосредственно к пьесе «Mutter Courage und Ihre Kinder». Напомним, что режиссер Московского театра им. Маяковского Максим Штраух ставит первый в истории русского

театра спектакль по данной пьесе. В 1972 году режиссер Московского академического театра сатиры Марк Захаров осуществляет постановку пьесы с Татьяной Пельтцер в главной роли. Позже Захаров называл свою работу неудачей, так как его прочтение пьесы расходилось с положениями эпического театра [8]. В 2016 году на сцене театра «Мастерская Петра Фоменко» проходит премьера спектакля Кирилла Вытоптова, озаглавленного как "Мамаша Кураж". Уникальность постановки в сравнении с предыдущими заключается в том, что «в спектакле у Вытоптова нет знаменитой повозки, которая обычно появляется в постановке "Мамаша Кураж" в разных сценографических решениях. И "Мамаша Кураж" у него не странствует за воюющими полками. Война здесь сама к ней приходит» [7]. В 2017 году на сцене Ивановского областного драматического театра режиссер Алексей Ларичев ставит свою версию «Mutter Courage und Ihre Kinder».

Для ретроспективы Сибирского федерального округа мы отобрали тринадцать театров: «Красный факел» и «Глобус» в г. Новосибирске; Омский государственный академический театр драмы; Омский государственный драматический Пятый театр; Томский государственный Областной театр драмы; Красноярский драматический театр имени А. С. Пушкина; Иркутский академический драматический театр имени Н. П. Охлопкова; Алтайский краевой драматический театр имени Василия Шукшина в г. Барнауле; Норильский Заполярный театр драмы имени В. Маяковского; Новокузнецкий драматический театр; Театр драмы Кузбасса в г. Кемерово; Бурятский драматический театр имени Хоца Намсараева в г. Улан-Удэ; Хакасский национальный драматический театр имени А. М. Топанова.

Установлено, что шесть из тринадцати сибирских театров содержат в своих текущих и архивных репертуарах спектакли по мотивам творчества Брехта. Сибирские театральные деятели обращались к трем пьесам немецкого драматурга – «Der kaukasische Kreidekreis», «Die Dreigroschenoper» и «Mutter Courage und Ihre

Kinder». Известно, что последнюю пьесу трижды ставили разные режиссеры в разных театрах. Сначала, в Омском государственном академическом театре драмы в 1962 году вышел спектакль Юрия Альховского, в котором роль Мамаши Кураж сыграла Людмила Лепорская. Позже, в начале 1990-х гг. Алексей Серов ставит свою интерпретацию пьесы на сцене «Красного факела». В 2010 году на сцене Алтайского краевого драматического театра имени Василия Шукшина выходит спектакль питерского режиссера Романа Феодори. Постановке была присуждена премия «Золотая маска» в номинации «Специальная премия жюри драматического театра» в 2012 году [6]. Между тем, мнения критиков и театроведов разнились. Например, рецензент «Российской газеты» так суммирует свои впечатления от спектакля: «*...выставочными театральными достижениями провинциальной России оказываются спектакли, которые по-хорошему должны были бы определять уровень ее спокойных рабочих будней*» [10]. Рецензент газеты «Коммерсантъ» отметила близость спектакля к видению Брехта: «*...знаменитый принцип остранения, придуманный немецким драматургом (зритель должен быть вовлечен в спектакль интеллектуально, а не эмоционально) никогда не был близок отечественной сцене. Наш театр обычно ждет от публики не мысли, а сопереживания – и, надо признать, барнаульской мамаше Кураж удается его добиться*» [10].

Мы считаем правильным начать анализ переводческой рецепции драмы с заглавия, и здесь основным объектом внимания выступает имя главной героини, Мамаши Кураж. Как мы можем видеть, оригинальное имя так же состоит из двух лексем, одна из которых несет в себе коннотативное значение, а вторая – нет.

Кураж – транскрипция заимствованного французского слова *Courage,* которое можно перевести как «смелость», «отвага». В ходе исторического развития русский язык наделил вышеуказанную лексему дополнительными смысловыми оттенками, вследствие чего она стала полисемантичной. Как правило, слово «кураж» употребляют в бытовом дискурсе, подразумевая разные смыслы в зависи-

мости от условий коммуникации. Во-первых, оно может означать непринужденно-развязное поведение, показную смелость, которая смелостью априори не является. Во-вторых – состояние эмоционального подъема, особенно в процессе какой-то деятельности, сулящей материальный успех. В-третьих – состояние легкого алкогольного опьянения. В-четвертых – воинскую доблесть и отвагу [5]. Последние два значения отечественные лингвисты причисляют к устаревшим семантическим единицам. Вторая семантика в наибольшей степени коррелирует с психологическим портретом Мамаши Кураж и общей идеей драмы. На данный факт указывают реплики главной героини, как будто выносящей приговор самой себе на протяжении всего действия драмы (далее приводятся выдержки из перевода С. Апта) [4]:

Верно, она (война) *уничтожает слабых, но они и в мирное время погибают. Зато своих людей она кормит лучше.* (7 картина)

От мирного звона мне сейчас мало радости. (8 картина)

Война прокормит нас с успехом,

Коль ей свинец и ружья дашь. (8 картина)

Мамаша – коннотативно модифицированная калька с немецкого слова *Mutter,* несущего нейтральную окраску. В этой связи интересно узнать, была ли весомая причина менять регистр в имени главного действующего лица. Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, *мамаша* употребляется по отношению к любой женщине, обычно пожилого возраста, в фамильярной, бесцеремонной манере [11]. Данный факт коррелирует с тем типом взаимодействия, который выстраивается у Мамаши Кураж со многими персонажами пьесы.

Стоит упомянуть, что Мамаша Кураж – лишь прозвище женщины по имени Анна Фирлинг (в оригинале Anna Fierling). Персонаж получила такое прозвище *за бойкость и ловкость* [9]. Кстати, немецкая фамилия Fierling этимологически происходит из наименования серебряной монеты, которую начали чеканить на севере Германии в начале XIV века, и на время Тридцатилетней

войны все еще была в обороте. Это лишний раз акцентирует природу героини, ее смысл существования.

Далее в качестве репрезентативного материала мы взяли девять реплик ключевых персонажей драмы (Mutter Courage, Der Feldprediger, Der Koch, Eilif, Schweizerkas) и три реплики второстепенных персонажей (Ein junger Soldat, Yvette Pottier, Die Bäuerin). В первом случае, важным представляется речевая характеристика каждого героя, ее передача в русских переводах. Во втором случае, мы получили вспомогательный аналитический материал по выявлению наиболее частотных переводческих трансформациях в обоих переводах. Рассмотрим реплики Повара и Полкового священника из картины 8. Первый – Повар:

Оригинал	С. Апт	Заходер/Розанов
seine ausziehend und sich die Fußlappen abwickelnd: **Wenn Sie nicht ein so gottloser Lump geworden wären**, könntens jetzt im Frieden leicht wieder zu einem Pfarrhaus kommen. Köch wird man nicht brauchen, zum Koch ist nix da, **aber geglaubt wird immer noch**, da hat sich nix verändert.	***(стягивая с себя сапоги и разматывая портянки).*** **Если бы вы так безбожно не опустились**, вы бы легко могли теперь, когда наступил мир, получить приход. Повара не будут нужны, варить нечего, а в бога верить все еще будут, тут ничего не изменилось.	***(снимает сапог и начинает перематывать портянку).*** Не будь вы такой низкий безбожник, вы бы сейчас легко приход получали. Повара не нужно – варить нечего. **А религия никуда не девался.** Тут ничего не меняться.

Сразу стоит обратить внимание на денотативную неточность перевода Заходера/Розанова. Лексическая единица *sich abwickeln* не соотносится с русскоязычным *перематывать,* что подтверждает Большой немецко-русский словарь Лепинга Е.И. Повар в варианте Заходера/Розанова обладает дефектной речью *(А религия никуда не девался)*, которую можно объяснить чуждым остальным героям пьесы происхождением. На этот счет мы можем только строить гипотезы, так как внятного разъяснения или примечания вне или внутри текста переводчики не оставили. Нам известно, что Повар является голландцем (*Священник. Вам, голландцу, не мешало бы взглянуть на это знамя...)*, однако названное обстоятельство нисколько не убедительно, ввиду того что остальные герои пьесы так же принадлежат к различным национальностям. Больше никого из персонажей пьесы Заходер/Розанов не наделяют подобной речевой особенностью, что вызывает как минимум любопытство. Такой прием хоть и выделяет на языковом уровне ключевого персонажа пьесы, но в то же время нарушает адекватность исходного текста. Фрагмент *aber geglaubt wird immer noch* выставлено Заходером/Розановым как отдельное предложение и передано с помощью антонимии, а лексема *geglaubt* передана с использованием грамматической замены.

С. Апт, как и в первом примере, сохраняет ритмику оригинала и придерживается дословной последовательности всех синтаксических элементов. Он допускает одну вольность путем грамматической замены: *Wenn Sie nicht ein so gottloser Lump geworden wären / Если бы вы так безбожно не опустились.*

Далее реплика Полкового священника:

Оригинал	С. Апт	Заходер/Розанов
Mit Ihnen red ich nicht. Sie haben mir zu durchsichtige Absichten. *Zur Courage:* Aber wenn ich Sie den Frieden entgegennehmen seh wie ein altes verrotztes **Sacktuch**, mit Daumen und Zeigefinger, dann empör ich mich menschlich; denn dann seh ich, Sie wollen ,keinen Frieden, sondern Krieg, weil Sie **Gewinne** machen, aber vergessen Sie dann auch nicht den alten Spruch: ***Wer mitn Teufel frühstücken will, muß ein langen Löffel haben!***	С вами я не желаю говорить. У вас слишком прозрачные намерения. *(Мамаше Кураж.)* Но когда я вижу, что вы смотрите на мир, как на старый засморканный платок, который из брезгливости берут двумя пальцами – большим и указательным,– я по-человечески возмущаюсь; ведь я же вижу, что вы не хотите мира, что вам нужна война, потому что вы на ней **наживаетесь**. Но не забывайте старой пословицы: **"Хочешь завтракать с чертом – припасай длинную ложку!"**	С вами я не разговариваю. Ваши намерения чересчур прозрачны. (Мамаше Кураж.) Когда я вижу, сколь брезгливо вы встречаете весть о мире, словно боясь прикоснуться к нему, как к старой **половой тряпке**,– все человеческое во мне возмущается. Вижу я, вы желаете не мира, а войны, ибо она приносит вам **барыш**. Но не забывайте старинного речения: **кто хочет обедать с чертом, запасайся длинной ложкой!**

Здесь С. Апт следует синтаксису оригинала, а именно: придерживается тождественного лексического состава, насколько это позволяет русский язык; сохраняет количество предложений, хотя в конце разделяет большую часть монолога Полкового священника с его предостережением в виде *пословицы* (перевод С. Апта), переносит темп и ритм речи героя.

Заходер/Розанов допускают денотативную неточность, переводя *Sacktuch* как *половая тряпка,* однако подобная ошибка не влияет негативно на идейный аспект произведения. Оба перевода пьесы схожим образом передают последнее предложение реплики:

они калькировано переносят немецкую идиому про черта и ложку, никак не адаптируя ее для отечественного рецепиента. В итоге, смысл пословицы/речения остается лакуной как для русских читателей, так и для будущих русских переводчиков. Так как сама пословица является заимствованием в свою очередь английской идиомы *he should have a long spoon that sups with the devil,* мы считаем целесообразным обратиться к Универсальному англо-русскому словарю [1]. Наиболее точным эквивалентом зарубежной пословицы нам представляется «Связался с чертом, пеняй на себя». Лексема *Gewinne* полисемантична и имеет нейтральную коннотацию. Поэтому С. Апт передает ее через прием модуляции *(Gewinne machen – наживаетесь),* а Заходер/Розанов подбирают лексический эквивалент *(Gewinne – барыш).* Оба переводческих решения отвечают семантике исходного слова, но стилистически снижают речь героя до простонародной.

Итак, одиннадцать российских драматических театров работали с пьесой «Mutter Courage und Ihre Kinder», большинство из которых обратились к ней в XXI веке. Относительно других пьес Брехта «Мамаша Кураж» – не самая популярное произведение автора на русской сцене. Укажем причины сложившейся картины: неадаптированность положений эпического театра, отсутствие острой актуальности и сам образ Кураж. Данное обстоятельство вовсе не говорит о заведомом провале российских постановок, многие из которых, напротив, были благосклонно приняты русским зрителем. Однако консенсус театральных критиков по всем современным постановкам пьесы гласит, что зачастую режиссеры пренебрегают идеями эпического театра, не раскрывают полного потенциала произведения.

Что касается переводческой рецепции пьесы «Mutter Courage und Ihre Kinder», мы можем констатировать преобладание доместицирующей стратегии в обоих переводах, однако стоит разграничить частные подходы переводчиков. Так, Соломон Апт тяготеет к буквалистскому переводу: во всех случаях с минимальными исключени-

ями С. Апт соблюдает синтаксическое единство оригинальных реплик героев, старается следовать темпу их речи всеми доступными русскому языку способами. Как правило, при подборе лексических эквивалентов С. Апт использует нейтральные единицы, и в некоторых случаях такой подход вредит переводу. В то же время, перевод Бориса Заходера и Всеволода Розанова характеризуется своей вольностью. Здесь прослеживается личный переводческий метод Заходера, который известен своими пересказами англоязычных сказок на русский язык. Осмелимся сказать, что Заходер добивался не прагматической адекватности своих переводов, а скорее понятной русскому читателю интерпретации, в которой возможны любого рода упущения и добавления. Как видно из исследования, перевод Заходера/Розанова изобилует целостными преобразованиями и усиленной коннотативной семантикой. В некоторых случаях переводчики допускают денотативные погрешности, но они не вредят адекватности перевода. Заходер/Розанов часто сохраняют эмоциональный регистр оригинала или же наоборот усиливают его. Заметно внимание переводчиков на индивидуализацию действующих лиц пьесы, апофеозом которой является неграмотная речь Повара.

Не вызывает сомнений продуктивная разработка брехтовского материала в армянской театральной практике, знакомой с творчеством драматурга еще с советских времен. Так, на ереванской сцене ставили интерактивный спектакль по мотивам Мамаши Кураж – «Тот, кто говорит да, тот, кто говорит нет». Исходя из вышесказанного, мы выявляем перспективное направление в национальной театральной рецепции, которое способно закрыть лакуны в армянском брехтоведении, а также практически содействовать будущим театральным постановкам.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-85-98

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский универсальный дополнительный практический словарь И. Мостицкого. 2010-2024. URL: https://eng-rus-mostitsky-dict.slovaronline.com/20450-he%20should%20have%20a%20long%20spoon%20that%20sups%20with% 20the%20devil (дата обращения: 21.05.2024).
2. Бертольт Брехт: революционер театрального искусства // The Wall. 2024. URL: https://thewallmagazine.ru/bertold-brecht-theatre-trevolutioner/?fbclid=IwAR3bR_FBToSsBtwRW4035eNi0GmlAGMpW0md7diLwTqCZE98Km7Hwder3nc (дата обращения: 03.05.2024).
3. Брехт Б. Сокровища мировой литературы. Бертольт Брехт. Избранное. М., 1998. С. 388, 391, 398.
4. Кураж // Викисловарь. 2024. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/кураж (дата обращения: 18.05.2024).
5. Мамаша Кураж и ее дети // Театр драмы имени Василия Шукшина. 2005-2024. URL: https://altdrama.ru/poster/mamasha-kurazh-i-ee-deti-sp (дата обращения: 17.05.2024).
6. Мамаша Кураж // Мастерская Петра Фоменко. 1996-2024. URL: https://www.fomenki.ru/performance/courage/ (дата обращения: 16.05.2024).
7. Захаров М. А. Контакты на разных уровнях. М., 2000. С. 128-129.
8. Райх Б. Брехт. Очерк творчества. М., 1960. С. 143.
9. Спектакль “Мамаша Кураж и ее дети” краевого театра драмы получил спецприз жюри фестиваля “Золотая маска” // Altapress.ru. 2001–2024. URL: https://altapress.ru/afisha/story/ spektakl-mamasha-kurazh-i-ee-deti-kraevogo-teatra-dramipoluchil-spetspriz-zhyuri-festivalya-zolotaya-maska-244235 (дата обращения: 17.05.2024).
10. Толковый словарь Ушакова. 2008-2024. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=28650 (дата обращения: 18.05.2024).
11. Эткинд Е. г. Мамаша Кураж и её дети // Бертольт Брехт. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В пяти томах. М., 1964. С. 450.

ԲԵՐՏՈԼԴ ԲՐԵԽՏԻ «ԿՈՒՐԱԺ ՄԱՅՐԻԿՆ ՈՒ ՆՐԱ ԵՐԵԽԱՆԵՐԸ» ՊԻԵՍԻ ԹԱՏԵՐԱԿԱՆ ԵՎ ԹԱՐԳՄԱՆԱԿԱՆ ԸՆԴՈՒՆԵԼՈՒԹՅՈՒՆԸ ԽՍՀՄ-ՈՒՄ ԵՎ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆՈՒՄ

Նատալյա Նիկոնովա
Վլադիսլավ Ռոդիկով

Ամփոփում

Հանգույցային բառեր. *Բերտոլդ Բրեխտ, «Muttter Courage und Ihre Kinder» պիես, էպիկական թատրոն, թատերական ընդունելություն, թարգմանչական ընդունելություն, Բորիս Զախոդեր, Վսևոլոդ Ռոզանով*

Հոդվածը նվիրված է գերմանացի դրամատուրգ և ռեժիսոր Բերտոլդ Բրեխտի «Mutter Courage und Ihre Kinder» պիեսի թատերական և թարգմանական ընդունելությանը ԽՍՀՄ-ում և Ռուսաստանում 20-րդ դարի երկրորդ կեսին և 21-րդ դարում: Հետազոտությունն իրականացվել է ռուս թատերական գործիչների ու թարգմանիչների տեսանկյունից Բերտոլդ Բրեխտի ֆենոմենը և, մասնավորապես, նրա ամենահայտնի պիեսներից մեկը գիտականորեն բնութագրելու նպատակով: Ըստ Բրեխտի՝ թատրոնի բոլոր բաղադրիչները՝ դերասանները, դեկորացիան, երաժշտությունը, լույսը, պետք է գրավեն ոչ թե դիտողի էմոցիաները, այլ նրա մտքերը, և խրախուսեն իրականության քննադատական ընկալումը: Հոդվածում քննարկվում են Բերտոլդ Բրեխտի նորարարական պատկերացումները թատրոնի սոցիալական և գեղագիտական դերի մասին, «Mutter Courage und Ihre Kinder» պիեսի պոետիկայի առանձնահատկությունները, ԽՍՀՄ-ում և Ռուսաստանում պիեսի թատերական բեմադրության պատմությունը, ինչպես նաև Սոլոմոն Ապտի, Բորիս Զախոդերի և Վսևոլոդ Ռոզանովի տանդեմի կողմից պիեսի ռուսերեն երկու թարգմանությունների բնութագրերը: Թարգմանությունների և բնագրի տեքստի համեմատական վերլուծության հիման վրա սահմանվել են թարգմանության առաջնահերթ ռազմավարություններ:

THEATRE AND TRANSLATION RECEPTION OF BERTOLT BRECHT'S PLAY "MUTTER COURAGE UND IHRE KINDER" IN USSR AND RUSSIA

Natalya Nikonova
Vladislav Rodikov

Summary

Key words: *Bertolt Brecht, play "Mutter Courage und Ihre Kinder", epic theatre, theatre reception, translation reception, Boris Zakhoder, Vsevolod Rozanov*

The article is devoted to the theatre and translation reception of the play "Mutter Courage und Ihre Kinder" by German playwright and director Bertold Brecht in the USSR and Russia in the second half of XX-XXI centuries. The research was conducted with the aim of scientific description of the Bertolt Brecht phenomenon and, in particular, one of his most famous plays from the perspective of Russian theatre workers and translators.

Brecht's name is firmly embedded in the history of drama and theatre as a whole. He elaborated a concept of epic theatre that fundamentally changed the view on performance art functions. According to Brecht, all the components of the theatre –actors, scenery, music, light, should appeal not to the emotions of the audience, but to their thoughts, should stimulate critical reflection on the actual reality.

The paper considers the innovative ideas of Bertolt Brecht on the social and aesthetic role of theatre, the peculiarities of the poetics of the play "Mutter Courage und Ihre Kinder", the history of theatrical performances of the play in the USSR and Russia and the characteristics of two translations of the play into Russian by Solomon Apt and the tandem of Boris Zakhoder and Vsevolod Rozanov.

УДК 821.19

ՆՈՐԱՎԵՊԻ ԺԱՆՐԻ ՎԵՐԱԲՆՈՒԹԱԳՐՄԱՆ ՓՈՐՁ՝ ԸՍՏ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՆՈՐԱՎԵՊԻ ԸՆՁԵՌԱԾ ՆՅՈՒԹԻ

Վալերի Փիլոյան

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-99-113

Հանգուցային բառեր. *ժանր, սյուժե, Երուխան, Գրիգոր Զոհրապ, Հ. Թումանյան, Նար-Դոս*

Նովել-նորավեպի արտահայտությունը հայ գրականության մեջ արդեն 140 տարիներից ավելի պատմություն ունի: Նորավեպի բառարանային բնութագրումները՝ «բնորոշ առանձնահատկություններից են անսովոր սյուժեն, սուր բախումը, գործողության արագ զարգացումը և անսպասելի կտրուկ վախճանը» [8, 222-223], կամ՝ «մարդու կյանքի համեմատաբար ավարտուն դրվագ, գործողության արագ զարգացում և անսպասելի ավարտ» [5, 182], ինչպես նաև այլ ձևակերպումներ ըստ էության ածանցվել են անգլիացի տեսաբան Բեննետի հետևյալ ձևակերպումից. «Նորավեպը արձակ ստեղծագործություն է, սովորաբար վեպից կարճ, մեկ բացառիկ իրադրություն, կոնֆլիկտ, իրադարձություն կամ բնավորության գիծ քննող. այն պատմում է ինչ-որ «նոր», այսինքն՝ անսովոր, զարմանալի բանի մասին» [6, 314]:

Ժանրի կայացումը կապվում է Վերածննդի դարաշրջանի հետ, կոնկրետ՝ 1281 թ.-ի, երբ կազմվեց ու շրջանառվեց «Նովելինո» ժողովածուն: 700-ից ավելի տարիների ընթացքում, սակայն, ժանրի բնութագրումը ըստ էության ամբողջական չէ, շարունակական է, և կան պայմանական ձևակերպումներ: Հիմք է ընդունվում այն հանգամանքը, որ գրականությունը մաթեմատիկա չէ, ճշգրիտ գիտություն չէ, և հնարավոր չէ բացառել սուբյեկտիվ գործոնը: Սա է պատճառը, որ «ժանրի ըմբռնման, ընթերցման և մեկնաբանման երեք մոտեցում գոյություն ունի՝ նորմատիվ, գենետիկ և կոնվենցիոնալ» [6, 314]: Ուսումնասիրողի կարծիքով «նորմանտիվն անհրաժեշտ է, սակայն ոչ բավարար է» [6, 314], գենետիկը «ժանրի հիշողության» կոնցեպցիայի արգասիքն է, իսկ կոնվենցիոնալը ենթադրում է «որոշակի պայմանավորվածությունների մի համակեցու-

թյուն գրողի և ընթերցողի գիտակցություններում, որ հնարավորություն է ընձեռում ընկալել և ընդունել որևէ գեղարվեստական ստեղծագործություն կամ բնագիր՝ իբրև այս ժանրի արտահայտություն» [6, 314]: Հենց այս «որոշակի պայմանավորվածությունների համակցությունն» է ձևավորում տեսական գրականագիտական միտքը:

Այլ տեսաբաններ դիտարկում են երկու մոտեցում կամ հիմնական ուղղություն. նովելը մերձեցնում են համակցված (այլ կերպ՝ միջանկյալ) ժանրերին՝ հնարավորություն չգտնելով բավականաչափ ճշգրիտ և որոշակի բնութագրել կառուցվածքային և իմաստային յուրահատկությունները կամ, հակառակը, շեշտադրում են տարբերակիչ կառուցվածքային առանձնահատկությունները [12, 55-59]: Մասնավորապես Ե. Մ. Մելետինսկին կարծում է, որ նովելի գոնե մոտավոր տեսական բնութագրում չի կարող լինել առկա բավականաչափ բազմազան տարբերակների պատճառով, և սկզբունքային չի համարում նովելի և պատմվածքի տարբերությունը [11, 3-5]: Նմանատիպ կարծիք է հայտնել նաև Ստ. Թոփչյանը, ըստ որի՝ նովելի և պատմվածքի տարբերակումը «չի նպաստում հարցի ճշգրտմանը և բաժանելով գրականության որոշ տեսաբանների ընդունած սկզբունքը՝ թե նովելը և պատմվածքը սինոնիմներ են, կարծում ենք, պետք է մեկ և մյուս անվանումն օգտագործել այնպես, ինչպես տվյալ գործը անվանված է տվյալ հեղինակի մոտ» [2, 9]:

Հարցը չբարդացնելու նպատակով փորձենք մեր դիտարկումները շարադրել՝ ելակետ ունենալով հայոց նովել-նորավեպի ընձեռած նյութը:

Չնայած 19-րդ դարի 80-ական թթ. գրականության մեջ դրսևորվել են պայմանականորեն «փոքր արձակի» ստեղծագործություններ՝ վեպիկ, վիպակ, պատմվածք, դրվագ, մանրավեպ և այլ անվանումներով, սակայն 1883 թվականին Զմյուռնիայի «Արևելյան մամուլում», ապա և առանձին գրքով տպագրվում է Օրիորդ Մենիկի (Թագուհի Շիշմանյան) «Գարնան մը ասուպ» երկը՝ «նորավեպ» վերտառությամբ: Մինչ այդ բառն օգտագործվել է Մեսրոպ Թաղիադյանի կողմից, սակայն չուներ ժանրի բնորոշման հավակնություն:

Հ. Օշականի «արվեստը ազատություն է», «արվեստը ամբողջություն է» փայլուն ձևակերպումները լավագույնս դրսևորվել են 19-րդ դարի վերջին և 20-րդ դարասկզբին թրքական կայսրության մեջ արարվող հայ գրականության մեջ՝ որպես նորավեպեր՝ հաստատելով հայ ոգու ազատությունն ու ամբողջությունը: Գր. Հակոբյանի դիտարկմամբ՝ նորավեպի նորույթը պայմանավորված էր «ժանրի գենետիկական բնույթով, կազմաբանությամբ, պոետիկայով և բնագիրը կազմակերպող սկզբունքների և բաղկացուցիչների գործառնություններով» [6, 330]:

20-րդ դարասկզբին արևմտահայ իրականության մեջ ծավալված «Նորավեպին շուրջ» բանավեճին տասնյակ հեղինակներ են մասնակցել: Մասնավորապես Տիգրան Արփիարյանը նշել է, որ «<…> նորավեպը՝ գրասեր հասարակայնութենեն սիրված, փայփայված՝ կը ծիծաղի զինքը դատափետողներուն երեսին, ու չարաճճի տղու մը պես խույս տալով զինքը կաշկանդել, չեզոքացնել փորձող քերականական խստություններեն, մեկ օրեն մյուսը երևան կուգա նորեն՝ գրական էջի մը ճակատը» [1, 266; 6, 331]: Սակայն այս ամենը վերաբերում է ժանրի պատմությանն ու տեսական գնահատումներին, բայց ոչ բնութագրումներին: Այս իմաստով փորձենք դրսևորել «քերականական խստություններ» և նորավեպի ժանրային բնորոշումներին հավելել ևս 1-2 հատկանիշ, որոնք վերաբերում են «բնագիրը կազմակերպող սկզբունքներին»:

Ա. Փաստորեն նորավեպի մեջ դրսևորվում է «անսպասելի, կտրուկ վախճան» (ավարտ): Հարց է ծագում՝ ինչքանով է այն անսպասելի ու կտրուկ: Փորձենք հարցի պատասխանը գտնել կոնկրետ նորավեպերի քննությամբ՝ իրար հարաբերելով առանձին նորավեպերի նախադրություն և հանգուցալուծում, սկիզբ և ավարտ: Այսպես. Գրիգոր Զոհրապի «Զաբուղոն» նորավեպի նախադրության մեջ հիշատակվում է. «Իր մեծ արժանիքը ճարպիկութեանը մեջ էր. ***օդի պէս անոսր, ոգիի մը պէս աներեւույթ, տեղ մը չէ ու ամեն տեղ միանգամայն:***

Ամենէն աւելի ամուր փակուած դուռը, ամենէն բարձր պատը՝ մտնելէ չեն արգիլեր զինքը. բանալիին ծակէն, տախտակներուն ճեղքերէն ներս կը սպրդի կարծես, անշշուկ ստուերի մը պէս:

Ամեն բան գիտէ. ամեն խոսք կը լսէ ու դռնփակ նիստերը իրեն համար չեն. իրեն համար պատրաստուած ծուղակներուն մեջէն յաջողութեամբ դուրս կ'ելլէ միշտ, վարպետ ձեռնածուի մը պէս զարմանքի մէջ թողլով բռնելու պատրաստուող միամիտները:

<…> երկաթագործի քով աշկերտութենէ եկած էր ու կղպանքներու արուեստը պէտք եղածէն աւելի սորված էր» [3, 280-281] (ընդգծումներն իմն են՝ Վ. Փ.):

Ըստ էության հեղինակն արդեն ակնարկել է նորավեպի հանգուցալուծումը, բայց բնագրին անծանոթ ընթերցողը դա գիտակցում է միայն հանգուցալուծման մեջ, եթե այդ ընթացքում հիշում է նախադրության մեջ տեղ գտած մանրամասը.

«<…> հակառակ ամեն զգուշութեան, փախչելու ջանքեր կ'ընէ. անգամ մը երեսուն կանգուն բարձրութեամբ պատէ մը կ՛անցնի, բայց դուրսի բակին մէջ կը բռնուի. ուրիշ անգամ մը բանտին երդիքին վրայ ելլելու կը յաջողի. երկու գիշեր կ՛անցնէ հոն. կը տեսնեն ու կը բռնեն զինքը նորէն:

Այն ատեն ամեն խստութիւնները ի գործ կը դնեն ամեն վայրկեան փախչելու հետամուտ այս մարդուն դէմ. բանտին կարգապահական պատիժները կը տեղան իր գլխուն. <…> Եւ գիշեր մը կը յաջողի վերջապէս. խոհանոցին ծխնելոյզին մեջէն վեր կ՛ելլէ նախ ու յետոյ հիանալի ճարտարութեամբ մը այդ ցից բարձրութիւնէն վար կ՛իջնէ, այս անգամ բանտին շրջափակէն դուրս:

Երեք տարուան մէջ այս վեցերորդ փորձը կը յաջողի ահա, ու շիտակ, անխոհեմութեամբ թերեւս, մեր գեղը կը դառնայ նորէն» [3, 285]: Փաստորեն արդեն նախադրության մեջ ակնարկվել է, որ նորավեպի գլխավոր կերպարը փակված մնացողը չէ, դուրս է գալու կաշկանդումից և հոգեկան ու ֆիզիկական զսպաշապիկներից: Սիրահարված, իր միակ Վասիլիկին տենչացող, սակայն անգիտակ, որ նրա մատնությամբ է բանտ ընկել, Զաբուղոնը վեցերորդ փորձից կարողանում է փախչել բանտից, սակայն իրեն ոչ միայն ֆիզիկապես, այլև հոգով լքած Վասիլիկին տեսնելով այլ մեկի հետ՝ նախընտրում է վերադառնալ բանտ: Անսպասելին ոչ թե փախուստն է բանտից, այլ վերադարձը բանտ: Այս իրողությունն էլ ձևավորում է կրկնակի ավարտի պատկերացում, որը դառնում է

զոհրապյան նորավեպի յուրահատուկ նորագոյացություն:

«Ճիտին պարտքը» նորավեպի նախադրության մեջ ձևակերպվում է. «Ո՞վ էր տէրը այս երկուքին մէջ. երեսուն տարի վերջը, երբ ձախորդութիւնը իր երկաթի շրջապտոյտ օղակներով կը պաշարէր, այս մարդը կը հասկնար որ այդ անզգայ տոպրակը իր տէրը եղած էր միշտ» [3, 114-115]: Այնուհետ պատկերվում է ոչ թե Հուսեփ աղայի անկման կամ իր պայուսակի պահանջները բավարարել կարողանալու, այլ պայուսակի՝ իր տիրոջը տեր դառնալու ընթացքը: Եվ հանգուցալուծման մեջ հնչող բանաձևումը՝ «այդ պայուսակը՝ իր անողորմ յամառութեամբը, իր յուսահատեցուցիչ դատարկութեամբը, մարդոց ճիտին պարտքը կը մարմնացնէ անշուշտ. իր ճշմարիտ տեղը, ուրեմն, անոր վզին վրայ էր. ճիշտ հո՛ն ուր հաստատուած էր հիմա» [3, 123]:

Փորձենք անդրադառնալ նաև «Փոստալ» նորավեպին: Մանկությունից որբ Տիգրանուհին «մորաքրոջ մը տանը մէջ ապրած էր ինքզինքը գիտնալէն ի վեր մինչեւ ամուսնացած օրը» [3, 33]: Սակայն ամուսնանալն էլ նրան ուրախություն չբերեց.

«Մեծ բան մը չհասկցաւ այս ամուսնութենէն. կարգուելէն ութ օր վերջը էրիկը լեռ գնաց իր գործին, ածուխ շինելու, ու ամիս մը վերջը օր մը միայն դարձաւ կնոջը քով, հետեւյալ օրը նորէն իր լեռը երթալու, աներեւութանալու համար: ***Հարսը հոս ալ կ'աշխատէր օրն ի բուն ու իր կեանքը, բեւեռային օրերուն պէս, երկարատեւ խաւարի մը կը նմանէր զոր ոչ մեկ լոյսի ճառագայթ կուգայ վայրկեան մը գէթ լուսաւորել, ուրախացնել***» [3, 34] (ընդգծումը իմն է՝ Վ. Փ.):

Ամուսնուն մի օր տուն բերեցին «ոտքը կոտրած, ամիսներով անգործութեան դատապարտուած. ասիկա լրումը եղաւ: Ա՛հ, թե որ գոնէ զաւակ մը բերած ըլլար, հիմա ստնտութեան կ'երթար Պոլիս, ստակ կը վաստկէր ու տուն մը կրնար գնել, բայց այդ ալ չկար ու ասիկա՝ իր կեսուրը ու կեսրայրը յանցանքի մը պէս կը զարնէին իր երեսին» [3, 34]:

Սա է պատճառը, որ սպասավորության մեկնելը նրա համար լուսավոր ճանապարհի սկիզբ է պատկերացվում. «Տիգրանուհին հիմա այս մութէն դէպի լոյս ուղեւորութիւնը, ժամանումը միտքը

կը բերէր, բարի գուշակ մը կը համարէր իր կեանքին համար» [3, 35]:

Տիգրանուհու կյանքի հետագա վեց տարիների պատմությունը (երկու տարի Սուրբիկ հանըմի տանը և չորս տարի հեղինակի բարեկամի տանը) ներկայացվում է զուսպ, առանց անհարկի մանրամասերի («Նորավէպը թատերական փոքր կառոյց մըն է որուն մէջ տիրական է արագութիւնը գործողութեան») [10, 255], Զոհրապը մեզ հասցնում է Տիգրանուհու կյանքի լուսավոր հանգրվանին. «Ու մեռելոցի օրերը, քանի հատ որ մեռելոցի օր կայ տարւոյն մէջ, ցնծութեան օրեր էին իր համար» [3, 46]: Եվ հեղինակի մեծագույն վարպետությունն է, որ լույս է գտնում խավարի մեջ, պարադոքսալ հանգուցալուծումը ապահովում նախադրության ընձեռած նյութով: Այլևս անբարո կին, փոստալ, այլևայլ մակդիրները Տիգրանուհու համար չեն, որովհետև կայացել են լույսի փնտրտուքն ու հայտնագործությունը:

Երուխանի «Գողը» նորավեպում Հաճի Թուման, որ ձկնորս է, հիսունն անց տարիքում աչքերի տկարություն է ունենում և վաթսունն անց «այդ աստիճանական շիջումին հաջորդեր էր ամբողջական կուրությունը» [2, 410], սակայն նա «պիտի շարունակեր զայն <ձկնորսությունը>, կույր ալ, հիվանդ ալ ըլլար, մինչև որ մեռներ» (410): Նրա ընտանեկան կյանքում ողբերգություններ են գրանցվել. «Երեք մանչ զավակներ ունեցած էր, որոնց ամենքն ալ ուզած էր որ իր արհեստին հեշտին տաժանքներուն ու վտանգներուն մեջ մեծցնել, ամենքն ալ ձկնորս էր ըրած, այլ, ավաղ, ամենքն ալ թեև իրեն պես խիզախած էին հեղուկ տարրին դեմ, բայց այս վերջինը տարած էր հաղթանակը, իր վեհանման կլափին մեջ ընկլուզելով զանոնք» [2, 410]:

Կնոջ հետ զրույցի ընթացքում Թուման ձևակերպում է. «<…> անոնց ալ ճակատը անանկ կրվեր է <…> մեր զավակները բիզին ծովը պիտի խըղդվին» [2, 410]:

Կա նաև չորրորդ որդին՝ Սերոբը, որին կնոջ պահանջով տասնչորս տարեկանում ուղարկում են երկաթագործի մոտ աշկերտության՝ փորձելով հեռու պահել ծովից:

Թվում է՝ շրջանցվել է ճակատագիրը, սակայն «Դժբախտու-

թյուն սա էր, որ Սերոբ, իր հոր ձկնորսական արյունը ժառանգած էր, իր պստիկ տարիքեն կսիրեր ծով մտնել, լողալ, ձուկ որսալ» [2, 411]:

Կուրացած Թուման «Մեկ քանի խոշոր սափորներ գնել տված էր Սերոբին և զանոնք զետեղած էր չորս հինգ կանգուն հեռուն, ծովին հատակը: Ձուկերն, որք միշտ խորշեր ու ծակեր փնտռելու հետամուտ են, կմտնին այդ սափորներուն մեջ ու հոն կհաստատեին իրենց բնակությունը: Հաջորդ օրվան գիշերը, Հաճի Թումա, որ ծովին այդ մասը հրաշալի կերպով կճանչնար, կհանվեր, կհագներ իր մոմազօծ դեղնագույն լողազգեստը, ջուրը կմտներ ու անձայն, անշշուկ կսուզվեր ծովին տակը, կառնեեր սափորներն, ու կտաներ զանոնք, ձուկերով լեցված, պատերազմեն հարուստ ավարով ետ դարձող հին զորավարի մը հոխորտանքով: Այդ չափն ալ մեծ մխիթարանք ու բավական սփոփանք էր կույր ձկնորսին համար» [2, 412]:

Օրեր անց սափորները դատարկված են դուրս հանում, և գողություն ենթադրելով՝ Թուման որոշում է իր անելիքը: Ապավինելով իր լսելիքին՝ նա «ծովին հատակը խոյացավ» [2, 414], ապա «տնակ գնաց, ներս մտավ և գետինը նետելե ետք գիրկը բռնած մարմինն, որ դիակ մըն էր այլևս» [2, 414], ցանկացավ կնոջից իմանալ գողի ով լինելը: Պարզվում է՝ գողը չորրորդ որդին է՝ Սերոբը:

«Ծերունի հսկա ձկնորսը դողդողաց, ձեռքը աչվըներուն տարավ ու պաղած բիբերեն ժայթքող երկու կաթիլ խոշոր արցունքները սրբելե ետք՝ մրմռաց.

– Ես չըսի՞, քի մեր զավակները ամենն ալ ծովին մեջ պիտի մեռնին» [2, 415]:

Իրականության ճնշիչ պարտադրանքով Թուման վերածվում է յուրահատուկ Ուգոլինոյի, որի ցանկությունը և արյամբ գենետիկ պայմանավորվածությունը դառնում են զավակների կործանման պատճառ: Այս անգամ էլ հնարավոր չէ շրջանցել ճակատագիրը, և այս անգամ էլ նորավեպի անսպասելի թվացող ավարտն ակնարկվել է հընթացս՝ որպես ճակատագրի կանխասացություն:

Նորավեպի այս յուրահատկությանն ենք հանդիպում նաև Հովհ. Թումանյանի «Գիքորում»: Նախադրությունը՝

«Գյուղացի Համբոյի տունը կռիվ էր ընկել:

Համբոն ուզում էր իր տասներկու տարեկան Գիքորին տանի քաղաք, մի գործի տա, որ մարդ դառնա, աշխատանք անի:

Կինը չէր համաձայնում:

– Չեմ ուզում, իմ քորփա էրեխին էն անիրավ աշխարհքը մի գցիլ, չեմ ուզում,– լալիս էր կինը:

Մի խաղաղ առավոտ էր, մի տխուր առավոտ» [4, 37]:

«Անիրավ աշխարհը գցելը» պիտի որ իր հետևանքը ունենա, ինչը խտացվում է «մի տխուր առավոտ էր» նախադասությամբ: Եվ Գիքորի մահն ասես այդ նախադասության հաստատումն է:

Նար-Դոսի «Հոպոպ» նորավեպի նախադրության մեջ հիշատակվում է. «‹Զինագործ Ասատուրը› մի ձեռքին բռնած էր կեսթունգանոց մի գավ, որի պատերը տարիների ընթացքում սևացել էին ***կարմիր գինուց***, մյուս ձեռքին ***կարմիր*** աղլուխի մի կապոց, որի մեջ կար մի քիչ «դոշ» (ձուկ), մի քիչ կանաչի, մի կապոց ***կարմիր բողկ*** և երկու սպիտակ «շոթի» (վրացական երկայն ու նեղ հաց)…» [7, 77]: Մեկ նախադասության մեջ կարմիր բառի եռակի կրկնությունն արդեն լարում է ձևավորում, մոտեցնում արյան գույնի ենթագիտակցական զգացողությանը: Սա կարևոր նախապայման է, որ էական դերակատարություն է ունենալու հանգուցալուծման ընթացքում: Գավը, որ զինագործ Ասատուրի համար թալիսման է ու մշտական ուղեկից («Գինու գավը, որ տեսանք նրա ձեռքին, բանեցնում էր տասնհինգ տարուց ավելի, առավոտները դատարկ հետը տանում էր խանութ, երեկոները լիքը տուն բերում: Այնքան էր սիրում, որ շաբաթ գիշերները, դատարկելուց հետո, մոմ էր վառում վրեն. «Բարաքես սրա մեջն ա,– ասում էր.– ինչ էս գավով գինի եմ խմում, բանս լավ ա գնում»» [7, 81]), կնոջ հետ հերթական վեճից հետո ջարդվում է. «Գավը բխկաց և ալ վարդի պես բացվեց: Տակի հաստ մասը քրեղանի պես մնաց ընկած տեղը, իսկ բարակ պատերի թաց փշուրները թռան այս ու այն կողմ. Կարմիր գինին ներկեց գետինը լերդացած արյան սև գույնով և իսկույն ծծվեց արևակեզ գետնի մեջ» [7, 85]: Հոգեբանական լարումն իր լրումին է հասել, և տեղ է գտնելու վերջին ակորդը. զինագործ Ասատուրը «մի մեծ քար վերցրեց գետնից և ծայրահեղ կատաղի թափով շպրտեց

փախչող կնոջ հետևից: Քարը շեշտակի գնաց դիպավ կնոջ մեջքին: Կինը սաստիկ ճչաց, իներցիայով առաջ վազեց մի քանի քայլ էլ և փռվեց գետնին երեսի վրա: Հռհռացող փողոցը հանկարծ լռեց և քարացավ» [7, 85]: Անսպասելի է գիտակցվում կնոջ կայացած սպանությունը, սակայն այն արդեն հոգեբանորեն ակնարկվել և նախապատրաստվել է նախադրության մեջ, և արդյունքում ունենք ավարտ, որ ոչ թե անսպասելի է, այլ հոգեբանորեն կանխատեսելի: Փաստորեն կարելի է արձանագրել, որ հայոց նորավեպի դրսևորման ընթացքում տեղ են գտել առանձին նորավեպեր, որոնց կառուցման ընթացքում հանդիպում ենք ոչ թե անսպասելի ավարտ, այլ այնպիսի ավարտ, որն ակնարկվել է նախադրության մեջ, և այս իրողության վրա ընթերցողը, որ ասես ներքին համաձայնություն ունի հեղինակի հետ, ուշադրություն է դարձնում միայն հանգուցալուծման ընթացքում:

Բ. Նորավեպին բնորոշ է երկակի ավարտը, երբ առաջին ավարտը նախապատրաստում ու կանխորոշում է երկրորդը: Նկատենք, որ ավարտը նոր բովանդակություն է հաղորդում գործին, նպաստում է ստեղծագործության ասելիքի նորովի ընկալմանը: Առաջին ավարտը ձևավորվում է կյանքի ու գեղարվեստական պայմանականության տրամաբանությամբ, երկրորդ ավարտը՝ հոգու և հոգեկանի պարտադրանքով, որ ծնվում է կյանքից, բայց և հերքում է կյանքի գետնաքարշը կամ առտնինը՝ հաստատելով անսովորը ամենասովորականի մեջ: Այդ դրույթի լավագույն ապացույցը հիշատակված «Զաբուղոն» նորավեպն է, երբ որպես առաջին ավարտ պատկերացնում ենք Զաբուղոնի փախուստը բանտից, իսկ երկրորդ ավարտ՝ վերադարձը բանտ: Իսկ «Փոստալ» նորավեպի առաջին ավարտը աղախին դարձած գյուղացի կնոջ «փոստալ»-անալը, իսկ երկրորդ ավարտը՝ իր խեղճության միջից ելնելով սրբուհի դառնալը:

«Մագթաղինե» նորավեպում մարմնավաճառ աղջնակն է իրենից կրտսեր քրոջը, եղբորն ու տատին ապրեցնում իր վաստակով: Հավատքն ու կենսակերպը յուրահատուկ զուգակցություն-հակադրություն են կազմում, տեսնում ենք «իր ջերմեռանդ ու մեղաւոր աղջկան համոզումներուն տարօրինակ գիրկընդխառնումը» [3, 79]:

Սա է պատճառը, որ «Չեմ կրնար հաղորդութիւն առնել քանի որ վերջը դարձեալ մեղք պիտի գործեմ» [3, 80]: Սակայն երբ դանակահարվում է ու մահամերձ է, «Ինքը հաղորդութիւն առնելու փափագ հայտնեց» [3, 82], իսկ «տէրտէրը մերժեց գալ» [3, 82]: «Յետոյ մահը վրայ հասաւ. դանդաղ, հանդիսաւոր ու մռայլ բանը, վերարկուն՝ ուր Նախախնամութիւնը հոգածու ձեռքով փաթթեց բոլորեց այս աղջիկը, որուն՝ մարդոց ճղճիմ հաշիւները ու սխալ դատաստանը ամեն սփոփանք զլացեր էին Աստուծոյ անունով» [3, 82]: Գյանքի պարտադրանքով ձևավորված պատմություն: Հեղինակը հիշում է ընթերցողի հետ ունեցած համաձայնությունը և նշում է իր տեղում. «իր անունը, իր գեղեցկութիւնը նախճիրներ կը գործէր» [3, 81]: Բայց սա նախճիրի պատմություն չէ, երկը նորավեպ է դառնում իր երկրորդ ավարտով: Այս պատմությունը մեկնաբանում է բարձրաստիճան հոգևորականը. «Բացատրութիւններ տուաւ որոնք նուրբ թուեցան ինծի. վկայութիւններ բերաւ որոնց դէմ ըսելիք մը չգտայ: Իր փաստերը՝ բարբարոս ու վաւերական՝ չհամոզեցին զիս:

Ու միշտ աչքիս առջեւն է մահիճը լայն ու խորունկ որ սենեակին կէսը կը գրաւէր, լայն ու խորունկ որուն մէջ՝ կարմիր վարդ մը կուրծքին՝ այն աղուոր կինը կը քնանար» [3, 82-83]: Ասես հերքվում է մահը, և զոհրապյան գիրը գիտակցվում է որպես կյանքի օրհներգություն: Մահվան հերքումն էլ դառնում է նորավեպի ավարտ:

«Անդրշիրմի սեր» նորավեպի կառույցը ձևավորում է սիրո պարադոքսալ արտահայտություն, որ չենք կարող պատկերացնել որպես կենսական զգացողություն: Պատկերվում է սեր առ մեռած կինը, որ դառնում է այս ստեղծագործության զարգացման ցուցիչ, սակայն սա չի բավարարում հեղինակին, ու տեղ է գտնում երկրորդ «խենթություն»-հանգուցալուծումը. կնոջ հայրը իր մահից առաջ դիմում է առաջին դեմքով պատումն իրականացնողին, որ հանգուցյալին սիրահարված է՝ նրան անվանելով «Փեսաս»: Այս և «Մագթաղինե» նորավեպում տեսնում ենք կյանքի հաստատումը, և այլևս տեղ չունի մահվան պատկերացումը: 20-րդ դարի մտածողն է նշում. «Եթե որևէ բան ապացուցման կարիք ունի, ապա դա ոչ թե անմահության, այլ մահվան ֆենոմենն է»: Զոհրապի այս նորավեպերը «վճռականորեն ժխտում են մահվան հնարավորությունն

իսկ» [5, 130]: Իսկ «Խարիսխը» նորավեպում «վճռականորեն հաջողվում է մահվան հնարավորությունը»:

«Ոչ ոք իրեն չափ աստուածասէր ու աստուածավախ էր միանգամայն. կեանքի բոլոր երեւոյթները, բնութեան բոլոր գաղտնիքները Աստուծոյ գաղափարովը կը բացատրէր ու կը հասկնար, ինքը՝ խելացի կին մը սակայն» [3, 99]:

Այս խելացի կինը՝ Սոֆիկ հանըմը, իր հավատքն ու աստվածասիրությունն է հրամցնում հասարակությանը: Սակայն հեղինակն իր պատումն իրացնելիս «արձակում է թույնի առաջին կաթիլը». «Եւ սակայն հաշիւ մը կար այս աստուածասիրութեանը մէջ» [3, 101]: Ամուսնացած, չորս զավակների մայր Սոֆիկ հանըմը ի վերջո հայտնվում է «յարատեւ ձախորդութեանց մէջ զորս չըմբռնել կ'սկսէր» [3, 102]: Մահը տանում է զավակներից երկուսին, հալվում է ամուսնու հարստությունը, ինքն էլ սարսափում է վերահաս աղքատությունից:

Ավագ զավակի աշխատանքային հաջողությունները, կառավարական պաշտոնի կոչվելը ասես հաշտեցնում են Սոֆիկ հանըմին Աստծո հետ, սակայն «թույնի երկրորդ կաթիլն է հայտնվում». «<…> իր մտքովը, այս ամեն ջանքերով տեսակ մը ապահովագին տուած կ'ըլլար՝ իր ընտանեկան յաջողութիւնը ապագայ վտանգներէ զերծ պահելու համար» [3, 104]): Կյանքի սինուսոիդը ոչ միայն վեր է ելնում, այլ նաև վար իջնում, և զավակը «պտոյտի մէջ մսած՝ ծանր թոքատապէ մը կը տառապի» [Զ, 104]: Ու բնականաբար Սոֆիկ հանըմը «գիշեր թէ ցորեկ, կը վազէ շնչասպառ իր եկեղեցին, իր սուրբին, իր Աստուծուն, իր բժիշկին ոտքը» [3, 104]): Կինը հիվանդի սնարի մոտ է կամ եկեղեցում: Այսքանից հետո է կայանում հոգեբանական լարումը, և նորավեպի ամենաառաջին նախադասության մեջ հնչած «խելացի կին» կապակցությունն այլ կերպ է ընկալվում:

«Յետոյ, զաւկին վիճակը ծանրանալուն հետ, փոխն ի փոխ Աստուծոյ կամ մարդկան ապաւինելու վարանումներ, երկմտութիւններ կ'ունենայ: Կ'զգայ որ Աստուած կ'ուշանայ ու միանգամայն կը զղջայ այսպէս խորհելով մեղք գործելուն համար» [3, 105]: Սոֆիկ հանըմը զգում է, որ իր հավատքին ի տրիտուր «իր բոլոր

կեանքը <…> կ’երերայ, կը շարժի, կը տատանի» [3, 105]: Եվ «նորէն եկեղեցի գնաց, վերջին բացատրութիւն մը ուզելու համար» [3, 105]: Պատումին և կերպարի հոգեբանական կայացմանը զուգահեռ տեղ է գտնում նորավեպի «անվանադիրը»՝ խարիսխը. «<…> եկեղեցւոյն կամարները, երկուստեք դուրս ցցուած պահարաններով, որոնք շէնքին երկայնքին հետ ամրակուռ ու քառակուսի Խաչ մը կը ձեւացնէին, իբրեւ անքոյթ ու անշարժ խարիսխ մը որուն իր ձեռքն էր փարիլ» [3, 99-100]: Հեղինակը ժամանակ անց նորից է հիշում այն. «Խարիսխը կը շարունակէր վստահութիւն ներշնչել» [3, 103]:

Խարիսխը դառնալու է հենման կետ, երբ Սոֆիկ հանըմի հոգեբանական դեգերումները հասնեն իրենց վերջնական հանգրվանին, ասել է՝ տիկինը կատարի իր ընտրությունը. «<…> կանթեղին լոյսը անհեթեթ նկար մը ձեւացուց պատին վրայ. Այն երկաթէ ձողէն, որ կամարին բացուացքը կը միացնէր, չուանով կախուած մարմնի մը, Աստուածածնին դէմ լեզու հանող մարմնի մը տատանումը գծեց. միօրինակ եւ հետզհետէ նուազող ճոճումով որ կը շարունակուէր դեռ երբոր լուսարարը եկեղեցին բացաւ այն առտուն» [3, 106]: Փաստորեն տեղ է գտնում ոչ թե առ հավատն ունեցած երկմտությունը, ոչ էլ մերժումը, այլ հավատալով հանդերձ սահմանազանց լինելը: Սոֆիկ հանըմը հասարակ մահկանացու է, և Հոբի փորձությունները նրա համար չեն:

Այսքանից հետո փորձենք ձևակերպել, որ մասնավորապես Գր. Զոհրապի նորավեպերում հանդիպում է երկերի մի խումբ, որոնց մեջ անսպասելի ավարտը նախապես ակնարկվում է նախադրության մեջ, սակայն հեղինակի վարպետության շնորհիվ չի նկատվում, և տեղ է գտնում յուրահատուկ կրկնակի ավարտ, որ էական դերակատարություն ունեն երկերի՝ որպես նովել-նորավեպի արտահայտության ընթացքում:

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-99-113

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Արփիարյան Տ., Նորավեպին շուրջ, Մասիս, 1901, էջ 266:
2. Երուխան, Երկեր, Երևան, «Սովետական գրող» հրատ., 1981:
3. Զոհրապ Գրիգոր, Երկերի ժողովածու չորս հատորով (տպագրվել է վեց հատոր), հտ. Ա, Երևան, 2001:
4. Թումանյան Հովհ., Երկերի լիակատար ժողովածու, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 1994:
5. Կասսիրեր Է., Էսսե մարդու մասին, Երևան, 2007, էջ 130:
6. Հակոբյան Գր., Ուսումնասիրություններ և հոդվածներ, Ս. Էջմիածին, 2007:
7. Նար-Դոս, Երկերի ժողովածու հինգ հատորով, հտ. առաջին, Երևան, «Հայաստան» հրատ., 1968:
8. Զրբաշյան Էդ., Մախչանյան Հ., Գրականագիտական բառարան, Երևան, 1980:
9. Սանթոյան Մ., Գրականագիտական բառարան, Երևան, 2009:
10. Օշական Յ., Համապատկեր արեւմտահայ գրականութեան, հտ. 6, Պէյրութ, 1968:
11. Мелетинский Е. А., Историческая поэтика новеллы, М., 1990.
12. Теория литературных жанров: /М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа/; под пед. Н. Д. Тамарченко, М., издательский центр «Академия», 2012.

ПОПЫТКА РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖАНРА НОВЕЛЛЫ НА ОСНОВЕ АРМЯНСКИХ НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Валерий Пилоян

Резюме

Ключевые слова: *жанр, сюжет, Ерухан, Григор Зограп, О. Туманян, Нар-Дос*

Словарные описания новеллы, которые отмечают необычность сюжета, острый конфликт, быстрое развитие действия и неожиданную резкую концовку, по существу, являются неполными. На сегодняшний день есть три подхода к определению жанра: нормативный, генетический и конвенциональный. Было замечено, что «нормативный подход необходим, но недостаточен», генетический подход – продукт концепции «жанровой памяти», а конвенциональный подход подразумевает «сосуществование в сознании писателя и читателя определенных установок, позволяющих воспринимать и принимать любое художественное произведение или оригинальный текст как выражение этого жанра». Другие теоретики подходят к новелле как к сочетанию жанров и не считают отличие новеллы от рассказа принципиальным. В этом смысле попробуем добавить к жанровым определениям романа еще две черты, относящиеся к «организующим принципам» новеллы:

А. на самом деле в новелле есть «неожиданный, резкий финал». Попробуем найти ответ на вопрос, сравнивая экспозицию и эпилог новелл Григора Зограпа, О. Туманяна, Нар-Доса. Здесь нас ждет не неожиданная концовка, а психологически предсказуемый финал, о чем намекалось в экспозиции. Читатель, внутренне соглашаясь с автором, обращает внимание на этот факт лишь во время развязки;

Б. для новеллы характерен двойной финал, когда первый финал подготавливает и предопределяет второй. Концовка придает произведению новый смысл. Первый финал формируется логикой жизни и художественной условностью, второй финал – принуждением души и психики, которые рождаются из жизни, но отвергают обыденность жизни. Об этом свидетельствуют такие новеллы как: «Забухо», «Магдалина», «Загробная любовь», «Якорь» и другие произведения Григора Зограпа.

AN ATTEMPT TO REINTERPRET THE NOVEL GENRE BASED ON THE ARMENIAN NOVEL MATERIALS

Valery Piloyan

Summary

Key words: *genre, plot, Yerukhan, Grigor Zohrap, H. Tumanyan, Nar-Dos*

Dictionary descriptions of the novella, which note the unusual plot, acute conflict, rapid development of the action and an unexpected abrupt ending, are essentially incomplete. Today, there are three approaches to defining the genre: normative, genetic and conventional. It has been noted that "the normative approach is necessary but insufficient", the genetic approach is a product of the concept of "genre memory", and the conventional approach implies "the coexistence in the minds of the writer and reader of certain attitudes that allow them to perceive and accept any work of art or original text as an expression of this genre." Other theorists approach the novella as a combination of genres and do not consider the difference between the novella and the short story to be fundamental. In this sense, let us try to add two more features to the genre definitions of the novel, related to the "organizing principles" of the short story:

A. in fact, the novella has an "unexpected, abrupt ending". Let us try to find the answer to this question by comparing the exposition and epilogue of the short stories by Grigor Zohrap, Yerukhan, H. Tumanyan, Nar-Dos. Here we do not face an unexpected ending, but see a psychologically predictable ending, which was hinted at in the exposition. The reader, internally agreeing with the author, pays attention to this fact only during the denouement;

B. the novel is characterized by a double ending, when the first ending prepares and predetermines the second. The ending gives the work a new meaning. The first ending is formed by the logic of life and artistic conventionality, the second ending – by the coercion of the soul and psyche, which are derived from life. This is evidenced by such novellas as: "Zabugho", "Magdalena", "Afterlife Love", "Anchor" and other works by Grigor Zohrap.

УДК 821.161.1

АРМЯНСКАЯ ТЕМА В РАССКАЗЕ С. ДОВЛАТОВА «КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ» И СПЕЦИФИКА АВТОРСКОГО СТИЛЯ

Эгине Саакян
Женя Матинян

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-114-126

Ключевые слова: *жанр литературного анекдота, армянское происхождение, армянские традиции и реалии, Довлатов-рассказчик, Довлатов-писатель*

Рассказ С. Довлатова «Когда-то мы жили в горах» уникально по своей природе. В прозе и публицистике С. Довлатов создал собственный творческий метод и даже жанр – литературный анекдот.

О своей жизни и судьбе автор писал так: «Я родился в не очень-то дружной семье. Посредственно учился в школе. Был отчислен из университета. Служил три года в лагерной охране. Писал рассказы, которые не мог опубликовать. Был вынужден покинуть родину. В Америке я так и не стал богатым или преуспевающим человеком. Мои дети неохотно говорят по-русски. Я неохотно говорю по-английски. В моем родном Ленинграде построили дамбу. В моем любимом Таллине происходит непонятно что. Жизнь коротка. Человек одинок. Надеюсь, все это достаточно грустно, чтобы я мог продолжать заниматься литературой…» [9].

Биография писателя, жизненные трудности нашли отражение в его творчестве. На протяжении всей жизни Довлатова журналистика и литература шли бок о бок. Писатель привнес много литературы в публицистику. И теперь невозможно представить Довлатова-журналиста без Довлатова-писателя, и – наоборот.

Новаторство С. Довлатова проявилось в созданном им жанре литературного анекдота, в котором писатель превращается в рассказчика. «Довлатов первым разглядел произведение искусства в бытовом (литературном) анекдоте – и стал писателем. И стал

основоположником жанра. И дальнейший (увы, безрадостный) расцвет этого жанра, равно как и тот неоспоримый факт, что бесчисленные подделки под Довлатова не дотягивают до оригинала, доказывают, что писателем он стал хорошим»,– вспоминает Виктор Топоров [10].

До С. Довлатова не находилось в литературе автора, который сумел бы вести такой непринужденный диалог с читателем. Ситуации в произведениях изложены с неповторимой иронией в адрес времени и современного общества и удивительной доступностью для аудитории.

Герои его произведений были нам знакомы, словно Довлатов описывает не своего соседа, друга, родственника и коллегу, а какого-нибудь нашего соседа, нашего друга, родственника и коллегу, слова и мысли, высказанные рассказчиком, перекликались с нашими собственными, а поступки – воспринимались нами с сочувствием и пониманием.Объясняетсяэтопросто: Довлатов писал не только о себе, но о людях своего времени. Да, где-то приукрасил, но суть того поколения и дух времени остались нетронуты. Л. Лосев писал: «Есть такое английское выражение «lagerthanlife», «крупнее, чем в жизни». Люди, их слова и поступки в рассказе Довлатова становились «lager than life», живее, чем в жизни»[7].

Довлатов был настоящим мастером слова, ошибочно думать, что свои статьи и рассказы он писал, запросто пересказывая реальность. Каждоесловобыловыверено, каждое – занимало свое место в произведении, каждая деталь – необходима. Как отмечал Л. Лосев: «Лучшие слова в лучшем порядке» – это проза, это довлатовское искусство рассказа. Довлатов был абсолютно профессиональный литератор, то есть он знал, как мучительно добываются лучшие слова и каких трудов стоит найти для них лучший порядок» [7].

Отдельно стоит сказать и о стиле Довлатова. То, что он был великолепным стилистом, бесспорно. Это читается в его рассказах, в журналистских произведениях – он повествует, обращаясь не в «пустоту» аудитории, а к читателю, к одному конкретному человеку, в чьих руках его книга. И все в этой книге будто подобрано

для всех и каждого – ритм речи, художественные обороты, юмор, сами ситуации и герои. И уже нет пространства между автором и читателем, нет границ – есть только речь рассказчика, повествующего доверительно и прямо. Одним из первых особенность стиля Довлатова заметил его друг и замечательный поэт Иосиф Бродский: «Сережа был прежде всего замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы; на каденции авторской речи. Они написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта – большая редкость» [2].

Вместе с таким огромным талантом писателю была присущаскромность настоящего интеллигента-армянина: он не решается назвать себя писателем: «Не думайте, что я кокетничаю, но я не уверен, что считаю себя писателем. Я хотел бы считать себя рассказчиком. Это не одно и то же. Писатель занят серьезными проблемами – он пишет о том, во имя чего живут люди, как должны жить люди. А рассказчик пишет о том, как живут люди. Мне кажется, у Чехова всю жизнь была проблема, кто он: рассказчик или писатель? Во времена Чехова еще существовала эта грань» [1, 387-394].

В интервью он также скептически отзывается о своей популярности за границей, поскольку нельзя в его понимании считать это известностью. Довлатов уточняет: «Мой случай, если вы согласны называть его успехом, по-английски называется «критикалэклэйм» – замечен критикой. Действительно, было много положительных рецензий» [1, 387-394].

Параллельно с всеобщим признанием, произведения С. Довлатова не публиковались, хота распространялись самиздатовским принципом. В последствии С. Довлатов признавался, что мечтал, чтобы его опубликовали хоть где-то. Но этого не происходило: за короткий отрезок времени он получил около ста отказов. С. Довлатова не печатали в СССР, но он не был антисоветским писателем. Он недоумевал, по какой причине его не хотят публиковать. Наконец, он нашел ответ: «Я не был антисоветским писателем, и все

же меня не публиковали. Я все думал –почему? И, наконец, понял. Того, о чем я пишу, не существует.То есть в жизни оно, конечно, имеется.А в литературе не существует. Власти притворяются, что этой жизни нет» [5, 367-378].

С. Довлатов всю жизнь страдал именно от отсутствия возможности писать честно, открыто, так сказать, не халтуря. В СССР это было совершенно невозможно: каждое слово взвешивалось на предмет соответствия идеологии. Этой проверки и не прошли произведения писателя. И после провала в Эстонской ССР писатель решается на эмиграцию. Да и выбора у него не оставалось. Разумеется, Довлатов никогда не был антисоветским писателем, хотя ныне это с охотой ему приписывают. Николай Коняев довольно точно излагает проблему, с которой столкнулся Довлатов, живя и работая в СССР: «Он пытался вписаться в советскую действительность, работал в советских газетах, журналах, пытался издавать книги. Не его вина в том, что ему не удалось этого сделать. Советская действительность отторгала все, что не вписывается в параметры, которые были определены идеологией и практикой советской системы» [5].

Так советская действительность отторгла и его. Касательно Довлатова про идеологию говорить было бессмысленно. Это и стало мешать свободному творческому процессу. Когда в Таллинне в очередной раз получен отказ в издании книги, автор понимает, что это тревожный звонок. На нее он возлагал немалую надежду, и тут – провал. Довлатов писал об этом в «Невидимой книге» как он ждал сигнального экземпляра, но ему неожиданно сообщили, что книжка запрещена. Послечего оставаться в Таллинне было бессмысленно. И в 1975 году писатель возвращается в Ленинград, где продолжает работу в журнале «Костер», однако Довлатова не публикуют. В этот же период в западных журналах «Континент» и «Время и мы» появляются первые довлатовские рассказы. Не заставляет себя ждать реакция советской власти. И уже в 1976 году Довлатов эмигрирует в США – с одним полупустым чемоданом, в котором помещалась вся его прошлая жизнь, все им нажитое: «Сверху лежал приличный

двубортный костюм. В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для нобелевской церемонии. Дальше – поплиновая рубашка и туфли, завернутые в бумагу. Под ними – вельветовая куртка на искусственном меху. Слева – зимняя шапка из фальшивого котика. Три пары финских креповых носков. Шоферские перчатки. И наконец – кожаный офицерский ремень. На дне чемодана лежала страница «Правды» за май восьмидесятого года. Крупный заголовок гласил: «Великому учению – жить!» В центре -портрет Карла Маркса. Школьником я любил рисовать вождей мирового пролетариата. И особенно – Маркса. Обыкновенную кляксу размазал – уже похоже... Я оглядел пустой чемодан. На дне–Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними –пропащая, бесценная, единственная жизнь» [3, 94-95].

С Довлатова часто называют «обычным большим русским писателем», хотя отец Довлатова был евреем, а мать – тифлисской армянкой. Еще более интересно то, что сам Довлатов никогда не придавал значения фамилии. В известном интервью В. Ерофееву С. Довлатов сказал: «Знаю, что это кому-то кажется страшным позором, но у меня никогда не было ощущения, что я принадлежу к какой-то национальности. Я не говорю по-армянски. С другой стороны, по-еврейски я тоже не говорю, в еврейской среде не чувствую себя своим, И до последнего времени на беды армян смотрел как на беды в жизни любого другого народа – индийского, китайского... Но вот недавно на одной литературной конференции познакомился с Грантом Матевосяном. Он на меня совсем не похож – он настоящий армянин, с ума сходит от того, что делается у него на родине. Он такой застенчивый, искренний, добрый, абсолютно ангелоподобный человек, что, подружившись с ним, я стал смотреть как бы его глазами. Когда я читаю об армянских событиях, я представляю себе, что сейчас испытывает Матевосян. Вот так, через любовь к нему, у меня появились какие-то армянские чувства» [1, 387-394].

Таким образом, С. Довлатов стал интересоваться армянской темой, судьбой армян и Армении. Стал задумываться над написа-

нием произведения об армянах по крови, которые по тем или иным причинам утратили тесную связь со своими Горами. Себя же С. Довлатов стал определять как на треть еврей, на треть – армянин, и на треть – русский.

С. Довлатов скончался в 1990 году в Нью-Йорке. Его похоронили в армянской части еврейского кладбища.

Короткий рассказ С. Довлатова **«Когда-то мы жили в горах»** был опубликован в сатирическом журнале «Крокодил» в 1968 году. В новелле, виртуозно сочетая эпическое и комическое, автор описал эпизод из жизни армянской семьи.

Герои его произведения – армяне, которые живут в современном городе, но с собственными представлениями о мире. Писатель чередует лирические рассуждения о прошлом – жизни в горах – и повествование о нелепом «кооперативном» настоящем.

Иронию начинающего писателя оценили не все – через несколько недель после выхода этого номера С. Довлатова срочно вызвали в Москву. В редакции журналисту показали мешок писем из Армении с возмущенными откликами на рассказ. С. Довлатова обвиняли в незнании обычаев народа и искажении действительности.

Довлатов объяснил, что пытался донести в вызвавшем столько недовольства рассказе, а также обратил внимание на собственное происхождение. Напомним, что мать журналиста Нора Довлатян была армянкой: «В своем рассказе я попытался с иронией изобразить армян, давно живущих вдалеке от Армении, например в Ленинграде, потерявших связи с армянскими традициями. И сохранивших, культивирующих лишь чисто декоративные, экзотические, а в конечном счете ложные представления об обычаях своего народа. Нетрудно догадаться, что многое из того, о чем говорится в рассказе, имеет непосредственное отношение и к его незадачливому автору. Таким образом, большинство упреков, обращенных вами ко мне, уже адресовано мной героям моего рассказа.

– Мы, армяне, можем гордиться своей страной. 2750 лет прошло с тех пор, как на неприступном холме была заложена

крепость Эребуни. Веками создавалась великая армянская культура, складывались традиции и обычаи народа, в тяжелых испытаниях формировался его национальный характер. Всему миру известны имена армян, прославивших свою Родину. Полотна Мартироса Сарьяна, музыка Арама Хачатуряна, книги Мариэтты Шагинян стали достоянием мировой культуры. Гордостью советской науки является Виктор Амбарцумян. Наивно было бы думать, что кому-то по силам очернить армянскую культуру, бросить тень на армянский народ»,– написал Довлатов, в заключение поблагодарив за внимание к произведению и дружескую критику [8].

Эмигрировав в 1978 году в США, Сергей Довлатов запретил переиздание всех своих произведений, опубликованных в советской периодике. Однако второй вариант скандальной новеллы позже включил в сборник «Демарш энтузиастов» 1985 года.

Экспозицией рассказа «Когда-то мы жили в горах» служит лирическое вступление, размышление о том, что когда-то мы жили в горах. Это вступление лирично настолько, что в словах автора появляется почти стихотворный ритм. Например: «Эти горы косматыми псами лежали у ног» [3, 66]. Горы становятся живым существом, живущим рядом с человеком и вместе с ним. Также олицетворяется и время, становясь похожим на бесцельно гуляющего человека:

«Когда-то мы жили в горах. Теперь мы населяем кооперативы…» [3, 61].

Экспозиция кончается, и таким переходом автор подводит читателя к центральной части рассказа. Лиризм уступает место эпическому повествованию, настолько серьезно-комичному, что кажется – это реальная история, до предела сдобренная анекдотами. Герой-рассказчик попадает на день рождения к дяде Арменаку, где уже собралась вся многочисленная родня, готовая принять в свои объятия любого. Писатель знакомит нас с историей о том, как дядя Арменак украл свою невесту Сирануш из отцовского дома. В описании Сирануш снова прорывается лиричность: оно похоже своей образностью на древние оды, воспевавшие красоту любимой

женщины. Отец желает Арменаку и Сирануш счастья, но предупреждает, что за молодыми он отправит в погоню своих сыновей. Эта погоня вовсе не похожа на те, о которых мы слышали в кавказских легендах. Отец сам дает беглецам велосипед, а жених просит приглядеть за тем, чтобы погоня выглядела нормально. Сами же братья, от чьих бешеных криков на стенах возникают подпалины, кажется, и впрямь настроены грозно. Но косматые папахи на их беспутных головах гротескно контрастируют с темными костюмами и чистыми сорочками, да и ружье они забыли в такси, так что месть они с удовольствием заменяют на вино и шашлык, и хотя их горские традиции не выглядят нелепо, а лишь вызывают улыбку, они давно лишены смысла.

Рассказчик вдруг вспоминает о том, что дядя Хорен прожил трудную жизнь – на суде над ним «пошутили», вместо десяти суток условно огласив смертный приговор. Рассказчика посылают за водкой, а когда он возвращается, то видит дым, идущий из окна, и дядю Арменака, которого ведут в милицейскую машину. Как выяснилось, он развел костер, растопив его финским гарнитуром и подложив невесть откуда взявшееся в портфеле у дяди Хорена кровельное железо.

Этот рассказ мог бы так и остаться анекдотической историей, если бы не эпилог: «Когда-то мы жили в горах … мы не разлюбили их. Но эта любовь осталась только в песнях … Мы обижаем жен и разводим костры на паркете. Но когда-то мы жили в горах!» [3, 66].

Трудно однозначно определить пафос этого произведения – слишком тесно сплелось комическое и трагическое; трудно говорить и о конфликте – конфликт между норами и городом? Между прошлым и будущим? И даже отношение автора к поднятым им философским проблемам неясно, хотя, казалось бы, здесь используется прямой способ выразить авторское отношение – лирические отступления.

Возможно, дело в том, что Довлатов, как он сам признавался, считал себя не писателем, пишущим о том, во имя чего живут люди,

а рассказчиком, пишущем о том, как живут люди, и его рассказ, написанный емким и лаконичным языком, не басня, в конце которой стоит мораль, а баллада.

Рассказчик начинает с ностальгического размышления о прошлом армянского народа, когда они жили в горах, тесно связанными с природой и своими традициями. Он противопоставляет это современной жизни в городах, где армяне, как и он сам, стали частью городской суеты, утратив связь с природой и своими корнями.

Вечность противопоставлена сиюминутности. В рассказе есть время и мифологическое – легендарное прошлое, годы ежовщины в рассказе дяди Хорена, и конкретное, и абсурдное, парадоксальное: «Первый раз тебя вижу,– шагнул ко мне дядя Хорен,– безумно соскучился» [3, 61].

Временные и пространственные отношения в рассказе взаимосвязаны. Например, мифологическое время протекает в горах, а конкретное – биографическое время – в обстановке городской квартиры.

Главный герой любого рассказа Довлатова – он сам. В этом рассказе прототипами героев является армянская родня автора, которая изображается добродушно-иронично.

Драматизм пафоса – «измельчание» народа, скрывается за иронической тональностью рассказа. Но пафос и оптимистичен – это проявляется в последней фразе текста, выражается графически, прописными буквами: «НО КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ!» [3, 66].

Рассказ характеризуется сжатостью и емкостью. Автор идет от бытовой зарисовки к философскому обобщению. С. Довлатов отказывается от трагической традиции и утешительного пафоса русской литературы. Это подчеркивается своеобразной тональностью его прозы.

В небольшом рассказе умещается четыре микросюжета:

1. Судьба армянского народа.
2. День рождения дяди Арменака.
3. История женитьбы дяди.
4. Судьба дяди Хорена.

Разнообразны композиционные приемы. Встречается и монтаж: эпизоды выставлены по принципу матрешки, где рассказ о похищении Сирануш и история дяди Хорена монтируются внутри центрального эпизода – дня рождения дяди Арменака, этот эпизод, в свою очередь, обрамляется обобщенно-философическим образом гор. Также читатель обращает внимание на другое противопоставление: обрамляющие эпизоды, главными героями которых являются горы: величественные и в то же время родные, противопоставлены суете жизни современного города.

Композиция рассказа кольцевая: все сюжетные линии сводятся к одной и той же – начальной и финальной фразе: «Когда-то мы жили в горах».

Таким образом, явно прослеживается влияниебиографии на становление творческого метода писателя. На творчество С. Довлатова оказали влияние не только перипетия его судьбы, личной жизни и происхождение автора, но и эпоха, в которую он жил и творил.

В определенной мере творчество С. Довлатова отражает искания целого поколения – поколения его сверстников. Этой цели и профессии посвятил всю свою жизнь С. Довлатов.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-114-126

ЛИТЕРАТУРА

1. Дар органического беззлобия интервью Виктору Ерофееву// Сергей Довлатов. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / Авторский сборник. – СПб.: «Азбука-классика», 2005. – 480 с. С. 387-394.
2. Бродский И.А. О Сереже Довлатове («Мир уродлив, и люди грустны») // Довлатов С. Собрание сочинений. В 3-х т. СПб., 1993. Т. 3. С.360.
3. Довлатов С. Когда-то мы жили в горах // Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. СПб.: «Азбука-классика», 2005. – 464 с. С. 61-66.
4. Довлатов С. Чемодан: Повести. М.: Московский рабочий, 1991. 335 с. Лосев Л. В. «Русский писатель Довлатов» // Русская мысль, № 3843, 31 августа 1990
5. Как издаваться на Западе? “The Third Wave: Russian Literature in Emigration” AnnArbor, 1984. 367-378 // Сергей Довлатов. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / Авторский сборник. – СПб.: «Азбука-классика», 2005. – 480 с.
6. Коняев Н. М. Сергей Довлатов не был антисоветским писателем // Русская народная линия.
7. Лев Лосев. Русский писатель Сергей Довлатов: Газета «Русская мысль» № 3843, 31 августа 1990.
8. Письмо С. Довлатова армянам в номере 33 (1899) за 1968 г. «Крокодила».
9. Правила жизни Сергея Довлатова / Электронный ресурс. Режим доступа: http: pravilamag.ru/hero/7882-dovlatov/ (Дата обращения: 20.09. 2004).
10. Топоров В. Н. Довлатова обидеть может каждый // Город (№ 36, 2005). С. 162-168.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԹԵՄԱՆ Ս. ԴՈՎԼԱԹՈՎԻ «ՄԻ ԺԱՄԱՆԱԿ ՄԵՆՔ ԱՊՐՈՒՄ ԷԻՆՔ ԼԵՌՆԵՐՈՒՄ» ՊԱՏՄՎԱԾՔՈՒՄ ԵՎ ՀԵՂԻՆԱԿԱՅԻՆ ՈՃԻ ՅՈՒՐԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆԸ

Հեղինե Մահակյան
Ժենյա Մատինյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *գրական անեկդոտի ժանր, հայկական ծագում, հայկական ավանդույթներ և իրողություններ, Դովլաթով-պատմող, Դովլաթով-գրող*

Ս. Դովլաթովի նորարարությունը դրսևորվել է նրա ստեղծած գրական անեկդոտի ժանրում, որում գրողը վերածվում է պատմողի: Մեծ հետաքրքրություն է առաջացնում նաև հեղինակի յուրահատուկ ոճը:

Հայ մեծ գրող և մտածող Հրանտ Մաթևոսյանի հետ ծանոթության շնորհիվ Ս. Դովլաթովը հետաքրքրվել է հայկական թեմայով: Ս. Դովլաթովի «Մի ժամանակ մենք ապրում էինք լեռներում» ստեղծագործությունը հայերի մասին է, որոնք այս կամ այն պատճառով կորցրել են իրենց սերտ կապը լեռների հետ: Ս. Դովլաթովը սկսեց իրեն բնորոշել որպես մեկ երրորդով հրեա, մեկ երրորդով հայ և մեկ երրորդով ռուս:

Ստեղծագործությանը բնորոշ են հակիրճությունն ու տարողունակությունը: Հեղինակը առօրյա էսքիզներից անցնում է փիլիսոփայական ընդհանրացումների:

Պատմվածքի կոմպոզիցիան շրջանաձև է. Սյուժետային բոլոր մասերը հանգում են սկզբնական և վերջնական արտահայտությանը. «Մի ժամանակ մենք ապրում էինք լեռներում»:

Ս. Դովլաթովը մահացել է 1990 թվականին Նյու Յորքում: Թաղված է հրեական գերեզմանատան հայկական մասում:

THE ARMENIAN THEME IN S. DOVLATOV'S STORY "ONCE WE LIVED IN THE MOUNTAINS" AND THE SPECIFICS OF THE AUTHOR'S STYLE

Heghine Saakyan
Zhenya Matinyan

Summary

Key words: *literary anecdote genre, Armenian origin, Armenian traditions and realities, Dovlatov the storyteller, Dovlatov the writer*

The literary anecdote genre that Dovlatov invented, in which the author assumes the role of narrator, is an example of his innovation. The author's distinct writing style is also very ineteresting.

S. Dovlatov developed an interest in the Armenian topic as a result of his friendship with Hrant Matevosyan, an Armenian writer and philosopher. The novel "Once we lived in the mountains" by S. Dovlatov tells the story of Armenians by blood who, for whatever reason, lost their strong bond with their mountains. S. Dovlatov began to define himself as a third Jew, a third Armenian, and a third Russian.

The story is characterized by its conciseness and capacity. The author begins with a description of daily life before moving on to a philosophical generalization.

The composition of the story is circular: all the plot lines come down to the same – the opening and final phrase: "Once we lived in the mountains."

S. Dovlatov died in 1990 in New York. He was buried in the Armenian part of the Jewish cemetery.

УДК 821.161.1

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ КАК ГЕРОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО КВЕСТА В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «t»

Тадевос Тадевосян

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-127-153

Ключевые слова: *граф Т., Достоевский, зомби-мертвецы, квест, Оптина Пустынь, Петербург, Победоносцев, Толстой, топор, шутер*

В 2009 году вышел в свет девятый роман Виктора Пелевина под эпатажным названием «Т», одним из персонажей которого является Федор Михайлович Достоевский. В роли главного героя выступает мастер боевых искусств граф Т. (Лев Толстой, точнее симулякр Льва Толстого), который бежит от царской охранки в Оптину Пустынь с неизвестной целью. По дороге граф встречает демона Ариэля: оказывается Ариэль вместе с пятью маркетологами, преследуя исключительно коммерческие цели, пишут рассказ о графе. Однако граф Т., недовольный сложившейся ситуацией, пытается перехватить инициативу и самому стать автором книги. В ходе многочисленных приключений граф Т. встречается с Федором Достоевским, который является воином из 3D-шутера «Петербург Достоевского». Эту игру-стрелялку также создали маркетологи для борьбы с Западом. Главная задача Ф. Достоевского – уничтожить зомби-мертвецов, идущих из Европы. Он не только их убивает, но и забирает у них разные полезные продукты и предметы (водку, колбасу, лекарства, книги и т.д.), после чего высасывает их души. Лев Толстой становится для Ф. Достоевского босс-файтом второго уровня. После недолгого общения Ф. Достоевский отводит Л. Толстого к специалисту «по всяким ересям» обер-прокурору Синода Константину Победоносцеву. Для К. Победоносцева Л. Толстой один из самых опасных еретиков, поэтому в результате заранее спланированной акции гости обер-прокурора, монахи-чернецы, пытаются убить графа. Однако Л. Толстой, догадавшийся о заговоре, прикрываясь Ф. Достоевским, взрывает бомбу, в результате взрыва которой К. Победоносцев и монахи погибают.

После этих событий граф Т. на говорящей лошади продолжает свой путь в полумифическую Оптину Пустынь.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что интертекстуальная связь между текстами Ф. Достоевского и В. Пелевина в должном объеме до сих пор не проведена, поэтому данная тема нуждается в постоянной детализации и конкретизации на примере отдельных произведений. *Объектом исследования* являются те фрагменты романа В. Пелевина, в которых функционирует Ф. Достоевский в качестве героя компьютерного квеста. *Предмет исследования* – интертекстуальные цитации, необходимые для построения «постмодернистской игры» в романе В. Пелевина «Т». *Цель статьи* – выявить структуру интертекста, связанную с жизнью и творчеством Достоевского, которая вошла в текст романа «Т».

Достижению поставленной цели способствует решение конкретной *задачи*: выделить наиболее важные интертекстуальные парадигмы, комбинации которых позволили В. Пелевину создать литературный образ Ф. Достоевского. *Методологической основой* работы стал комплексный подход, системно соединивший сравнительно-исторический, типологический, биографический и структурно-семиотический методы.

Совпадение концептуальных систем «автор – читатель – Достоевский», а также провокативность и прецедентность языка В. Пелевина приводит к конвергенции философии, эзотерики, детектива, боевика, мистического триллера и компьютерной игры. Ф. Достоевский в романе попадает в трехмерное пространство постапокалиптического шутера, в котором, продвигаясь по сюжету, выполняет задания и получает за это награду в виде лутов и дропов. Технологии квеста и кибер-панка В. Пелевин использовал еще в ранней повести «Принц Госплана» (1991), сюжет которой смоделирован по схеме RPG (компьютерной ролевой игры) «Принц Персии».

Фантасмагорические приключения героев романа «t», многочисленные сюрреалистические сцены, комедийные приемы гэг-экшена, появление различных кадавров, зомби и монстров создают

иллюзорность окружающего мира и трансцедентальное метатекстовое восприятие того, что наша жизнь написана кем-то. Граф Т. вдруг понимает, что он не живой человек, а герой исторического детектива о Льве Толстом, который направляется в Оптину Пустынь. В. Пелевин не высмеивает ни Л. Толстого, ни Ф. Достоевского, он скорее иронизирует над укоренившимися стереотипами и обывательским восприятием.

Надо отметить, что отсылки к Ф. Достоевскому встречались у В. Пелевина и раньше. В романе «Чапаев и Пустота» (1996) Петр Пустота с двумя матросами заходят в ресторан, на сцене которого был поставлен авангардный спектакль по мотивам романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» – «маленькая трагедия» «Раскольников и Мармеладов».

Роман «t» рассчитан в определенной степени на подготовленного читателя, так как состоит из многочисленных явных и зашифрованных обрывков культурных кодов, постмодернистской игры с текстами мировой литературы (в том числе, с текстами Ф. Достоевского), компиляций разных литературных стилей.

Рассмотрим наиболее значимые (с точки зрения постмодернистского построения текста) интертекстуальные парадигмы, связанные с жизнью и творчеством Ф. Достоевского, которые нашли последовательное отражение в романе В. Пелевина «Т».

Достоевский и Оптина Пустынь. В. Пелевин с самого начала подчеркивает, что речь идет не о знаменитом мужском монастыре, а о какой-то загадочной «Оптине Пустыни соловьев».

Очевидно, что здесь обыгрывается фамилия поэта и философа Владимира Соловьева, с которым Ф. Достоевского объединяла прежде всего вера в будущую Вселенскую церковь. Известно, что летом 1878 года Ф. Достоевский и В. Соловьев ездили в Оптину Пустынь к старцу Амвросию. Они прибыли в монастырь на Рождество Иоанна Предтечи – 24 июня. Это был не только престольный праздник Оптинского скита, но и день сороковин умершего в трехлетнем возрасте сына Ф. Достоевского – Алексея. Ф. Достоевский и В. Соловьев пробыли в Оптиной Пустыни три

дня. Ф. Достоевский был у старца Амвросия в келье, где по неосторожности даже умудрился сломать стул, и сопровождал выход иеросхимонаха для благословения народа. «Это – кающийся»,– сказал Амвросий о Ф. Достоевском. Однако старец неодобрительно отзывался о Соловьеве, так как тот не верил в загробную жизнь. Лев Толстой в свою очередь три раза посещал Оптину Пустынь и беседовал со старцем Амвросием. «Он крайне горд»,– таков был нелестный вердикт старца о Л. Толстом [1, 153].

Достоевский и Толстой. В романе В. Пелевина Ф. Достоевский мысленно пожелал, чтобы рядом был «друг чистосердечный». Желание сбылось, и в виртуальном пространстве писателей-маркетологов Ф. Достоевский и Л. Толстой наконец-то встретились, восполнив тем самым исторический пробел, так как Ф. Достоевский и Л. Толстой в реальности не были знакомы, хотя оба занимались литературной деятельностью, принадлежали к одному поколению и жили в одной стране.

Это тем более кажется странным с учетом того, что у них был общий друг – философ, критик и публицист Николай Страхов. Известно, что в 1878 году Л. Толстой с Н. Страховым и отдельно от них Достоевский посетили публичную лекцию В. Соловьева в Петербургском университете. После окончания лекции Л. Толстой попросил Н. Страхова, чтобы тот его ни с кем не знакомил. У Ф. Достоевского и Л. Толстого была еще одна общая знакомая – тетка Л. Толстого, графиня Александра Толстая. Лев Толстой писал А. Толстой письма философско-религиозного содержания, которые она дала прочесть Ф. Достоевскому, но Ф. Достоевский «не сочувствовал ни единой мысли Льва Николаевича» [2, 32]. В 1880 году Ф. Достоевский, услышав слухи о том, что Л. Толстой сошел с ума, хотел посетить его, но не решился [3, 168]. После смерти Ф. Достоевского Л. Толстой писал Н. Страхову: «Я никогда не видел этого человека /…/ и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый близкий, дорогой, нужный мне человек» [4, 43]. Толстой называл Ф. Достоевского «другом», «опорой», подчеркивал, что «он стоял особняком», так как проповедовал христианство. Правда,

Л. Толстому не нравилась мистика Ф. Достоевского: для Л. Толстого Иисус Христос – учитель, лишенный сверхъестественного статуса.

Достоевский и зомби-мертвецы. Как уже отмечалось, в романе «t» описывается трэш с мертвыми душами, которые через «Окно в Европу» пытаются проникнуть в Россию, но на границе уничтожаются Ф. Достоевским.

Надо учесть, что на ранние повести Ф. Достоевского «Бедные люди» и «Двойник» большое влияние оказал рассказ В. Одоевского «Живой мертвец» (1844). Неслучайно, эпиграфом к повести Ф. Достоевского «Бедные люди» послужил фрагмент из указанного произведения В. Одоевского, в котором главный герой после смерти становится призраком. Ф. Достоевский часто характеризует состояние Макара Девушкина («Бедные люди») выражением «Ни жив ни мертв»; Голядкину из повести «Двойник» Ф. Достоевский дает следующие определения: «полумертвый господин Голядкин», «точно из мертвых воскрес». Кроме того, зомби-мертвецы ассоциируются с бесами, главной целью которых является смерть, разруха, клевета. Герои-нигилисты из романа «Бесы» сеют свои лживые идеи по всей стране. Ф. Достоевский в романе В. Пелевина пытается изгнать демонов из России как в евангельской притче о гардаринском бесноватом.

Достоевский и тайные общества. В. Пелевин на страницах своего романа заявляет, что Ф. Достоевский имел одно из высших посвящений в иерархии тайного культа [5, 126] и именно на квартире К. Победоносцева Ф. Достоевский сделал доклад о заседании тайного мистического общества [5, 209].

В действительности Ф. Достоевский входил в тайное общество, основанное титулярным советником Михаилом Петрашевским. Члены общества стояли на позициях утопического социализма. На Ф. Достоевского большое влияние оказал философ-вольнодумец Николай Спешнев, который также входил в кружок М. Петрашевского, но придерживался самых радикальных взглядов. За Ф. Достоевским агенты III отделения следили давно. 23 апреля 1849

года в пять часов ночи жандармы нагрянули с обыском и Ф. Достоевский был арестован.

Достоевский и Петербург. Ретро-шутер с участием Ф. Достоевского в романе В. Пелевина входит в проект под названием «Петербург Достоевского» [5, 142].

Как известно, образ Петербурга проходит через все творчество писателя. «Долгая жизнь в Петербурге проходила для Достоевского «торжественно и трудно», отразилась на творчестве, и северная столица получила в нем цельное и многообразное отображение» [6, 23]. В двадцати произведениях Петербург выступает как фон для развития сюжета [6, 24].

Достоевский и Европа. Другое название проекта «Петербург Достоевского» в романе «t» – «Окно в Европу», причем существуют два варианта этого проекта: внутренний и экспортный. Во внутреннем варианте зомби-мертвяки будут пытаться пробраться в Петербург из Европы, а в экспортном – из Петербурга в Европу [5, 42]. Ф. Достоевский у В. Пелевина считает, что единственное преимущество Европы – чистые сортиры на вокзалах.

Реальный Ф. Достоевский восхищался западноевропейской культурой – литературой, философией, наукой и искусством, называл Европу «страной святых чудес», «от окна в Европу отвернуться трудно, это фатум» [7, 35]. Но в то же время, «окно в Европу» принесло России европейский культ человеческой гордыни и греховности. «Сшибки наши с Европой близятся к концу; роль прорубленного окна в Европу кончилась и наступает что-то другое, должно наступить по крайней мере»,– писал Ф. Достоевский в своем «Дневнике писателя» за 1876 год [8, 39]. В статье «Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» Ф. Достоевский замечает: «Европа нас постоянно не любит, терпеть даже нас не может. Мы никогда в Европе не возбуждали симпатии, и она, если можно было, всегда с охотою на нас ополчалась. Она не могла не признать только одного: нашу силу» [9, 100]. Ср. с высказыванием Лизаветы Прокофьевны в романе «Идиот»: «/…/ и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия» [10, 510].

Достоевский и богатыри. В романе «t» Ф. Достоевский предстает как былинный богатырь – «доверчивый титан, нордический, бородатый рубака», защищающий святые рубежи [5, 143].

В этом плане интересно отношение самого Ф. Достоевского к героям русского эпоса. Илья Муромец – народный заступник Руси, ниспосланный Богом, чтобы уничтожить бесов. Илья Муромец и Святогор, по мнению Достоевского, служат Иисусу и устанавливают христианские добродетели [11, 198].

Достоевский и тысячелетнее царство. В романе В. Пелевина лицо Ф. Достоевского выглядит как «тысячелетняя империя» [5, 147]. Кроме того, В. Пелевин, по-видимому, указывает на хилиастические идеи Ф. Достоевского.

В письме А. Градовскому Ф. Достоевский обвиняет его в непонимании Откровения Иоанна Богослова: «Придет Христос и устроит царство свое на земле (слышите, на земле) на 1000 лет» [12, 323]. Ф. Достоевский имеет в виду пророчество о «тысячелетнем царстве» после того, как Антихрист будет низвержен, а дьявол заключен в бездну.

Достоевский и борода. В. Пелевин описывает Ф. Достоевского как «нордического, бородатого рубаку» [5, 143], который постоянно сжимал бороду в кулаке.

В реальной жизни Ф. Достоевский стал носить бороду после 40 лет, это был своеобразный «распознавательный знак» того, что человек не имеет отношения к государственной службе, так как при Александре II чиновникам было запрещено носить бороду. Свою темно-русую бороду Ф. Достоевский никогда не чернил и не напомаживал. Борода придавала Ф. Достоевскому крестьянский вид, это была своеобразная стилизация под русского мужика.

Достоевский и гастрономия. В романе «t» Ф. Достоевский на посту постоянно лечился от радиации («подпитывался») водкой, а также забирал дропы с убитых зомби: фляжки с коньяком, батоны колбасы, которые иногда обменивал на артефакты в лавке «Белые ночи».

По воспоминаниям современников, Ф. Достоевский любил

хлебную водку, закусывая ее черным хлебом [13, 284]. Водка в произведениях Ф. Достоевского становится своеобразным средством откровения. «Графин водки выпил – вот и заговорил на всех языках» («Село Степанчиково и его обитатели»). «Пьяная психология» раскрыта в образах Федора Карамазова («Братья Карамазовы»), Маслобоева («Униженные и оскорбленные»), Версилова («Подросток»). Алкоголь помогает пережить трагедию Мармеладову, Карамазову, Свидригайлову. Ф. Достоевский любил также свежие горячие колбасы и вообще колбасу [14, 282]. Что касается коньяка, то качественный коньяк был элементом роскоши и высокого социального статуса. Сам Ф. Достоевский любил перед сладким пить полрюмки коньяку [14, 282]. В главе «За коньячком» («Братья Карамазовы») Федор Карамазов излагает свою гедонистическую философию.

Достоевский и очки. Для обнаружения зомби-мертвецов Ф. Достоевский использовал очки со святоотеческим визором [5, 149].

В романе «Братья Карамазовы» в разговоре с Иваном Карамазовым Смердяков, рассуждая о муках во имя Христа, надел очки, хотя до этого никогда не носил очков.

Достоевский и бинокль. В романе В. Пелевина Ф. Достоевский смотрит на приближающихся зомби-мертвецов в перламутровый бинокль.

В пятой главе романа «Бесы» описывается увеселительная поездка губернского высшего общества, среди которых был почтамптский чиновник Лямшин, к известному московскому юродивому и прорицателю Семену Яковлевичу. Некоторые посетители стали рассматривать юродивого в бинокль, в частности, Лямшин – член подполья, один из убийц Шатова, который впоследствии сдаст всех соучастников преступления.

Достоевский и перламутр. В творчестве Ф. Достоевского встречаем не только перламутровый бинокль, но и перламутровую сигарочницу. Писатель предлагал сюжет для жанровой реалистической картины: доктор-христианин принимает роды у нищей еврейки, при этом Ф. Достоевский советовал уделить особое вни-

мание такой детали как «перламутровая докторская сигарочница на манер Семирадского» [15, 90-91]. Речь идет о картине Г. Семирадского «Светочи христианства. Факелы Нерона» (1876), на которой изображен император Нерон, наблюдающий за театрализованной казнью христиан. По словам критика В. Стасова: «Поразительнее всего перламутровые носилки Нерона, написанные так, как наверно никогда ни один живописец в мире не писал перламутра с радужными его переливами» [16, 524].

Достоевский и граната. В романе В. Пелевина группу «мертвых душ», среди которых были кавалергарды, уничтожает подствольными гранатами. Причем один из кавалергардов, несмотря на то, что граната взорвалась, остался жив [5, 150].

В романе «Бесы» Игнат Лебядкин – поэт-графоман называет себя капитаном, потерявшим руку во время войны, хотя обе руки у него целы. Лебядкин влюбился в Лизу Тушину и посвятил ей вирши:

Любви пылающей граната
Лопнула в груди Игната.
И вновь заплакал горькой мукой
По Севастополю безрукий [17, 95].

В повести «Село Степанчиково и его обитатели» Татьяна Ивановна – старая дева, дальняя родственница полковника Ростанева, в своих мечтах о женихе представляла в числе прочих женихов испанских кавалергардов [18, 121].

Достоевский и доходные дома. В романе В. Пелевина рядом с маскировочной ямой, где Ф. Достоевский поджидал своих жертв, находился доходный дом [5, 155].

У Достоевского в петербургском экфрасисе постоянно упоминаются доходные дома, в которых живут герои его произведений. Сам Ф. Достоевский тоже жил в доходных домах: в доходном доме Шиля на Вознесенском проспекте, где он был арестован по делу петрашевцев, в доходном доме почт-директора Пряничникова на Владимирском проспекте, где был написан его первый роман «Бедные люди» и т.д.

Достоевский и выпущенные кишки. Размышляя о битвах, Достоевский в романе В. Пелевина утверждает, что на поле боя надо «выпустить кишки недрогнувшей рукой» [5, 151].

Здесь обыгрываются слова Порфирия Петровича о Раскольникове: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки выпускай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей – если только веру иль бога найдет» [19, 351].

Достоевский и дешевая смерть. В романе В. Пелевина Ф. Достоевский задается вопросом: «Отчего так дешева смерть»?

На семантическом уровне прослеживается связь со сценой из романа «Преступление и наказание», в которой незнакомый студент объясняет молодому офицеру: «Как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрых дел? /…/ Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки?» [19, 54].

Достоевский и пиршество. В романе «t» Ф. Достоевский упоминает «демоническое пиршество» [5, 151].

Эти слова являются аллюзией на характеристику, данную Н. Бердяевым: «К Достоевскому нельзя подойти, нельзя понять его, не углубившись в его богатый и своеобразный мир идей. Творчество Достоевского есть настоящее пиршество идей» [20, 147].

Достоевский и Конфуций. В романе В. Пелевина Ф. Достоевский в свободное время зачитывается Конфуцием [5, 143] и постоянно цитирует китайского мудреца [5, 354].

В реальности Ф. Достоевский восхищался тем порядком, который установлен в Китае. «В Китае я бы отлично писал; здесь это гораздо труднее. Там все предусмотрено и все рассчитано на тысячу лет; здесь же все вверх дном на тысячу лет»,– писал Ф. Достоевский [21, 6]. Порядок – ключевой смысл конфуцианства: все общество должно соблюдать порядок, в том числе и управляющая элита [22, 90].

Достоевский и Пушкин. В романе В. Пелевина Ф. Достоевский сравнивает себя с А. Пушкиным [5, 152].

А. Пушкина Ф. Достоевский считал пророком и отмечал, что «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну» [12, 149].

Достоевский и лужа яда. Один из чудом выживших зомби-кавалергардов подполз сзади и впился зубами в сапог Ф. Достоевского. Под языком у него была тайная ядовитая игла [5, 152]. Далее в одном из рассуждений Ф. Достоевского мелькает мысль, что у аристократов вместо души «лужа яда для тайной иглы» [5, 153].

Здесь, во-первых, обыгрывается фраза Раскольникова из романа «Преступление и наказание»: «Он начал спокойно, заранее радуясь всему яду, который готовился выпить, а кончил в исступлении и задыхаясь, как давеча с Лужиным» [19, 130]. Неслучайно упоминается Лужин – расчетливый адвокат с говорящей фамилией: Лужин-лужа – мелкий грязный водоем, в котором можно испачкаться. Во-вторых, можно обнаружить явную отсылку к роману «Идиот»: Ипполит во сне увидел «одно ужасное животное, какое-то чудовище. Оно было вроде скорпиона, но не скорпион, а гаже и гораздо ужаснее /…/. Я его очень хорошо рассмотрел: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающийся гад длиной вершка в четыре /…/. Головы я не рассмотрел, но видел два усика, не длинные, в виде двух крепких игл, тоже коричневые /…/. Я ужасно боялся, что оно меня ужалит; мне сказали, что оно ядовитое» [10, 324].

Достоевский и тыква-горлянка. После того, как Ф. Достоевский убивал зомби, он высасывал их души, которые оседали в висящей подмышкой тыкве-горлянке.

Здесь явная параллель с библейским Ионой, который часто изображался отдыхающим под тыквой-горлянкой. Господь отправил Иону в Ниневию, чтобы тот сообщил жителям, что из-за их грехов город будет уничтожен. Но правитель и все жители Ниневии раскаялись и посыпали голову пеплом, тогда Господь их простил. Иона рассердился, что Господь не сдержал обещания и покинул пределы города. В это время Господь произрастил огромную тыкву-горлянку, под которой Иона укрылся от палящих солнечных лучей. Любопытно, что черт в беседе с Иваном Карамазовым упоминает

пророка Иону, «будировавшего во чреве китове три дня и три ночи» [23, 78]. Перед нами пример сюжетной инверсии, связанной с обманом черта: на самом деле во чреве кита Иона вовсе не «будировал» («будировать» – галлицизм со значением «сердиться», «выражать недовольство»), а «будировал» он в Ниневии на Господа, не сдержавшего обещания.

Достоевский и мельничные жернова. В романе В. Пелевина мысли Ф. Достоевского сравниваются с мельничными жерновами [5, 152].

Здесь прослеживается аллюзия с евангельским текстом: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопила его во глубине морской» (Мф. 18: 6-6). Купец Скотобойников («Подросток»), осознав свою вину в смерти ребенка (мальчик утопился после того, как нечаянно разбил дорогую лампу из страха перед купцом), цитирует этот евангельский стих [24, 318].

Достоевский и Символ веры. Примечательно, что, рассуждая о Европе, Ф. Достоевский вспомнил Символ веры [5, 153].

В этом плане интересным представляется письмо Ф. Достоевского Н.Д. Фонвизиной: «Я сложил себе символ веры /…/. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа» [25, 176].

Достоевский и Победоносцев. Кульминация сюжетной линии романа «t», связанной с Ф. Достоевским, проходит на квартире Победоносцева, в сером доходном доме на шестом этаже. Ф. Достоевский сидел на табурете возле окна, а Победоносцев, гладя его по руке, «говорил ему в ухо что-то ласковое», перед тем, как монахи-убийцы должны были убить Л. Толстого. Ср.: Иван Федорович («Братья Карамазовы») садится на табуретку у постели больного Смердякова, что заставило последнего «со страданием пошевельнуться всем телом» [23, 43]. Однако бомба, взорванная Л. Толстым, перевернула все планы и привела к гибели К. Победоносцева и Ф. Достоевского.

В действительности Ф. Достоевский и К. Победоносцев неодно-

кратно встречались в петербургских салонах, в том числе по субботам на квартире К. Победоносцева на Литейном проспекте. Ф. Достоевский признавался, что приезжает к К. Победоносцеву «дух лечить» и «ловить слова напутствия». У них была общая позиция по вопросам народности и государственности: необходима сильная монархия на православной основе с восстановлением допетровской соборности. «В беседах Победоносцева с Достоевским было нечто напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его романов» [26, 21]. Ф. Достоевский просил К. Победоносцева оценить ту или иную главу романа «Братья Карамазовы». Впрочем, между ними были и идеологические расхождения: К. Победоносцев скептически относился к славянофильскому движению, к романтической идеализации прошлого, к Земскому собору, к которому Ф. Достоевский относился с воодушевлением.

Достоевский и Лойола. В романе В. Пелевина на обложке журнала «Эцуко» на первый взгляд изображен Ф. Достоевский, но если внимательно присмотреться, то это – Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов [5, 203].

Многие исследователи отмечали сходство между Лойолой и Дон Кихотом. Эти параллели представлены в известном трактате Мигеля де Унамуно «Житие Дон Кихота и Санчо». Сходство было не только на уровне внешности и ряда биографических деталей, но прежде всего на уровне эмоциональной природы. «И вполне естественно, что темперамент у Лойолы был как у Дон Кихота, ибо Лойоле предстояло возглавить воинство и дело его жизни было делом военным» [27, 23]. Образ Дон Кихота оказал сильное влияние на Ф. Достоевского. «Из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее ДОН КИХОТ» [28, 251]. Дон Кихот стал литературным прообразом князя Мышкина. Сравнение Мышкина с Дон Кихотом есть и в черновиках, и в окончательном тексте романа «Идиот».

Достоевский и топор. В романе В. Пелевина основным оружием Ф. Достоевского в борьбе с мертвяками является топор, на лезвии которого было выгравировано «Izh Navertell» [5, 202].

В течение времени и сам Ф. Достоевский, и его творчество стали ассоциироваться с некоторыми символическими образами. Таким ключевым символ в эмблематике Достоевского является прежде всего топор. В романе «Братья Карамазовы» описывается видение Ивана Карамазова, в котором черт рассказывает об искусственном спутнике – топоре на орбите, который будет «летать вокруг земли» [23, 75]. «К топору зовите Русь»,– призывали революционеры вслед за Чернышевским, топор – оружие крестьян, топор в руках Раскольникова – символ грядущей революции. Izh Navertell – в кириллической транслитерации получается (с некоторыми исправлениями) «Ишь, навертел» – это последние слова старухи-процентщицы, когда она пыталась снять обертку со свертка, который принес Раскольников. В то же время, первый компонент этой надписи – Izh – марка продукции Ижевского механического завода, на котором более ста лет выпускали исключительно оружие.

Топор Ф. Достоевского в романе В. Пелевина был сделан «из сплава дамасской стали с серебряной папиросницей» [5, 202].

В романе «Преступление и наказание» особая символика заключена в серебряном закладе. Это – серебряная папиросница, которая на самом деле была собрана из самых разных предметов и только создавала иллюзию серебряной папиросницы.

Достоевский и брызги крови. Во время битвы с босс-файтом за миг до удара по голове графа Т. Ф. Достоевский «привычно зажмурил глаза, чтобы в них не попали брызги» [5, 200].

Брызги крови встречаем в сцене самоубийства Кириллова («Бесы»): «Выстрел был сделан в правый висок /…/ виднелись брызги крови и мозга» [17, 476].

Достоевский и журналисты. В романе В. Пелевина Ф. Достоевский предлагает всех журналистов повесить за яйца [5, 153].

Действительно, Ф. Достоевский не очень лицеприятно отзывался о журналистах, называл их рабами, имеющими вид джентельменов, трусами, боящимися либерализма [15, 255].

Достоевский и елка. В романе В. Пелевина перед окопом огневой позиции Ф. Достоевского лежала старая новогодняя елка с

игрушками [5, 149]. Граф Т. в свою очередь обламывал елочные ветки над бруствером, на которых не было игрушек [5, 205]. Ср. в рассказе Ф. Достоевского «Елка и свадьба»: «Они [дети] разобрали всю елку вмиг, до последней конфетки, и успели уже переломать половину игрушек» [29, 96].

Ф. Достоевский к праздникам с елкой относился критически: нельзя детей, которые в повседневности одеваются бедно («ходят замарашками»), торжественно наряжать на праздники [30, 9]; «елочные» праздники развращают девочек [30, 10]. Подобные идеи можно найти и в произведениях Ф. Достоевского. Так, в рассказе «Елка и свадьба» Юлиан Мастакович во время рождественского праздника стал ухаживать за одиннадцатилетней девочкой, когда узнал, что она дочь богатого откупщика. Рождественский праздник с елкой как событие, которое подчеркивает социальную несправедливость, еще сильнее звучит в рассказе «Мальчик у Христа на елке». Бедного мальчика выгоняют из домов, где богатые пышно отмечают праздник, собравшись вокруг разукрашенных елок, и в итоге мальчик замерзает на улице. В этом контексте стоит также отметить, что на многих интернет-ресурсах Ф. Достоевского называют автором детского стихотворения «Божий дар», в котором рассказывается как ангел дарит рождественскую елку самому достойному ребенку. Ангел, сорвав с неба звезды, в изумрудном свечении кружит над мальчиком и протягивает ему елку. Однако это – литературная мистификация, и Ф. Достоевский подобных стихов никогда не писал. В. Пелевин, хорошо чувствующий мемы современной компьютерной эпохи, вполне мог обыграть эту историю.

Достоевский и Ницше. На стене граф Т. увидел «странное граффити»: «Бог умер. Ницше. Ницше умер. Бог» [5, 212].

«Бог умер» – изречение Ф. Ницше из книги «Веселая наука» (1881-1882). При этом Ф. Ницше цитирует Ф. Достоевского, точнее по-своему интерпретирует два фрагмента из романа «Бесы»: «Она мне зашептала, что бредит «ужасти»: «Я дескать бога убила» [31, 18], и слова Кириллова: «Если Бога нет, то я Бог» [17, 470].

Достоевский и крысы. Передвигаясь вместе с графом Т. по канализации, Ф. Достоевский замечает крыс с зеленоватым свечением.

Надо отметить, что Ф. Достоевский является героем популярного ранобэ (японского фэнтези) Асагири Кафки «Проза бродячих псов». Персонажи этого произведения носят имена известных писателей разных народов и эпох. Это детектив, рассказывающий о сыщиках со сверхъестественными способностями. Главный враг детективного агентства – организация «Крысы Мертвого дома», которую возглавляет Ф. Достоевский. В названии организации кроется отсылка к «Запискам Мертвого дома».

Достоевский и ангелы. Во сне графу Т. привиделось, что «мерцающая фигура Ф. Достоевского в сопровождении двух ангельских огней торжественно поплыла ввысь» [5, 241].

Порфирий Петрович в романе «Преступление и наказание» называет Раскольникова «бледным ангелом» [19, 348]. А сам Раскольников в полуобморочном состоянии называет Соню «существом», а яркое перо в шляпке Сони символизирует огненные крылья, то есть крылья ангела.

Достоевский и молитва. После сражения с зомби Ф. Достоевский должен помолиться и высосать их души. «Только встанешь на молитву подлетают бесы» [5, 153],– сетует Ф. Достоевский в романе В. Пелевина. В последней кат-сцене Ф. Достоевский проигрывает, потом постится и молится.

Эти высказывания коррелируют с фактами биографии Ф. Достоевского. «Вернейшее лекарство у него [Достоевского] всегда была молитва. Молился он не за одних невинных, но и за заведомых грешников» [32, 246]. В церкви Достоевский становился в угол у самых дверей и на коленях со слезами молился. «На Страстной неделе Достоевский вместе с детьми и женою постился, ходил два раза в день в церковь и причащался» [33, 87]. По словам Б. Зайцева: «Дьявол немало состязался в его сердце с Богом – душа познала глубоко и тьму, и свет» [34, 386].

Достоевский и полет на воздушном шаре в Америку. В эпизоде, который прерывает геймплей, Ф. Достоевский после поста и молитв на воздушном шаре улетает в Америку.

Реальный Ф. Достоевский высоко ценил творчество американского писателя Эдгара По (Поэ) прежде всего за подробности в описании. Ф. Достоевский анализирует рассказ Э. По «История с воздушным шаром», где описывается путешествие на Луну, отмечая, что создается впечатление полной правдоподобности. Там же Ф. Достоевский упоминает еще один рассказ Э. По, который позже оказался мистификацией, где подробно описывается полет шара из Европы в Америку через океан [35, 88-89]. Ср.: в романе «Бесы» Андрей Антонович фон Лембке в порыве ревности обращается к своей жене: «Мы не в будуаре жеманной дамы, а как бы два отвлеченные существа на воздушном шаре, встретившиеся, чтобы высказать правду» [10, 338]. Впрочем, для Ф. Достоевского Америка всегда была чуждой и враждебной страной и никогда не воспринималась писателем в контексте европейской культуры. Ф. Достоевский с иронией говорит об американском «свободном труде в свободном государстве», называет американскую идеологию «дребеденью». Американский менталитет Ф. Достоевский противопоставляет русскому. Согласно Ф. Достоевскому, американский либерализм ведет только к «уединению» и «обособлению».

Достоевский и спиритизм. В романе В. Пелевина важное место отводится спиритической теме, в частности, отмечается, что обер-прокурор К. Победоносцев увлекался спиритизмом и даже пытался вызвать дух Ф. Достоевского [5, 292].

В 70-е гг. 19 века в России происходило массовое распространение спиритизма. Самым известным был петербургский кружок спиритов, который организовали писатель А. Аксаков и профессор зоологии Н. Вагнер. По приглашению Н. Вагнера Ф. Достоевский посещал эти сеансы. Во время сеансов Ф. Достоевский якобы видел как тяжелый стол поднимался ввысь и зависал там несколько секунд. Кроме того, духи во время сеансов будто бы отгадывали цифры и имена, загаданные писателем. Ф. Достоевский, по его

словам, семь раз присутствовал на спиритических сеансах. Однако вскоре, может быть, под воздействием К. Победоносцева, который отговаривал своего конфидента от посещения и описания спиритических сеансов, Ф. Достоевский охладел к спиритизму. После смерти писателя Н. Вагнер обратился к его вдове с просьбой разрешить ему вызвать дух Ф. Достоевского, однако, Анна Григорьевна категорически отказалась [36, 444].

Достоевский и портрет. В романе В. Пелевина лама-спирит Джамбон приносит графу Т. поврежденный во многих местах портрет Ф. Достоевского, благодаря которому Толстой смог «увидеть мир глазами Достоевского». Глаза Ф. Достоевского на портрете видели город, похожий на наш, но населенный ходячими мертвецами [5, 192].

Несомненно, В. Пелевин знаком с нашумевшим в свое время рассказом Алексея Суворина «Тень Достоевского» (1894). В этом произведении переплетаются скептические и мистические настроения автора: якобы он приобрел картину художника Крюкова, на которой был изображен Ф. Достоевский, лежащий в гробу. Спустя некоторое время портрет начал оживать, мучить героя ужасными ночными видениями и даже пытался с ним заговорить.

Достоевский и сон Толстого. В произведении В. Пелевина граф Т. во сне пишет «фантастический и смешной роман», где главным героем был Ф. Достоевский [5, 349].

Здесь явная аллюзия на «Сон смешного человека» Ф. Достоевского, который имеет подзаголовок «фантастический рассказ». Герой одинокий и чудаковатый молодой человек, который во сне видит идеальный мир и невольно становится причиной его гибели.

Достоевский и лед. Как отмечает В. Пелевин, «Петербург Достоевского» был расположен на «огромной льдине» [5, 376].

В романе «Подросток» Аркадий обосновывает идею, что рано или поздно Земля, как и другие планеты, превратится «в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней» [24, 49], тогда все живое погибнет, все станет бессмысленным, если нет Бога и нет загробной

жизни. Эта теория «тепловой смерти» Вселенной Р. Клаузиуса возникла в 1860-е годы и всегда интересовала Ф. Достоевского, о чем свидетельствуют записи в «Дневнике писателя».

Достоевский и драка с графом Т. На квартире у К. Победоносцева Толстой «схватил Достоевского за плечи и повалился в обнимку с ним в узкий просвет между столом и диваном» [5, 230].

Это единоборство напоминает эпическую драку между писателями – Чернышевским и Добролюбовым, описанную в романе В. Набокова «Дар», когда оба молча «шлепались об пол, о мебель» [37, 233]. К слову сказать, В. Набоков далее рассказывает, что во время знаменитых пожаров в Петербурге 28 мая 1862 года Чернышевскому привиделось, что по городу бежит, держась за шляпу, Достоевский [37, 239].

Заключение.

Роман В. Пелевина «t» представляет собой нелинейный и многомерный текст, который предполагает множество вариантов прочтения. Нелинейность текста устанавливается с помощью гипертекстуальности, то есть перехода из одного текста в другой по внутренним ссылкам, что является характерным для поэтики постмодернизма. Исходный текст коррелируется с другими текстами, которые читатель сам раскрывает для себя, используя альтернативные авторские отсылки. Так создается роман-кроссовер, в сюжете которого смешиваются персонажи и локации различных произведений разных авторов.

Многомерность текста создается с помощью интертекстуальности, где ссылки на другие источники не выделены, но они становятся способом генерирования собственного текста. Поэтому текстообразующими и смыслообразующими становятся всевозможные цитации, аллюзии, реминисценции и другие элементы художественной системы, благодаря которым создается собственная конструкция творчества на базе деконструкции «чужих» текстов. В. Пелевин реконструирует мифологемы, которые сложились вокруг Достоевского, и иногда сам создает новые. Тексты Ф. Достоевского активно функционируют в романе «Т», причем В.

Пелевин часто расширяет границы текста и смысла за счет трансформации ситуаций, только намеченных у Достоевского, и семиотизации некоторых фактов биографии русского классика.

Таким образом, постмодернистская эстетика романа В. Пелевина «t» в фрагментах, относящихся к Ф. Достоевскому, сформировалась по следующим интертекстуальным парадигмам, которые можно подразделить на три тематические группы:

интертекстуальные парадигмы на основе биографических фактов:

- *духовное путешествие в Оптину Пустынь*
- *взаимоотношения с Л. Толстым*
- *участие в тайном обществе петрашевцев*
- *долгое проживание в Петербурге и создание особого «петербургского текста»*
- *особенности внешности (ношение бороды)*
- *гастрономические предпочтения*
- *проживание в доходных домах*
- *дружба с К. Победоносцевым*
- *соблюдение христианских традиций (поста и молитвы)*
- *спиритические сеансы профессора Н. Вагнера;*

интертекстуальные парадигмы на основе художественных произведений Ф. Достоевского:

роман «Преступление и наказание»:

- *рассуждения Порфирия Петровича о «выпущенных кишках»*
- *мысль незнакомого студента о «дешевой жизни»*
- *лужа яда (обыгрывается фамилия Лужина)*
- *топор Раскольникова*
- *сравнение с ангелами Сони и Раскольникова;*

роман «Братья Карамазовы»:

- *откровения Федора Карамазова под воздействием коньяка*
- *очки Смердякова, сквозь которые он пристально разглядывал Ивана Карамазова*
- *тыква-горлянка и «будирующий» Иона*
- *топор – рассказ черта о топоре на орбите;*

роман «Бесы»:

- *зомби-мертвецы метафорически ассоциируются с революционерами-нигилистами*
- *бинокль, в который рассматривали провидца Семена Яковлевича*
- *граната, которой якобы был тяжело ранен капитан Лебядкин, о чем он написал в своем стихотворении*
- *брызги крови Кириллова в сцене самоубийства;*

роман «Подросток»:

- *история купца Скотобойникова и евангельский стих о мельничных жерновах*
- *льдины и теория «тепловой смерти» Вселенной;*

роман «Идиот»:

- *князь Мышкин и его прообразы – Лойола и Дон Кихот;*

повести «Бедные люди» и «Двойник»:

- *ряд общих мотивов с рассказом В. Одоевского «Живой мертвец»;*

рассказ «Сон смешного человека»:

- *во сне Л. Толстой писал «фантастический и смешной» роман, героем которого был Ф. Достоевский;*

рассказ «Елка и свадьба»:

- *праздник с елкой как символ социальной несправедливости;*

интертекстуальные парадигмы на основе «Дневника писателя», статей, заметок, писем, прочих записей Ф. Достоевского и других источников:

- *размышления о Европе и европейском пути развития встречаются во многих публицистических статьях Ф. Достоевского, в частности, в «Дневнике писателя» 1876 и 1877 годов*
- *обращение к былинным героям – в «Записной тетради» (1876-1877) и в «Дневнике писателя» за 1877 год*
- *про «пиршество идей» писал Н. Бердяев в исследовании «Миросозерцание Достоевского» (1923)*
- *отношение к китайской культуре и философии – в «Дневнике писателя» 1873 года*

- *отношение к А. Пушкину – речь, произнесенная на заседании Общества любителей российской словесности (1880)*
- *обретение Символа веры – в письме Д. Фонвизиной (1854)*
- *едкая характеристика журналистов – в «Дневнике писателя за 1877 год*
- *граффити «Бог умер» – из книги Ф. Ницше «Веселая наука», в которой он цитирует Ф. Достоевского*
- *светящиеся крысы – из фэнтезийного ранобэ японского писателя Асагири Кафки «Проза бродячих псов»*
- *полет на воздушном шаре в Америку – из «Предисловия к публикации «Три рассказа Эдгара Поэ» (1861)*
- *загадочный портрет Ф. Достоевского встречается в мистическом рассказе А. Суворина «Тень Достоевского»*
- *драка с графом Т. – параллели с романом В. Набокова «Дар» (1938).*

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-127-153

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева Н. Б. Оптинские старцы. М.: Олимп; ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999. - 208 с.
2. Л. Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857-1903). М.: Наука, 2011.- 974 с.
3. Письмо Ф. М. Достоевского А. А. Достоевской (27-28 мая 1880 г.) // Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 30. Кн. 1. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988.- 456.
4. Письмо Л. Н. Толстого Н.Н. Страхову (5-10? февраля 1881 г.) // Толстой Л. Н. Полн. Собр. Соч.: В 90 тт. Т. 63. М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1934.- 523.
5. Пелевин В. О. Т. М.: Эксмо, 2009.- 384 с.
6. Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. Петроград: Изд-во «Брокгауз-Ефрон», 1923.- 106 с.

7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 27. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984.- 464 с.
8. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 23. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981.- 424 с.
9. Достоевский Ф. М. Статьи и заметки. 1862-1865 // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 20. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980.- 432 с.
10. Достоевский Ф. М. Идиот. // Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 8. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973.- 512 с.
11. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 24. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982.- 520 с.
12. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Сентябрь-декабрь. 1880. Август // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 26. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984.- 520 с.
13. Александров М. А. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872-1881 годах // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. - 251-324 с.
14. Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.- 275-284 с.
15. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год. Январь-август. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 25. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983.- 472 с.
16. Стасов В. В. Собр. Соч. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 1.
17. Достоевский Ф. М. Бесы. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 10. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973.- 520 с.

18. Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорбленные // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 3. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.- 544 с.
19. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 6. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973.- 424 с.
20. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Волга, № 10, 1988. – 146-165 с.
21. Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1873 // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 21. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980.- 552.
22. Го Сяоли. Бинарность и тернарность: сравнительный анализ принципов мышления двух культур через призму произведений Достоевского, Конфуция и Лао-Цзы // Философский журнал, № 1 (8), 2012.- 86-97 с.
23. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 15. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976.- 624 с.
24. Достоевский Ф. М. Подросток. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 13. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974.- 456 с.
25. Достоевский Ф. М. Письма. 1832-1859. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985.- 552 с.
26. Гроссман Л. Достоевский-реакционер. М.: Common place, 2015.- 140 с.
27. Унамуно де М. Житие Дон Кихота и Санчо. СПб.: Наука, 2002.- 400 с.
28. Достоевский Ф. М. Письма. 1860-1868. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985.- 616 с.

29. Достоевский Ф. М. Повести и рассказы. 1848-1859. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 2. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972.- 528 с.
30. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 22. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981.- 408 с.
31. Достоевский Ф. М. Бесы. Глава «У Тихона». Рукописные редакции. // Достоевский Ф.М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 11. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974.- 416 с.
32. Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. – 230-251 с.
33. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.- 408 с.
34. Зайцев Б.К. Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. // Зайцев Б.К. Собр. Соч.: В 5 тт. Т. 7 (доп). М.: Русская книга, 2000.- 528 с.
35. Достоевский Ф. М. Статьи и заметки. 1861. // Достоевский Ф. М. Полн. Собр. Соч.: В 30 тт. Т. 19. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979.- 360 с.
36. Достоевский в неизданной переписке современников (1837-1881) // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973.- 347-564 с.
37. Набоков В. В. Дар // Набоков В.В. Собр. Соч.: В 4 тт. Т. 3. М.: Правда, 1990.- 5-330 с.

Ֆ. ԴՈՍՏՈԵՎՍԿԻՆ ՈՐՊԵՍ ՀԵՏՄՈԴԵՌՆԻՍՏԱԿԱՆ ՔՎԵՍՏԻ ՀԵՐՈՍ Վ. ՊԵԼԵՎԻՆԻ «t» ՎԵՊՈՒՄ

Թադևոս Թադևոսյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *կոմս Տ., Ֆ. Դոստոևսկի, մեռած զոմբիներ, քվեստ, Օպտինա Պուստին, Պետերբուրգ, Կ. Պոբեդոնոսցև, Լ. Տոլստոյ, կացին, հրաձգային խաղ*

Վ. Պելևինի «t» վեպը ոչ գծային և բազմաչափ տեքստ է, որը ենթադրում է ընթերցանության բազմաթիվ տարբերակներ:

Տեքստի ոչ գծայնությունը հաստատվում է հիպերտեքստուալության միջոցով, այսինքն՝ ներքին մեջբերումների օգնությամբ մի տեքստից մյուսին անցումով, ինչը բնորոշ է հետմոդեռնիզմի պոետիկային: Սկզբնական տեքստը համահարաբերակցվում է այլ տեքստերի հետ, որոնք ընթերցողը ինքն է բացահայտում իր համար՝ օգտագործելով այլընտրանքային հեղինակային հղումներ: Տեքստի բազմաչափությունը ստեղծվում է միջտեքստուալության միջոցով, որտեղ այլ աղբյուրներին հղումները չեն ընդգծվում, բայց դրանք դառնում են սեփական տեքստ ստեղծելու եղանակ: Հետևաբար, գեղարվեստական համակարգի բոլոր տեսակի մեջբերությունները, ակնարկությունները, վերհիշումները և այլ տարրերը դառնում են տեքստակերտ և իմաստավորող, ինչի շնորհիվ կազմակերպվում է ստեղծագործության սեփական կառուցումը «օտար» տեքստերի ապակառուցման հիման վրա: Վ. Պելևինը վերակառուցում է Ֆ. Դոստոևսկու շուրջ ձևավորված դիցույթները, երբեմն էլ ինքն է ստեղծում նորերը: Այսպիսով, Վ. Պելևինի «t» վեպի հետմոդեռնիստական գեղագիտությունը Ֆ. Դոստոևսկու հետ կապված հատվածներում ձևավորվել է հետևյալ միջտեքստուալ հարացույցների հիման վրա, որոնք կարելի է բաժանել երեք թեմատիկ խմբերի. ա) կենսագրական փաստերի վրա հիմնված միջտեքստուալ հարացույցեր, բ) Ֆ. Դոստոևսկու գեղարվեստական ստեղծագործությունների վրա հիմնված միջտեքստուալ հարացույցեր, գ) «Գրողի օրագրի», հոդվածների, գրառումների, նամակների, Ֆ. Դոստոևսկու այլ գրառումների և աղբյուրների վրա հիմնված միջտեքստուալ հարացույցեր:

F. DOSTOEVSKY AS A HERO OF A POSTMODERNIST QUEST IN V. PELEVIN'S NOVEL "t"

Tadevos Tadevosyan

Summary

Key words: *Count T, F. Dostoevsky, zombies-dead, quest, Optina Pustyn, Petersburg, K. Pobedonostsev, L. Tolstoy, axe, shooter*

V. Pelevin's novel "t" is a non-linear and multidimensional text that suggests various reading options. The non-linearity of the text is established with the help of hypertextuality, that is, the transition from one text into another via internal links, which is characteristic of the poetics of postmodernism. The original text is correlated with other texts that the reader discovers for himself using alternative authorial references. The multidimensionality of the text is created by intertextuality, in which the references to other sources are not highlighted, but they become a way of generating one's own text. Therefore, all sorts of citations, allusions, reminiscences and other elements of the artistic system become text-forming and meaning-forming, thanks to which one's own construction of creativity is created on the basis of deconstruction of "foreign" texts. V. Pelevin reconstructs the mythologemes that have developed around F. Dostoevsky, and sometimes creates new ones himself. Thus, the postmodernist aesthetics of V. Pelevin's novel "t" in the fragments related to F. Dostoevsky was formed according to the following intertextual paradigms, which can be divided into three thematic groups: intertextual paradigms based on biographical facts, intertextual paradigms based on F. Dostoevsky's works of art, intertextual paradigms based on "A Writer's Diary", articles, notes, letters, other records of F. Dostoevsky and other sources.

УДК 821.161.1

ЛЕГЕНДА О ШОТЛАНДСКОМ БАРДЕ ТОМАСЕ РИФМАЧЕ И КОРОЛЕВЕ ФЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тадевос Тадевосян
Вера Аракелян

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-154-173

Ключевые слова: *бард, Владимир Лермонтов, Генри Лайон Олди, Королева Фей, Михаил Лермонтов, пророк, роман-фэнтези, русская литература, Сергей Лукьяненко, Томас Лермонт, Шотландия, Эльфландия*

Жизнь, творчество и гибель Михаила Юрьевича Лермонтова (1814-1841) проникнуты множеством тайн и загадок, некоторые из которых становятся основой для формирования разных фантастических и конспирологических комментариев. Причем за последние годы эта тенденция только усиливается. В связи с этим стоит отметить появление ряда художественных произведений с мистической подоплекой, героем которых стал М. Лермонтов: фантастический рассказ Василия Щепетнева «Разгадка Пятигорской трагедии» (2005), криптоисторический роман Елены Хаецкой «Мишель» (2006), артефакт-детектив Ольги Тарасевич «Последняя тайна Лермонтова» (2009). Сюда можно отнести и произведения, в которых сам М. Лермонтов, хотя и не выступает в качестве главного героя, но обнаруживает свое «незримое присутствие». Речь идет о таких произведениях, как фантастический роман Сергея Лукьяненко «Последний дозор» (2006), повесть Елены Хаецкой «Из записок корнета Ливанова» (2008), генетически восходящую к «Герою нашего времени», роман-фэнтези Генри Лайона Олди (псевдоним Дмитрия Громова и Олега Ладыженского) «Гарпия» (2008), философско-эзотерический трактат Владимира Лермонтова «Манифест. Формула будущего. Новый Путь в Новый мир» (2019).

Актуальность нашего исследования определяется анализом парадигмы кельтской легенды о Томасе Рифмаче и Королеве Фей,

которая нашла отражение в произведениях современной русской литературы. *Объектом исследования* выступает интерпретация сюжета легенды о Томасе Рифмаче и Королеве Фей, которая опосредованно переплетается с жизнью и судьбой Михаила Юрьевича Лермонтова. *Предметом исследования* являются вопросы генезиса и функционирования образов легенды о Томасе Рифмаче и Королеве Фей и ее отражение в русской литературе начала XXI века. *Цель статьи* – выявление особенностей сюжета легенды о Томасе Рифмаче и Королеве Фей в произведениях Сергея Лукьяненко («Последний дозор», 2006); Генри Лайона Олди («Гарпия», 2008); Владимира Лермонтова («Манифест. Формула будущего. Новый Путь в Новый мир», 2019).

Достижению поставленной цели способствует решение конкретной *задачи*: проанализировать генетические корни легенды о Томасе Рифмаче и Королеве Фей с учетом мифологического мотива необъяснимого исчезновения и возвращения после длительного времени, а также раскрыть способы актуализации этих фольклорно-исторических образов в современной русской литературе. *Методологической основой* работы стал комплексный подход, системно соединивший историко-литературный, структурно -описательный и ритуально-мифологический анализ.

Как уже отмечалось выше, с именем М. Лермонтова связано множество мистических пророчеств и откровений, а его произведения, наполненные тайной символикой, до сих пор становятся предметом острых дискуссий. Подобной концепции придерживается ряд исследователей, в частности, В. Бондаренко, который утверждает, что М. Лермонтов «пришел с Неба, но не успел выполнить свое земное предназначение» [6]. Существует точка зрения, что М. Лермонтов продолжает влиять на судьбу России, якобы есть некое «проклятие Лермонтова» и особые «лермонтовские циклы», с которыми связаны крупные исторические события: после того, как был убит М. Лермонтов, небо содрогнулось, и Россия до сих пор отвечает за это преступление. Об особом «лермонтовском отмщении» говорила в свое время А. Ахматова. Так она отмечала, что

ровно сто лет спустя после рождения М. Лермонтова разразилась Первая мировая война, а ровно через сто лет после его смерти началась Великая Отечественная война. В середине октября 1964 года, когда отмечался 150-летний юбилей М. Лермонтова А. Ахматова наблюдала на небе небесное знамение – световой столб с крестом. «Это Лермонтов. В его годовщины всегда что-то жуткое случается»,– заметила Ахматова» [18, 209].

Действительно, тема избранничества и пророчеств часто находит отражение в произведениях М. Лермонтова. Еще в 16 лет он предсказал революцию 1917 года, гражданскую войну, падение дома Романовых, беззаконие, голод, эпидемии, поджоги и другие кровавые события:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.
(«Предсказание», 1830) [14, 154].

Помимо этого, М. Лермонтов предвидел собственную гибель:

Настанет день – и миром осужденный,
Чужой в родном краю,

На месте казни – гордый хоть презренный –
Я кончу жизнь мою…
(«Настанет день – и миром осужденный…», 1831) [14, 238].

В стихотворении «Сон» поэт «видел себя смертельно раненым, и в то же время видел то, что снилось умирающему Лермонтову» [23, 282]:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.,.
(«Сон», 1841) [14, 79].

Стоит отметить и описание дуэли Печорина с Грушницким в романе «Герой нашего времени», которая во многом напоминает будущую реальную дуэль с М. Лермонтова с Н. Мартыновым.

Мистическая связь М. Лермонтова с божественными силами отразились и в других его произведениях. В стихотворении «Ангел» поэт описывает состояние души, которая помнит песню, спетую Ангелом до его рождения:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И месяц и звезды и тучи толпой
Внимали той песне святой…
(«Ангел», 1831) [14, 233].

В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива…» перед взором М. Лермонтова непосредственно открывается лик Бога:

И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..
(«Когда волнуется желтеющая нива…», 1837) [14, 28].

В стихотворениях «Поцелуями прежде считал…», «Сказка для

детей», «Не смейся над моей пророческой тоскою…», в поэме «Демон» М. Лермонтов указывает на то, что он наказан сверхъестественными силами, знанием прошлого и предвиденьем будущего. В стихотворении «Благодарность» М. Лермонтов идет еще дальше – он просит Бога, чтоб тот сократил его жизнь в бесконечной протяженности времени:

Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.
(«Благодарность», 1840) [14, 60].

Неслучайно, Леонид Андреев назвал М. Лермонтова «не мистиком-декадентом, а мистиком по существу, мистиком милостью божьей» [2, 183]. Более того, Л. Андреев утверждал, что в истории России были всего «три великих созерцателей бездны горнего мира и бездны слоев демонических» – Иван Грозный, Лермонтов и Достоевский [2, 182].

По мнению П. Бицилли, все произведения М. Лермонтова можно сгруппировать вокруг двух центров: темы смерти и темы нездешнего мира, так как поэт видел то, что скрыто от взглядов других людей [5, 265].

Одним из первых, кто указал на мистико-пророческий дар М. Лермонтова был В. Соловьев. Он утверждал, что «основная особенность лермонтовского гения – страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе, страшная сила личного чувства» [23, 279]. Это «сосредоточенность мысли» и умение «схватывать запредельную сторону жизни» и есть, по мнению В. Соловьева, дар пророка, который достался М. Лермонтову от его далекого предка – Томаса Рифмача [23, 281]. Далее В. Соловьев утверждает, что между Томасом Рифмачом и М. Лермонтовым существовала некая мистическая связь («остаток шотландского двойного зрения»), которая воплощалась в их демоническом характере, любовных песнях, мрачных предсказаниях, загадочном существовании и роковом конце.

Томас Рифмач (Томас де Дунбар, Томас Лермонт, Честный Томас, Томас из Эрсилдуна, ок. 1220-ок. 1290) – известный шот-

ландский бард[1] и ват[2]. Томас Рифмач жил в графстве Бервикшир на юго-востоке Шотландии, на берегу реки Ладуер в родовом замке Эрсилдун. Помимо того, что он был храбрым воином и рыцарем, Томас бесподобно играл на арфе. Произведения Томаса бытовали в устном виде, их исполняли бродячие поэты, к тому же он был автором одного из самых ранних стихотворных вариантов романа о «Тристане и Изольде» [19, 559].

Род Лермонтов имел французское происхождение: в 1057 году французский рыцарь Люирье (Luyrieux) – на английский манер Лир (Leure),– служивший при дворе короля Англии Эдуарда Исповедника, присоединился к войску сына короля Дункана, шотландского принца Мальколма (будущего короля Мальколма III Кэнмора) в борьбе с другим претендентом на престол Макбетом. Во время войны с Макбетом в августе 1057 года среди 20 соратников Мальколма двенадцатым значился Люирье (Лир). В награду за храбрость и самоотверженность французский рыцарь получил земли на правом берегу реки Туид, после чего установилась родовая фамилия Лермонт, которая, по одной версии, произошла от имени Лир (Leure) и слова «mouth» («устье») т. е. устье реки Туид, где находились владения Лермонта [1].

Впрочем, есть и другая версия происхождения этой фамилии: Ler от «Lar» в значении «лары» («духи предков») и «mounth» («гора») т. е. фамилию «Лермонт» можно перевести как «дух горы» [10].

Согласно легенде, однажды Томас на берегу реки Хантли под высоким тысячелетним Элдунским дубом играл на арфе. Этот дуб был известен тем, что возле него, на зеленой лужайке, согласно народным поверьям, феи по ночам водили хоровод. Услышав звуки

---

[1] *Барды* группа из сословия друидов, которое существовало в Шотландии до конца 19 века. Существовали разные школы бардов, в которых обучали магическому воздействию на окружающий мир с помощью поэзии [11, 80].

[2] *Ваты* одна из высших ступеней шотландских жрецов: они не только были прорицателями, но и сохраняли в стихах сакральную историю кельтов [11, 80].

арфы, из леса выехала прекрасная всадница в атласном зеленом платье и в зеленом плаще. Томас сперва подумал, что это Дева Мария, но быстро догадался, что перед ним Королева Фей.

После этого Королева Фей попросила Томаса сыграть в обмен на любую награду. Томас в качестве награды изъявил желание поцеловать ее и не отказался от своего замысла даже тогда, когда Королева предупредила, что после поцелуя он окажется полностью в ее власти. После того, как Томас поцеловал ее, он попал под ее чары, несмотря на то, что после поцелуя волосы Королевы сразу поседели, лицо стало серым, глаза потускнели, морщины покрыли лоб и щеки, а платье выцвело.

Королева приказала ему сесть на лошадь позади себя и так они добрались до перекрестка трех дорог: первая тропинка, заросшая колючками, вела в Рай, вторая, широкая и многолюдная, – в Ад, а третья, живописная, но небезопасная, – в Эльфландию. Томас Рифмач выбрал третью тропу [22, 307-309], [16, 173-195], [25, 5-19].

Надо особо подчеркнуть, что Фея похитила Томаса во время праздника Бельтайн, который был посвящен богу плодородия Беленусу: в этот период древние кельты наряжали майское дерево и устраивали под ним оргиастический «шалаш любви» [21]. Согласно архаическим кельтским представлениям, женщина могла наложить на мужчину любовное заклятье – гейс, после чего он полностью подчинялся ей. По легенде, на королевича Лоонуа, Тристана, первоначально был наложен гейс зеленоглазой королевой Эссилт (Изольдой) – еще одним мифологическим воплощением Королевы Фей.

В Эльфландии Королева Фей заставила Томаса Лермонта дать обет молчания, который не распространялся на пение, а взамен наградила его даром правдивости. Во время состязания певцов Томас одержал победу, и Королева подарила ему золотую арфу. Томас хотел навеки остаться в Эльфландии, но Королева Фей вернула его на родину, обещав, что в надлежащее время придет за ним. Кроме дара правдивости и золотой арфы Королева наградила Томаса сверхъестественными способностями, в частности, даром пророчества [22, 310].

Согласно шотландским преданиям, Томас Рифмач предсказал ряд событий, связанных прежде всего с историей Шотландии. Он предсказал победу Шотландии над Англией в битве при Бэннокберне в 1314 году. Кроме того, Томас предсказал объединение Англии и Шотландии под властью короля, рожденного французской королевой. Действительно, в 1603 году королем Англии и Шотландии стал Яков VI сын шотландки Марии Стюарт, которая была замужем за французским королем Франциском II. Помимо этого, Томас Лермонт предсказал гибель шотландского короля Александра III Славного 19 марта 1286 года: во время страшной бури, которой никогда еще не было в Шотландии, конь короля оступился на заснеженной горной тропе и вместе с всадником упал в пропасть. Томас предсказал проклятие замка Файви и долголетие рода Хейгов из Бемерсайда. Наконец, Томасу предписывают предсказания конца света, который наступит тогда, когда два валуна в узком заливе Тэй выйдут на берег [4, 32-41].

Согласно народному сказанию, которое подверг литературной обработке Редьярд Киплинг, король Шотландии (возможно, Александр III) предлагал Томасу награды за пророчества, но Томас отказался, заявив, что уже присягнул волшебному Королевству Эльфов и самой Королеве Фей [9, 202-207].

Таинственное исчезновение Томаса Лермонта описывают по-разному. Согласно одной из версий, Томас пировал во дворце в окружении многих именитых рыцарей и пел под аккомпанемент арфы, которую ему подарила Королева Фей. Пел о короле Артуре, о волшебнике Мерлине, о Тристане и Изольде, и как раз в это время показалось два белых оленя. «Это зов Королевы Фей. Долго я его ждал и наконец услышал» [25, 18], – сказал Лермонт и ушел с белыми оленями, которых прислала за ним Королева Фей, оставив свой замок и золотую арфу. «Его долго искали, но не нашли. И люди по сей день верят, что белоснежные олени были посланы Королевой Фей за Томасом и он вместе с ними ушел в Страну Фей» [25, 19].

Перед тем, как оседлать белого оленя и навсегда покинуть этот

мир, Лермонт предсказал, что его замок придет в упадок и там будут жить только зайцы, но он когда-нибудь еще вернется. От замка Томаса действительно остались одни руины и там поселились семейства зайцев [16, 194-195].

Пророчества Томаса еще очень долгое время повторяли в королевских дворах, о них упоминали в своих произведениях поэты 14-15 веков: Барбур, Уинтаун, Гарри Слепой и др. Пророчества – особый лирический жанр, который сформировался в древней Шотландии и исполнялся бардами – пророками избранных богов. Произведения этого жанра были написаны силлабо-аллитерированным стихом в виде притчи без заголовков, вступлений и диалогов [12]. По словам В. Скотта: «Немногие так прославлены в легенде, как Томас из Эрсилдуна /…/ он соединил в себе и поэтическое искусство и дар пророчества» [16, 331].

В 1613 году потомок Томаса в восьмом колене поручик на службе польского короля Сигизмунда III Георг (Джордж) Лермонт во время русско-польской войны при осаде крепости Белая под Смоленском вместе с ротой шотландцев и ирландцев («шкотских и ирлянских немцев») сдался воеводе Дмитрию Пожарскому и перешел на сторону России. Здесь он присягнул царю Михаилу Федоровичу, принял православие и получил имя Юрий Андреевич [17, 19-21].

Согласно легенде, Георг Лермонт привез в Россию шкатулку с сокровищем древних пиктов, которую правитель Шотландии подарил в свое время Томасу Рифмачу. Вместе с ней король Шотландии вручил Томасу грамоту следующего содержания: «Потомству Лермонта идти на восток, через четыре века и четыре народа, и клад сей оставить в христианской стране, где еще четыре века вновь обретен будет». Впоследствии Георг Лермонт закопал эту шкатулку под старым дубом у Москвы-реки [7, 55].

Сам Георг Лермонт погиб под Смоленском зимой 1633-1634 годов во время войны между Русским царством и Речью Посполитой уже в чине ротмистра. Потомком Георга (Юрия Андреевича) в седьмом колене был великий русский поэт М. Ю. Лермонтов,

который узнал о легенде, связанной с Томасом Рифмачом и своими шотландскими предками, будучи подростком в возрасте 14-15 лет, по книгам В. Скотта. Кстати, потомком Томаса был не только М. Лермонтов, но и Дж. Байрон, предок которого в 16 веке женился на представительнице рода Лермонтов.

С произведениями В. Скотта, в частности, с балладой о Томасе Рифмаче юного Мишеля познакомил учитель английского языка Федор Федорович Винстон [3]. С тех пор на некоторое время будущий поэт увлекся шотландской культурой и Шотландией – страной тайн, волшебства и благородных горцев. С этим связан и тот факт, что он переправил свою фамилию с Лерм*а*нтов на Лерм*о*нтов, во всяком случае, большинство своих произведений он подписывал именно так. Опираясь на семейные предания, М. Лермонтов создает такие стихотворения, как «Гроб Оссиана» (1830) и «Желание» (1831) и другие. Именно тогда, по мнению Л. Аринштейна, М. Лермонтов понял, что он, как и его далекий предок, имел не только поэтический талант, но и пророческий дар [3]. По преданиям, М. Лермонтов знал, кто погибнет в следующем бою; он всегда считал число 15 несчастливым и погиб на дуэли именно 15 июля, по странному стечению обстоятельств, рядом с селом Шотландка, основанном под Пятигорском выходцами из Шотландии.

Можно предположить, что в строках «Но я без страха жду довременный конец,– // Давно пора мне мир увидеть новый» из стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою…» (1837) [14, 309] поэт высказался о своей мечте: вслед за Томасом Лермонтом посетить загадочную страну фей.

Правда, М. Лермонтов иногда возводил свою генеалогию к первому министру испанского короля Филиппа III герцогу Лерма, который стал одним из героев романтической драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос». Некоторые из своих стихотворений и писем М. Лермонтов подписывал – Лерма. Однажды в доме Лопухиных М. Лермонтов даже начертил на стене углем портрет Лерма, которого увидел во сне, потом он нарисовал такой же портрет на холсте и выслал своему другу Алексею Лопухину [8, 110]. Впоследствии в

результате контаминации этих двух генеалогических преданий возник и третий миф о том, как испанский герцог Лерма бежал от мавров в Шотландию и стал основателем рода Лермонтов.

Легенды о Томасе Рифмаче стали тем источником, из которого черпали идеи и сюжеты многие поколения поэтов и писателей. Томас (Фома) Лермонт становится одним из главных героев фэнтези-детектива С. Лукьяненко «Последний дозор». Здесь он предстает как высший светлый маг, глава Ночного Дозора Шотландии и, вместе с тем, владелец аттракциона «Подземелье Шотландии», где произошло загадочное убийство студента из России. Для расследования в Эдинбург по рекомендации главы московского Ночного Дозора Бориса Гесера отправляется светлый маг первого уровня Антон Городецкий. В Эдинбурге Городецкому должен был помочь «Фома Лермонт, шотландец с фамилией, так приятно звучащей для русского сердца». Чтобы подчеркнуть свое особое отношение к России, он просит своих русских коллег звать его Фомой вместо английского Томас. Фома Лермонт выглядел типичным, но немного старомодным европейцем, он был старым другом Гесера, очевидцем и участником событий, которые уже давно превратились в мифы и легенды.

На шестом сумрачном уровне[3] Фома Лермонт превратился в белокурого великана ростом под три метра, а его кожа излучала неяркий молочный свет. «У него было удивительное лицо. Одновременно древнее и свежее, доброе и жесткое, красивое и пугающее» [15, 140]. Здесь, на шестом сумрачном уровне, Фома наконец-то обрел изумрудное царство фей с волшебными городами, драконами и единорогами, куда он направился во второй раз в далеком 1290 году. Неслучайно, и сама аура Лермонта стала излучать желто-зеленые разряды на пятом, шестом и самом последнем – седьмом слое. Благодаря Лермонту, в общую канву

[3] В мифологии «Дозоров» С. Лукьяненко Сумрак – собирательное название семи слоев реальности, которые существуют одновременно с нашим миром.

романа весьма гармонично вписывается имя волшебника Мерлина. Именно от древних чар, воплощенных волшебником Мерлином в артефакте под названием «Руна Мерлина», Антон Городецкий вместе с Фомой Лермонтом спасают мир. «Руна Мерлина – это всего лишь ключ. Она хранилась в могиле Мерлина, в двадцати двух милях от того места, которое считают могилой Томаса Рифмача» [15, 119].

Фома Лермонт владел искусством гадания на коэлбрене – сакральном предмете древних кельтов, основанным на священном алфавите бардов. Согласно легенде, эти буквы возникли одновременно со Вселенной и произошли от имени Бога. Кроме того, Фома Лермонт, помимо всего прочего, обучил Антона приему, связанному с пробиванием щита на ауре.

Описывая экспрессивность Фомы, С. Лукьяненко от имени главного героя, иронично замечает: «Далекий предок Лермонтова посмотрел на меня с таким раздражением, что я вполне почувствовал семейную вспыльчивость характера, раньше времени прервавшую жизнь русского поэта» [15, 124].

Томас Рифмач появляется и в другом романе-фэнтези «Гарпия» Г. Л. Олди. Сюжет основан на том, что любимый поэт короля Ретии Эдварда II Томас Биннори[4], он же Томас Рифмач, заболевает душевной болезнью. «По слухам, в юности был похищен Королевой Фей, с коей и провел долгое время (по разным версиям от 3 до 7 лет)» [20, 43]. Он был возлюбленным Королевы Фей, красивой, манящей, но смертоносной. Биннори, хотя физически и вернулся в земной мир, но душой продолжает оставаться в царстве фей, которая уготовила своему смертному любовнику роль жертвы. Однако, несмотря ни на что, Томас Биннори продолжает жить в сказаниях, в частности, в «Лэ о Королеве Фей и Томасе Рифмаче».

Поэтому, несмотря на то, что «астрал» Томаса не подвергся

[4] Биннори – река в английских сказках, в которой утонула королевская дочь. Впоследствии из ее костей и золотых кудрей некий музыкант изготовил чудесную арфу.

никакому негативному изменению, он медленно угасает. В результате этого, ни один врач и ни один маг не могут излечить его. Не имея других возможностей, для лечения Томаса пригласили «нетрадиционного специалиста» – гарпию Келену. Она обещала спасти душу поэта, но для этого ей надо было погрузиться в «пространство психонома» – мира духовных исканий, грез и сновидений. Гарпия дважды пыталась проникнуть в психоном Биннори. Вот как описывает автор мир, порожденный воспоминаниями Биннори: «Рой цветов-бабочек вился вокруг головы поэта, сидевшего на пригорке. Босой, в льняной рубахе до колен, заросший мягкой русой бородой, Биннори улыбался. Рядом с Биннори стояла арфа. Он не касался струн – арфа пела сама, он не размыкал губ – слова рождались из ветра, шепота листвы, журчанье ручья. И, вторя музыке, и песне, и смеху, вокруг Томаса Биннори, легко и грациозно, не касаясь земли, кружились в танце четыре феи» [20, 75]. Одна была бирюзово-лазуревой, другая – багряно-янтарной, третья – зеленой, четвертая – жемчужно-опаловой.

Только со второй попытки гарпии удалось сделать так, что находившийся там карлик-шут вдруг «начал стремительно увеличиваться в размерах» и сожрал всех четырех фей. Когда гарпия полностью освободила душу барда от злых чар, все вернулось в изначальное состояние. «Возле ручья сидел Томас Биннори, играя «Зеленые рукава». Вокруг барда, как ни в чем не бывало, танцевали четыре феи» [20, 297]. Завершается роман тем, что Томас Биннори стал возмущаться своим излечением и продолжал мечтать о Королеве Фей.

Пожалуй, самую большую роль в мифологизации образа М. Лермонтова с акцентом на его пророческий дар, переданный от шотландского барда Томаса Рифмача, сыграл современный русский писатель, философ, мистик, путешественник, психолог, исследователь древних цивилизаций, правнучатый племянник М. Лермонтова – Владимир Юрьевич Лермонтов.

Он автор более 20 книг, создатель методик самосовершенствования, представитель Гималайского Совета Махатм, основатель

гималайской «Йоги Единого Сердца АХАМ» и даже новой идеологии современной России – идеологии правды. Его произведения, в которых объединены элементы йоги, эзотерики, христианства, буддизма, даосизма, дзен-буддизма, поднимают глубинные, космические вопросы о любви к Богу и человеку, о том, как пережить страдания и не потерять жизненную веру. Свои ранние произведения он писал под псевдонимом «Ветер с Гор», обыгрывая одну из версий происхождения своей фамилии.

С каждым годом книги В. Лермонтова приобретают все большую популярность. В контексте данного исследования нас интересует прежде всего его трактат «Манифест. Формула будущего. Новый путь в Новый мир» (2019). Это сочинение о вечном божественном смысле и восхождении к Творцу. В «Манифесте…» В. Лермонтов объявляет «Священный призыв, обращенный к Алмазному Роду, Светлым Силам России и Мира о том, чтобы собраться в Союз Творчества и Созидания имени М. Ю. Лермонтова «Парус Будущего – Парус Надежды» [13, 25]. В авангарде этого Союза Творчества и Созидания формируется отряд Лермонтова, который представляет собой динамическую движущую силу, своеобразную разведывательную экспедицию, которая изыскивает Сияющие Алмазы в недрах России и всего мира для создания единой Сокровищницы Духа. Отряд Лермонтова – это когорта Воинов Огня и Света – это Живое Сердце России, Свет ее Души, Ветер Новой Судьбы [13, 28].

Именно Вселенская сияющая творческая энергия наполняла, по мнению В. Лермонтова, «паруса поэзии» М.Ю. Лермонтова. Сила поэзии М. Лермонтова, которая была проводником высших небесных вибраций, творит новые миры. М. Ю. Лермонтов одновременно и воин, и поэт, и пророк, предстающий в едином Аватаре Огня и Света [13, 27].

Когда Томас Рифмач уходил в царство эльфов, то предсказал, что вернется с новыми пророческими стихами, и он вернулся в образе М. Лермонтова.

Символом Союза Творчества и Созидания является Великая

Печать Лермонтова – мандат будущего, который представляет собой единство трех символов: образа М. Ю. Лермонтова (Единство Огня и Света), образа Паруса (Путь к берегам Новой Судьбы) и образа Флага великого перехода (Единство Неба и Земли) [13, 63-64]. В то же время, Союз Творчества и Созидания является фундаментом будущего и творит свой рай, свою новую Шамбалу [13, 71].

В ряду мифологизации образа Лермонтова можно отметить настольный монумент М. Лермонтова «Сын Неба», автором идеи которого является В. Лермонтов (скульптор – Т. Пономаренко). Этот монумент подарен президенту РФ В. Путину на день рождения 7 октября 2023 года и был приурочен ко дню рождению М.Ю. Лермонтова 15 октября. Монумент представляет собой небольшую статую Лермонтова, который стоит на скале: он взошел на вершину горы, чтобы быть ближе к небу и богу, чтобы лучше слышать небесные откровения. Согласно В. Лермонтову, М. Лермонтов – Сын Неба – небесный посланник, который приносит завет правды для спасения человечества, планетарная личность Лермонтова – пророка, поэта и воина – преображается в космический образ посланника звезд: он владеет астральной энергией и звездным языком бога и правды. М. Лермонтов замер в позе, напоминающей дуэль с Н. Мартыновым. Палец, направленный вверх, символизирует выстрел поэта в воздух в знак примирения, а левой рукой он как будто прикрывает смертельную рану. Монумент основан на прижизненном портрете, который сделал однополчанин М. Лермонтова барон Д.П. Пален после ожесточенного боя у реки Валерик. Это единственный профильный портрет М. Лермонтова, наиболее схожий с оригиналом: поэт небрит, фуражка помята, ворот мундира расстегнут, без эполет [24, 430]. М. Лермонтов только что вернулся из боя, в котором бесстрашно сражался, поэтому скульптор изобразил его в виде воина.

Таким образом, можем констатировать, что кельтская легенда о Томасе Рифмаче и Королеве Фей нашла свое отражение в трех произведениях русской литературы XXI века: «Последний дозор» Сергея Лукьяненко, «Гарпия» Генри Лайона Олди, «Манифест.

Формула будущего. Новый Путь в Новый мир» Владимира Лермонтова.

В экшн-фэнтези С. Лукьяненко «Последний дозор» (2006) представлен образ Великого Светлого мага, главы Шотландского Ночного дозора Фомы (Томаса) Лермонта, который жив до сих пор. Он в юности был похищен Королевой Фей, после чего получил сверхъестественные способности. Спустя много веков, Фома Лермонт сумел первым пройти до шестого слоя Сумрака, где опять соприкоснулся с волшебным миром Эльфландии. С. Лукьяненко несколько раз подчеркивает родственную связь Фомы Лермонта и Михаила Лермонтова, обращая внимание прежде всего на сходство характера и темперамента.

В другом экшн-фэнтези, романе Г. Л. Олди «Гарпия» (2008), приводится та же легенда: поэта и арфиста Томаса Биннори (Томаса Рифмача) похищает Королева Фей, но через несколько лет снова возвращает на родину. Однако при этом она забирает его душу: находясь у себя дома, Томас постоянно грезит о Королеве Фей и постепенно лишается рассудка. Только после вмешательства гарпии Келены Томас обретает покой и душевное равновесие. В романе нет проекции на судьбу и творчество М. Лермонтова – линия «Томас Биннори-Михаил Лермонтов» у Г. Л. Олди никак не представлена.

В философско-эзотерической книге В. Лермонтова «Манифест. Формула будущего. Новый Путь в Новый мир» (2019) автор подчеркивает, что является потомком древней династии бардов и пророков и называет себя третьим в роду писателем. Сила поэзии М. Лермонтова, получившего дар пророчества от Томаса Рифмача, по мнению В. Лермонтова, обладает энергией Великого Сияющего Сотворения, она творит Новые Миры. В. Лермонтов считает, что с его «Манифеста…» начинается отсчет Нового Времени – Эпохи Сияющего Творчества и Созидания, которая сформируется под знаменем М. Лермонтова – поэта, воина и пророка. Сам М. Лермонтов выступает как проявление единства Огня и Света, алмазной основой Пирамиды Новой Эпохи, который должен превратить Россию в северную Шамбалу.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-154-173

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова И. Мистика рода Лермонтова [Электронный ресурс] // Высшая школа классической астрологии.
   URL: https://www.astrolog.ru/informatsionnyj-zhurnal-tsai/ (дата обращения: 27.04.2024).
2. Андреев Д. Л. Роза мира. М.: Прометей, 1991.- 288 с.
3. Аринштейн Л. М. Пророческий дар Лермонтова [Электронный ресурс] // Мифы и репутации. Интервью И. Толстого с Л. Аринштейном.
   URL: https://www.svoboda.org/a/ 24268353.html (дата обращения: 27.04.2024).
4. Барскова В. С. Шотландская народная легенда в балладах В. Скотта // Филологические науки. 1977, № 2. – С. 32-41.
5. Бицилли П. М. Этюды о русской поэзии. Прага: Пламя, 1926.- 285.
6. Бондаренко В. Лермонтов как пророк и мистик [Электронный ресурс] // Родная Кубань: литературно-исторический журнал.
   URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika (дата обращения: 27.04.2024).
7. Бондаренко В. Г. Лермонтов: Мистический гений. М.: Молодая гвардия, 2015.- 571 с.
8. Вейс А. Ю., Ковалевская Е. А. Живописное наследие Лермонтова. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953.- 367 с.
9. Киплинг Р. Избранные стихи. Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936.- 272 с.
10. Курова Л. Владимир Лермонтов – об авторе [Электронный ресурс] // Владимир Юрьевич Лермонтов.
    URL: https://coollib.net/b/23652-vladimir-yurevich-lermontov (дата обращения: 27.04.2024).
11. Лазарева Т. Г. Роман Томаса Рифмача «Сэр Тристрам»: влияние кельтской поэтической системы на структуру стиха средневекового романа // Вестник Пермского университета, 2016. Вып. 1 (33). С. 79-85.

12. Левагина С. Н. Мелодия эоловой арфы: Томас Рифмач – шотландский предок М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] // URL: https://www.liveinternet.ru/users/4771494/post330096388/ (дата обращения: 27.04.2024).
13. Лермонтов В. Ю. Манифест. Формула будущего. Новый Путь в Новый мир. М.: ИПЛ, 2019.- 64 с.
14. Лермонтов М. Ю. Собрание Сочинений: В 4-х т. М.: Художественная литература. Т. 1. Стихотворения. 1983.- 446 с.
15. Лукьяненко С. В. Последний дозор. М.: ООО «Издательство АСТ», 2022.- 368 с.
16. Маркова В., Гарская Н., Прокофьева С. В стране легенд. М.: Детская литература, 2003.- 346 с.
17. Молчанова Т. П. Лермонтовы 1613-2013: Российский род шотландского происхождения. М.: ООО «Издательство Волант», 2014.- 488 с.
18. Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989.- 302 с. С. 209.
19. Никольский В. В. Предки М.Ю. Лермонтова // Русская старина. Т. 7, СПб.: 1873. С. 547-566.
20. Олди Г. Л. Гарпия. М.: Эксмо, 2008.- 384 с.
21. Серебрянка А. Пламя кельтов. Белтейн, или Майская ночь [Электронный ресурс] // «Мир фантастики», № 106, июнь 2012. URL: https://www.mirf.ru/science/history/beltane-majskaya-noch / (дата обращения: 27.04.2024).
22. Сквозь волшебное кольцо. Британские легенды и сказки. М.: Правда, 1987.- 480.
23. Соловьев В. С. Литературная критика М.: Современник 1990.- 421 с.
24. Тер-Габриэлянц И. Г. Портреты Лермонтова // Лермонтовская Энциклопедия. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1981. С. 428-434.
25. Шотландские народные сказки и предания. М.: Художественная литература, 1967. - 327 с.

ՇՈՏԼԱՆԴԱՑԻ ԲԱՐԴ ԹՈՄԱՍ ՔԵՐԹՈՂԻ ԵՎ ԴԻՑԱՆՈՒՇՆԵՐԻ ԹԱԳՈՒՀՈՒ ՄԱՍԻՆ ԱՌԱՍՊԵԼԸ ԱՐԴԻ ՌՈՒՍ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Թադևոս Թադևոսյան
Վերա Առաքելյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *բարդ, Վլադիմիր Լերմոնտով, Հենրի Լայոն Օլդի, Դիցանուշների Թագուհի, Միխայիլ Լերմոնտով, մարգարե, ֆենտեզի վեպ, ռուս գրականություն, Սերգեյ Լուկյանենկո, Թոմաս Լերմոնտ, Շոտլանդիա, Էլֆլանդիա*

Հոդվածում վերլուծության է ենթարկվում Թոմաս Քերթողի և Դիցանուշների Թագուհու մասին կելտական առասպելի հարացույցը, որն իր արտացոլումն է գտել արդի ռուս գրական ստեղծագործություններում: Խոսքը վերաբերում է Սերգեյ Լուկյանենկոյի «Վերջին դետքը» (2006), Հենրի Լայոն Օլդիի (իսկական անուններն են՝ Դմիտրի Գրոմով և Օլեգ Լադիժենսկի) «Հարպիա» (2008) ֆենտեզի վեպերին, ինչպես նաև Վլադիմիր Լերմոնտովի «Հրովարտակ: Ապագայի բանաձևը: Նոր Ուղի դեպի Նոր աշխարհ» (2019) փիլիսոփախորհրդագործական տրակտատին: Այդ առասպելի սյուժեն միջնորդավորված միահյուսված է ռուս մեծ բանաստեղծ Միխայիլ Լերմոնտովի կյանքի և ստեղծագործությունների հետ, որոնք համակված են բազմաթիվ գաղտնիքներով և առեղծվածներով՝ դառնալով տարբեր ֆանտաստիկ և գաղտնաբանական մեկնաբանությունների ձևավորման հիմք: Ըստ ավանդազրույցի՝ Միխայիլ Լերմոնտովը շոտլանդացի հանրահայտ բարդ և նախագուշակ Թոմաս Լերմոնտի (Քերթողի) ժառանգն է: Երիտասարդ տարիքում Թոմասը իր երգերով ու տավիղ նվագելով գերել է Դիցանուշների Թագուհուն, որը տարավ երգչին իր հետ կախարդական երկիր: Այնտեղ նա ստացավ մարգարեական ձիրք և մի քանի տարի հետո նորից վերադարձավ իր հայրենիք: Դիցանուշների Թագուհին մի օր սպիտակ եղնիկներ ուղարկեց Թոմաս Քերթողի հետևից, որոնք նրան ընդմիշտ ուղեկցեցին դեպի Էլֆերի երկիր:

THE LEGEND OF THE SCOTTISH BARD THOMAS THE RHYMER AND THE FAIRY QUEEN IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

Tadevos Tadevosyan
Vera Arakelyan

Summary

Key words: *bard, Vladimir Lermontov, Henry Lyon Oldie, Fairy Queen, Mikhail Lermontov, prophet, fantasy novel, Russian literature, Sergei Lukyanenko, Thomas Learmont, Scotland, Elfland*

The article analyzes the paradigm of the Celtic legend about Thomas the Rhymer and the Fairy Queen, which is reflected in the works of modern Russian literature. The main topic of the article is the fantasy novels by Sergei Lukyanenko "The Last Watch" (2006) and Henry Lyon Oldie (pseudonym of Dmitry Gromov and Oleg Ladyzhensky) "Harpy" (2008), as well as the philosophical and esoteric treatise by Vladimir Lermontov "Manifesto. Formula of the future. New Path to the New World" (2019). The plot of this legend is indirectly intertwined with the life and work of the great Russian poet Mikhail Lermontov. His life is imbued with many secrets and mysteries that have become the basis for the formation of various fantastic and conspiracy theories. According to legend, Mikhail Lermontov was a descendant of the famous Scottish bard and soothsayer Thomas Learmont (Rhymer). In his youth, Thomas captivated the Fairy Queen with his songs and playing the harp, and as a result she took him to her magical land. There he received a prophetic gift from her and a few years later returned to his homeland. One day she sent white deer for him, who forever escorted Thomas the Rhymer to the Land of the Elves.

УДК 070

«ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ КОНЬЯКА ФИРМЫ “Н. Л. ШУСТОВ И СЫНОВЬЯ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТОМСКИХ ГАЗЕТАХ»

Анастасия Тарасенко
Наталия Жилякова

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-174-182

Ключевые слова: *«Сибирская жизнь», коньяк Шустова, реклама, «Утро Сибири», журналистика, рекламные жанры, Томск*

Разнообразие форматов, форм и видов рекламных объявлений, использование разных стилей и различные формы распространения – всё это было характерно для развития рекламного дела в России в начале XX века [7]. Развитие рекламы в дореволюционной периодике можно проследить и в регионах, в частности, в городе Томске – центре Томской губернии, в котором в дореволюционный период издавалось около 40 газет и 50 журналов (см. подробнее [4]).

Реклама была неотъемлемой частью большинства газет, издаваемых в Томске. Она размещалась на первой и последних газетных полосах, спектр рекламируемой продукции и услуг был чрезвычайно широк: предметы быта (часы, мебель, посуда), недвижимость, предметы гигиены, лекарства, книги, одежда, обувь, различные услуги (медицинские, образовательные) и т.д. Регулярно размещались рекламные объявление о продаже продуктов питания и напитков [10], при этом особенно выделялась реклама продукции товарищества «Н.Л. Шустов и сыновья»: она была яркой, разнообразной, отличалась творческим подходом к созданию рекламных текстов и изображений.

Исследование особенностей размещения шустовской рекламы на страницах томской газетной периодики начала XX века является целью настоящего исследования. Основные методы работы – фронтальный анализ содержания томских газет, сравнительный анализ рекламных объявлений.

Рекламное дело в Сибири довольно часто становится предметом исследовательского внимания (см. напр.: [1, 3-6, 8]). Реклама

шустовской продукции анализировалась в работах Даниеляна Т. Р. и Тадевосяна Т. В [2]. Однако до сих пор исследователи не ставили задачей выявление особенностей размещения рекламы в нескольких томских изданиях.

Для анализа был выбран 1913 год, когда рекламное дело в Сибири достигло одной из наивысших точек своего развития. В этот период в Томске издавалось две ведущих газеты либерального и социал-демократического направлений: это «Сибирская жизнь» (1897-1919) и «Утро Сибири» (1911-1917). Кроме них, выходили газеты «правого» (консервативного) направления: «Сибирская правда» (1908-1915) и «Томский вестник» (1912-1915), специализированные издания «Здоровье для всех» (1913-1917) и «Сибирский врач» (1913-1917), «События дня» (1913). Анализ содержания рекламных блоков этих изданий показал, что шустовская реклама регулярно публиковалась только на страницах двух крупнейших томских газет – ежедневных общественно-политических органов печати «Сибирская жизнь» и «Утро Сибири».

Необходимо подчеркнуть, что шустовская компания к 1913 году была одной из самых известных и динамично развивающихся в России. Основателем компании «Н. Л. Шустов и сыновья» был Николай Леонтьевич Шустов. Производство началось в 1863 году с одного небольшого водочного завода, а к 1914 году фирма владела уже семью винными заводами в Москве, Ереване, Варшаве, Одессе, Кишинёве, Кюрдамире [12]. К началу XX века производительность предприятий составляла более 4,5 миллионов рублей в год. Кроме водки, фирма торговала ликёрами, настойками и наливками. Фирма производила и поставляла на российские и зарубежные рынки такие напитки, как «Желудочная горечь», «Кавказский горный травник», «Мандариновая горькая», «Яблочная настойка», «Северная настойка», «Ананасная земляника» и др. (см. подробнее:.[9]). Цены на продукцию не были высоки. Самый дорогой ликёр стоил 1,5 рубля. Производство коньяка шустовская фирма наладила в 1896 году, в 1899 году приобрела завод в Ереване и стала выпускать коньяк с названиями «Три звёздочки», «Четыре звезды», «Финьшампань», «Экстра» [12].

О том, что товарищество «Н. Л. Шустов и сыновья» с особым вниманием подходило к распространению рекламы своей продукции, можно судить по количеству рекламных объявлений в региональных изданиях, в которым относились исследуемые «Сибирская жизнь» и «Утро Сибири».

В «Сибирской жизни» в 1913 году вышло 286 номеров, из которых 278 было доступно к изучению. Реклама алкогольной продукции товарищества «Н. Л. Шустов и сыновья» встречалась в них 367 раз (277 – текстовая реклама, 99 – визуальная) [10]. Она всегда размещалась на первой – самой дорогой – газетной полосе. В визуальной форме рекламировались ликёры и наливки, коньяк же Шустова рекламировался исключительно в текстовом формате, при этом рекламные тексты ни разу не повторились в течение всего 1913 года. Обращает на себя внимание и постоянное размещение рекламы в одном и том же месте: в конце рекламного блока на первой полосе, перед рубрикой «Месяцеслов». Благодаря этому читатели могли легко найти шустовскую рекламу и узнать, какую уникальную форму придумала фирма на этот раз для рекламы своей продукции. С уверенностью можно предположить, что эта рекламная политика повышала узнаваемость шустовских напитков и служила как для коммерческих, так и для развлекательных целей.

Особенностью рекламы коньяка Шустова был также отказ от «картинки» в пользу текста. Вероятно, это было сделано в расчете на то, что визуальная реклама в первую очередь предназначалась для малообразованного читателя, который с трудом осваивал текст. Для него публиковались крупные изображения бутылок узнаваемой формы, с лаконичными рекламными «слоганами». Однако «благородная публика» – с высоким доходом и достаточным образованием – могла позволить себе вникать в текст, включаться в интеллектуальную игру, которую предлагала шустовская реклама коньяка. Эта реклама была подчеркнуто «элитной», и таким же должен был восприниматься рекламируемый напиток – дорогой, «благородный».

Главным принципом текстовой рекламы коньяка Шустова была стилизация под известные литературные жанры. Рекламные тексты

были всегда уникальными, носили в большинстве случаев юмористический характер. Исследователи Т. Р. Даниелян и Т. В. Тадевосян подчеркивали: «Фактически рекламный формат компании имел рубрикационный характер: под каждым новым названием описывалась новая тема. Обычно это были бытовые истории, легенды, сказки или философские монологи о смысле жизни. Главные лица всегда менялись и каждый из них оказывался в какой-то критической ситуации или в приятном расположении духа, когда вопросы решались именно с помощью коньяка фирмы Шустова» [2]. Основой для рекламных текстов часто служили произведения русских классиков XIX в. – М. Лермонтова, А. Пушкина, И. Крылова и др. Использовались такие стихотворные жанры, как сатира, элегия, послание, поэма, песня, рассказ в стихах, пародия на известное произведение («перепев»), басня. Прозаическая реклама в газете была представлена в жанрах: диалог, зарисовка, совет, афоризмы и пословицы, письма и записки, статья, ответ на вопрос, анекдот, загадка, свод правил, заповедь, рассказ, пародия.

«Утро Сибири» в 1913 году вышло в количестве 284 номеров, из которых была доступно для изучения 277. В каждом из них публиковалась как визуальная, так и текстовая товарищества «Н. Л. Шустов и сыновья». Текстовая реклама шустовского коньяка, как и в издании «Сибирская жизнь», встречалась в каждом номере, располагалась на первой полосе, перед рубрикой «Месяцеслов» [1] [11]. Однако рекламные тексты были разными по содержанию, ни разу не совпав.

Так, например, в № 10 газеты «Сибирская жизнь» от 12 января 1913 года на первой полосе реклама выглядела как небольшой рассказ под заголовком «История одной истории». В «Утро Сибири» в тот же день была опубликована реклама в жанре диалога с тремя звёздочками вместо заголовка.

В № 15 «Сибирской жизни» от 18 января 1913 года коньяк

[1] Примечание: в газете «Сибирская жизнь» текстовая реклама отсутствует в № 184 от 22 августа, в «Утро Сибири» – в № 186 от 25 августа.

Шустова прорекламирован в стихотворении под заголовком «Я счастлив». В № 15 «Утра Сибири» рекламное объявление от Шустова значительно больше: это пять диалогов, отделенных друг от друга чертой, под общим названием «Диалоги».

В № 118 «Сибирской жизни» от 31 мая под заголовком «1001 совет даром» было описано семь советов; в тот же день в № 118 газеты «Утро Сибири» была опубликована реклама коньяка в стихотворной форме с заголовком «?» – пародия на стихотворение А. Фета «Я пришел к тебе с приветом…».

В № 258 от 23 ноября в газете «Сибирская жизнь» была опубликована реклама коньяка Шустова в виде стихотворения под заголовком «Полная чаша» – в № 257 «Утра Сибири» от 23 ноября тоже появилось стихотворение, но с заголовком «Два мужа».

В № 274 «Сибирской жизни» от 13 декабря 1913 года опубликована крупная реклама в виде семи небольших стихотворений, с заголовком «Записки из “желтого дома” (стихи сумасшедших)». В № 273 газеты «Утро Сибири» напечатана стихотворная реклама Шустова под заголовком «Верхи».

В целом на всем протяжении 1913 года не было выявлено ни одного случая совпадения рекламных текстов: и в «Сибирской жизни», и в «Утре Сибири» публиковались абсолютно разные произведения, которые объединяло только одно – они рекламировали шустовский коньяк.

Таким образом, размещение шустовской рекламы в томской газетной периодике начала XX века имело свои особенности. Это, во-первых, одновременная публикация и визуальной, и текстовой рекламной продукции; во-вторых, размещение рекламы на самом заметном месте – на первой полосе, практически в ее центре; в-третьих, это существование содержательно разной текстовой рекламы шустовского коньяка, не повторяющейся в ведущих общественно-политических газетах Томска.

Проведенный анализ позволяет также оценить масштаб работы, которая была организована товариществом Шустова по рекламированию своей продукции. В региональные газеты высылались изоб-

ражения – готовые клише: об этом можно судить по тому, что они появлялись в неизменном виде на страницах и «Сибирской жизни», и «Утра Сибири». И одновременно существовала база текстовых рекламных объявлений шустовского коньяка, включавшая в себя разнообразные жанровые вариации. На данный момент нет информации о том, каким образом в редакциях оказывались эти тексты: высылались ли они списком на целый год, и редакция публиковала их постепенно, либо были рассылки годовые, либо помесячные. Судя по несовпадению содержания рекламных произведений, эти рассылки были разными для разных органов периодики: можно предположить, что шустовская фирма составляла подобные подборки в «промышленных масштабах», для редакций многих российских изданий. Такого рода работа предполагала участие в составлении текстов целого творческого коллектива, а также существование продуманной концепции рекламы.

Шустовские рекламные объявления делали первые полосы региональных газет визуально более привлекательными за счет крупных изображений разнообразных бутылок. Одновременно читатели вовлекались в своеобразную игру по угадыванию «оригиналов» произведений, используемых в рекламе. Необходимо подчеркнуть, что томские журналисты относились критически к этой рекламной «находке»: так, в 1910 году известный поэт и публицист Г. Вяткин посвятил рекламной литературе фельетон под говорящим названием «Профанация», в котором утверждал: «реклама не церемонится, реклама безжалостно профанирует» классические шедевры Лермонтова и Пушкина, «безжалостно искажает» их. В качестве примеров он упоминал «гильзы Катыка», «ресторан Мартьяныча» – и шустовский коньяк: «недалеко то время, когда фабриканты и коммерсанты ради большей прибыли своих карманов» переработают и «самого Шекспира <…> Горацио будет угощать тень отца Гамлета шустовским коньяком» (Сибирская жизнь. 1910. № 104). Тем не менее шустовская реклама продолжала регулярно появляться в периодической печати – как столичной, так и региональной,– совершенствуя приемы воздействия на читателя.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-174-182

ЛИТЕРАТУРА

1. Аброськин С. В. Коммерческая реклама на страницах первых частных периодических изданий Томска // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 2. С. 82-88.
2. Даниелян Т. Р., Тадевосян Т. В. Стихотворный текст как формат рекламы (на примере рекламы коньяка фирмы «Н. Л. Шустов и сыновья» в газете «Кавказ») // Вестник Том. гос. ун-та. 2023. № 488. С. 111-119.
3. Дворцова О.В. Коммерческая реклама сибирских купцов в местной печати // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Второй Всероссийск. научн. конф. 2017. С. 238-244.
4. Дмитриенко Н. М. В городе торговом жили: продажи и покупки в Томске во второй половине XIX – XX в. // Города Сибири XVII-начала XX в. 2004. Вып. 2. С. 102-112.
5. Жилякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. - 446 с.
6. Жилякова Н. В. Рекламная политика томских изданий конца XIX века // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. № 1(2). С. 96-110.
7. Макашина Л. П. Русская реклама. Отечественная практика (1703-1918). Екатеринбург: Типолаборатория УрГУ, 1995.
8. Малых С. В. Развитие рекламы Восточной Сибири в 1880-е - 1914 гг. (на материалах периодической печати): автореф. канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2012.
9. Мариупольский А. М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863-1902 гг.). Барнаул, 2000.
10. Сибирская жизнь. Газета. Томск. 1913 [Электронный ресурс] Научная библиотека Томского гос. ун-та. Режим доступа: https://lib.tsu.ru/mminfo/000349025/, свободный. (дата обращения 14.09.2024).

11. Утро Сибири. Газета. Томск. 1913 [Электронный ресурс] Научная библиотека Томского гос. ун-та. Режим доступа: https://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000349043/, свободный. (дата обращения 14.09.2024).
12. Шаркань Х. В. Москва питейная. История винокурения, водочного производства и виноторговли в лицах. М. Студия Вольфсона, 2018. С. 173–202.

«Ն. Լ. ՇՈՒՍՏՈՎ ԵՎ ՈՐԴԻՆԵՐԸ» ԸՆԿԵՐՈՒԹՅԱՆ ԿՈՆՅԱԿԻ ԳՈՎԱԶԴԻ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՆԱԽԱՀԵՂԱՓՈԽԱԿԱՆ ՏՈՄՍԿԻ ԹԵՐԹԵՐՈՒՄ

Անաստասիա Տարասենկո
Նատալյա Ժիլյակովա

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *«Սիբիրի կյանքը», Շուստովի կոնյակ, գովազդը, «Սիբիրի առավոտ», ժուռնալիստիկա, գովազդային ժանրերը, Տոմսկ*

Ուսումնասիրության օբյեկտը «Ն. Լ. Շուստով և որդիները» ընկերության տեքստային գովազդն է: Հետազոտությունն իրականացվել է 1913 թվականի Տոմսկի երկու նախահեղափոխական թերթերի հիման վրա, որոնցում հրապարակվել են Շուստովի ընկերության գովազդները՝ «Սիբիրի կյանքը» և «Սիբիրի առավոտ»: Այս գովազդը կարելի է բաժանել տեսողական և տեքստային գովազդի, որոնք կարելի է տարբերակել բանաստեղծական և արձակ գովազդների: Մեկ համարում հաճախ հրապարակվում էր ընկերության միանգամից երկու գովազդ: «Շուստով» կոնյակի տեքստային գովազդի հիմնական սկզբունքը գրական ժանրերի ոճավորումն է: Տեքստային գովազդը չի կրկնվել համարից համար: «Սիբիրի կյանքը» և «Սիբիրի առավոտ» թերթերում գովազդների համեմատական վերլուծությունը ցույց է տվել, որ «Շուստով» կոնյակի մասին նույն օրը հրապարակված գովազդները չեն համընկնում:

"FEATURES OF ADVERTISING OF COGNAC FROM THE COMPANY "N. L. SHUSTOV AND SONS" IN PRE-REVOLUTIONARY TOMSK NEWSPAPERS"

Anastasia Tarasenko
Natalia Zhilyakova

Summary

Key words: *"Siberian Life", Shustov cognac, advertising, "Morning of Siberia", journalism, advertising genres, Tomsk*

The topic of the study is the following: text advertising of the company "N. L. Shustov and sons". The study was conducted on the basis of two Tomsk pre-revolutionary newspapers for 1913, which published advertisements for Shustov's company: "Siberian Life" and "Morning of Siberia." This advertising can be divided into visual and textual, which can, in its turn, be divided into poetic and prose. In one issue there were often two advertisements for the company at once. The main principle of text advertising for Shustov cognac is stylization to resemble literary genres. Text advertising was not repeated from issue to issue. A comparative analysis of advertisements in the newspapers "Siberian Life" and "Morning of Siberia" showed that advertisements for Shustov cognac published on the same day do not coincide.

УДК 821.161.1

ОТРАЖЕНИЕ БАШКИРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Галия Хисамова
Сулпан Нафикова

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-183-191

Ключевые слова: *башкирский национальный характер, русская литература, С. Злобин, С. Юлаев, речевая характеристика, портрет персонажа*

В современной гуманитаристике активно осваивается всё то, что связано с анализом этноса, нации, характерологическими особенностями народа. Исследования ведутся в контексте изучения культуры, социальной философии, этнологии, этнолингвистики, истории, социальной психологии, политологии (см. работы Г. С. Аванесова, С. А. Арутюнова, В. С. Барулина, М. П. Бузского, Л. М. Дробижаевой, В. К. Трофимова, В. В. Колесова, Н. А. Моисеевой, Н. А. Нарочицкой, Ю. П. Платонова, Т. Б. Радбиля, В. Н. Романова, А. В. Селиверстова, Е. Р. Ярской и др.).

В современных филологических исследованиях в связи с развитием антропоцентрической парадигмы научного знания понятие «национального характера» до сих пор является дискуссионным.

Национальный характер определяется как «наиболее общие черты стиля жизни индивидов – представителей одной нации, наиболее типичные способы реагирования на общественную среду, эмоционального отношения к жизни, набор стремлений и мотивов поведения» [4, 62].

В научной литературе часто недифференцированно используются понятия «менталитет» и «национальный характер»: они порой отождествляются. Однако эти понятия необходимо разграничивать. Отличие заключается, по мнению И. А. Стернина, в следующем: менталитет связан преимущественно с логической, когнитивной деятельностью сознания, а национальный характер – с эмоцио-

нально-психологической сферой человека. Национальный характер – это сложившиеся эмоционально-психологические нормы поведения человека в обществе [3, 10].

Статья посвящена особенностям изображения башкирского национального характера в лингвокультурологическом аспекте.

Объектом исследования стал образ героя башкирского народа Салавата Юлаева, легендарного полководца Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева.

Материалом послужил роман С. П. Злобина «Салават Юлаев».

Образ Салавата Юлаева нашел широкое отражение в художественной литературе (поэзии, прозе, драматургии), изобразительном искусстве, музыке, кино [6, 105-143].

С. П. Злобин (1903-1965) в русской литературе XX века получил известность как талантливый мастер исторической прозы. Его романы «Салават Юлаев», «Степан Разин», «Остров Буян» прочно вошли в сокровищницу отечественной литературы. Импульсом для создания «Салавата Юлаева» послужила жизнь С. П. Злобина в Башкирии в 1924-1928 годах. Произведение вышло в свет в 1929 году. Сразу же после выхода первого издания роман неоднократно переиздавался (с 1929 по 1939 год). В 1953 году вышло еще одно кардинально переработанное издание «Салавата Юлаева». Используя новые документы, С. П. Злобин гораздо полнее показывает деятельность Салавата как полководца. Так, в течение нескольких десятилетий писатель был связан со своим любимым героем [7, 148].

Роман о национальном герое башкирского народа Салавате Юлаеве талантливо воссоздает легендарный образ батыра-воина, замечательного певца-импровизатора, бесстрашного пугачевского полководца. Благодаря роману С. П. Злобина имя Салавата стало известно тысячам людей.

Одной из характерных особенностей творческой индивидуальности С. Злобина является изображение судьбы героя с детских лет. Позднее свою приверженность он объяснит так: «Почему вы начинаете ваши книги с юности ваших героев? – не раз слышал я

вопрос от своих читателей. – Потому, отвечаю я,– что молодость – это пора, в которой формируется так называемая «душа» героя, когда силы его кипят, когда в нем нет желаний покоя и каждое сердечное возбуждение, как и каждый помысел его, зовет к действию, к борьбе за свою правду…» [5, 186].

Уже в ранний период жизни Салават стал проявлять такие качества, как смелость, решительность, отвага:

«Салават рос крепышом. Темно-коричневый от солнца, вечно в ссадинах и синяках, ясноглазый, задорный, с длинными загнутыми ресницами, он радовал взор всякого, кто на него глядел, и обещал стать красавцем-юношей…

Если нужно было поймать коня, Салават, как никто другой, умел ловко накинуть аркан на шею непокорного, одичалого жеребца.

В лесах и степях бродили огромными стаями волки. От них приходилось защищать жеребят и овец, и Салават не раз отгонял обнаглевшего волка камнями и палкой, не думая даже о том, что этим можно гордиться.

К тринадцати годам он стал искусным джигитом. Он умел на скаку вскочить на ноги на спине коня, бросить вверх и поймать свою тюбетейку.

…Среди праздничных игр, кроме стрельбы, борьбы и джигитовки, были такие, как бег в мешках, бег на четвереньках, бег с яйцом на ложке,– во всех этих потехах Салават неизменно бывал победителем» [1, 36-37].

Первый абзац фрагмента содержит портрет героя, указывая не только на внешние качества, но и внутренние свойства человека («задорный», то есть задиристый, бойкий).

Тюркизмы передают региональный колорит текста: *джигит* («искусный и отважный наездник, удалец»), *тюбетейка* («круглая неглубокая шапочка без полей с вышитыми или тканными узорами»), *аркан* («длинная веревка с подвижной затягивающейся на конце петлей для ловли животных»), *джигитовка* («разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади»).

Играми Салавата и его сверстников были война и охота, когда необходимо было проявить мужество и отвагу: «*Мальчишки, как козы, лазили без тропинок на отвесные утесы, чтобы разорять орлиные гнезда. Это была опасная игра: если взрослые птицы успевали возвратиться, завязывались сражения между охотниками и орлами, но Салават не боялся: его стрела с пятидесяти шагов пронизывала кольцо, снятое с пальца*» [1, 42-43].

Первые сцены романа с участием Салавата (поединок с орлами) уже предвосхищают в нем будущего батыра, храброго человека, героя: выносливость, мужество, стремление помочь товарищу, попавшему в беду (в романе это Кинзя).

В последующих эпизодах и сценах, посвященных детству и юности Салавата, раскрываются такие нравственные качества героя, как правдивость, честность, прямота, великодушие, желание делать людям добро. Причем Салават не стремится «стать над товарищами», они сами выдвигают его из своей среды.

В двадцать один год он становится одним из видных полководцев пугачевского восстания. Большая честь для юноши: ведь по тогдашним обычаям у башкир выше всего ценилась мудрость седобородых аксакалов. И надо было обладать действительно глубоким умом, высоким мужеством, чтобы завоевать любовь и уважение народа.

Салават обладал умением убеждать людей, особым даром красноречия:

«*Вся площадь, утихнув, глядит на странного всадника, вооруженного для войны. Народ стекался к нему, окружая его плотнее с каждым мгновением.*

– Башкиры, слушайте, люди! Видите вы, что у меня в руке?

В высоко поднятой руке Салавата был уголёк. И Салават рассказал всем про свой уголёк, про то, как горели селенья, как тонули в крови дети и мучились, умирая от пыток, бесстрашные воины…

Народ на площади зашумел. Люди бросили торг. Иные тут же на базаре выпрягали лошадей из возов, садились верхом,

вооружались оглоблями, косами, топорами…

Они шли от деревни к деревне, от базара к базару, и всюду отряд пополнялся новыми толпами воинов.

За Салаватом скакали уже тысячи всадников» [1, 109].

В своей речи Салават использует средства художественной выразительности (тропы, стилистические фигуры). В основе его рассказа – метафорический образ уголька, с помощью которого враги жгли аулы, убивали, мучили, грабили народ.

Салават Юлаев выписан в духе народных батыров-богатырей, его образ решён в фольклорной традиции. Не случайно в лучших традициях народно-эпической поэзии он сравнивается писателем с большим и благородным зверем – рысью, сохатым, тигром, орлом.

Исторически реальный факт биографии Салавата Юлаева, который был народным певцом, поэтом, кураистом, становится концептуальным моментом в построении образа этого героя. Судьба его похожа на песню, на легенду.

Предводитель башкирского народа выступает как поэтический выразитель его дум и чаяний: «Стихи рождаются в душе Салавата спонтанно, как продолжение его дел, мыслей, впечатлений от увиденного и пережитого. Тут и мужественные песни воина, и величавые славницы в честь Урала и башкирского народа, а песни – призывы к борьбе против угнетателей, и переложение Корана, и колыбельная новорожденному сыну, песни тюремные и любовные, грустные и веселые» [2, 75].

Введение в роман многочисленных стихов и песен, которые сочинил Салават Юлаев, обуславливает лиричность художественного текста:

«*Салават встал, вынул из шкатулки, захваченной в доме красноуфимского воеводы, курай, сел снова на подушку, поднес к губам курай…*

Нужна была не песня без слов, а настоящая, своя, живая песня. Он запел:

Так говорил пророк,

Слушайте, так говорил:

– Трижды обманувшего тебя,
Не слушай врага.
В час, когда милость предложил,
Отвергни гордо…
Пусть меч его острием проникнет
К горлу, панцирем не закрытому.
Не слушай врага, дарующего милость,
Даже тогда не слушай,
Когда дар его равен жизни…» [1, 344].

Поэт Салават был очень чуток к слову, отсюда и своеобразие его речевой характеристики в романе. Песни пронизывают его речи о родном крае, о башкирском народе. Даже ответ Емельяну Пугачеву, данный на вопрос, чего башкирцам надо от царя, звучит как песенный речитатив:

«Скажет царь,– говорит Салават,– живи башкирский народ, как зверь в степи вольный бегай, как птица в небе высоко летай, как рыба в воде плавай!..» [1, 167].

Степан Злобин раскрывает не только выдающийся талант полководца, но и духовный мир своего героя, его богатую поэтическую натуру.

Таким образом, в романе описана богатая приключениями и событиями жизнь Салавата Юлаева. Салават честен, бесконечно предан своему делу, поражает необыкновенным героизмом. Писатель стремится к всесторонней характеристике исторического героя, выделяя в нем не только черты выдающегося руководителя повстанческого движения, но и подчеркивая обаяние личности.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-183-191

ЛИТЕРАТУРА

1. Злобин С. П. Салават Юлаев. Исторический роман. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – 432 с.
2. Ишимбаева Г. Г. Фольклор в романе «Салават Юлаев». – Уфа: Китап, 1997. – С. 74-81.
3. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2003. – 27 с.
4. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Флинта. Наука, 2010. – 314 с.
5. Рахимкулов. Любовь моя – Башкирия! Литературно-краеведческие очерки. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1985. – 390 с.
6. Сидоров В. В. О башкире-певце и бесстрашном бойце. Книга о С. Юлаеве. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983. – 152 с.
7. Хисамова Г. Г., Махмутова А. С., Кульсарина И. Г. Особенности национального характера в произведениях русской литературы XIX-XX веков: лингвокультурологический аспект исследования. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – 155 с.

ԲԱՇԿԻՐՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԽԱՌՆՎԱԾՔԻ ԱՐՏԱՑՈԼՈՒՄԸ XX ԴԱՐԻ ՌՈՒՍ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ. ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅԱՆ ԼԵԶՎԱՄՇԱԿՈՒԹԱԲԱՆԱԿԱՆ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆԸ

Գալիյա Խիսամովա
Սուլպան Նաֆիկովա

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *բաշկիրական ազգային բնավորություն, ռուս գրականություն, Ս. Զլոբին, Ս. Յուլան, խոսքի բնութագիր, կերպարի դիմանկար*

Ռուս գրական ստեղծագործություններում (Լ. Տոլստոյ, Վ. Շիշկով, Ի. Էրենբերգ, Ս. Զլոբին և այլք) ստեղծվել է բաշկիրների հիշարժան կերպարների պատկերասրահ, որ բազմակողմանիորեն ցույց է տալիս բաշկիրական ազգային բնույթի տարբեր կողմեր մեկ այլ ազգի ներկայացուցչի աչքերով: Հոդվածը նվիրված է բաշկիրական ազգային բնույթի պատկերման առանձնահատկություններին լեզվամշակութային առումով: Հետազոտության օբյեկտը Սալավաթ Յուլանի կերպարն է: Նյութը Ս. Զլոբինի «Սալավաթ Յուլան» վեպն է: Գրողը ներկայացրեց ազատասեր, համարձակ, անձնազոհ, ստեղծագործորեն շնորհալի Սալավաթ Յուլանի կերպարը, որ մարմնավորում է բաշկիրների ազգային բնավորության գերիշխող գծերը:

REFLECTION OF THE BASHKIR NATIONAL CHARACTER IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XX CENTURY: THE LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT OF THE STUDY

Galiya Khisamova
Sulpan Nafikova

Summary

Key words: *Bashkir national character, Russian literature, S. Zlobin, S. Yulaev, speech characteristics, character portrait*

In the works of Russian literature (L. Tolstoy, V. Shishkov, I. Ehrenberg, S. Zlobin, etc.), a gallery of memorable images of Bashkirs has been created, which comprehensively show different facets of the Bashkir national character through the eyes of a representative of another nation. The article is devoted to the peculiarities of the image of the Bashkir national character in the linguistic and cultural aspect. The object of the study was the image of Salavat Yulaev. The material was S. Zlobin's novel "Salavat Yulaev", in which the writer presented the image of the freedom-loving, courageous, selfless, creatively gifted Salavat Yulaev, who embodied the dominant features of the Bashkir national character.

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԼԵԶՎԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՄԵԹՈԴԻԿԱ

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING METHODS

УДК 811.19

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АДЪЕКТИВНЫХ КОЛОРАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. СЕРАФИМОВИЧА)

Жанна Алоян
Мариам Галоян

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-193-211

Ключевые слова: *семантика, контекст, цветообозначение, эстетическое значение, эмоционально-оценочные коннотации*

Введение

Колоративом называют такую языковую (речевую) единицу, корневая морфема которой семантически или этимологически связана с цветообозначением. Колоративная лексика в художественном тексте передает не только разнообразные цвета и их оттенки, а и наделяет отдельные речевые и языковые единицы с цветовым компонентом определенной символикой. С точки зрения семантики исследователи выделяются две группы цветообозначений: в первую группу входят собственно колоративы, например: красный, желтый, черный, коралловый, голубой и т. д., во вторую - дополнительные характеристики цвета, такие, как светлый, блеклый, густой, темный, насыщенный и др. Собственно колоративы в большей своей части неоднородны. Они также подразделяются на группы: для первичных колоративов главным и основным является значение цвета (синий, желтый и др.); у вторичных - значение цвета является переносным, образным, фигуративным (вишневый, коралловый и др.), однако, оно также закреплено в системе языка.

Актуальность темы данного исследования объясняется необходимостью изучения лексико-семантических особенностей колоративов и их эстетических возможностей в произведениях А.С. Серафимовича. В статье рассматриваются колоративы номинативного поля «человек», что обусловлено спецификой художественной манеры А.С. Серафимовича.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе семан-

тики наиболее частотных адъективных колоративов в произведениях А.С. Серафимовича и раскрытии особенностей их эстетических значений.

В соответствии с поставленной целью в статье ставятся и решаются следующие **задачи**:

1) выделить адъективные обозначения в произведениях А.С. Серафимовича;
2) осветить лексические особенности адъективных колоративов;
3) выявить семантические особенности адъективных колоративов;
4) раскрыть специфику их эстетических значений;
5) сделать соответствующие выводы.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в исследовании использован комплекс методов: как традиционные методы научного исследования (наблюдение, описание, сопоставление), поисковый метод, метод выборки, так и метод компонентного анализа значения выбранных цветовых обозначений.

Объектом исследования являются адъективные колоративы в произведениях А.С. Серафимовича.

Предметом исследования является особенности лексической и семантической сочетаемости адъективных колоративов произведений А.С. Серафимовича.

Вопросы изучения художественного слова и его эстетических возможностей всегда были актуальными и релевантными в лингвистической науке. При этом особое внимание лингвисты уделяли собственно лексическому уровню, который наиболее полно отражает идейно-тематическое содержание любого художественного текста. В художественных произведениях лексические единицы могут как сохранять свойственные им общепринятые и установленные значения, так и приобретать совершенно новые, подвергаясь многочисленным трансформациям. Подобные семантические преобразования происходят под влиянием контекста и авторского видения мира, обусловливаются идеей и проблематикой произведе-

ния, являются результатом переосмысления автором окружающей действительности. Мы полностью согласны с мнением В. В. Виноградова, который считал, что «смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением и буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами» [1]. Идентичный взгляд на смысл слова был представлен еще в работах А. А. Потебни, который рассматривал слово в качестве символической, двучленной структуры и обращал особое внимание на сложные и разнохарактерные взаимоотношения между словами в контексте и вне контекста [2].

Как отмечают исследователи, имена прилагательные имеют огромное значение для изучения и дальнейшего анализа категории эстетического значения, так как для них характерна семантическая наполненность и неразрывная связь с композицией, а также они обладают особым потенциалом в семантической и коннотативной сферах. Еще А. М. Пешковский отмечал, что «значение категории прилагательного – качество, именно поэтому данная категория формально выражается, прежде всего, своим отношением к существительному: без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного» [3, 45].

Постановка вопроса

В данной статье мы рассматриваем лексико-семантические особенности употребления наиболее частотных цветообозначений в произведениях А. С. Серафимовича. Нами выделены такие цвета, как черный, серый, синий, голубой, желтый и красный. Последовательность наших рассуждений сводится к следующему алгоритму: дается лексическое значение колоративов из различных толковых словарей, далее колоративы исследуется в лингвокультурологическом аспексте, выявляются семантические особенности и эстретические возможности их использования в художественных текстах А. Серафимовичем, формулируются выводы исследования.

1. Колоратив ***черный***. Из толкового онлайн-словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой нами выделены следующие описания лексемы *черный*: «1. Цвета сажи, угля. Ч. (траурный).

2. полн. ф. Тёмный, в противоп. чему-н. более светлому, именуемому белым. 3. Принявший тёмную окраску, потемневший. 4. *перен. Мрачный, безотрадный, тяжёлый*. 5. полн. ф., перен. Преступный, злостный. 6. полн. ф. Неглавный, задний (о входе, ходе). *7. полн. ф. О труде: физически тяжёлый и неквалифицированный. 8. полн. ф. Принадлежащий к непривилегированным, эксплуатируемым классам общества (устар.).* 9. полн. ф. С тёмной кожей (как признак расы), чернокожий и т.д.» [4].

В сознании русского народа, как и во многих других культурах мира, черный цвет ассоциируется с чем-то мрачным, тяжелым, нередко со смертью, погибелью. В составе фразеологических единиц русского языка цветообозначение «черный» «участвует в вербализации концепта «смерть, беда». Можно привести следующие примеры: *черная смерть* (чума), *выписать черную метку* (угрожать смертью), *Чёрная река, или Смородина* (граница между миром живых и мертвых), *черный ворон* (предвестник смерти)» и т. д. [5].

Что касается художественных текстов А.С. Серафимовича, то колоратив *черный* имеет особую смысловую нагрузку. В сочетаниях с качественными прилагательными, указывающими на индивидуальные психологические характеристики человека, эпитет *черный,* кроме своего прямого номинативного значения, приобретает дополнительные семантические и эстетические смыслы, разнообразные эмоционально-оценочные оттенки. Приведем несколько выбранных нами примеров из произведений автора: «*глаза стали* ***мрачные****: они у него* ***черные****, Двое бьются в карты – парень ... и с красивыми, но острыми и* ***хищными чертами черного*** *от загара лица горец в лохмотьях* («На берегу»)» [6]; «*С матово-строгого лица на меня глянули* ***черные, гордые*** *глаза* («Наденька»)» [6].

Сравним семантическую составляющую колоратива *черный* в приведенных примерах.

Черные = мрачные. В данном случае черные глаза воспринимаются как символ мрачности, предвещающей негативные события. Здесь колоратив «черный» ассоциируется с темнотой, тревогой, опасностью и неясностью будущего.

Черные = хищные: Колоратив «черный» символизирует не только его цвет лиц рабочих, но и их зловещий характер, агрессию или даже смерть.

Черные = гордые. В этом примере «черные» глаза имеют совершенно иную коннотацию. Здесь колоратив «черный» передает чувство гордости, мощи и независимости. Он может символизировать силу, устойчивость и величие, что делает его положительным элементом в данном контексте.

Кроме того, считаем необходимым заметить, что в произведениях А.С. Серафимовича колоратив *черный* напрямую связан с характеристикой разных рабочих профессий, описанием «черного люда». Обращение к данной «низкой» категории героев объясняется спецификой времени, в которое жил и творил писатель,– эпохой «промышленной горячки», когда во второй половине XIX века в Донбасском бассейне начался так называемый период «каменноугольной горячки», создавший в России целую отрасль промышленности. В связи с этим *черный* цвет становится ведущим, ключевым, определяющим, символизируя тяжелую жизнь рабочего человека, драму его повседневного существования, бесчеловечность всего строя жизни. Приведем выбранные нами примеры: «*те же измученные, усталые* ***черные*** *лица рабочих*; ***черный,*** *с шапкой спутанных волос и угрюмым видом шахтер* («Маленький шахтер»); *в яме рабочий,* ***весь черный****, точно обуглившийся, что-то торопливо делал перед этим жерлом*; ***черной*** *от нефти и грязи, дрожавшей от усталости рукой рабочих* («На заводе»); *маленький, живой, с* ***горячими черными*** *мышиными глазками, человек... торопливо подал* ***черную от свинца*** *руку* («Скитания»); *люди,* ***черные,*** *насквозь пропитанные углем* («Под землей»); *Он постоял, расставив ноги, сутулый, шевеля* ***черными от масла и железа*** *пальцами*, *парень-гигант,* ***чугунно-черный,*** *точно вырубленный из каменного угля* («На заводе»)» [6] и т.д.

Черный = точно обуглившийся, черные лица. В этом случае колоратив «черный» указывает на состояние лица, сильно закопченного или обугленного. «Черный» здесь выражает степень загрязне-

ния, а также что создает ассоциации с чем-то обуглившимся, сожженным.

Черные глаза = горячие глаза. Здесь «черные» глаза воспринимаются как выразительные и наполненные страстью или эмоциональной силой. Колоратив «черный» передает интенсивность взгляда, эмоциональную глубину, внутренний жар.

Черная рука = черная от свинца рука. В этом примере «черная» рука указывает на физическое загрязнение свинцом. Колоратив «черный» приобретает буквальное значение, описывая поверхность, покрытую или пропитанную свинцом, что связано с внешними характеристиками.

Черные люди = насквозь пропитанные углем люди. Здесь «черные» люди – это люди, работающих с углем, чьи тела полностью покрыты угольной пылью. Колоратив «черный» ассоциируется с профессиональной деятельностью и передает образ людей, чья кожа и одежда пропитаны угольной пылью.

Черные пальцы = черные от масла и железа пальцы. В данном случае «черные» пальцы связаны с ручной работой, вероятно, с машинами или механизмами, где масло и железо оставляют следы на коже. Колоратив «черный» описывает не только цвет, но и состояние пальцев, испачканных в процессе физического труда.

Черный парень-гигант = чугунно-черный парень-гигант. Здесь «черный» парень описывается как человек с чугунной, темной кожей. Колоратив «черный» указывает на цвет кожи или внешность, создавая образ массивного, сильного человека с темной, возможно металлически блестящей кожей.

Таким образом, колоратив «черный» в зависимости от контекста может приобретать разные семантические оттенки: от мрачности и угрозы до гордости и силы. Это показывает богатство и многогранность русской лексики, где одно и то же слово может иметь несколько значений в зависимости от ситуации.

2. Колоратив ***серый.*** Из толкового онлайн-словаря русского языка Д. Н. Ушакова мы выделили следующие описания цвета *серый*: «1. Цвет, который получается из смешения черного с белым.

2. перен. Бесцветный, ничем не замечательный, заурядный, неинтересный (разг.). 3. перен. Необразованный, малокультурный, *находящийся на низкой ступени развития* (пренебр.)» [7].

А из толкового онлайн-словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой мы выделили следующие заинтересовавшие нас описания лексемы *серый*: 1*. Цвета пепла, дыма*. 2. перен. *Болезненно бледный*. 3. перен. *Посредственный, ничем не замечательный*. 4. перен. Малокультурный, необразованный (разг.) [4].

Колоратив ***серый*** также часто употребляется в произведениях А. С. Серафимовича. Нами отмечены разнообразные оттенки данного цвета, представленные в прозаических текстах писателя, с помощью которых А. С. Серафимович описывает бедственное состояние своих героев, указывая на состояние их здоровья, возможные болезни, например: «*человек... с* ***серым, землистым*** *лицом* («У обрыва»); *Он лежал на песке со скрюченными руками и ногами, с* ***чугунным*** *лицом* («Случай»); *Из-под земли вылезает... толпа черных людей с потухшими глазами, с* ***пепельными*** *ввалившимися лицами»* («На заводе»)» [6].

Серое лицо = землистое лицо. В данном случае колоратив «серый» передает образ лица, имеющего нездоровый, тусклый оттенок, напоминающий цвет земли. Это ассоциируется с болезненным состоянием, усталостью или недостатком жизненных сил. «Серый» здесь символизирует бледность, отсутствие ярких красок, намек на физическую слабость или угнетенное состояние.

Серое лицо = чугунное лицо. Здесь «серое» лицо - это лицо, напоминающее по цвету и фактуре металл, в данном случае чугун. Колоратив «серый» приобретает оттенок холодности, неподвижности или даже жесткости. Это может передавать ощущение бесчувственности, эмоциональной отстраненности или непреклонности.

Серое лицо = пепельное ввалившееся лицо. В этом примере «серое» лицо ассоциируется с пепельным цветом, что добавляет образу еще большую степень мрачности и упадка. Колоратив «серый» здесь подчеркивает состояние физического или эмоцио-

нального истощения, что выражается в увядшем, обессиленном облике. Ввалившееся лицо усиливает это впечатление, делая образ еще более болезненным и угнетающим.

Автор также часто использует колоратив *серый* для передачи настроения героев, их внутренних эмоций, имеющих отрицательную коннотацию. Приведем следующие примеры: «*сидели* ***серые,*** *понурые мужики* («Сердце»); *Странная, жгучая, почти сознательная ненависть горит в ее* ***серых*** *глазах* («Случай»); *лукавого выражения* ***сереньких*** *глазок проходившей девушки* («Аптека ночью»); *его* ***серые, холодно-жесткие*** *внимательные глаза не улыбались* («В редакции»); *передо мной все стояли эти остеклевшие глаза, отвалившаяся челюсть и зловещие* ***пепельно-землистые*** *неподвижные черты* («В редакции»)» [6].

Таким образом, в каждом из примеров колоратив «серый» приобретает разные семантические оттенки в зависимости от контекста. Он может выражать нездоровое состояние, холодную жесткость или полное истощение. Это наглядно демонстрирует, как один и тот же цветовой эпитет может быть использован для создания различных образов и настроений, передавая широкий спектр эмоций и состояний.

3. Колоратив ***синий.*** В толковом онлайн-словаре русского языка С.А. Кузнецов дает следующее описание цвета *голубой*: 1) Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между зелёным и синим; цвета ясного неба; светло-синий. 2) Ничем не ограниченный, лишённый всего неприятного, тягостного. 3) жарг. Относящийся к гомосексуалистам, связанный с ними и т.д. [8].

Обращаясь к истории, заметим, что в Древней Руси голубой воспринимался как божественный, небесный цвет, поэтому купола русских церквей окрашивались в голубой или в синий цвет с золотыми звездами. Позднее голубой становится цветом романтической поэзии. Однако, необходимо отметить, что некоторые исследователи, например, Н. Н. Козлова в своей работе «Концептуализация цвета голубой/синий/blue в русском и английском языках» замечает, что «в дореволюционной России голубой цвет являлся

символом благородства, чести и образованности; недаром выражение *голубая кровь* использовали применительно к лицам дворянского происхождения. Кроме того, представителей дворянских родов также ассоциировали с белым цветом - символом чистоты и святости» [9].

С другой стороны, синий цвет всегда был предвестником чего-то недоброго. Множество обрядов и суеверий на Руси связано с синим цветом. Например, известно, что Иван Грозный очень боялся людей с синими глазами, считая, что такой человек может сглазить, так как обладает большой магической силой. Синий цвет наряду с черным часто употребляется в траурных народных костюмах. Интересно, что в начале XIX в. в России была тенденция называть любые цвета с оттенком синего общим названием «странные цвета».

Что касается художественных текстов, то отметим, что синий цвет, в отличие, например, от фиолетового, встречается достаточно давно в самых различных текстах, написанных на древнерусском языке. Например, в «Слове о полку Игореве» встречаются «синий Дон, синее вино, синие молнии... В каждом из этих примеров синий цвет добавляет тексту дополнительную эмоциональную окраску» [10].

Для А.С. Серафимовича прилагательное *синий* и близкое ему по лексическому значению прилагательное *голубой,* обозначающее оттенок синего, также являются концептуально значимыми. Нами было замечено, что в произведениях А.С. Серафимовича, например, голубой цвет ассоциируется с добротой. Приведем примеры: «*Он уставился на меня своими добродушными* ***голубыми*** *глазами* («На заводе»); *Он ежился, двигался по стулу, испуганно улыбаясь узкими бескровными губами,* ***голубые добрые*** *глаза делались совсем круглыми* («Преступление»)» [6] и т.д.

Голубые глаза = добродушные глаза. В данном случае «голубой» цвет глаз ассоциируется с мягкостью, открытостью и добродушием. Колоратив «голубой» здесь символизирует спокойствие, искренность и дружелюбие, что подчеркивает положительные черты характера человека с глазами такого цвета.

Голубые глаза = добрые глаза. В этом примере «голубой» цвет глаз также связывается с положительными качествами, но акцент делается на доброте. Колоратив «голубой» в данном случае подчеркивает тепло, заботу и сердечность, которые воспринимаются через взгляд человека.

Таким образом, в обоих примерах «голубой» цвет глаз передает схожие, но несколько различающиеся по оттенкам положительные качества характера. «Добродушные» глаза акцентируют внимание на мягкости и дружелюбии, тогда как «добрые» глаза — на теплоте и заботливости. В обоих случаях «голубой» цвет служит маркером позитивного восприятия, но с небольшими нюансами в характеристике человека.

4. Колоратив ***желтый.*** Из толкового онлайн-словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой мы выделили следующие описания цвета *желтый*: 1. Цвета яичного желтка. Жёлтая лихорадка (острое вирусное заболевание тропических стран). О людях: с жёлтой кожей (как признак расы и др. [4]. А в толковом онлайн-словаре А.С. Кузнецова дается следующее описание цвета желтый: 1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между оранжевым и зелёным; цвета яичного желтка, золота. 2. Продажный, соглашательский; *низкопробный* и др. [8].

В русской языковой картине мира *желтый* цвет всегда ассоциируется с солнцем, легкостью и весельем, символизирует тепло, счастье, радость. Это цвет хорошего настроения. Кроме того, он считается символом богатства и процветания. Вместе с тем желтый цвет обозначает связанные с позитивной энергетикой состояния, такие, как: веселье, разрядка напряженности, радость, праздник, игра, красота. Желтый является неким знаком отличия в обществе – одежда и головной убор царя, ритуальная одежда священника, знаки власти царей и жрецов – жезл, держава, крест. Но в отношении желтого цвета существует некое предубеждение: желтый цвет также является цветом измены и неверности. Говоря о негативных значениях желтого цвета, можно привести следующие примеры: «желтый билет» – удостоверение личности продажных женщин.

Распространенное выражение «желтая пресса» употребляется в значении «низкопробная, лживая, падкая на всякого рода дешевые сенсации печать». Также к негативным коннотациям можно отнести «грех», «предательство», «продажность», «безумие», «увядание», «грусть», «отчаяние», «болезнь» [11].

Во фразеологической системе русского языка фразеологизмы с компонентом «желтый» составляют довольно небольшую часть. Во фразеологическом словаре под редакцией А.И. Молоткова зафиксированы только два устойчивых выражения с цветообозначением «желтый»: *желторотый птенец* — «очень молодой, неопытный, наивный человек» и *желтый дом* — «больница для душевнобольных» [12]. Как видно из приведенных выше примеров, цветообозначение «желтый» имеет как положительную, так и негативную окраску в русском языке.

В прозе А. С. Серафимовича колоратив *желтый* имеет большую смысловую нагрузку. Нами выделены следующие примеры. «*Старая, худая и* ***желтая*** *еврейка в лохмотьях*; *молча глядит из-под края овчины* ***желто-восковое, мертвенное*** *лицо*; *улыбкой редких* ***желтых*** *зубов* («Человек в скуфейке»); «*Долго и терпеливо ждал Парфеныч... пока наконец дверь в переднюю не отворилась и не выглянуло костистое,* ***желтое*** *и злое лицо*» («По донским степям»); *Фекла обтрепалась, то гладкая была, а то высохла, худая,* ***желтая да злая*** *стала*» («Поход»)» [6].

Желтая еврейка = старая, худая еврейка. В этом примере колоратив «желтый» передает ощущение изможденности и старости. Он ассоциируется с бледностью, истощением, физической слабостью, подчёркивая образ старого и худого человека. Здесь «желтый» цвет символизирует возрастные изменения, изнеможение.

Желтое лицо = желто-восковое, мертвенное лицо. В данном случае «желтый» цвет лица передает нездоровый, болезненный оттенок кожи, напоминающий воск или мертвенно-бледный цвет. Колоратив «желтый» здесь символизирует болезнь, смерть или состояние, близкое к смерти, подчеркивая отсутствие жизненных сил.

Желтые зубы = редкие нездоровые зубы. Здесь «желтый» цвет зубов ассоциируется с нездоровьем, упадком и, возможно, плохой гигиеной. Колоратив «желтый» передает образ старых, запущенных или больных зубов, что может вызывать чувство отвращения.

Желтое лицо = костистое, злое лицо. В этом примере «желтый» цвет лица указывает на нездоровый, изможденный вид, а также ассоциируется с злобой. Колоратив «желтый» в приведенном примере усиливает негативное восприятие, придавая лицу отталкивающий и враждебный вид.

Желтая = злая. Здесь «желтая» используется как метафора, выражающая злобу. Колоратив «желтый» символизирует не только внешний облик, но и внутренние качества человека. В этом случае «желтый» передает отрицательные черты характера, связываясь с эмоциями злости и недоброжелательности.

Таким образом, колоратив «желтый» в приведенных примерах приобретает преимущественно негативные семантические оттенки, связанные с нездоровьем, старостью, злобой и истощением. В каждом контексте он усиливает негативное восприятие, создавая образы, вызывающие отторжение или настороженность.

5. Колоратив ***красный***. Из толкового онлайн-словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы выделили следующие описания данного цвета «1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови; 2. Название от др.-русск. красный — ‘красивый’; 3. Официальный; 4. Алый, багряный, червленый, пурпуровый, багровый, пунцовый, малиновый, румяный, рыжий» [4].

Приведем описание *красного цвета* из монографии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура (лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного)» :

1. «Исходное значение ‘красивый’. Отсюда: ‘праздничный, нарядный’. Слово образовано с помощью суффикса -и- от существительного краса ‘красота’.

Прилагательное *красный* очень активно в фольклоре, где оно выступает в виде постоянного эпитета, ключа жанра. Ср.: лето

красное, весна красна, солнце красное. Ср. также пословицы: Долг платежом красен. Не красна изба углами, а красна пирогами. Красная девица ‘красивая девушка’. Ради красного словца ‘с риторическими целями, для краснобайства’.

2. Более позднее значение – цветовое (цвета крови).

3. Символическое значение – цвет революции.

4. Цвет опасности. Красный сигнал светофора» [13, 93].

Как видим, некоторые значения совпадают.

В русской языковой картине мира само понятие *красный* находится за пределами простого цветового обозначения. Так, в своих записках о пребывании в России посол Франции при дворе российской императрицы Екатерины II граф Луи Филипп де Сегюр, историк и дипломат, отмечал: «У них даже слово *красный* обозначает красоту» [14], что было странным и непонятным для представителя европейской культуры.

Красный цвет особо важен в произведениях А. С. Серафимовича. Для его обозначения используются следующие адъективы: красный, карминовый – ярко-красный, багровый, бронзово-багровый, пунцово-красный, чугунно-красный, болезненно-красный, счастливо-красный, медно-красный, темно-рыжий и др. Приведем выбранные нами примеры: «*здоровенный, с* ***красной*** *физиономией купчина* («На заводе»); *Сережа уже не замечал этих* ***болезненно-красных*** *моргающих век* («Сережа»); *И мальчишки были* ***пунцово-красные,*** *грязные, оборванные, испитые и дрожащие* («Настоящая жизнь»); *как черные провалы, подведенные глаза, яркие* ***карминовые*** *губы* («Дочь»); *Спины становятся под солнцем* ***чугунно-красными*** («Степные люди»); *Бронзовое лицо приказчика понемногу становится* ***медно-красным*** («Жара и грузчики»); *грузчики с потным,* ***счастливо-красным,*** *неудержимо разъезжающимся лицом...* («Пески»); *Молчал старик с* ***бронзово-багровым*** *шевелившимся лицом* («У обрыва»); *Приказчик глядит на реку, и шея его из* ***медно-красной*** *становится* ***багровой*** («Жара и грузчики»); *Заведующий... с мясистым, угреватым, геморроидальным лицом и* ***темно-рыжей*** *бородк*ой (« В редакции»)» [6].

Красные веки = болезненно красные веки. В этом случае колоратив «красный» ассоциируется с болезненным состоянием. «Красные» веки указывают на воспаление, раздражение или усталость, что создаёт образ нездорового, страдающего человека. Здесь «красный» цвет символизирует физическую боль или дискомфорт.

Красные мальчишки = пунцово-красные, грязные, оборванные, испитые и дрожащие. Здесь «красные» мальчишки описываются как сильно покрасневшие, вероятно, из-за холода, раздражения. Колоратив «красный» в этом контексте подчёркивает физическое и социальное неблагополучие: обветренные или покрасневшие от других неблагоприятных факторов лица, грязь, изможение. Красный цвет усиливает негативное восприятие этих персонажей, акцентируя внимание на их бедственном положении.

Красные губы = карминовые губы. В данном примере «красные» губы ассоциируются с насыщенным и ярким цветом, напоминающим оттенок кармина. Колоратив «красный» здесь символизирует здоровый вид, чувственность и, возможно, даже привлекательность. Это контрастирует с предыдущими примерами, где «красный» имеет отрицательные коннотации.

Красные = чугунно-красные спины. В приведенном примере «красные» спины описываются как тёмно-красные, напоминающие цвет раскалённого чугуна. Колоратив «красный» здесь ассоциируется с физическим напряжением, теплом, возможно, результатом тяжёлого труда или физического наказания. «Красный» цвет усиливает ощущение силы, но также может намекать на боль или суровые условия.

Красное лицо = медно-красное лицо. Здесь «красное» лицо указывает на лицо, имеющее тёплый, насыщенный оттенок, напоминающий медь. Колоратив «красный» может ассоциироваться с яркостью, теплотой, но также может указывать на перегрев или физическое напряжение, вызывающее сильное покраснение кожи.

Таким образом, колоратив «красный» в приведённых нами примерах может выражать как положительные, так и отрицательные характеристики. Он может символизировать здоровье и привлека-

тельность (в случае с карминовыми губами), но также может указывать на болезненность, бедственное состояние или тяжёлые условия (в случае с красными веками, мальчишками и чугунно-красными спинами). В каждом контексте «красный» цвет усиливает восприятие образа, добавляя к нему эмоциональную и физическую окраску.

Как видно из приведенных примеров, первый элемент данных колоративов может быть цветовым прилагательным (в том числе и приобретающим переносное значение цвета): пунцово-красный, чугунно-красный, медно-красный и т.п. В этих колоративах цветовой признак уточняется, осложняется, конкретизируется дополнительными смысловыми приращениями: пунцовый – «ярко-красный, багровый», чугунный – «черный с сизым отливом, медный – «красновато-желтого цвета». Кроме того, первый элемент выявленных нами колоративов с компонентом *красный* может и не относиться к лексико-семантической группе цвета, например: болезненно-красный, счастливо-красный, где цветовые адъективы совмещаются с наречными элементами, например: болезненно-, обозначающим физическое состояние человека, и счастливо-, обозначают испытываемую человеком радостную эмоцию. Отношения между элементами данных сочетаний носят причинно-следственный характер: первые элементы указывают на причину признака, названного в опорном компоненте.

Заключение

Проведенный нами лексико-семантический анализ наиболее частотных цветовых имен прилагательных номинативного поля «человек» в произведениях А.С. Серафимовича показал, что на страницах своих произведений автор отдает предпочтение серому, красному, цинему, голубому, желтому и черным цветам. При этом в прозе писателя одни и те же колоративы имеют различную семантическую и коннотативную нагрузки, что определяется тематикой данного произведения. А.С. Серафимович в своей художественной прозе постоянно обращается к приемам расширения валентности прилагательных. Многие колоративы предстают как многозначные

слова, совмещающие прямое и переносное значения, что приводит к обновлению семантики цветовых обозначений, отображению в них эмоционально-оценочного компонента и реализации эстетического назначения.

В художественных произведениях лексические единицы могут как сохранять свойственные им значения, так и приобретать новые значения, подвергаться многочисленным модификациям, расширяя и наполняя свой смысловой объем, наращивая эмоционально-оценочные коннотации.

Изучение цветовых обозначений позволяет выделить некоторые существенные особенности художественного языка писателя: цветовые ощущения тонки и индивидуальны, могут вызывать различные психологические отклики, ассоциации, эмоции, образы, воспоминания, поэтому индивидуально-поэтическая система каждого художника слова предполагает обращение к разным цветообозначениям, в каждое из которых он вкладывает свой особый смысл.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-193-211

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://studfile.net/preview/13503260/page:27 (дата обращения 03.03.2024) .
2. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике в 4-х т. М.: Просвещение, 1985. -Т.4 -319с.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос.учеб.-пед. Изд-во, 1956. -512 с.
4. Толковый онлайн-словарь С. И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov (дата обращения 03.03.2024).
5. Гаджиахмедов и М. А. Абдулаева / Колороним «черный» в русской и аварской цветовых картинах мира [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/koloronim-chernyy-v-russkoy-i-avarskoy-tsvetovyh-kartinah-mira# (дата обращения 07.03.2024).

6. Серафимович Александр Серафимович: Собрание сочинений. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/serafimowich_a/ (дата обращения: 05.06.2024).
7. Толковый онлайн-словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ushakov/серый #google_vignette (дата обращения 04.04.2024).
8. Толковый онлайн-словарь русского языка С. А. Кузнецова [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov (дата обращения 21.04.2024).
9. Н. Н. Козлова / Концептуализация цвета голубой/синий/blue в русском и английском языках [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-tsveta-goluboy-siniy-blue-v-russkom-i-angliyskom-yazykah (дата обращения 23.04.2024).
10. Сто оттенков синего: почему на Руси так боялись синеглазок? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dzen.ru/a/XomC5lojLjQissPJ (дата обращения 24.04.2024).
11. Матназаров Тимур Уткирович, Власова Мария Витальевна, Хоречко Ульяна Викторовна / Сопоставительный анализ желтого цвета в русском и китайском языках/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/90/19158 / (дата обращения: 05.05.2024).
12. Фразеологический словарь русского языка / / Сост.: Л. А. Войнова [и др.]; Под ред. А. И. Молоткова. – 6. изд., испр. и доп. – Москва: Астрель, АСТ, 2001. – 510с.
13. Е. М. Верещагин В. Г. Костомаров / Язык и культура: (Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного). 4-е изд., перераб. И доп. – М.: Русский язык, 1990. -246 с.
14. Сегюр Луи-Филипп Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/segjur_l/text_1820_zapiski_o_prebyvanii_v_rossii.shtml (дата обращения: 05.06.2024).

ԱԾԱԿԱՆ ԳՈՒՆԱՆՈՒՆՆԵՐԻ ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ԲԱՂԱԴՐԻՉԸ (Ա.Ս. ՍԵՐԱՖԻՄՈՎԻՉԻ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՆՅՈՒԹԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ)

Ժաննա Ալոյան
Մարիամ Գալոյան

Ամփոփում

Հանգույցային բառեր. *իմաստաբանություն, համատեքստ, գունային նշանակում, գեղագիտական իմաստ, զգացմունքային և գնահատողական ենթատեքստեր*

Այս հոդվածում հեղինակները Ալեքսանդր Սերաֆիմովիչի ստեղծագործություններում բացահայտում են գունանուն ածականների ինքնատիպությունը ֆունկցիոնալ և իմաստային տեսանկյունից:

Հոդվածում ուսումնասիրվում են «անձ» անվանական դաշտի գունանունները, ինչը պայմանավորված է Ա. Ս. Սերաֆիմովիչի ստեղծագործությունների կենտրոնական թեմաներով, ինչպես նաև նրա ստեղծագործության ընդգծված մարդասիրական ուղղվածությամբ, հասարակ մարդու հանդեպ սիրով և նրա հոգևոր ուժերի նկատմամբ հավատով: Գունավոր սիմվոլների ուսումնասիրությունը թույլ է տալիս ընդգծել գրողի գեղարվեստական լեզվի որոշ նշանակալի առանձնահատկություններ:

Գույների զգացողությունները նուրբ են և անհատական. դրանք կարող են առաջացնել տարբեր հոգեբանական արձագանքներ, ասոցիացիաներ, հույզեր, հետևաբար յուրաքանչյուր հեղինակի անհատական ստեղծագործական համակարգը ներառում է տարբեր գունային տերմիններ, որոնցից յուրաքանչյուրն ունի առանձնահատուկ նշանակություն:

SEMANTIC COMPONENT OF THE ADJECTIVES' COLORATIVES (BASED ON THE WORKS OF A.S. SERAFIMOVICH)

Zhanna Aloyan
Mariam Galoyan

Summary

Key words: *semantics, context, color designation, aesthetic meaning, emotional and evaluative connotations*

This article reveals the originality of adjective's coloratives from the functional and semantic aspects in the works of Alexander Serafimovich.

The article studies the coloratives of the nominative field "person", which is straightly connected with the peculiarities of A. S. Serafimovich's artistic style, the central themes of his works, as well as the pronounced humanistic orientation of his work, love for the common man, and faith in his spiritual powers. The study of color symbolism enables us to highlight significant features of the writer's artistic language.

The article studies the colors of the nominal field "person", which is due to the central themes of A. S. Serafimovich's works, as well as the pronounced humanitarian orientation of his work, love for the common man and faith in his spiritual powers. The study of color symbols allows us to highlight some significant features of the writer's artistic language.

The perception of color is subtle and individual; it evokes various psychological responses, associations, and emotions. Therefore, each author's individual artistic system includes different color terms, each of which has a specific meaning.

УДК 811.19

РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В РОК-ПОЭЗИИ БОРИСА ГРЕБЕНЩИКОВА

Карине Арустамян
Сюзанна Макарян

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-212-224

Ключевые слова: поэтический язык, иноязычные слова, исконно русские слова, Б. Гребенщиков, билингвизм, рок-поэзия

Тексты песен рок-музыканта Б. Гребенщикова весьма насыщенны с точки зрения применяемых лексических средств, в репертуар которых входят фразеологизмы, топонимы, антропонимы, разнообразные термины, заимствованная лексика и пр. То же можно сказать и о тропеических фигурах, которые создает автор в своих песнях в виде метафор, сравнений, оксюморонов, применения зауми и пр. [1]. Однако во всем этом арсенале разнообразных поэтических средств особенно заметна роль иноязычных вкраплений, изучению которых в текстах Б.Гребенщикова и посвящается данная статья.

Использование заимствованной лексики в современной русской рок-поэзии представляется вполне обоснованным хотя бы потому, что этому направлению современной музыки имеются миллионы почитателей и фанатов во всем мире. А Б. Гребенщиков является одной из самых знаковых фигур в созвездии российских рок-музыкантов и рок-поэтов, слывет среди них настоящим гуру, чем и обусловлен большой интерес к изучению его песен и к творчеству в целом.

В текстах российского рок-музыканта особенно бросается в глаза применение заимствованной лексики, которая представлена довольно солидным списком, причем попадаются среди них лексические единицы из разных языков – английского, французского, японского и др, отмечаются слова на иврите и китайском языках, относящие к различным лексико-семантическим разрядам и касающие различных сфер жизни. Превалируют, конечно, английс-

кие заимствования, и в этом нет ничего необычного, поскольку этот язык в силу разных причин в современных условиях играет доминирующую роль во всем мире, к тому же рок-музыка (следовательно, и рок-поэзия), несмотря на ее "многоязычное" функционирование, тяготеет именно к английскому языку. Возможно, причина кроется в самих ее истоках – возникновении в англоязычной среде (рок-н-ролл возник в США в 40-50 г.г. XX века), а также в том, что ритмика, мелодика английского языка в большей степени соответствует этому направлению современной музыки. На это наслаиваются и другие причины, в частности, то, что английский язык с середины 50-ых годов становится как бы признаком приверженности к рок-культуре, своего рода знаком "посвященных" и общим языком для рок-музыкантов.

Следует подчеркнуть также тот факт, что Б. Гребенщиков, по общему признанию, превосходно владеет английским языком – написанные им тексты на английском языке тому подтверждение. Назовем, в частности, альбомы «RadioLondon», «RadioSilence», а также целый ряд созданных им песен («Whitesailburning», «Talkwithme» и др.). Эти произведения, написанные по - английски, должны стать предметом отдельного рассмотрения как выражения творческих интенций автора, нашедших реализацию средствами другого языка. В рамках данной статьи эти тексты Гребенщикова не рассматриваются, поскольку предметом анализа стали иноязычные вкрапления, в частности, их структурная, композиционная, семантическая и прочиероли, а материалом для изучения послужили тексты из сборника «Песни БГ» [1].

Анализ текстов из указанного сборника показал, что автор включает иноязычные лексические единицы – отдельные слова, словосочетания, иногда целые отрывки, и эти вкрапления выполняют разную роль, по-разному реализуют авторский замысел. К тому же эти вкрапления сделаны из разных языков – английского, французского, японского и др., отсылают читателя то к китайской, древнеиндийской или древнеиранской культуре, то к каким-либо

общеизвестным фактам. Следовательно, эти вставки в текстах Гребенщикова нельзя объяснить только билингвальностью автора или особым пристрастием рок-поэта к стихии английского языка. Скорее всего, эти вкрапления способствуют более полной реализации авторского замысла, служат установлению перекличек с другими текстами, культурными знаками, для полной передачи которых требуется иная языковая среда. Примечателен такой факт: когда записывался англоязычный альбом из 12 треков (под руководством Д.Стюарта), Б. Гребенщиков настоял, чтобы туда были включены и 2 русскоязычные песни. Иначе говоря, выбор языка, а значит, и вкрапления в текст отнюдь не случайны, а определяются внутренним содержанием, внетекстовыми связями, которые в них актуализируются, замыслом автора и теми эстетическими задачами, которые вырисовываются в тексте.

Следует отметить, что тексты Б. Гребенщикова просто пестрят разного рода заимствованиями. Большинство из них уже освоены русским языком: рок, джаз, логин, блюз и пр., другие же представляют из себя экзотизмы: сакэ, сутра, чакра, сякухачи, гуру и др., и в основном это ориентальная лексика, свидетельствующая об увлечении Гребенщикова культурой Востока - Индии, Китая, Ирана и пр. Сами эти заимствования также весьма разнообразны по своему диапазону. Одни из них относятся к сфере музыки, другие – и их немало – отсылают нас к религиозным источникам и свидетельствуют о духовных и религиозных практиках автора, о его увлечении индийской и древнеиранской религией зороастризма, японской и китайской культурой и философией. Известно, что автор в разное время увлекался буддизмом, интересовался иудаизмом, историей христианства и др. Иноязычная лексика функционирует не только в виде заимствований, но и вкраплений, их состав в лексико-семантическом плане так же весьма пестрый.

Отмеченные нами иноязычные вкрапления в текстах Гребенщикова разнородны по своей структуре, по их композиционной роли и, конечно, по своим ассоциативным и интертекстуальным

возможностям. Так, например, одни включения представляют из себя отдельные лексемы (нарицательные и собственные существительные, топонимы, антропонимы): 1. Даже эту голову из St. Tropez; 2. А все бояре на «Тойотах» издают «PlayBoy» и «Vogue». 3. Я встретился с Миком Джаггером / В Yuanles Pins на пляжу. 4. В новостях CNN я – черта, за которой провал.

Такие вкрапления можно отнести к словам, которые естественно срываются с языка билингва, выказывающего владение не одним только родным языком и знающего реалии заграничной жизни.

Иногда эти вкрапления переданы кириллицей, как, например, в следующих примерах:

1. Я мэн крутой, я круче всех мужчин («Мочалкин блюз»);

2. Сорвать парик и на платформе шуз («Мочалкин блюз»)

Слова «мэн» и «шуз» определенно стилистически маркированы и привносят в текст жаргонную ироничность. Вместе с тем их приравнять к вкраплениям, несмотря на форму написания.

Нередко в качестве иноязычного вкрапления выступает компьютерная терминология. Ее англоязычная передача не воспринимается как нечто экстраординарное: за последние десятилетия ухо привыкло к подобной терминологии. Однако примечательно само включение этих терминов в ткань текста песни: 1. Он написал на «Save», а она нажимает «Delete». 2.Так что, если хочешь, ты меня полюби. / Firewire или USB!..и далее там же: “Если хочешь, меня полюби;/ Просто так или с USB.

Читатель (слушатель) воспринимает этот лексический пласт без какого-либо усилия или перевода. Непривычным является его соединение с темой любви, в которую привносится оттенок виртуальности чувства.

Вкрапления могут из себя представлять характерные для англоязычной среды слова и выражения, которые в силу их узнаваемости не нуждаются в переводе, с ними знаком любой, кто прошел школьный курс английского языка:

1. Иногда твоя любовь highway: 2.В прятки с police играл; 3. Ты бьешся о стену с криком «Shelovesyou». 4. Тряс плечами и пел: «О, бэби, бэби, бэби». 5. Кто-то сказал «Welcome»/ А он ответил: «Thepleasureismine, please». 6. Некий переносный fiveo' clock. 7. Ты езжай, браток, в Manhattan. Подобные включения стилистически оживляют текст, привносят оттенок иноязычной интонации, расширяют семантические и ассоциативные границы текста. Например, в стихотворении "Кострома monamour" словосочетание на французском monamour (моя любовь) в соединении с русским топонимом «Кострома» создает своеобразный эффект оксюморона, подчеркивая и тот и другой компонент фразы. Словно автору недостаточно просто написать по-русски "моя любовь", ему нужно выделить свое чувство и отношение к этому истинно русскому городу. Это включение позволяет оживить текст, привнести какую-то особую ноту. И вовсе не случайно заголовок с иноязычным вкраплением затем повторяется в 5-ой и 6-ой строфах по-французски, но в русской графике: «Кострома, мон амур», тем самым подчеркивая структурную и композиционную роль сочетания.

Среди узнаваемых фраз попадаются и грубые выражения, которых не чурается автор: «Ты скажешь:» «How much?» / Я скажу: «Fuck you!»

В качестве иноязычных вкраплений иногда выступают названия популярных рок-групп, которые, несомненно, также известны почитателям рок-музыки: Deep Purple, Led Zeppelin, Status Quo и др. Как названия рок-групп, так и особенно отрывки из песен этих и других музыкантов составляют еще один тип вкраплений в текстах Гребенщикова, причем они могут быть переданы как по-русски, так и на языке оригинала. Например, в тексте песни «Сутра ледоруба» содержится строчка из песни группы «АББА»: «Аста маньяна, мы движемся теперь на восход» (аста маньяна – по-испански «до свиданья» – это название песни группы АББА). Применение иноязычных слов и выражений во всех приведенных случаях, на наш взгляд, свидетельствует о том, что автор легко может переключиться

с одного языка на другой, что, конечно, расширяет стилистический, интонационный регистр его текстов.

Иноязычные вкрапления могут быть выражены не отдельными стандартными словами или выражениями, а целыми фразами, как это имеет место в стихотворении «Навигатор», в котором оригинальный текст на русском языке завершается известной французской фразой: «А пока – ala guerre comme ala guerre, все спокойно», хотя это выражение широко известно и носителям русского языка: на войне как на войне. Однако вкрапление французского выражения, а вслед за ним продолжение стихотворной строки – "все спокойно" – безусловно, выполняет особую функцию, порождает новые ассоциации «кажется, есть перекличка, в частности, с названием романа Э. М. Ремарка.»

Еще один пример вкрапления находим в стихотворении «Здравствуй, моя смерть», в котором финальная часть завершается фразой на французском языке: «Fais se que dois – adviegne que peut; / C'est comman deau chevalier», что в переводе означает: «Делай, что должно, и будь, что будет. / Вот повеление, данное рыцарю». Маркированность позиции подчеркивает композиционную роль этой фразы. Как указывается в ссылке к этому стихотворению, данное выражение является цитатой из рыцарской песни. Однако она имеет более древние корни: ее приписывают римскому императору Марку Аврелию, произнесшему: «Делай что должен и сверпшится, чему суждено». И только много веков спустя эту мысль подхватили рыцари, а затем и масоны: «facite quod debetis et quod futurum est». Использование иноязычного слова с композиционной целью встречается не только в этом, но и в ряде других текстов, в частности, в уже упомянутом выше тексте «Сутра ледоруба», каждая строфа которого завершается повтором слова «харе, харе» (харе – это звательный падеж от Хара – одного из имен Радхи. Харе Кришна – это индуистская мантра на санскрите, которую называют также «махамантра»). Не надо забывать, что тексты Гребенщикова являются основой его песен, и их ритмика в большой степени под-

чиняется мелодии песни, так что повторяющиеся слова «харе, харе» – это повтор, свойственный индуистской мантре и одновременно припев, элемент ритмической организации и словесного и музыкального текста.

Поэтическая мысль в текстах Б. Гребенщикова находит воплощение не только на родном языке. Для автора зачастую важен не сам язык, на котором создается оригинальный текст, а та мысль или эмоции, которые ищут словесного выражения. И потому автор легко переключается с одного языка на другой, вводит не только отдельные слова или выражения, а целый отрывок или даже законченный текст, как это сделано в стихотворении «Stella Maris», в который вводится значительный и самостоятельный фрагмент текста, имеющий свое собственное содержание. Это вкрапление представляет из себя молитву, которая в оригинале написана на латыни, что безусловно расширяет границы текста, переносит в другой временной и культурный срез, а "высокая латынь" сообщает ему особую торжественность:

Ave, Maris Stella
Dei Mater alma,
atque semper virgo,
felix coeli porta.
Sumens illud «Ave»
Gabrielis ore,
Funda nos in pace,
Mutant Evaenomen…

В сборнике в сноске к тексту молитвы «Etoile dela Mer» (по-французски – «путеводная звезда») указывается, что она была найдена в Аббатстве Святого Галла еще в 9 веке. Там же приводится и ее перевод на русский язык (переводчик Л.Эллис).

Звездный небосвод рождает желание вознести хвалу Богоматери, которую автор передает строками древней молитвы:

«Ave Матерь Божья,
Звезда морей златая,

Приснодева
Неба сладкое
Преддверье!..»

Включение средневекового гимна в ткань рок-поэзии, на первый взгляд, может показаться эклектичным смешением разных стилей, однако восторг перед Богоматерью и хвала ей словно стирают время, позволяют лирическому герою перенестись через тысячелетия и обратиться с мольбой о спасении души такими словами, которые не “поистерлись”, сохранили искренность. Чья-то страстная молитва оказалась созвучной такой же страждущей спасения душе, повторяющей слова гимна:

…Пресвятая Дева,
Кроткая меж кротких,
Нас, детей греховных,
вознеси, очисти!
Укрепи, очисти
Жизни путь лукавый:
Да Христа мы узрим
В радости соборной!

Перед нами пример прямого цитирования, при котором имеет место «условное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник (т.е. прецедентный текст)» [2]. Данный пример существенным образом отличается от всех предыдущих случаев вкраплений, т.к. это уже не какая-то отдельная фраза, выражение или отсылка к известному источнику, а сам иноязычный уникальный текст внутри оригинального источника: авторский текст как бы продолжается, но уже на латинском языке. «Иноязычность» включенного отрывка условна, она нивелируется прежде всего тем, что латинский текст представляет собой молитву, и выбор того или иного языка – это простая условность, код, с помощью которого лирический герой молит о всепрощении, это разговор души с Пречистой, который может состояться на любом языке. Тем больше для этого подходит торжественная латынь.

Как в стихотворении «Здравствуй, моя смерть», так и в других текстах Гребенщикова иноязычные вкрапления, несомненно, выполняют определенную композиционную функцию. Так, например, в этом стихотворении французское выражение («Fais se que dois – adviegne que peut; / C'est comman deau chevalier») составляет финальную часть стихотворения, но та же мысль, выраженная уже по-русски в начале 3-ей строфы, перекликается с ней, расширяет семантические границы текста, активизирует внетекстовые связи и одновременно акцентирует ее структурную и композиционную функцию.

Включение иноязычных текстов, цитат – самый очевидный способ установления интертекстуальных перекличек, для чего автором не всегда применяется иноязычная графика. Так, например, в тексте песни "Акуна матата, / Акуна матата, / Самое время говорить цитатами из Диснея…" представлена строчка из знаменитой песни Элтона Джона (автор текста Тим Райс), написанной к мультфильму "Король Лев" (в 1994 г. фильм был удостоен «Оскара» в номинации «Лучшая песня»). Эта фраза, которая в языке суахили буквально означает «никаких забот», отсылает к песне известного английского рок-музыканта. Вообще можно привести не один подобный пример включения фрагмента из песен других музыкантов, которые вносятся в тексты Гребенщикова. Так, например, "Voulez-Vous Couche Avecmoi?" отсылает нас к песне из фильма «Мулен Руж». В тексте Гребенщикова эта строка, представляющая из себя откровенное приглашение на интимную близость: «Не хотите ли вы переспать со мной?»- рефреном звучит в конце трех строф. Очевидна не только ее композиционная роль, но и аппликационный характер текстовой цитаты, поскольку ее источник не называется и ее может восстановить разве только сведущий читатель (слушатель). Еще одним примером может служить песня «Никто из нас не…», в которой содержится отсылка к песне американского рок-музыканта и поэта Джима Морриса «Five to one» («Пять к одному»).

Примеров таких перекличек в анализируемом сборнике немало. Одни из них оформляются как цитаты, как некоторые из приведенных выше иноязычных вкраплений, другие, а их также немало, вставляются в текст без указания на источник. Это так называемые коммемораты, которые, как отмечают специалисты, «при длительной активной эксплуатации превращаются в крылатые слова» [3]. Вкрапление такого рода имеет место в стихотворении «Пока несут сакэ»:

Пока несут сакэ,
Мы будем пить то, что есть –
Ползи, улитка, по склону Фудзи
Вверх до самых высот…

Последние 2 строки не что иное, как включение в текст другого текста – хайку японского поэта 18 века Кобаяси Исса:

«Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!» (пер. В. Марковой) [4].

(Кстати, напомним заголовок известной повести братьев Стругацких «Улитка на склоне», что также отсылает нас к процитированному выше стихотворению японского поэта.)

Данный пример строится не на иноязычном вкраплении, однако, вводя в текст перевод японского стиха, автор добивается расширения смысловых и ассоциативных возможностей своего произведения, усложняет текст различными интертекстуальными связями, актуализируется переклички между ними. Иначе говоря, интертекстуальные вкрапления, в том числе иноязычные – это один из способов расширения содержательной структуры произведения, который автор применяет наряду с другими средствами – аллюзией, явной или скрытой цитатой и проч.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что иноязычные вкрапления в текстах рок-музыканта и поэта Б. Гребенщикова всегда выполняют определенную роль, которая зависит от интенций

автора. В одних случаях это как бы слетевшие с языка слова или стандартные выражения, которые вполне естественны в лексиконе билингва. С помощью таких оценочных слов или выражений автор подчеркивает знаковые имена, группы, известные в сфере рок-музыки. Обычно этим вкраплениям отводится стилистическая и определенная композиционная роль. Однако в большинстве случаев эти вкрапления выполняют сложную художественную задачу, поскольку представляют собой законченные синтаксические конструкции – фразы, отрывки текстов или даже цельные тексты, что позволяет раздвинуть границы оригинального текста, установить сложные интертекстуальные связи с источниками разных эпох, стилей, культур, по-новому и полнее выразить авторский замысел, не боясь показаться эклектичным. Каждый из этих примеров может быть отдельно и всесторонне проанализирован с точки зрения его связей с тем источником (предтекстом), к которому явно или неявно автор отсылает своим творчеством.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-212-224

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенщеков Б. М.: «Эксмо», 2018.
2. Квятковкий А. П. Поэтический словарь. М., 2013.
3. Москвин В. П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов, М., 2016.
4. Кобояси Исса. Стихи и проза. М., 1996.

ՕՏԱՐԱԼԵԶՈՒ ՆԵՐԴՐՈՒՄՆԵՐԻ ԴԵՐԸ ԲՈՐԻՍ ԳՐԵԲԵՆՇՉԻԿՈՎԻ ՌՈՔ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Կարինե Առուստամյան
Մյուզաննա Մակարյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *բանաստեղծական լեզու, օտարալեզու բառեր, բուն ռուսերեն բառեր, Բ. Գրեբենշչիկով, երկլեզվություն, ռոք պոեզիա*

Հոդվածի նյութը ժամանակակից ռուսաստանյան հանրահռչակ ռոք-երաժիշտ և բանաստեղծ Բորիս Գրեբենշչիկովի բանաստեղծական լեզվի որոշ առանձնահատկություններն են, այն է՝ ռուսերեն բնագրում կիրառվող օտարալեզու ներդրումները առանձին բառերի, բառակապակցությունների և նույնիսկ ավարտուն հատվածների տեսքով: Օտարալեզու ներդրումները Բորիս Գրեբենշչիկովի երգերի տեքստերում տարբեր են իրենց կառուցվածքով, բառաիմաստային տարակարգերով, ինչպես նաև միջտեքստային հնարավորություններով:

Որպես օտարալեզու ներդրումներ հեղինակը կիրառում է համակարգչային եզրույթներ, ռոք-խմբերի անվանումներ, տողեր ռոք երաժշտության ժանրի ստեղծագործություններից: Հարկ է նշել, որ Բորիս Գրեբենշչիկովի տեքստերում տեղ են գտել նաև ներդրումներ եբրայերենից, ճապոներենից, պարսկերենից և այլ լեզուներից, ինչը վկայում է Արևելքի մշակույթով և կրոններով հեղինակի հետաքրքրության մասին: Հոդվածում ներկայացված օրինակներից կարելի է եզրակացնել, որ ներդրվող օտարալեզու լեզվական միավորները ոչ միայն որոշակի ոճական ինքնատիպություն են հաղորդում Գրեբենշչիկովի ստեղծագործություններին, այլ նաև կառուցվածքային կարևոր դեր են կատարում բանաստեղծության կազմավորման գործում: Օտարալեզու ներդրումների միջոցով բանաստեղծին հաջողվում է ընդլայնել բանաստեղծական իմաստային շրջանակները, կապ հաստատել տարբեր լեզուներով տեքստերի միջև, ինչը հարստացնում է ստեղծագործությունների իմաստային դաշտը, ուրվագծում իմաստային նոր եզրեր:

THE IMPACT OF FOREIGN WORDS IN BORIS GREBENSHCHIKOV'S ROCK POETRY

Karine Arustamyan
Syuzanna Makaryan

Summary

Key words: *poetic language, foreign words, original Russian words, B. Grebenshchikov, bilingualism, rock poetry*

The article explores various aspects of the poetic language used by the renowned modern Russian rock musician and poet Boris Grebenshchikov. It focuses on the use of foreign elements within the original Russian texts, including individual words, phrases, and even excerpts.

The foreign words in Grebenshchikov's lyrics vary in structure, lexical-semantic categories, and intertextual contexts. They may appear as isolated terms (such as place names and personal names) or as common expressions typical of a bilingual individual's vocabulary. These foreign elements include computer terminology, names of rock bands, and lines from rock music works. Additionally, Grebenshchikov's texts feature words and phrases from Hebrew, Japanese, Persian, and other languages, reflecting his interest in Eastern cultures and religions.

With the use of foreign words, the poet expands the semantic scope of his poetry and conveys unique stylistic flair to his works; thus, making connections between texts in various languages, and enriching the meaning of his poems while delineating new semantic boundaries.

УДК 37.013.42 + 37.017.04 + 316.6

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Даниил Баландин

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-225-238

Ключевые слова: *социальная педагогика, социальная психология, этнокультурная идентичность, подростки, глобализация, традиционные ценности, межпоколенный диалог, урбанизация, семья, школа, социализация*

Невероятно быстрая трансформация современного общества ставит перед человеком новые вызовы. Привычные ценности и установки безжалостно изменяются и искажаются. Всё это происходит под эгидой единства, мира и толерантности, но на деле количество военных конфликтов, революций и кризисов неумолимо возрастает. Все говорят о цифровой эпохе, о появлении нового человека, но за свежей оберткой кроются столь неизменные пороки и наклонности. Стоит заметить, что по сути выбора в этой толерантной и свободной повестке у человека и народа нет, вы или принимаете западную парадигму (и западное покровительство), или вы отвергнуты и обвешаны ярлыками недемократичности и расизма, дикости и т. д… Самостоятельность не только не поощряют, с ней активно борются, прикрываясь идеями глобализации и прогресса. Таковы мировые и глобальные тенденции. Что же касается обычного человека, он, оказываясь затянутым глобализацией и цифровизацией, теряет себя, не понимает, куда ему идти, к чему стремиться, ведь его нравственный компас сбоит. Всё это выражается в бегстве от действительности, так, к примеру, среднее время пребывания в сети пользователя возросло по сравнению с прошлым годом и составило почти 7 часов в день (https://www.demandsage.com /internet-user-statistics/). А самым частым запросом стали милые фото и видео с собаками.

Разразившийся на рубеже веков глубокий «кризис культуры»

внес существенные коррективы в процесс социального воспитания детей и молодежи, а его результатом стало значительное усиление влияния стихийных факторов, неконтролируемого влияния СМИ, Интернета, социальных сетей на социальное развитие юных граждан страны [2; 3; 4]. Люди пытаются сбежать от реальности, сегодня многих волнует глобальное потепление, новый звёздный скандал, новая модель айфона, одним словом, всё что угодно, только не действительная практическая жизнь человека {9; 10; 11]. Такова современная реальность, в которой оказывается юное поколение нашей страны. А как мы знаем, подростковый и младший школьный возраст – одни из сложнейших и самых важных этапов [16; 17; 18]. Ведь именно в эти периоды развития для детей характерна высокая степень готовности к усвоению новых образцов поведения, к освоению социальных стандартов поведения и отношений, но уже не на уровне подражания, а осмысленного следования принятым в обществе нормам [15].

Подростки и младшие школьники, находящиеся на пике своего природного кризиса, оказываются в эпицентре кризиса культурного и социального. Но мы заострим своё внимание именно на подростках, в среде которых очень часто проявляются ксенофобия, расизм и буллинг [14]. Подростку важно найти себя, свою идентичность и в ходе подросткового кризиса сформировать прочный стержень, оформить своё «Я» [21]. И тут мы обнаруживаем закономерное противоречие для всех подростков: желание проявить своё уникальное «Я» соседствует с желанием быть как все и быть частью общего. Вследствие этого подросток ищет референтные примеры, модели поведения, на которые он мог бы опереться для построения собственной идентичности [20]. К сожалению, современная действительность даёт не лучшие примеры, но мы полностью согласны с И.С. Сухоруковым в том, что в критические для человека периоды именно этнос может выступить аварийной группой поддержки [12; 13]. Именно единение со своими корнями, с национальной историей и культурой позволяет сформировать твёрдую картину миропонимания, способствует подготовке подростка к вступлению

именно в российскую действительность. Но данный процесс сопряжён с огромным количеством сложностей и рисков [22; 23].

Одним из первых о формировании этнокультурной идентичности пишет Ж. Пиаже, выделяя три стадии в формировании понятия «Родина». Первичное представление и понимание о своей и чужой культуре закладывается в семье. Затем формирование этнокультурной идентичности продолжается в школе. Исследователи (В.В. Рубцов, И.А. Баева, П.И. Беляева, С.К. и др.) отмечают, что именно в образовательном учреждении формируется рефлексивное отношение к «своим» и «чужим» этническим группам, осознание культурных различий и, следовательно, недопонимание, часто возникающее в ученической среде [22]. И, говоря о ситуации в современной школе, следует отметить поликультурную образовательную среду, которая стала неотъемлемой частью школьной жизни [7]. Поликультурной образовательной среде свойственна полиэтничность и многообразие культур как во взаимодействии субъектов образовательного процесса, так и в освоении ими объектов познания, в формировании и постижении картины мира [1].

Данное явление новым для нас не является, Россия всегда была многонациональной страной [19]. Но сегодня ситуация стремительно меняется и не в лучшую сторону. Миграционный вопрос – извечный источник политических и общественных споров, но сегодня он вышел на новый уровень. Посмотрим на голые факты: более 100 тысяч детей мигрантов сейчас обучается в российских школах. В данное число не входят школьники, недавно получавшие гражданство, а если учесть и их, то в некоторых школах Москвы процент школьников-мигрантов достигает 16% процентов от общей массы. Что уже чувствительно, оставим за скобками вопрос готовности педагогов к многонациональному классу. Рассмотрим, как этническое многообразие класса будет сказываться на личностном развитии учеников. Оказываясь в поликультурной образовательной среде, подросток, с одной стороны, получает возможность расширить свой кругозор, познакомиться с другими культурами и, узнав иные культуры, под другим углом посмотреть и на свою. Но в

поликультурной среде кроются и негативные аспекты, к примеру, возникает неприязнь определенной группы учащихся к какой-то этнической общности, начинает проявляться в насмешках, прозвищах, которые с трудом переносятся детьми из-за культурных различий. В связи с этим существует высокий риск возникновения конфликтов на этнической почве [6]. Об этом много и убедительно пишет И. С. Сухоруков [21; 22; 23].

Но самой распространенной проблемной поликультурной среды – это проблемы коммуникации на всех уровнях школы. Это сложности взаимодействия в моделях педагог – ученик, ученик – ученик, администрация школы – родители и так далее. На межкультурные взаимоотношения подростков, на наш взгляд, повлияла и СВО, с начала которой национальные настроения в среде подростков усилились. Также немалое влияние оказали недавние чудовищные террористические акты. Всё это лишь накалило обстановку в многонациональных классах и породило множество конфликтов, разрешение которых легло на плечи педагогов и психологов. Важно понимать, что Россия – государство многонациональное, и в этом его сила [8]. Многонациональные классы – это риск и сложность, но, как и любая кризисная ситуация, может способствовать росту как самого подростка, так и учителя. Ведь, как говорила Маргарет Мид, «...как путешественник, единожды вышедший из дома, мудрее человека, никогда не переступавшего собственного порога, так и знание об иной культуре должно обострить нашу способность исследовать с большей настойчивостью, оценивать с большей симпатией собственную».

Дабы оценить уровень толерантности подростков, мы использовали методику «Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова). В нашем исследовании приняли участие обучающиеся 8-10 классов школ Курской области (n=200). Результаты приведены на рисунке 1.

Рисунок 1. Уровень толерантности школьников (n=200, 15.05.2024)

Толерантность, на наш взгляд, основа межличностных и межкультурных взаимоотношений, как мы видим, согласно исследованию, большинство подростков показали средний уровень толерантности, что вполне типично для данного возраста и соответствует данным других исследователей. Но у значительной части подростков (22,5%) был выявлен низкий уровень, что свидетельствует о необходимости поддержки и психолого-педагогического сопровождения. Данный тест также позволяет выявить уровень этнической толерантности, результаты по этой субшкале представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень этнической толерантности (n=200, 15.05.2024)

Этническая толерантность		
Уровень Этнической т.	**Количество учеников**	**Проценты (%)**
Низкий	85	42,5
Средний	95	47,5
Высокий	20	10

Данные результаты свидетельствуют о наличии серьёзных предубеждений в среде подростков касательно людей других национальностей. Столь высокий процент респондентов с низким уровнем этнической толерантности указывает на необходимость оказания срочной помощи подросткам, дабы избежать этнических конфликтов, националистических настроений и травли национальных меньшинств. Такой высокий уровень предвзятости к другим народам, на наш взгляд, связан с влиянием медиа стереотипов и недостаточной культурной просвещённостью современных школьников. Школа занята подготовкой к ЕГЭ, родители заняты зарабатыванием денег, подросток остаётся сам по себе, и вот тут он и попадает под влияние социальных сетей, где сегодня очень много реакционных и националистических настроений. Одновременно с методикой толерантности, нами была использована методика «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева)». И получили следующие результаты (Рисунок 2).

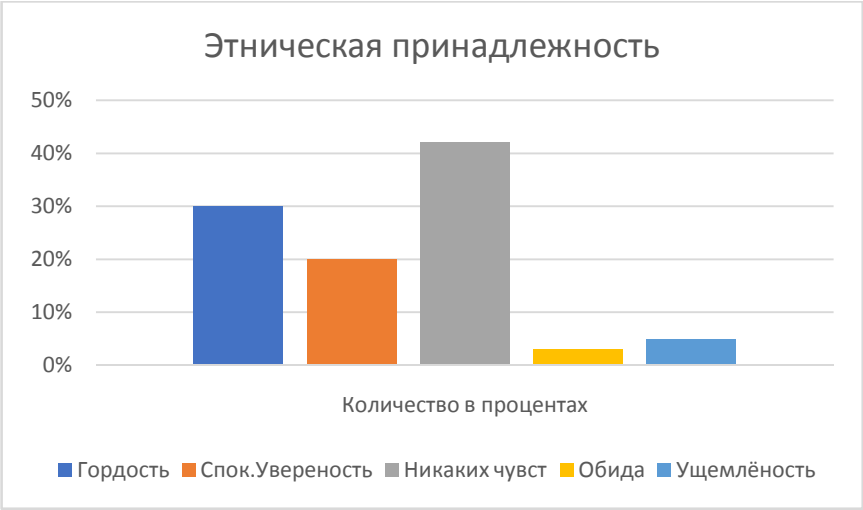

Рисунок 2. Результаты диагностики на основе Шкалы экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева, n=200, 15.05.2024)

Опираясь на полученные данные, мы видим неблагоприятную картину: значительная часть респондентов (82 человека) испытывает безразличие к своей этнической принадлежности, вторая же по величине группа (60 человек) испытывает гордость за свою этническую принадлежность, на первый взгляд данное качество может показаться положительным, но также необходимо понимать, что гордость ведёт к эгоцентризму и, как следствие, к еще большей поляризации общества (в данном случае – школьной среды). Незначительная группа в 16 человек относят себя к числу обиженных и ущемленных, большинство из данной группы – представители нерусских этносов. Совмещая выводы по двум методикам, мы получаем, что низкая толерантность следует, с одной стороны, из высокого процента респондентов, испытывающих гордость, также превалирующие число безразличных к своему этносу вряд ли будет относиться положительно и к чужому, данное безразличие оставляет вакуум, который заполняется крайними настроениями.

С учётом ситуации нами было принято решение совместно с педагогами-психологами данных школ составить рекомендации для родителей и педагогов, рекомендации будут основаны с учётом современной российской действительности, а также на основе современных исследований в сфере этнокультурной идентичности, будет учтён опыт наших личных 2-летних разработок.

Рекомендации для педагогов и психологов:

1. Создание благоприятной среды для развития этнической и культурной саморефлексии.

Тут важно сделать упор не просто на просветительские занятия и мероприятия, необходимо создать продуктивную и проактивную среду, в которой все дети сообща, коллективно будут работать и творить на общее благо. Они должны соприкоснуться с действительным миром, ведь, как писал Винсент Ван Гог, «…тот, кто находится в гуще жизни, знает и чувствует многое» [8].

2. Особое внимание к маргинализованным группам (респонденты, выпадающие из общего спектра и ощущающие себя унижено и отчуждённо).

В данном случае необходима индивидуальная работа, в ходе которой будут прорабатываться частные случаи и проблемы. И с началом персональной работы необходимо начать адаптацию в среду школы и класса через включение в совместную деятельность, в данном случае нужно помочь воспитаннику выйти к границам зоны ближайшего развития. Показать ему, что он такой, как все, и он тоже полезен и важен, не просто на словах, он должен видеть реальные плоды своей деятельности. Также особое внимание следует уделить языку, возможны сложности из-за недостаточного знания русского языка.

3. Работа с медиапространством, участие и организация межкультурных мероприятий.

Необходимо научить воспитанников сетевому этикету и цифровой «гигиене». Тут вполне уместно смотрятся мероприятия, направленные на критическое мышление, и тренинги по работе с информацией.

Рекомендации для родителей.

1. Умение слышать и слушать ребёнка. Поддержка межпоколенного диалога.

Крайне важно сохранить связь между поколениями и в такое меняющееся время, тем более подростковый возраст – это период отдаления от родителей. В данном случае нужно нащупать грань между самостоятельностью ребёнка и его послушанием. Родитель должен стать другом и наставником, сделать это всё возможно лишь через личный пример, совместное дело, совместный культурный отдых.

2. Поиск и развитие семейных традиций, связь их с культурой своего народа.

Семейная традиция – универсальная вещь, которая сплачивает семью, а если традиция будет связана с культурой народа, то в данном случае ребёнок получит действительное представление о родной культуре, непосредственно прикоснётся к ней и вместе с родителями станет одним целым с культурным прошлым и настоящим. Традиция – это мостик, связующее звено семьи и этноса.

3. Контакт со школой, единение усилий. Бойцы одного фронта.

Необходимо понимать недостаточность влияния одного из субъектов социальной деятельности, зачастую родители, отдав детей в школу, считают, что школа должна заниматься их воспитанием, безусловно, это не так. Без активного включения и содействия родителей в жизни школы невозможно воспитание полноценной личности.

Российское общество находится в состоянии кризиса и перехода, все сферы жизни общества, все социальные институты подвержены «тряске» и перестройке. Поликультурная образовательная среда не осталась в стороне, да, с одной стороны, это привычное, давно изучаемое понятие, но современная реальность, СВО, антирасистская повестка в средствах массовой информации, да и сами СМИ – всё это новые агенты влияния, новые условия, которые меняют привычную для науки картину мира. В этих новых, мало изученных условиях, формирование этнокультурной идентичности становится довольно сложным и при этом актуальным вопросом. Время перемен – это и период возможностей, найти новые решения для старых проблем, при этом обнаружить и пресечь новые угрозы – всё это предстоит нашей науке. На данный же момент, формирование позитивной этнокультурной идентичности возможно лишь при условии консолидации усилий школы и семьи. Ведь только совместные усилия двух самых главных агентов социальной среды способны противостоять информационной действительности.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-225-238

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахо Ф. Р. М. Т. Традиции национальной культуры как альтернатива неолиберальным подходам в обеспечении этнической социализации подростков и молодежи // Современные тенденции развития этнопедагогики в образовательном пространстве мира. Чебоксары: ЧГПУ, 2022. С. 18-27.

2. Ахо Ф. Р. М. Т. Традиции этноса в системе факторов формирования этнокультурной идентичности личности: перечитывая педагогическую антропологию К. Д. Ушинского // Педагогическое наследие К. Д. Ушинского в стратегиях и практике современного образования. Старый Оскол: СОФ НИУ БелГУ, 2023. С. 19-23.
3. Булатников И.Е. Деструкция общественной морали как проблема современного социального воспитания молодежи // Ярославский педагогический вестник. – Т.II. – 2012. – № 5. – С. 24-30.
4. Булатников И. Е. Философско-педагогическое наследие Б. З. Вульфова и реалии современного российского образования: векторы деструкции социальности молодёжи // Берегиня. 777. Сова. 2022. № 1 (52). С.185-200.
5. Булатников И. Е. Этические основы русского образования в философско-педагогической концепции Е.П. Белозерцева // Психолого-педагогический поиск. 2015. № 1 (33). С. 110-133.
6. Булатников И. Е. Этические основы русского образования в зеркале национальной истории и культуры: перечитывая наследие К. Д. Ушинского // Известия РАО. 2014. № 3. С. 14-34.
7. Пашков С. В. Духовно-нравственное развитие будущих специалистов в совместной деятельности институтов религии и образования // Профессионально-личностное развитие будущих специалистов в среде научно-образовательного кластера. Казань, 2020. С. 202-208.
8. Пашков С. В. Патриотизм как национальная духовная идея: нравственное содержание патриотизма в трактовке В. С. Соловьева // Психология и педагогика социального воспитания: сб. ст. / под ред. А. Г. Кирпичника, А. Г. Самохваловой. 2020а. С. 95-101.
9. Пашков С. В. Традиционная семья в истории и культуре Русского мира: вызовы времени и реалии глобализации // Берегиня. 777. Сова. 2019. № 4 (43). С. 196-208.

10. Пашков С. В. Этические основы социального взаимодействия подростков и молодежи в информационной среде: от соборности Русского мира – к разобщению? // Развитие личности в условиях цифровизации образования: от начальной к высшей школе. Елец, 2020б. С. 248-255
11. Репринцев А. В. Диалектика социального и индивидуального в процессе этнической социализации подростков // Теория и практика современного воспитания и обучения. Воронеж: ВГПУ, 2023. С. 223-231.
12. Репринцев А. В. Формирование этнической идентичности подростков и юношества в условиях становления информационного общества // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1 (69). С. 103-122.
13. Репринцев А. В. Этническая социализация личности в поликультурном мире: риски и противоречия формирования этнокультурной идентичности детей и молодежи // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского госуниверситета. 2021. № 4 (60). С. 306-321.
14. Репринцев А. В. Этническая социализация подростков и юношества в условиях эскалации международной напряженности: как сохранить нормы и ценности гуманизма? // Актуальные проблемы развития личности в условиях современных реалий. Ереван, 2022. С. 520-531.
15. Репринцев А. В. Ценностно-смысловые основания личностного самоопределения подростка в жизнедеятельности учреждения дополнительного образования // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2024. Т. 7. № 1 (22). С. 5-17.
16. Репринцев А. В. Сухоруков И.С. Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества как проблема современной психологии и социальной педагогики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 33. № 7 (256). С. 142-149.

17. Сухоруков И. С. Информационная среда в системе факторов формирования этнокультурной идентичности подростка: психологические механизмы преодоления дезориентирующих влияний информационной среды // Развитие личности в условиях цифровизации образования: от начальной к высшей школе. Елец, 2020. С. 292–299.
18. Сухоруков И. С. Клубный коллектив как социально-психологическая среда формирования этнокультурной идентичности подростка // Берегиня. 777. Сова. 2021. № 3 (50). С. 216–230.
19. Сухоруков И. С. Подросток между традициями национальной культуры и реалиями информационной эпохи: риски и противоречия формирования этнокультурной идентичности личности // Берегиня. 777. Сова. 2022. № 4. С.184-198.
20. Сухоруков И. С. Ценностно-смысловые основы свободного самоопределения подростка в социальной среде: механизмы этнокультурной самоидентификации личности // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека. Ярославль, 2021. С.112-117.
21. Сухоруков И. С. Этнокультурная идентичность и дифференциация «своих» и «чужих» в подростковой среде: особенности этнической социализации подростков в условиях глобализации культуры // Берегиня. 777. Сова. 2021. № 4 (51). С. 193-210.
22. Сухоруков И. С. Этнокультурная идентичность как основа формирования жизненной стратегии подростка // Жизненные траектории личности в современном мире: социальный и индивидуальный контекст. Сб. статей. Кострома: КГУ, 2021. С. 92-98.
23. Сухоруков И. С. Этнокультурная идентичность личности подростка в контексте культурно-исторического подхода в социальной психологии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). С. 723-734.

ԲԱԶՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԿՐԹԱԿԱՆ ՄԻՋԱՎԱՅՐՈՒՄ ԴԵՌԱՀԱՍՆԵՐԻ ԷԹՆՈՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐՆ ՈՒ ՀԱԿԱՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Դանիիլ Բալանդին

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *սոցիալական մանկավարժություն, սոցիալական հոգեբանություն, դեռահասների էթնոմշակութային ինքնություն, ավանդական արժեքներ, միջսերնդային երկխոսություն*

Հեղինակն անդրադառնում է ժամանակակից դեռահասների էթնիկական սոցիալականացման խնդիրներին և հակասություններին, տեղեկատվական միջավայրի ազդեցությանը երեխաների և երիտասարդների սոցիալ-բարոյական զարգացման գործընթացի վրա, երիտասարդ քաղաքացիների էթնոմշակութային ինքնության ձևավորմանը, էթնոսի ավանդական մշակույթի արժեքների և ստանդարտների զարգացմանը: Հեղինակի տեսադաշտում տարբեր գործոնների ազդեցությունն է դեռահասների էթնոմշակութային ինքնության ձևավորման վրա: Հեղինակը հատուկ ուշադրություն է դարձնում դեռահասի էթնոմշակութային ինքնության ձևավորման ռիսկերին և հակասություններին, «շփոթված ինքնության» առաջացման վտանգին (Ե. Էրիքսոն), տեղեկատվական միջավայրի բացասական ազդեցությունները չեզոքացնելու ուղիներին և մեթոդներին: Հեղինակը հատկապես շեշտում է դեռահասների սոցիալ-բարոյական դաստիարակության ակտիվացման անհրաժեշտությունը, միջսերնդային երկխոսությունը, քանի որ դրա արդյունքները ուղղակիորեն ազդում են երիտասարդ սերնդի էթնոմշակութային ինքնության ձևավորման վրա:

PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF THE FORMATION OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF ADOLESCENTS IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Daniil Balandin

Summary

Key words: *social pedagogy, social psychology, ethnocultural identity of adolescents, traditional values, intergenerational dialogue*

The author reflects on the problems and contradictions of ethnic socialization of modern adolescents, the effect of information environment on the process of social and moral development of children and youth, the formation of ethnocultural identity of young citizens, their mastery of the values and norms of traditional culture of the ethnic group. The author's perspective involves the influence of various factors on the formation of ethnocultural identity of adolescents. The author pays special attention to the risks and contradictions of the formation of the ethnocultural identity of a teenager, the danger of the emergence of "confused identity" (E. Erickson), ways and means of neutralizing the negative impacts of the information environment. The author particularly emphasizes the need to intensify the social and moral education of adolescents, intergenerational dialogue, since its results directly influence the formation of the ethnocultural identity of the younger generation.

УДК 80

ЯЗЫК КАК ФОРМА МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Нарине Вигель
Эмилиано Меттини

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-239-253

Ключевые слова: *мышление, восприятие, коммуникация, культурное наследие, символы, когнитивные процессы, идентичность, лингвистические структуры, ментальные модели, социальные взаимодействия*

Язык является одной из важнейших составляющих культуры и мышления человека. Он не только служит средством общения, но и отражает мировоззрение, образы и ценности, присущие различным культурным сообществам. В эпоху глобализации, когда контакты между различными культурами становятся все интенсивнее, понимание языка как формы мировоззрения приобретает особую значимость. Анализ языка позволяет глубже понять особенности мышления и восприятия мира носителей различных языков, что способствует улучшению межкультурного взаимодействия и взаимопонимания.

Целью статьи является выявление и анализ взаимосвязи между языком и мировоззрением человека. Исследование направлено на раскрытие того, как языковые особенности и структуры могут влиять на восприятие реальности и формирование культурных стереотипов. В результате исследования планируется определить, в какой степени язык формирует мировоззренческие установки и как это знание можно применять в различных областях человеческой деятельности, таких как образование, межкультурная коммуникация и психология.

Задачи:

1. Теоретический анализ: изучить основные теоретические подходы к пониманию взаимосвязи между языком и мировоззрением, включая работы таких ученых, как Бенджамин Ли Уорф, Эдвард Сепир и Лео Вайсгербер.

2. Анализ языковых структур: исследовать, как грамматические и лексические особенности разных языков отражают культурные и ментальные модели их носителей. Например, как категории времени и пространства выражаются в языке и влияют на восприятие событий.

3. Исследование примеров: провести сравнительный анализ конкретных примеров из разных языков, иллюстрирующих, как язык влияет на восприятие мира. Это могут быть идиомы, пословицы, культурно-специфические термины и т.д.

4. Практическое применение: предложить рекомендации по применению результатов исследования в практической деятельности, например, в области преподавания языка, разработки межкультурных тренингов или в психотерапевтической практике.

Таким образом, исследование языка как формы мировоззрения человека не только способствует глубокому пониманию роли языка в нашей жизни, но и открывает возможности для улучшения межкультурных контактов и поддержания глобального диалога.

Понятие языка

Понятие языка включает в себя множество аспектов, охватывая как структурные, так и функциональные элементы. Естественный язык представляет собой систему знаков, символов и правил, через которую люди передают свои мысли, чувства и информацию. Определение языка, как правило, включает его характеристику как совокупности звуковых, письменных или жестовых символов, которыми пользуется человеческое общество для коммуникации. Язык как средство общения является одной из его основных функций. Он позволяет передавать информацию, выражать эмоции, задавать вопросы, давать указания и делиться знаниями [3, 12]. Коммуникативная функция языка делает возможным взаимодействие между людьми, что критически важно для функционирования любого общества. Язык как культурный феномен отражает уникальные особенности и ценности той или иной культуры. Он сохраняет в себе исторический опыт, традиции, обычаи и мировоззрение

народа. Культурный контекст языка выражается в его идиоматике, фразеологии и даже в структуре предложений, что делает каждый язык уникальным. Таким образом, язык является не просто средством общения, но и ключевым элементом культурной идентичности общества, обеспечивая передачу культурных и исторических знаний из поколения в поколение.

Мировоззрение: сущность и компоненты

Мировоззрение представляет собой систему взглядов, оценок, принципов и установок, определяющих наиболее общие ориентиры и программные установки поведения и деятельности человека [4, 92], социальной группы или общества в целом. Оно включает в себя целостное восприятие мира и место человека в нём, а также систему убеждений и идеалов, через которые личность находит смысл жизни и своей деятельности.

Мировоззрение состоит из нескольких ключевых компонентов, каждый из которых играет важную роль в формировании целостного восприятия мира. Когнитивный компонент включает в себя знания, представления, концепции и убеждения, которые человек имеет по отношению к миру и своему месту в нём [5, 64]. Это та интеллектуальная основа, на которой строится его понимание и интерпретация реальности. Эмоциональный компонент связан с чувственным восприятием мира, эмоциональными реакциями и чувствами, которые испытывает человек в связи с теми или иными аспектами своего бытия [2, 80]. Эти эмоции могут быть самыми разнообразными: от радости и вдохновения до страха и сомнения. Наконец, волевой компонент мировоззрения отражает личностные установки, цели, стремления и идеалы, которые мотивируют человека к действиям. Это та движущая сила, которая направляет его поведение и позволяет преодолевать трудности на пути к достижению поставленных целей.

Формирование мировоззрения – процесс многосложный и длительный, затрагивающий все аспекты жизни человека. Оно начинается с детства и продолжается на протяжении всей жизни,

подвергаясь влиянию различных факторов. Семья играет первостепенную роль на ранних этапах, так как именно в семье закладываются первые представления о мире. В школе эти представления расширяются и углубляются с помощью учебного процесса и взаимодействия со сверстниками и учителями. Культурное окружение, средства массовой информации, религия и личный опыт также оказывают значительное влияние на формирование мировоззрения [7, 33]. В процессе взросления человек сам вносит коррективы в свои взгляды и убеждения под влиянием новых знаний и жизненного опыта, что способствует его духовному росту и развитию. Таким образом, мировоззрение становится субъективной картиной мира, отражающей уникальный путь каждого человека и служащей фундаментом для его мыслей и поступков.

Согласно теории Сепира-Уорфа структура языка, на котором человек говорит и мыслит, оказывает влияние на его восприятие и мышление [8, 352]. Отмечается, что язык является не просто средством коммуникации, но и конституирующим фактором в формировании концептуальных категорий, через которые воспринимается реальность.

Одним из основных положений этой теории является идея, что лексические и грамматические особенности языка определяют категориальные и когнитивные процессы. Например, в языках, где наибольше присутствие обозначения разных оттенков одного цвета, носители имеют большую точность в распознавании этих оттенков. Известный пример – язык Himba, племени в Намибии, который имеет несколько десятков слов для обозначения оттенков зеленого, что является показателем того как носители этого языка воспринимают и различают эти оттенки в окружающем мире.

Также рассматривались вопросы времени и его восприятие. В английском языке время часто описывается с использованием линейных метафор («длительное время», «совершенное время»), тогда как на языке хопи, индейского народа, отсутствуют такие линейные концепции времени. В языке хопи, согласно исследова-

ниям Уорфа, время воспринимается циклически, что отражает иной способ концептуализации и взаимодействия с понятием времени.

Другим примером является различие в пространственной ориентировке. В русском языке и многих других европейских языках используют относительные понятия направления (лево, право, вперед, назад). Однако, в аборигенных языках Австралии, например, аранта и тайоре, пространство ориентируется на абсолютные географические направления, такие как север, юг, восток и запад. Это не только изменяют общение, но и делают носителей языков более осведомленными и точными в пространственной навигации.

Кроме того, язык оказывает влияние на социальное восприятие и структуру общества. В языках с дифференцированными формами вежливости, такими как японский или корейский, выражение уважения и статусности встроено в повседневные коммуникационные практики. Это способствует формированию и поддержанию социальных иерархий и определяет, каким образом носители этих языков воспринимают социальные интеракции и статусные отношения.

Теория Сепира-Уорфа акцентирует идею о том, что язык не жестко предопределяет мышление, но подчеркивает, что различные языки предлагают разные когнитивные ресурсы и способы структурирования опыта. Это взаимосвязь, где язык и мировоззрение постоянно взаимодействуют, влияя друг на друга и формируя уникальные культурные и когнитивные реальности.

Язык играет ключевую роль в формировании культурной идентичности. Он является хранителем истории, традиций и ценностей народа. Через язык человек воспринимает мир, осмысливает своё место в нём и взаимодействует с окружающими. Культурная идентичность, во многом определяемая языком, помогает людям ощущать принадлежность к определённой группе, понимая её уникальные особенности и фундаментальные принципы.

Билингвизм и мультилингвизм существенно влияют на миро-

воззрение человека. Владение несколькими языками позволяет видеть мир с разных сторон, понимать и ценить различные культуры и подходы к жизни. Многозначность слов и выражений, характерная для различных языков, может делать мышление более гибким и креативным. Билингвальные и мультилингвальные личности зачастую обладают лучшими навыками решения проблем, поскольку они постоянно переходят с одного языкового кодекса на другой, что укрепляет их когнитивные способности.

Психологические аспекты владения несколькими языками также крайне интересны. Изучение и использование иностранных языков могут оказывать глубокое влияние на личность человека, его самооценку и уверенность в себе. Полиглот может испытывать чувство гордости и самодовольства от своих языковых навыков. При этом, встречаясь с новыми культурами и языками, люди расширяют свои горизонты и развивают эмпатию, поскольку начинают лучше понимать различные точки зрения и культурные особенности.

Кроме того, билингвизм может способствовать усилению когнитивных функций, таких как память, внимание и способность к многозадачности. Исследования показывают, что люди, владеющие несколькими языками, могут быстрее переключаться между задачами и более эффективно решать проблемы. Это связано с постоянной тренировкой мозга в процессе переходов между разными языковыми системами.

На личном уровне владение несколькими языками может способствовать укреплению социальных связей и расширению возможностей коммуникации. Полиглоты нередко создают более широкие сети общения, что может позитивно сказывать на их профессиональной и личной жизни. Можно сказать, что язык и идентичность тесно взаимосвязаны, а билингвизм и мультилингвизм обогащают внутренний мир человека, делая его более открытым, терпимым и когнитивно развитым.

Язык, культура и ценности

Язык является мощным инструментом передачи культурных

ценностей и формирования нравственных и этических норм в обществе. На протяжении всей истории язык служил важным средством коммуникации, которое не только позволяет людям обмениваться информацией, но и способствует передаче сложных социально-культурных концепций и правил поведения.

Культура тесно переплетена с языком, так как именно через слова и выражения люди учатся понимать, интерпретировать и соблюдать нормы, принятые в их обществе. Например, многие народы имеют специфические слова или выражения для описания понятий, которые важны в их культуре. В японском языке есть понятие «ганбари» (頑張り), которое отражает идею настойчивости и упорства, культурную ценность, глубоко укоренившуюся в японском обществе. Подобные концепции не всегда имеют прямые аналоги в других языках, что подчеркивает их уникальность для определённой культурной среды.

Трансляция культурных ценностей через язык происходит не только в рамках межличностного общения, но и через литературу, искусство, образование и другие формы культурной деятельности [1, 121]. Книги, фильмы, песни и пословицы часто несут в себе нравственные послания и моральные уроки, которые формируют коллективное сознание и мышление. Таким образом, язык становится важным механизмом социализации, помогая формировать и поддерживать культурную идентичность.

Роль языка в формировании нравственных и этических норм нельзя недооценивать. С самого раннего возраста дети учатся тому, что можно и чего нельзя делать, через вербальные инструкции и рассказы родителей, учителей и окружения. Через сказки и притчи дети получают представления о добре и зле, о правильном и неправильном поведении. Такие рассказы, передаваемые через поколения, часто содержат универсальные этические нормы, но всё же окутаны специфическим культурным контекстом, что подчеркивает важность языка как хранителя культурных кодов.

Сравнительный анализ ценностей в различных языковых

группах выявляет интересные различия и сходства. Например, в западных языках, таких как английский, часто акцентируется внимание на индивидуализме и личных достижениях. Английская фраза «to stand out» (выделяться) отражает культурную ценность личной самореализации и успеха. В отличие от этого, многие восточные языки подчёркивают коллективизм и гармонию в обществе. На китайском есть выражение «團結就是力量» (единство – это сила), что подчеркивает важность коллективной работы и социального единства.

Также можно отметить различия в восприятии времени и пространства в разных культурных контекстах. Например, некоторые индейские языки не имеют конкретных грамматических форм для обозначения времени, что отражает их восприятие времени как не линейного, в отличие от западных культур, где время часто представляется как чётко структурированное и секвенционное.

Таким образом, через язык культура передает свои уникальные ценности и нормы, которые формируют наше восприятие мира и поведение. Языки, несмотря на их различия, выполняют универсальную функцию – они обеспечивают основу для понимания и передачи человеческого опыта, служат мостом между поколениями и культурными традициями, формируя нашу коллективную и индивидуальную идентичность.

Эволюция языков и их воздействие на мировоззрение являются важными аспектами культурного и социального развития человечества. Язык не просто средство коммуникации; он отражает и формирует наше восприятие мира, влияет на мышление и мировоззрение. Эволюция языков происходит под воздействием различных факторов, таких как социальные изменения, научно-технический прогресс и, конечно, глобализация. Влияние языковых изменений на мировоззрение можно рассматривать с разных точек зрения.

Во-первых, языковые изменения могут повлиять на культурное

наследие и историческое самоопределение народов. Например, исчезновение диалектов и малых языков под давлением доминирующих языков часто приводит к утрате уникальных знаний и традиций. Это влияет на коллективное мировоззрение тех сообществ, которые стремительно теряют свой язык и культуру.

Глобализация – один из ключевых факторов, изменяющих языковые стереотипы и стандарты. Она способствует распространению доминирующих мировых языков, таких как английский, испанский, китайский и арабский. В результате люди, изучающие эти языки, часто заимствуют не только лексику и грамматику, но и культурные концепты и идеи, которые передаются через этот язык. Это приводит к тому, что человек начинает думать и воспринимать мир по-новому, через призму другой культуры.

Примеры влияния новых языковых форм и заимствований можно найти повсюду. В языках, подверженных сильному влиянию англицизмов, таких как русский, французский или немецкий, можно заметить значительные изменения в лексиконе и грамматике. Такие заимствования, как “бизнес”, “менеджмент”, “маркетинг”, “интернет” и многие другие, не только обогащают язык, но и вводят новые концепции мышления и действий. Эти термины часто несут в себе определенные культурные и экономические значения, которые начинают доминировать в обществе, изменяя его мировоззрение и ценностные ориентиры.

С другой стороны, развитие цифровых технологий создает новые формы общения, такие как смайлы, мемы и сленг, которые еще более активно влияют на мировоззрение, особенно среди молодежи. Эти новые формы общения позволяют выражать эмоции и идеи более кратко и экспрессивно, что изменяет способы восприятия и передачи информации [6, 47].

Процесс языковой эволюции тесно связан с изменением мировоззрения. Язык активно формирует мир, воздействуя на наше восприятие реальности, мышление и культурные ценности. В эпоху глобализации влияние языковых изменений становится еще более

значительным, трансформируя наши общественные и личные идентичности.

Практическое значение исследования заключается в том, что оно подчеркивает необходимость учета языковых аспектов в межкультурной коммуникации. В межкультурных взаимодействиях язык играет ключевую роль, поскольку он не только служит средством передачи информации, но и отражает культурные ценности и мировоззрение. Понимание того, как язык и культура переплетаются, может значительно улучшить качество общения и снизить количество недоразумений.

Кроме того, использование знаний о взаимосвязи языка и мировоззрения в образовании имеет большое значение. Образовательные программы, которые учитывают культурные и языковые предпочтения обучающихся, что способствует наиболее адекватному пониманию изучаемых дисциплин с возможностью свободного практического применения.

Импликации для переводчиков и международных отношений также нельзя недооценивать. Переводчики играют важную роль в обеспечении точного и адекватного перевода материалов, будь то письменные документы или устные выступления. Учет культурных нюансов в переводе способствует более точному передаче смысла и контекста сообщений. В международных отношениях это особенно важно, так как правильный перевод может способствовать установлению доверия и взаимопонимания между сторонами.

Таким образом, исследование подчеркивает важность комплексного подхода к изучению и использованию языка в межкультурных взаимодействиях, в образовании и в профессиональной деятельности переводчиков, что, в конечном итоге, способствует налаживанию более эффективных и плодотворных коммуникаций на международной арене.

Перспектива дальнейших исследований

Язык играет важную роль в формировании мировоззрения человека, и эта тема привлекает внимание исследователей из различных областей, включая лингвистику, психологию, философию и

социологию. В данной области существует множество перспектив для дальнейших исследований, которые могут углубить наше понимание того, как язык и мышление взаимосвязаны. Вот некоторые из них:

1. Лингвистическая относительность и детерминизм

Теория Сепира-Уорфа, основывается на том, что структура языка формирует наш субъективный индивидуальный мир. Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на эмпирическом подтверждении или опровержении этой гипотезы, используя современные нейрофизиологические методы.

2. Билингвизм и мультилингвизм

Влияние билингвизма и мультилингвизма на мировоззрение человека остается важной и актуальной темой. Как владение несколькими языками изменяет когнитивные способности, культурные ориентации и личностные черты? Это направление требует междисциплинарного подхода и разработки новых методик исследования.

3. Язык и культурная идентичность

Изучение того, как язык формирует и выражает культурную идентичность, может открыть новые пути понимания межкультурных взаимодействий и конфликтов. В этой области важно исследовать, как миноритарные и вымирающие языки влияют на сохранение культурного наследия.

4. Язык и эмоциональная сфера

Язык является мощным инструментом выражения эмоций. Исследования могут быть направлены на изучение того, как различные языковые структуры и лексика влияют на эмоциональное восприятие и выражение чувств.

5. Цифровая коммуникация и трансформация языка

С развитием цифровых технологий и социальных сетей язык претерпевает значительные изменения. Будет полезно исследовать, как эти изменения влияют на мировоззрение и коммуникационные стратегии современных людей.

6. Языковые идеологии и социальные структуры

Исследование языковых идеологий и их воздействия на социальные структуры может дать представление о том, как языковые практики способствуют формированию социальных норм, иерархий и дискриминации.

7. Новые методы исследования

Применение новейших методов, таких как нейролингвистика, машинное обучение и большие данные, может существенно продвинуть исследования языкового влияния на мировоззрение. Эти методы позволяют анализировать огромные массивы данных и извлекать закономерности, ранее остававшиеся незамеченными.

Таким образом, язык как форма мировоззрения человека остается сложной и многогранной темой для исследований. Многочисленные направления и междисциплинарный подход к изучению этого феномена могут раскрыть новые аспекты влияния языка на когнитивные процессы, социальные взаимодействия и культурные различия. Исследования в этой области не только углубят наше знание о природе человеческого мышления, но и помогут найти пути улучшения межкультурной коммуникации и взаимопонимания.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-239-253

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: Авторский сборник / М. М. Бахтин; Текст подготовили Г.С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Григорьев М. И. Аспекты бинарности мышления / М. И. Григорьев // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник материалов VII Международной научной конференции, Магнитогорск, 20–21 мая 2016 года. Том Выпуск 7. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2016. – С. 79-84.

3. Дзялошинский И. М. Жизненный мир человека: мифологические, культурные, идеологические предпосылки текстовой деятельности: Учебное пособие / И. М. Дзялошинский. – Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2020. – 824 с. – ISBN 978-5-4497-0712-3.
4. Мелентьева А. А. О влиянии языка на мышление его носителей / А. А. Мелентьева, Н. С. Дружинина // Язык, культура, наука и техника в современном мире: материалы студенческой научно-практической конференции (с международным участием), Иркутск, 17 апреля 2018 года. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2018. – С. 89-95.
5. Полетаева Т. А. К вопросу об языковой картине мира как когнитивнодискурсивном феномене / Т. А. Полетаева // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2015. – № 3. – С. 63-67.
6. Степаненко А. С. Происхождение идеи искусственного интеллекта с точки зрения лингвосемиотики Сепира-Уорфа и М. К. Петрова / А. С. Степаненко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 5(24). – С. 44-48.
7. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко; Научный совет Отделения общественных наук РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». – Москва: ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2015. – 669 с. – ISBN 978-5-906001-22-1.
8. Шарапова И. В. Влияние гипотезы Сепира-Уорфа на развитие мировой лингвистики / И. В. Шарапова // Современные проб лемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 352.

Նարինե Վիգել
Էմիլիանո Մետտինի

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *մտածողություն, ընկալում, հաղորդակցություն, մշակութային ժառանգություն, խորհրդանիշներ, ճանաչողական գործընթացներ, ինքնություն, լեզվական կառուցվածքներ, մտավոր մոդելներ, սոցիալական փոխազդեցություններ*

Լեզուն ամենակարևոր գործիքն է, որի միջոցով մարդը ընկալում և մեկնաբանում է իրեն շրջապատող աշխարհը: Այն ոչ միայն հաղորդակցության միջոց է, այլև ձևավորում է անհատի մտածողությունը և մշակութային արժեքները: Բառերն ու արտահայտությունները արտացոլում են պատմական և սոցիալական համատեքստը, որում ապրում է մարդը՝ ազդելով իրականության ընկալման վրա: Տարբեր լեզուներ փոխանցում են եզակի հասկացություններ և կատեգորիաներ՝ դրանով իսկ որոշելով այդ լեզուների խոսնակների աշխարհայացքի առանձնահատկությունները: Սրանով իսկ լեզուն կարելի է համարել ինքնության հիմնական տարր, որը խորը ազդեցություն ունի աշխարհընկալման, մտածողության գործընթացների և մշակութային փոխազդեցության վրա: Լեզուների ուսուցումը բազմազան աշխարհայացքային հեռանկարների հնարավորություն է տալիս և հարստացնում է շրջակա իրականության վերաբերյալ պատկերացումը:

LANGUAGE AS A FORM OF HUMAN WORLDVIEW

Narine Vigel
Mettini Emiliano

Summary

Key words: *thinking, perception, communication, cultural heritage, symbols, cognitive processes, identity, linguistic structures, mental models, social interactions*

Language is the most important tool a person uses to perceive and interpret the world around him/her. It shapes a person's cultural values and way of thinking in addition to being a communication tool. Words and expressions reflect the historical and social context in which a person lives, influencing his/her perception of reality. Different languages convey unique concepts and categories, thereby defining the peculiarities of the worldview of native speakers of particular languages. Thus, language can be ragarded as a crucial component of identity, which has a profound impact on how people perceive the world, think, and interact with others from different cultures. Learning a language opens up access to a variety of worldview perspectives and enriches the understanding of the surrounding reality.

УДК 347.78.034

ՄՏՈՐՈՒՄՆԵՐ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՐԺԵՔՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՋ

Նինա Ջաղինյան

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-254-263

Հանգուցային բառեր. *գեղարվեստական տեքստ, հաղորդակցություն, հաղորդակցային գործառույթ, թարգմանիչ, գեղարվեստական երկխոսություն, բնագիր տեքստ, խոսութային գործառույթ, ոճական արտահայտչամիջոց*

Նախաբան

Թարգմանական համարժեքությունը գեղարվեստկան թարգմանության հենքային խնդիրն է, որի գլխավոր չափանիշներից է բնագրի և թարգմանվածքի արտահայտության և բովանդակության հնարավորինս ամբողջական համընկնումը, մի բան, որ միտված է պահպանելու տեքստի լեզվամտածողությունը, ոճական ինքնատիպությունը և գեղագիտական ճաշակը: Թարգմանության համարժեքության մասին խոսելիս հայտնի տեսաբան Թ. Սավորին շեշտում է ստեղծագործության ձևի և բովանդակության համապատասխանության պահպանման խնդիրը թարգմանվածքում [2]:

Գեղարվեստական թարգմանությունը ինքնին ստեղծագործական գործունեություն է և, բնականաբար, առնչվում է գրականությանը և լեզվին՝ լայն իմաստով, բնագիր և թիրախ լեզուների հարաբերմանը, աղբյուր լեզվի լեզվաոճական առանձնահատկությունների հնարավորինս պահպանմանը:

Միով բանիվ, թարգմանվածքը պետք է դիտարկվի որպես բնագրի լեզվի, գաղափարի, փիլիսոփայության համալիր մեկնություն:

Թարգմանության համարժեքությունն անմիջականորեն կապված է բնագրի հեղինակի աշխարհընկալման և դրա՝ թարգմանության լեզվում համարժեք վերստեղծման հետ, որն էլ պայմանավորում է համարժեքության՝ լեզվաճանաչողական հարթության մեջ դիտարկելու անհրաժեշտությունը. Գեղարվեստական ստեղծագործության լեզվաճանաչողական կաղապարների լայնակի ուսումնասիրությունը նպաստում է բնագրի հեղինակի պատկերա-

ցումների առավել ճշգրիտ հետազոտմանը, ուրեմն և համարժեք թարգմանության ստեղծմանը:

Հարկ է նշել, որ գեղարվեստական ստեղծագործության և նրա թարգմանության ուսումնասիրությունը պետք է կատարվի հիմնականում բանասիրական մեկնարվեստի տեսանկյունից, այն է՝ լեզվաոճական, լեզվաբանաստեղծական և նմանատիպ այլ միջոցների օգնությամբ:

Թարգմանական համարժեքության խնդիրը լայնորեն քննելիս առջնահերթ է այն դիտարկել նաև միջմշակութային երկխոսության համաշարում:

Մեր ուսումնասիրության տիրույթում հատկապես գեղարվեստական տեքստի երկխոսությունների գործնական և տեսական արծարծումներն անելիս հատուկ շեշտադրում ենք միջմշակութային հարթության հաղորդակցական գործառությունների հիմնախնդիրը և դրա լիարժեքությունն ապահովող տարրը: Գեղարվեստական տեքստի հեղինակը վերարտադրում է կենդանի խոսակցական լեզուն, որն ինքնին վկայում է, որ այդ վերարտադրումը բացարձակ կրկնությունը չէ այն ամենի, որ կա կենդանի լեզվում, մի բան, որին թարգմանիչը առաջնահերթ նշանակություն պետք է տա: Մեր ուշադրության կիզակետում (հատկապես տեսական արծարծումներ անելիս) կարևորում ենք այն, որ գեղարվեստական երկխոսական տեքստում խոսակցական լեզուն կատարում է գեղագիտական գործառույթ, դառնում ստեղծագործության ընդհանուր կառույց, նրա գեղագիտական բովանդակության մի տարրը, և, ըստ այդմ էլ թարգմանելիս ենթարկվում անխուսափելի փոփոխությունների: Մենք գտնում ենք, որ համարժեքության խնդիրը անպայմանորեն պետք է դիտարկել հաղորդակցության հենքի վրա և շրջանակներում, քանզի կենդանի խոսքը, լինելով ասելիքաշատ, կարող է համապարփակ պատկերացում տալ գեղարվեստական նյութի, նրանում գործող անձանց հուզական աշխարհի մասին, որն էլ թարգմանչին կօգնի առավելապես ըմբռնել հեղինակային ասելիքը և հավուր պատշաճի ներկայացնել այն թիրախ լեզվում:

Գեղարվեստական ստեղծագործությունը այլ լեզվի և մշա-

կույթի ներկայացուցչին մատուցելու համար թարգմանելիս հաղորդակցական հեղինակ-տեքստ-ընթերցող պարզ եռանկյունը ձեռք է բերում առավել բարդ պատկեր, և, բնականաբար, Ռոման Յակոբսոնի հայտնի հաղորդակցական կաղապարը այստեղ կիրառելը տեղին է թվում, քանզի նրանում ներկայացված են բանաստեղծական հաղորդակցման լեզվական և արտալեզվական գործառույթները: Այսպես՝ համաձայն Ռ. Յակոբսոնի՝ հաղորդակցման գործառույթները ծավալվում են վեց գործոնների միջև՝ հասցեագրող, հասցեատեր, հաղորդում, համաշար, կապ և նշակարգ (կոդ) [5]: Եթե այս կաղապարին փորձենք ավելացնել Մ. Բախտինի՝ գեղարվեստական ստեղծագործության վերլուծության մշակութաբանական մոտեցումը, ապա գեղարվեստական ստեղծագործության միջմշակութային փոխակերպումը և հաղորդումը կվերածվեն բազմաձայն պատկերի իրագործման: Սակայն «թարգմանիչ-կատարողի» գործոնից բացի՝ թվարկվածին գումարվում է հետևյալ բարդությունը: Այսպես՝ Գ. Հովհաննիսյանը նշում է, որ էական նշանակություն ունի երկու լեզու-նշակարգերի և մշակույթ համատեքստերի հաղորդակցման գործոնը [7]: Ըստ Ս. Զոլյանի՝ Ռ. Յակոբսոնի հայեցակարգի մեջ ամենակարևորն այն է, որ նա կողմնորոշել է հենց լեզվական գործառույթի գաղափարը՝ այն դիտարկելով ոչ թե որպես խոսողի-ունկնդրի մտադրություն, այլ որպես մի խումբ էական նշաններ, որոնք լեզվի ներքին փոխակերպման արդյունք են [4]: Այս ամենի դիտարկումը էական նշանակություն ունի թարգմանական համարժեքության հարցը քննելու հարցում: Թարգմանության համարժեքությունը ոչ այլ ինչ է, եթե ոչ բնագրի և թարգմանվածքի իմաստային հնարավոր հարազատությունը, որին նպատակադրված է թարգմանիչը աշխատանքի ընթացքում: Թարգմանության համարժեքության սահման է թարգմանության ընթացքում բնագրի բովանդակության բացարձակ պահպանման հնարավոր աստիճանը, սակայն հարկ է նշել, որ յուրաքանչյուր առանձին թարգմանության բնագիր տեքստին հարազատությունը տարբեր աստիճանի է և տարբեր միջոցներով է արտահայտվում ու հաստատվում, եթե նկատի առնենք այն հանգամանքը, որ միևնույն լեզվական փաստը տարբեր ար-

ժեքներ ունի տարբեր մշակութային միջավայրերում: Համարժեքության հարցը համապարփակ քննելիս անհրաժեշտ է նախ և առաջ ճշգրտել «համարժեք» հասկացության իմաստային սահմանները, քանի որ թարգմանաբանական գիտության մեջ այդ բառն ակնհայտորեն եզրաբանական նշանակությամբ է հանդես գալիս: Ըստ Գ. Հովհաննիսյանի՝ «Համարժեքությունը մի հարաբերություն է կամ, ավելի ճշգրիտ ասած, հաղորդակցական գործառույթ, որն իրականանում է թարգմանված միավորի մեջ բնագիր խոսքային միավորի ձևական և իմաստային բոլոր էական հատկանիշների պահպանվելու պայմաններում: Այսպես՝ եթե բնագիր խոսքային միավորը արձակ երկխոսություն է, ապա այն լեզվական, մշակութային, հաղորդակցական, հասարակական-հոգեբանական բովանդակային առանձնահատկություններից բացի օժտված է նաև լեզվի և շարադրման ակնառու ձևական հայտանիշներով, որոնց բացահայտումն ու փոխանցումն ապահովում է հեղինակի լեզվական մտածողության հարազատ արտացոլումը [8]:

Ի հաստատումն ասվածի՝ նշենք, որ Էռնեստ Հեմինգուեյի, Ուիլյամ Սարոյանի և մի շարք այլ հեղինակների կարճ պատմվածքների մեր կատարած թարգմանությունների (մասնավորապես երկխոսությունների) մեջ հաճախադեպ են եղել հաղորդակցական ներակա ամերիկյան նրբերանգները հայերենում որոշակի հաղորդակցական արժեք ներկայացնող բառերով արտահայտելու դեպքերը: Նրանցում հաշվի ենք առել Վ. Վինոգրադովի բառային թարգմանական համարժեքների դասակարգումն ըստ հաղորդվող տեղեկության ծավալի՝ լիակատար և մասնակի, և ըստ լեզվում նրանց գործածման բնույթի: Մեր կատարած աշխատանքում գործաբանական համարժեքության խնդիրը դիտարկել ենք մասնավորապես՝ հաստատուն (առաջնային, բացարձակ հոմանիշներ) և դիպվածային (ստեղծված և բնագրի ոճով պայմանավորված թարգման լեզվի առանձնահատկություններով և թարգմանչի ստեղծագործական անհատականությամբ) տեսանկյուններից [3]:

Եվ բնավ պատահական չէ, որ մեզ հավասարապես հետաքրքրում է այդ երկուսի միասնությունը, որը իրականացնում ենք զուգադրական մեթոդով՝ նպատակ ունենալով առավել տեսանելի

դարձնել հետազոտության ամբողջական պատկերը: Մեր ուշադրության կիզակետում եղած հեղինակների թարգմանության և տեսական քննության ծիրում համարժեքությունների հաղորդակցական-գործաբանական խնդիրը պարզելիս առանձնակի տեղ ենք հատկացնում նաև լեզվառճական, խոսակցական բնույթի արտահայտչամիջոցների վերլուծությանը՝ առավելապես կանգ առնելով թարգմանական հաստատուն և դիպվածային գործաբանական համարժեքության առանձնահատկությունների պահպանման վրա: Ահավասիկ մի հատված Էռնեստ Հեմինգուեյի «Այնտեղ, ուր մաքուր է ու լուսավոր» պատմվածքից.

Հմմտ. [1]՝տե՛ս էջ 150 և [6]՝տե՛ս էջ 7.

“Last week he tried to commit suicide,” one waiter said.	– Անցած շաբաթ սա փորձել է ինքնասպան լինել,– ասաց մատուցողներից մեկը:
“Why?”	– Ինչի՞:
“He was in despair”.	– Հուսահատ էր:
“What about?”	– Ինչի՞ համար:
“Nothing.”	– Հե՛չ բանի:
“How do you know it was nothing”	– Էդ ի՞նչ գիտես՝ հեչ բանի:
“He has plenty of money”.	– Շատ փող ունի, ա՛յ թե ինչի:

Այստեղ հիմնականում առկա է ամերիկյան լեզվախոսակցական տարբերակին համապատասխան մոտեցումը:

Էռնեստ Հեմինգուեյի պատումներում համարժեքության խնդիրը դիտարկելիս շատ հաճախ առնչվել ենք օտարաբանություն-փոխառություններ ոճական ոչ ինքնանպատակ միջոցների հետ, որոնք, բնականաբար, փորձել ենք պահպանել թարգմանական տարբերակում՝ առավելապես բնագրին մոտ լինելու ձգտումով: Այսպես.

Հմմտ. [1]՝տե՛ս էջ153 և [6]՝տե՛ս էջ 9.

“Are you trying to insult me?”	– Փորձում ես ինձ նեղացնե՞լ:
“No, hombre, only to make a joke”.	– Չէ՛, Hombre (ա՛յ մարդ), ուղղակի կատակի համար ասացի:

Նման օրինակ՝ մեկ այլ դեպքում. [1]՝տե՛ս էջ160 և [6]՝տե՛ս էջ13.

“Il piove”,the wife said.	– Անձրև է գալիս,– կինն ասաց:
“Si, si, Signora, brutto tempo”	– Այո՛, այո՛, սինյորա, եղանակը շատ վատն է:

Օտարաբանությունների ծանոթագրությունները թարգմանիչն է միայն զետեղում տողատակին՝ հասկանալի դարձնելու դրանք իր ընթերցողին: Բնագրային հատվածում օտարաբանության նպատակային գործածությունը ելակետային տեքստին խիստ մերձ մնալու պայմանը թարգմանության մեջ և թարգմանական համարժեքի բացակայությունը ասելիքին հաղորդում է բնագրային նյութին թարգմանչին յուրովի հարազատ մնալու իմաստ: Մեր կատարած աշխատանքում հիմնականում փորձել ենք պահպանել հաստատուն համարժեքային կերպերը, բնագրային կերպարների հուզական ապրումները՝ համապատասխան շարահյուսական (բնագրին հարիր) կառույցների միջոցով՝ նպատակ ունենալով պահպանել խոսքաշարի հաղորդակցային ամբողջականությունը: Մենք կարծում ենք, որ բնագրային կառույցների հայերեն համարժեքները զուտ հաղորդակցական արժեք պետք է ունենան, քանզի դրանք ընտրվում են իմաստային կապը լրացնելու նպատակով: Նույն հարցի քննարկման տիրույթում է նաև խորհրդանիշների՝ որպես յուրատիպ լեզվական գեղագիր միջոցների առկայությունը, և, բնականաբար դրանց թարգմանական համարժեքությունը ևս թարգմանչից առանձնակի ուշադրություն և հմտություն է պահանջում լեզվական տարբեր և տարբերիչ ընկալումների առումով:

Մեր թարգմանական դիտակետում գտնվող հեղինակների (Էռնեստ Հեմինգուեյ, Շերվուդ Անդերսոն, Ուիլյամ Սարոյան և այլք) պատմվածքներում (առանձնապես շեշտադրում անելով երկխոսությունների վրա) թարգմանական համարժեքության հարցը քննելիս թարգմանչի դերը ընկալելով որպես հեղինակի և ընթերցողի յուրօրինակ կամուրջ՝ միշտ փորձում ենք հնարավորինս հավաստի, հակիրճ, անորոշությունից զերծ կերպով մեկնել բնագիրը՝ հետևելով խոսքային համագործակցության գրայսյան հայտնի սկզբունքներին (այն է՝ քանակի, որակի, հարաբերության և ձևի

սկզբունքներ (մաքսիմներ), և որոնել-գտնել տվյալ ասելիքի թարգմանական համարժեքը՝ որոշ դեպքերում հանդես բերելով ստեղծագործական մոտեցում: Թարգմանական համարժեքության խնդիրը, մեր խորին համոզմամբ, պետք է քննարկել լեզվամշակութային հաղորդակցության տարբեր դիտանկյուններից: Էռնեստ Հեմինգուեյի, ինչու չէ, նաև Ուիլյամ Սարոյանի, Շերվուդ Անդերսոնի և այլոց գործերի մեր ներկայացրած թարգմանական համարժեքները քննելիս մշտապես կանգ ենք առնում մի շարք օրախնդիր հարցերի վրա և հատկապես մեր ուշադրության կենտրոնում պահում դրանց հաղորդակցական լիարժեքությունն ապահովող տարրերը: Խոսքը վերաբերում է ոչ միայն տեքստային երկխոսություններին, այլև դիտարկվող ամբողջական նյութին: Գեղարվեստական երկխոսություններում խոսակցական լեզուն կատարում է գեղագիտական գործառույթ, դառնում տվյալ տեքստի ընդհանրական կառույցի, նրա գեղարվեստական բովանդակության և գեղագիտական ընկալման անկապտելի տարրը, ըստ որի էլ թարգմանության գործընթացում ենթարկվում է հնարավոր անխուսափելի փոփոխությունների: Միևնույն ժամանակ, գեղարվեստական երկխոսությունն ունի առանձնահատուկ հաղորդակցական-գործաբանական գործառույթ:

Մենք ուսումնասիրություններում համարժեքության հարցը քննելիս հատուկ տեղ ենք հատկացնում հաղորդակցական-երկխոսական կառույցներին՝ որպես կենդանի խոսքի կրողների, քանզի դրանք բազմազան և շարժընթացիկ են դարձնում գրական ստեղծագործության տեքստային շարադրանքը մասնակիցների գործուն խոսքի միջոցով՝ ստեղծելով իրականության խոսութային զգացողություն: Ինքնին հասկանալի է, որ գրական կերպարները երկխոսության մեջ դրսևորում են իրենց խոսքային, հոգելեզվական նկարագիրը, որն առավել արտահայտիչ է, քան նկարագրման որևէ այլ մեթոդ: Նման եղանակով հնարավոր է ներկայացնել կերպարի ոչ միայն հոգելեզվական, այլև հասարակական բնութագիրը, նրա ինքնագնահատականն ու կարգավիճակը, մի բան, որը գեղարվեստական տեքստի թարգմանչից խիստ մեծ վարպետություն, պատասխանատվություն է ակնկալում և պահանջում:

Տարբեր հեղինակների գործերի մեր կատարած թարգմանություններում համարժեքային խնդիրը դիտարկելիս մշտապես կարևորում ենք հատկապես տեքստի հեղինակի, նաև գործող կերպարների անհատականությունը, հոգեվիճակը, ինքնատիպությունը, լեզվական և խոսքային միջավայրը, նաև խոսող-խոսակից-միջավայրի փոխհարաբերությունները: Մեր հետազոտական գործունեության մեջ թարգմանական համարժեքության հարցը քննելիս առաջադրելով գեղարվեստական տեքստի, առանձնապես երկխոսության խոսութային գործառույթի մասին կանխավարկածը՝ նպատակ ենք ունենում պարզաբանելու ասելիքի գործայնությունը (պրագմայնությունը)՝ըստ մեր դիտանկյունում եղած հեղինակների ստեղծագործությունների:

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-254-263

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Hemingway E. M. Selected Stories, Moscow: Progress Publishers. 1971, 598 p.
2. Savory Th. The Art of Translation, London, 1968.
3. Виноградов В. В., Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, АН СССР, М.: Наука, 1963, 255 с.
4. Золян С. Т. Языковые функции: возможные разширения модели Роман Якобсона/Якобсон Р. «Тексты, документы, исследования»,- М.: Изд-во РГГУ,1999.-с.137-148.
5. Якобсон Р.О. Работы по поэтике:Переводы, М.: Прогресс, 1987.- 460с.
6. Հեմինգուեյ Էռնեստ, Այնտեղ, ուր մաքուր է ու լուսավոր, Վանաձոր, «ՍԻՄ» տպագրատուն, 2006, 116 էջ:
7. Հովհաննիսյան Գ. Ռ., Հոգելեզվաբանության ներածություն. Համառոտ դասընթաց, Երևան, Զանգակ-97, 2002, 88 էջ:
8. Հովհաննիսյան Գ. Ռ., Ճանաչողական լեզվաբանության գիտական զարգացման նախադրյալները Հայաստանում, ՀՀ ԳԱԱ Հ. Աճառյանի անվան լեզվաբանության ինստիտուտ, «Լեզու և լեզվաբանություն», 2003, թիվ 1, Ե, Տաթև գիտակրթական համալիր, էջ 27-32:

РАССУЖДЕНИЯ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Нина Джагинян

Резюме

***Ключевые слова**: художественный текст, коммуникация, коммуникативная функция, переводчик, художественный диалог, оригинальный текст, дискурсивная функция, стилистические средства выражения*

При анализе проблемы эквивалентности художественного текста особое значение приобретает максимально точное восприятие и изложение лингвистических и стилистических приемов, так как они передают концептуальные и подтекстовые смыслы высказывания, то есть способствуют сохранению когнитивно-прагматической ценности оригинала.

Чтобы добиться качественного художественного перевода, переводчику необходимы соответствующие научно-лингвистические знания, творческие способности, оригинальность мышления и, что не менее важно, эстетический вкус. Проблему переводческой эквивалентности мы рассматриваем как с практической, так и с теоретической точки зрения, поскольку предметом нашего исследования всегда было и остается не только возможное близкое соответствие живого текста оригиналу, но и теоретические дискуссии по этому вопросу.

При широком рассмотрении проблемы художественного перевода необходимо оценить значимость и своеобразие первоисточника, тесно связанного с мировоззрением автора оригинального текста, в котором отражается целостная картина окружающей среды и представления самого писателя, а также его эстетический вкус. Наряду с этим следует учитывать национальный характер переводимого произведения, логику повествования, эмоциональный уровень персонажей. Переводческая эквивалентность – это общность или семантическая близость содержания оригинала и перевода, которая есть не что иное, как смысловое родство между оригинальным и переводным текстами.

REFLECTIONS ON EQUIVALENCE OF ARTISTIC TRANSLATION

Nina Jaghinyan

Summary

Key words: *fiction text, communication, communication function, translator, artistic dialogue, original text, discourse function, stylistic device*

While examining the problem of the equivalence of a literary text, the most accurate perception and presentation of linguo-stylistic techniques acquire special importance, as they contribute to the transmission of the conceptual context, that is, to the preservation of the cognitive- functional value of the original.

In order to achieve a high-quality artistic translation, the translator needs appropriate scientific-linguistic knowledge, creativity, originality and no less important, aesthetic taste. We mainly consider the problem of translation equivalence not only from a practical, but also from a theoretical perspective, for our task has always been and remains not only the possible closest correspondence of the living text, but also the theoretical discussions on it.

When considering the problem of artistic translation in a broad way, it's quite necessary to emphasize and verify the originality of the source text, which is closely related to the worldview of the author of the original text, reflecting the complete picture and perceptions of his environment, as well as his aesthetic taste. Along with this the national image of the translated text, the logic, the emotional level of the characters should be evaluated.

Translation equivalence is the commonality or semantic closeness of the content of the original and the translation, which is nothing but the semantic affinity of the original and the translation.

УДК 372.881.1

ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА В МГУ

Ирина Иванова

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-264-272

Ключевые слова: *фонетика, иностранные языки, словообразовательная структура, грамматика, энклитики, глагольный вид, учебник практического языка, историческая специальность*

Доклад посвящен личному опыту преподавания сербского языка на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ. За почти 50 лет работы преподавателем сербохорватского, впоследствии сербского языка я пришла к некоторым наработкам. Хотелось бы поделиться отдельными приемами, которые я использую в процессе преподавания и которые могут быть полезны при обучении другим иностранным языкам, во всяком случае близкородственным.

В процессе постановки произношения имеет значение как объяснение артикуляционных особенностей, так и акустических характеристик того или иного звука. Чтению специальных фонетических упражнений стоит уделять минимум времени, так как они довольно скучны для слушателей. Имеет смысл сразу переходить к небольшим текстам общебытовой направленности, при этом уделяя исключительное внимание произношению. Очень полезно чтение хором вслед за преподавателем, так как при таком проговаривании иноязычной речи у студентов снимается психологический барьер. Однако преподаватель должен натренировать свой слух, чтобы слышать ошибки каждого из студентов и просить того, кто сделал ошибку, снова повторять за преподавателем сначала звуки, затем слоги с этими звуками, слова с этими слогами, словосочетания с этими словами, предложения с этими словосочетаниями до достижения правильного звучания.

Особенностью литературного сербского языка является наличие в нем четырех видов ударения и так называемых заударных долгот. «Ударный слог характеризуется силой выдоха (экспирации)

и повышением или понижением голосового тона (интонацией)» [3, 15]. Таким образом, в сербском языке представлены краткое восходящее, долгое восходящее, краткое нисходящее и долгое нисходящее ударения. В процессе обучения приходится ограничиваться иллюстративным знакомством с этими типами ударения, так как даже носители сербского языка, родившиеся на территории, на которой не представлены все варианты ударения, впоследствии, при изучении литературного языка, ими не овладевают. Преподаватель сербского языка должен учитывать также, что если слово характеризуется кратким восходящим ударением и долготой на другом слоге, ухо носителя русского языка воспринимает в качестве ударного долгий слог, а не тот, над которым в словаре стоит значок ударения.

В сербском языке встречаются длинные слова, которые студенту трудно произнести, так как ему сложно осознать их состав. В этих случаях полезно остановиться на словообразовательной структуре слова, показать, что по отдельности аналоги корня и приставки или суффикса есть и в русском языке. Рассмотрим это на примере слова **грађевинарство** (строительство). Корень слова **–град-**, в русском есть такое слово, заимствованное из старославянского языка, **градити** – строить, **грађевина** – постройка, **грађевинар** – строитель (сербский суффикс **–ар-** соответствует русскому –арь-, как в слове «аптекарь»), на –ство заканчиваются русские абстрактные существительные («беспокойство», «строительство»). Как только структура слова становится прозрачной, узнаваемой, студенты легко справляются с его произнесением. Также этот прием помогает запомнить новое слово.

В сербском языке есть слова, состоящие только из согласных звуков, так как сонорный [р] может быть слогообразующим: **трк**, **брк**, **врх**. У некоторых студентов при произнесении таких слов появляется призвук [ы]: [тырк], [бырк], [вырх]. В таком случае следует перейти к произнесению двух звуков: [тр], [бр], [вр], привычных для носителей русского языка. Затем после небольшой паузы следует добавить последний согласный звук и, наконец, постараться соединить все вместе [тр+к]= [трк[; [бр+к]= [брк]; [вр+х]=[врх].

При изучении грамматического материала важно показать, что в нем нет абсолютно ничего сложного. Его можно вводить очень дозированно, на начальном этапе убрав большую часть исключений. Тогда практически отпадает необходимость задавать учить грамматику на дом, материал осваивается сразу на занятии после объяснения теории и выполнения упражнений.

Некоторую сложность для усвоения представляет тема, связанная с употреблением в сербском языке энклитических форм. Особенностью энклитик является то, что на них не падает ударение, они произносятся слитно с предшествующим словом и стоят в предложении после первого ударного слова. Так в предложении: **Да ли си му се вратио?** четыре слова после **Да** – это энклитики. Владея русским языком с детства, мы никогда не задумывались, что и в русском языке есть энклитические формы. Так, частица «бы» – это энклитика. Я прошу студентов поставить ее в абсолютном начале предложения, после первого ударного слова, в конце предложения и употребить изолированно. Тогда мы получаем следующие варианты, которые наглядно демонстрируют, что энклитики тяготеют к началу предложения, но их употребление невозможно в абсолютном начале и изолированно, как в кратком ответе на вопрос.

*Бы я пошла на прогулку.

Я бы пошла на прогулку.

Я пошла бы на прогулку.

*Я пошла на прогулку бы.

Ты не мог бы мне помочь? - *Бы.

В сербском языке, как и в других славянских языках, существует категория глагольного вида. Как ни странно, студентам бывает трудно различать глаголы совершенного и несовершенного вида в иностранном языке. Возможно, это влияние предшествующего изучения одного из западных языков, в котором отсутствует такое противопоставление. Пользуясь русским языком, они не задумывались, в чем состоит семантическое различие между членами видовой пары. Тема глагольного вида необъятна, видовым значениям посвящены многие научные работы [1, 2, 4, 7]. Но в учебных целях

кажется необходимым и достаточным объяснить, что глагол совершенного вида обозначает то же самое действие, что и глагол несовершенного вида, но с дополнительным значением результата. Поскольку в совершенном виде заключено значение результата, глаголом совершенного вида невозможно описывать действие, происходящее в настоящее время. То, что происходит сейчас, не может иметь результата. Хотя бы поэтому важно включать в учебный словарик после текста новые глаголы вместе с их видовой парой, независимо от того, встретились они в этом конкретном тексте или нет.

При составлении учебника практического курса представляется важным наличие в уроке одного образцового учебного текста и большого количества упражнений, тренирующих лексические и грамматические элементы этого текста. Его части должны повторяться в упражнениях настолько часто, чтобы студенты, сделав все упражнения, возможно неоднократно, автоматически его запомнили. Когда речь идет о начальном курсе, автору важно составлять для себя списки тех слов, которые уже были пройдены, и только из них создавать упражнения. Правда, из этого правила могут и должны быть исключения. Так, поскольку речь идет о близкородственных языках, у студентов должна срабатывать языковая догадка. Поэтому, составляя упражнения с вопросами к прочитанному тексту в своем учебнике, я без объяснений начинаю их с вопросительных слов **ко** (кто), **када** (когда), **шта** (что), **зашто** (почему), **у које време** (в какое время) и т.д. [6]. Разрабатывая вопросы по тексту, автору следует продумать ответы с помощью тех средств, какие доступны студенту на этой стадии обучения.

Слушатели обязательно должны выполнять коммуникативные задания, которые могут быть и устными, и письменными. Для этого, составляя вопросы, связанные с учебным текстом, можно перемежать их с теми, в ответах на которые студенты рассказывают о себе. Например, в одном из первых уроков, когда мы проходим тему «Знакомство», студенты отвечают на вопросы по тексту: **Како се зове Миланов гост?** (Как зовут гостя Милана?), **Како се зове**

Аљошин тата? (Как зовут Алешиного папу?), **Како се зовете ви?** (Как вас зовут?) **Како се зове ваш тата?** (Как зовут вашего папу?) **Како се зову ваши брат и сестра?** (Как зовут ваших брата и сестру?). Здесь мы попутно изучаем, как сказать: «Мою сестру зовут Таня, а брата у меня нет» или: «У меня нет ни брата, ни сестры». Студенты сразу берут эти конструкции на вооружение. Когда каждый из них повторит, как зовут его родных, они уже смогут свободно общаться на эту тему.

Коммуникативными могут быть и задания разгадать какую-то загадку, скрытую в сербском тексте. Так, в рассказе о молодом человеке по имени Желько разбросаны данные о его отце, работающем торговым агентом, и матери, официантке. В упражнении среди прочих есть вопрос, почему все удивляются, что Желько отличник. Те, кто догадался, что его родители не получили высшего образования, а их сын любит заниматься и читать, и смог сформулировать ответ на сербском языке, получают свою дозу эндорфинов и готовы отвечать на следующие вопросы.

Самыми полезными упражнениями мне представляется перевод с русского на иностранный язык. Для достижения автоматизма можно прибегать к видоизменению исходного предложения. Например:

Милан показывает Алеше город.

Он показал Алеше монастырь.

Бабушка думала, что Милан не хочет показать Алеше город.

На продвинутом этапе обучения одной из задач преподавателей нашей кафедры, работающих со студентами исторического факультета, является подготовка их к самостоятельному переводу оригинальных текстов по исторической специальности с иностранного славянского языка на русский. Для подготовки к этому виду работы мной создано учебное пособие, состоящее из двенадцати тематических разделов, охватывающих период от заселения славянами Балканского полуострова до Второй мировой войны [5]. Каждый раздел включает оригинальный текст, взятый из исторических монографий, источников или сборников статей югославских

авторов. На этом, продвинутом этапе обучения, как и прежде, представляется важным многократное повторение в упражнениях лексических и синтаксических элементов, имеющихся в учебном тексте.

Одно из упражнений в каждом разделе представляет собой оригинальный научный текст по исторической специальности объемом около двух тысяч знаков для самостоятельного перевода. В процессе работы над этими текстами студенты привыкают пользоваться двуязычным словарем: выбирать нужное значение многозначного слова, обращать внимание на устойчивые словосочетания, приведенные в конце словарной статьи. Им приходится разбираться в структуре синтаксически сложных, запутанных, включающих многочисленные вставки и инверсии сербских предложений. Для сербского языкового сознания текст, написанный короткими, простыми предложениями,– стилистически слабое произведение, созданное неумелым автором. Сербская пунктуация в корне отлична от русской пунктуационной системы. В частности, границы простых предложений в составе сложного не обозначены знаками препинания, вводные слова могут не выделяться запятыми. Необходимо приучить студентов в случае, если они затрудняются понять смысл написанного на сербском языке, прибегать к синтаксическому разбору предложения по составу, прежде всего находить главные члены и определять границы простых предложений в составе сложного.

После первого и второго года обучения у наших студентов появляется возможность поехать в Сербию на Семинар сербского языка, истории и культуры, где они проходят тестирование для включения в учебные группы в зависимости от уровня владения языком. Возвращаясь, студенты с гордостью сообщают, что показали уровень знания сербского языка Б1, Б2 и что преподаватели отметили их хорошее произношение.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-264-272

ЛИТЕРАТУРА

1. Биазио М. Заметки о видовременных свойствах глаголов купли-продажи в русском и сербохорватском языках // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 5. С. 46-59.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение. 1971.
3. Гудков В. П. Сербохорватский язык. М.: Издательство Московского университета. 1969.
4. Гудков В. П. Презенс глаголов совершенного вида в значении будущего времени в сербохорватском (сербском и хорватском) языке // Славистички студии. 2006. № 12 (На проф. Р. П. Усикова по повод нејзината 70-годишнина). С. 61-63.
5. Иванова И. Е. Пособие по сербохорватскому языку. М.: Издательство Московского университета. 1995.
6. Иванова И. Е. Сербский язык для начинающих. Москва: Издательство Айрис пресс. 2003.
7. Зализняк А. А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры. 2000.

ՍԵՐԲԵՐԵՆԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՓՈՐՁԸ ՄՊՀ-ՈՒՄ

Իրինա Իվանովա

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *հնչյունաբանություն, օտար լեզուներ, բառակազմական կառուցվածք, քերականություն, էնկլիտիկա, բայական կողմ, գործնական լեզվի դասագիրք, պատմական մասնագիտություն*

Աշխատանքը նվիրված է ՄՊՀ-ի մի շարք ֆակուլտետներում սերբերենի դասավանդման անձնական փորձին: Հեղինակը կիսվում է դասավանդման գործընթացում կիրառվող հատուկ տեխնիկաներով:

Հեղինակը կարծում է, որ հատուկ հնչյունական վարժություններին պետք է տրամադրել նվազագույն ժամանակ, քանի որ դրանք բավականին ձանձրալի են ունկնդիրների համար: Ավելի նպատակահարմար կլինի ուղղակիորեն անցնել ընդհանուր թեմաներով փոքր տեքստերին՝ միաժամանակ առանձնակի ուշադրություն դարձնելով արտասանությանը:

Գործնական դասընթացի համար դասագիրք նախագծելիս խորհուրդ է տրվում դասի ընթացքում ներառել մեկ օրինակելի ուսումնական տեքստ և մեծ թվով վարժություններ այս տեքստի բառապաշարային և քերականական տարրերի կիրառման համար, որպեսզի ուսանողները, գուցե բազմիցս կատարելով բոլոր վարժությունները, ինքնաբերաբար անգիր այն:

Ձեկույցն արտացոլում է այլ կետեր, որոնք կարևոր են թվում օտար լեզվի ուսուցման գործընթացում:

EXPERIENCE OF TEACHING SERBIAN AT MSU

Irina Ivanova

Summary

Key words: *phonetics, foreign languages, word-formation structure, grammar, enclitics, verb aspect, practical language textbook, historical specialty*

The paper is devoted to the personal experience of teaching Serbian language at a number of faculties of MSU. The author shares specific techniques utilized in the teaching process.

Thus, the author believes that special phonetic exercises should be given a minimum of time, as they are rather boring for the listeners. It would be more appropriate to go straight to small texts on general subjects, while paying exclusive attention to pronunciation.

When designing a textbook for a practical course, it is advisable to include in the lesson one exemplary training text and a large number of exercises for the practice of lexical and grammatical elements of this text, so that students, having done all the exercises, perhaps repeatedly, automatically memorize it.

The report reflects other points that seem important in the process of learning a foreign language.

УДК 811.111-26

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Юлия Ишанова

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-273-281

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культурный шок, менталитет народов, фразеологические единицы, зоонимы, устойчивые словосочетания, лингвокультурология, языковая картина мира*

В наш информационный век знание иностранного языка и менталитета той или иной нации является неотъемлемой частью в общении с иностранными партнерами и, следовательно, построении карьеры. «Никогда не знаешь...» (“You never know…”) – фраза, которой компания «Точка опоры» охарактеризовала бизнес в России и русский народ в целом в своем известном видеоролике *You Never Know Russia*, все чаще можно услышать при работе с иностранными партнерами. Это значит, что сотрудник какой-либо компании не знает, чего ожидать от иностранных «гостей», а при дальнейшем общении испытывает так называемый культурный шок. Межкультурная коммуникация помогает объяснить особенности народа и подготовить к ситуации «Никогда не знаешь…».

Межкультурная коммуникация – важный предмет, который необходимо изучать в высших учебных заведениях наряду с другими профильными дисциплинами. Фразеология как часть межкультурной коммуникации является одним из уникальных способов изучения иностранного языка и культуры других стран.

Существует множество подходов к изучению менталитета: исторический, психологический, философский, культурно-антропологический, лингвистический. Это доказывает, что все больше повышается интерес к вопросу о человеке той или иной национальности, интерес взглянуть на человека целостно в связи с особенностями культуры его страны. Важно знать черты того или иного народа для его понимания, для адаптации в его стране, чтобы избежать недоразумений при общении.

Язык как средство общения является очень важным источником сведений особенностей менталитета. Фразеологизмы – это единицы языка, которые очень ярко передают национально-специфические особенности. Благодаря фразеологизмам можно составить портрет того или иного народа, понять его менталитет и миропонимание. Связь фразеологии с менталитетом того или иного народа в основном изучалось с точки зрения национально-культурного аспекта, где национальное – это этнонимы языка, то есть реалии того или иного народа, а культурное – это языковые образы в их соотнесении с характерными для данного этноса ситуациями или историческими событиями. По мнению Н. Б. Мечковской, менталитет составляют индивидуальные и этнические черты, которые объединяют народ с другим народом, или группы народов. Одним из таких факторов, которые определяют менталитет, является язык. При этом, считает Мечковская, язык влияет на формирование как индивидуально-неповторимых, так и некоторых общих с другими народами, групповых черт [5, 27]. Фразеологизмы как вид лингвистических единиц, которые выражают характерные для народов черты. Фразеологию как лингвистическую дисциплину впервые начали изучать русские лингвисты: Е. Д. Поливанов, Б. А. Ларин, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, А. В. и тд.

А. В. Кунин следующим образом определил, что такое «фразеология». **Фразеология** – это наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), то есть об устойчивых словосочетаниях с осложненной семантикой [2, 6]. Фразеология – раздел лингвистики, изучающий устойчивые словосочетания. Фразеологические единицы (ФЕ) – это ценный источник оценки реальности, выраженной через эмоции человека. Наиболее эффективными в изучении менталитета могут быть отмечены фразеологизмы-зоонимы. Зоонимная фразеология, как один из разделов фразеологии, объединяет фразеологизмы, в состав которых входят зоонимы, то есть слова и сочетания, образованные от названий животных [1, 7]. Термин «зоонимы» был введен Н. В. Располыхиной, и означает лексическую единицу, являющуюся прямыми наименованиями животных [6]. Зоонимы

являются яркими ФЕ, поскольку содержат характеристику животных, что и отражает поведение людей. Одним из главных источников интерпретации фразеологизмов, как выделяет Телия, является характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов [7, 239]. Во фразеологизмах – зоонимах образ-эталон запечатлен в устойчивых сравнениях, например, *глуп, как баран*. Некоторые исследователи утверждают, что такого типа языковые выражения служат средством познания и оценивания действительности с помощью образов. При этом зоонимы отражают различия в национальных культурных представлениях, ментальных особенностей, присущих определенному языковому обществу. Например, эталоном здоровья в английской ментальности является лошадь: *as strong as a horse*, а русский – бык: *здоров, как бык*. Главная функция зоонимов - эмотивная. При уподоблении человека животному выделяется положительный или отрицательный эффект. В зависимости от эффекта выделяется оценка носителя языка к человеку, а вместе с этим и животному. Следовательно, функцией зоонимов также является оценочная функция. Ведущим способом изучения английского менталитета в предлагаемой дисциплине «Межкультурная коммуникация» – сравнение с русским менталитетом. Предполагается, что учащиеся сравнивают ФЕ русского и английского при помощи перевода и нахождения аналогов. Нет необходимости изучать ФЕ с компонентами всех животных, достаточно выбрать три наименования: *собака, лошадь* и *кошка.* Они являются наиболее репрезентативными, так как данных животных любят и чтят как в России, так и в Англии.

Методы изучения фразеологизмов.

Это займет много времени, если студенты будут выбирать ФЕ в различных текстах. Наиболее эффективный метод – метод сплошной выборки из фразеологических и тематических словарей. Учащийся находит в английском фразеологическом словаре раздел с названием *Horse* («Лошадь»), *Dog* («Собака») или *Cat* («Кошка / Кот»), выбирает устойчивое выражение с выбранным наименова-

нием, переводит или находит аналог в русском языке, затем составляет с ними предложения.

Изучив фразеологизмы-зоонимы в английском и русском языках, можно выделить следующие черты двух наций:

▪ Индивидуализм, чувство личной независимости и свободы

If two men ride on a horse, one must sit behind. – Если двое едут на лошади, один должен быть впереди

▪ Трудолюбие

Work like a horse *– работать как вол*

▪ Ответственность

A cat in gloves catches no mice – без труда не вынешь рыбку из пруда

▪ Любовь к животным

Love me, love my dog *- Любишь меня, люби и мою собаку*

Безусловно, фраза «Никогда не знаешь…» будет возникать в устах людей в работе с зарубежными компаниями очень часто, так как люди все разные, а культурные ценности меняются с течением времени, но, изучая характерные черты любого народа, можно избежать конфликтов, как на работе, так и на отдыхе в чужой стране.

Дисциплина «Межкультурная коммуникация» и предложенная выше ее отрасль может быть включена в программу профессионального образования. Основой для теоретической части может послужить литература, описывающая менталитет русского и английского народов. Про жизнь англичан, их привычки, традиции и капризы можно узнать из опыта Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами» (Kate Fox *Watching the English*). Глубже русский народ можно познать в труде В.Н. Трофимова «Менталитет русской нации».

Практическая часть предполагает введение фразеологизмов в живую речь. С составленными предложениями учащиеся могут показать мини-сцены, например, неофициальная встреча представителей двух разных культур или переговоры.

Данный раздел межкультурной коммуникации может быть интересным и полезным также для лингвистов и переводчиков, так

как исследование ФЕ включает различные методы перевода. Дисциплина в целом включает гипотетико-дедуктивный метод: в качестве объекта исследования выбраны фразеологические единицы, их классификация и способы перевода. Методом сплошной выборки ФЕ отбираются в словарях с наименованиями животных. Затем учащийся классифицирует отобранные ФЕ, по компонентному признаку: *лошадь*, *собака*, *кошка.* Методом компонентного анализа выделаются основные лингвокультурные характеристики исследуемых зоонимов. Так, лошадь олицетворяет силу, мощь, трудолюбие, кошка – хитрость, ловкость, непредсказуемость, собака – верность. Для более глубокого лингвистического анализа применяется статистический метод, при помощи которого подсчитывается количество ФЕ с каждым компонентом и выявляется наиболее употребляемый способ перевода.

Многие последователи В.В. Виноградова считают, что пословицы и поговорки должны изучаться наряду с фразеологическими единицами. На это есть ряд причин, которые выделяет И. В. Арнольд:

Proverbs have much in common with set expressions, because their lexical components are also constant, their meaning is traditional and mostly figurative, and they are introduced into speech ready-made [4, 179].

As to the argument that in many proverbs the meaning of component parts does not show any specific changes when compared to the meaning of the same words in free combinations, it must be pointed out that in this respect they do not differ from very many set expressions, especially those which are emotionally neutrall.

Another reason why proverbs must be taken into consideration together with set expressions is that they often form the basis of set expressions [4, 179].

Например, *the last straw breaks the camel's back:* последняя капля переполняет чашу; *it is useless to lock the stable door when the steed is stole: бесполезно после драки кулаками махать*.

Both set expressions and proverbs are sometimes split and changed

for humorous purposes, as in the following quotation where the proverb *All is not gold that glitters* combine with an allusion to the set expression *golden age,* e. g. *It will be an age not perhaps of gold, but at least of glitter: это будет век если не золота, то по крайней мере блеска (это будет если не золотой век, то по крайней мере блестящий) [4, 179].*

А. В. Федоров также относит пословицы и поговорки к устойчивым метафоричным сочетаниям и считает, что они составляют законченное высказывание и имеют форму самостоятельных предложений, то есть образуют самостоятельную единицу контекста [8, 199].

Предложенный курс межкультурной коммуникации и методы изучения менталитета помогает усовершенствовать знания английского языка. Фразеология расширяет лексический запас и кругозор.

Следующие словари могут быть рекомендованы учащимся для изучения зоонимов:

- Cambridge International Dictionary of Idioms (1998)
- The Oxford Dictionary of Idioms (1999)
- Русско-английский фразеологический словарь переводчика (под ред. Кузьмин С. С.)
- Англо-русский фразеологический словарь, Книга I, II (А. В. Кунин, 1967)
- Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 2001

В качестве дополнительной литературы по изучению английского и русского менталитета могут послужить такие источники, как:

- Antony Miall and David Milsted, *The Xenophobe's Guide to the English*.
- Mike Storry and Peter Childs *British cultural identities*
- А. В. Сергеева «Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность».

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-273-281

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров А. С. The Concentrated Wisdom of the Race. Пословицы английского языка и их русские аналоги: учеб. пособие / А. С. Комаров. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 112 с.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. Около 5000 фразеологизмов / А. В. Кунин. – М.: Рус. яз., 1998. – 512 с.
3. Cambridge International Dictionary of Idioms, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University, 1998. – 587 p.

Исследования:

4. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий: [Учеб. пособие] / Н. Б. Мечковская. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
6. Располыхина Н. В. Проблема взаимосвязи разнооформленных знаков прямой и косвенной номинации: Автореф. дис. … канд. филол. наук/10.02.04, – М., 1984. – 28 с.
7. Телия В. Н. Фразеология в контексте культуры / ред. В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 366с.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. (Лингвистический очерк): Учеб. Пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 3е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1968. – 396 с.
9. Cornell S., Douglas H. Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World, 2nd edition. Pine Force Press, 2007. XXI, 311 p.
10. Munday J. The Position and Positionality of the Literary Translator. R. W. Fasold, J. Connor-Linton, an Introduction to Language and Linguistics. Cambridge, 2006, pp. 149-152.

ԴԱՐՁՎԱԾԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ԱՆԳԼԻԱԿԱՆ ՄԵՆԹԱԼԻՏԵՏԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ԱՂԲՅՈՒՐ

Յուլիա Իշանովա

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *միջմշակութային հաղորդակցություն, մշակութային ցնցում, ժողովուրդների մտածելակերպ, դարձվածքաբանական միավորներ, զոոնիմներ, համույթ արտահայտություններ, լեզվամշակութաբանություն, աշխարհի լեզվական պատկեր*

Հոդվածում ներկայացվում է միջմշակութային հաղորդակցության՝ որպես կարևորագույն առարկաներից մեկի ուսումնասիրության մեթոդ՝ դարձվածքաբանական միավոր-զոոնիմների միջոցով: Տրվում է միջմշակութային հաղորդակցության և դարձվածաբանության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի ճշգրիտ սահմանումը: Ցույց է տրվում, որ կենդանիների թեմայով կայուն արտահայտությունների օգտագործումը հստակ արտահայտում է որոշակի ազգության մարդկանց, այս դեպքում՝ բրիտանացիների բնավորությունը, նրանց մտածելակերպը, նրանց արժեքներն ու նախասիրությունները: Կոնկրետ օրինակների և դրանց թարգմանության միջոցով բացահայտվում է մայրենի լեզվի էությունը: Առաջարկվում է դարձվածքաբանական միավորների ուսումնասիրության տեսական և գործնական մոտեցում: Ներկայացված են դարձվածքաբանական միավորների ուսումնասիրության մեթոդները և սովորողների կողմից բառարանում դրանք ընտրելու եղանակները՝ ավելի հեշտ վերլուծության և համեմատության համար:

PHRASEOLOGY AS A SOURCE FOR STUDYING THE ENGLISH MENTALITY

Yulia Ishanova

Summary

Key words: *intercultural communication, culture shock, people's mentality, phraseological units, zoonyms, collocations, cultural linguistics, linguistic world-image*

The article presents a method for studying intercultural communication as a one of the most important disciplines through phraseological units (PU) – zoonyms. In the article the precise definition of intercultural communication and phraseology as the linguistic study is given. It is shown that the using of collocations zoonyms brightly expresses people's mind, in this case English mind, their ways of thinking, values and preferences. The essence of native speakers is revealed with the help of examples and their translation. Theoretical and practical approaches of PU studying is offered. The article also shows the methods of PU studying and the ways of choosing PUs in dictionaries for easy analysis and comparison.

УДК 811.353.1

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Мариам Коберидзе

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-282-290

***Ключевые слова**: иностранный язык, грузинский язык, аудирование, говорение, фонетика, грамматика*

В докладе рассмотрены актуальные проблемы и трудности изучения речевых функций (слушать, говорить) грузинского языка в рамках программы подготовки по грузинскому языку, внимание заострено на опыт преодоления проблем и будущие перспективы.

Исходя из многоэтничности, в Грузии всегда была необходимость коммуникации более чем на одном языке. Таково положение и сегодня: Изучение языка весьма длительный процесс и требует большого времени. При изучении неродного языка должны обратить внимание на развитие базовых и академических языковых навыков. Базовые языковые компетенции формируются в разговорной практике по-грузински. Это навыки, которые применяем в бытовых ситуациях и повседневных отношениях. Дети это усваивают играя во дворе, передвигаясь транспортом, во взаимоотношениях с учениками в школе. Это навыки в контексте социальных взаимоотношений, к ним добавляются жесты, мимика (2, 42).

Анализ допущенных в устной речи ошибок есть средство выявления языковых проблем и трудностей по компетенциям языка при изучении речевых функций грузинского языка, как неродного языка. В этой связи считаем значительным: уделить внимание развитию базовых и академических навыков, специально разработать фонематическую структуру грузинского языка в отношении родного языка изучающего язык, обмен опытом профессоров-преподавателей с целью преодоления в речи проблем произношения, грамматических и лексических проблем, отношением с грузинской языковой средой (в период обучения в школе и высшем учебном заведении), ознакомлением, оценкой и уважением грузинских

культурно-языковых ценностей усиление мотивации изучения государственного языка.

Академические языковые компетенции подразумевают слушать, говорить, читать и писать. Это навыки, которые помогут студенту мыслить на этом языке, в усвоении различных учебных курсов в бакалавриате. Развитие академических языковых навыков невозможно без развития базовых языковых компетенций. Для урегулирования этой проблемы важно начать работу с изучения простой лексики, составления простых предложений, использования обязательных для коммуникации разговорников.

При изучении языка значение имеет численность группы. Индивидуальная работа с одним студентом не дает возможности диалогов, групповой работы. В таких случаях участие в университетских мероприятиях вне аудитории, отношения с грузиноязычными студентами, созданные в университете среда и соотвествующие условия должны способствовать социальной адаптации и практике грузинской речи.

В общении с негрузиноязычными студентами, вообще не владеющими грузинским языком и не располагающими обязательным лексическим запасом для простой коммуникации, желательно, чтобы преподаватель имел минимальные знания по тому или иному языку.

Культура является признаком цельности граждан и основой общности. Думаем, наряду с изучением разговорного грузинского языка внимание следует обратить и на углубленное знание литературного языка, чтобы студенты в будущем смогли прочесть литературу в оригинале. Для достижения этого результата хорошим средством является адаптированная литература. Художественная литература обязательное условие и средство в овладении языком. Осмысленное прочтение художественной литературы, правильное понимание содержания текста, правильное восприятие его языкового, эстетического и эмоционального богатства значительное влияние оказывает на совершенствование мышления и литературного вкуса студента. При анализе прочтенного текста устный опрос и задавание (постановка) вопросов в процессе изучения языка

студентом будет способствовать обогащению лексического запаса и определению характерных для грузинского языка языково-стилистических норм. Работа над адаптированным текстом должна обусловить изучение грамматических, лексических, стилистических категорий и развитие связанных с прочтенным текстом многих разговорных и письменных навыков. Лектор может заострить внимание на авторе текста, заглавии произведения, или на одной из значительных тем произведения, что действительно усилит интерес студентов к прочитаемому материалу. Переданная в них тематика хорошее средство для вовлечения в дискуссию изучающих язык. Художественная литература дает студенту возможность понять не только ее содержание, но и осмыслить культурно-литературное значение конкретного текста. Ознакомление с грузинскими языково-культурными ценностями, их оценка и уважение усиливает у студентов мотивацию изучения грузинского языка.

Анализ допущенных в устной словесности ошибок способствует выявлению языковых проблем и трудностей. В процессе изучения языка ошибки неизбежны. Они сопутствуют усвоению языка. Развитие разговорного навыка на изучаемом языке вызывает ошибки, которые обусловлены различными факторами. Здесь мы имеем дело с несколькими проблемами. Трудно полное освоение и реализация фонематической структуры изучаемого языка, переключить артикуляционный аппарат на данные нового языка. Нелегко решать проблемы произношения. Исправить их в короткий срок невозможно. Некоторые индивиды в результате природного слуха и других навыков параллельно с овладением языком совершенствуют артикуляционный аппарат, разговаривают без акцента. Думаем, необходимо разработать фонетическую структуру изучаемого языка в отношении родного языка изучающего, выделить различные звуки. Желательно, с употреблением этих звуков создать предложения и простые тексты небольшого размера (4б 192).

Главная характеризующая звука ее словоразличительная функция. Чередованием звука можно получить слово совсем другого значения. При изучении особую трудность представляет произ-

ношение глухих (პ(p), ტ(t), წ(ts), ჭ(tch), კ(k), ყ (k), ფ(p), თ(t), ს(s), ქ(q), შ(sh), ც(c), ჩ(ch), ჰ(h)) согласных и изменение значения слова при их неправильном употреблении. Следует обратить внимание на подобные проблемы в языке, выделить такие звуки, неправильное употребление которых вызовет изменение значения слова и по ним создать специальные упражнения. Например: **პ-ფ**: papa (дед) – papa (каша), puri (хлеб) – puri (корова); **თ-ტ**: tari (муз. инструмент)-tari (рукоятка), taro (полка) – taro (початок кукурузы); **ქ-კ**: qudi (шапка) – kudi (хвост), qari (ветер) – kari (дверь); **ც-წ**: tsuravs (плавает) – (წ)tsuravs (фильрует, процеживает); **ჩ-ჭ**: chiri (сухофрукт) – chiri (мор, беда), chala (солома) – chala (роща); **გ-ღ**: gvari (фамилия) – (ღ) ghvari (поток), gonieri (разумный) – ღ – ghonieri (сильный).

Для грузинского специфичен согласный **ყ** и его правильное произношение может остаться долгой и возможно даже непреодолимой проблемой для изучающего грузинский язык. Таким образом, обязательно нужно обратить внимание на эту проблему. В разговоре наблюдается неправильное употребление звуков **ღ** и **ბ** вместо **ყ**. Например: kru(глухой) – ghru(полость), ghrma (глубокий) – kma (крепостной), keli(горло) – kheli(рука).

Трудность представляет произношение звука **ვ(в)** перед звуками **უ(у), ო(о)**. Например: vambob (говорю) – ambob (говоришь), vutkhari (сказал) – utkhari (скажи).

При обучении слушанию-разговору проблему представляет правильное произношение звука **ლ(л)**. Как избежать неправильной артикуляции звука **ლ(л)?**. Для этого обязательно нужно фиксировать кончик языка у передних зубов (2, 3). С этой целью делаем следующее упражнение: кончик языка располагаем между зубами и так произносим звук **ლ(л).** Главное «уловить» в произношении различие мягкого и твердого **ლ(л)** и суметь соответственно переместить язык. Возможно применение специальных упражнений-скороговорок (1, 72).

Для грузинской речи не является характерным и естественным сосредоточение гласных. Именно поэтому то, что в литературной речи сохранено историческими традициями и грамматическими

нормами, в различных диалектах подвергается таким изменениям, которые в итоге ставят целью доведение нескольких гласных до одного. Такая тенденция живой речи проявляет себя и при изучении грузинского языка, как неродного языка. Именно поэтому для негрузиноязычных остается постоянной проблемой правильное написание и правильное произношение таких форм, какими являются: gaaakhalgazrdava (омолодил), gaaertiana (объединил), gaakhlebs (обновит), gaakhvevs (завернет), gaadvilebs (облегчит), gaaiapebs (удешевит), dauakhlovebs (приблизит), gaupartovebs (расширит).

Грузинское произношение весьма хорошо переносит комплексы гласных, но они остаются проблемой для изучающих грузинский язык. При сосредоточении определенных согласных в их речи отмечаются определенные фонетические процессы – приглушение, слияние. Например, характерны изменения: mtkiva – ktkiva (болит), gparavs – kparavs (ворует), sjera – zjera (верит), gverdze-gverdze (на странице), burts-burc (мяча), sportsmeni-sportcmeni (спортсмен). Подобные изменения в произношении часто проявляют себя и в письменной речи, поэтому целесообразно обратить внимание на них в разговоре об артикуляционных проблемах. Тренируясь в произношении комплексов согласных, можно упражняться на особенно сложных звуковых группах и применять традиционные скороговорки: ბდგა-bdga, ბდგე -bdge, პტკა-ptka, პტკე-ptke, ფთქა-ptqa, ფთქე-ptqe, ბძგა -bdzga, ბძგე-bdzge, затем поменяли варианты: გდბა-gdba, ბგძა-bgdza, კტპა-ktpa…

Исправление грамматических ошибок весьма длительный процесс и требует особой работы как от преподавателя, так и от изучающего язык. Лектор должен записывать все те ошибки, которые допускают студенты. При анализе ошибок в устной и письменной речи значение придается тому, чем вызваны эти типы ошибок. Ошибки наблюдаются при употреблении форм лица глагола, времени, составлении конструкций сложных предложений. Синтаксическая проблематика (соотношение и согласованность членов в предложении, чередование простых и сложных предложений, отображение числа придаточных объектов в предикативах –

глаголе-сказуемом) тесно связана с вопросами изучения речевых функций. Поэтому изучение речевых функций (слушать-говорить) грузинского языка, как неродного языка требует выдвижения на передний план и морфологических и синтаксических проблем.

1. Часты случаи употребления послелогов (в грузинском) – ზე и ში (соответствуют в русском предлогам **на** и **в**) друг вместо друга. Например: на дороге стадиона – в дороге стадиона, на лестнице автобуса – в лестнице автобуса.

2. Для изучающего грузинский язык представляет проблему неправильное чередование приставок одного и того же направления. Например: amovida(поднялся) – gamovida(вышел), gavida (вышел) – chavida (спустился) (3, 192).

3. Как известно, в речи формы склонения субъекта и спряжения глагола сочетаются. Такие же отношения имеем и в числе: если субъект-подлежащее во множественном числе, то сочетающееся с ним глагол-сказуемое тоже должно быть во множественнном числе. Для негрузиноязычного трудность составляет согласие в числе и склонении. Например: mastsavleblebi movida (преподаватели пришли), megobrebi tsavida (друзья ушли).

3. Непреодолимой проблемой явлется составление сложных предложений.

Такие грамматические проблемы лучше проработать отдельно, чтобы студент хорошо осмыслил какую языковую форму (склонение, число, предлог, время глагола, какая форма контакта) должен использовать в конкретной ситуации. В таких ситуациях должны заострить внимание не на грамматических вопросах, а на языковых формах, как на средствах выражения мысли.

Отдельной разработки требуют проблемы употребления сложных слов. Поэтому при работе над этими проблемами акцент должны перенести на состав и частое употребление лексики.

При обучении негрузиноязычных студентов по программе подготовки по грузинскому языку к концу года у них уже есть навыки слушания и разговора, владеют определенным лексическим запасом, могут слушать как отрывки аудио-видео материала, так

иговорить и читать. В то же время вместе со специальными упражнениями используем литературу на грузинском языке (короткие тексты), отношение с носителем языка (соседями и грузиноязычными студентами), слушание радио и магнитофона, компьютерные программы, веб-страницу и электронную почту.

Таким образом, анализ допущенных в устной речи ошибок есть средство выявления языковых проблем и трудностей по компетенциям языка при изучении речевых функций грузинского языка, как неродного языка. В этой связи считаем значительным: уделить внимание развитию базовых и академических навыков, специально разработать фонематическую структуру грузинского языка в отношении родного языка изучающего язык, обмен опытом профессоров-преподавателей с целью преодоления в речи проблем произношения, грамматических и лексических проблем, отношением с грузинской языковой средой (в период обучения в школе и высшем учебном заведении), ознакомлением, оценкой и уважением грузинских культурно-языковых ценностей усиление мотивации изучения государственного языка.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-282-290

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабули А. А. Культура грузинской речи, Тбилиси, 2004.
2. Гоголадзе Т. Г. Коберидзе М. Ж. Проблемы обучения функциям грузинской речи (аудирование, говорение) как неродному языку: актуальные проблемы грузиноведения, № 3, Тбилиси, 2016.
3. Коберидзе М. Ж. Перспективы изучения грузинской лексики при билингвизме. II Международная конференция и X Международный научно-практический семинар «Многоязычие и межкультурная коммуникация: Вызовы XXI века» (Тула, 16-23 июля 2016): Специальный выпуск журнала «Эксперимент и инновации в школе» 2016. № 3/1.
4. Ломтатидзе К. Б. Из-за нарушения фонологической модели грузинского языка в прозношении: вопросы культуры грузинской речи, Тбилиси, 1993.

ՎՐԱՑԵՐԵՆԻ՝ ՈՐՊԵՍ ՕՏԱՐ ԼԵԶՎԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ

Մարիամ Քոբերիձե

Ամփոփում

Հանգույցային բառեր. *օտար լեզու, վրացերեն, լսել, խոսել, հնչյունաբանություն, քերականություն*

Ներկայացված հոդվածում քննարկվում են վրացերենի ուսուցման ծրագրի շրջանակներում վրացերենի խոսքային ֆունկցիաների (լսում, խոսում) ուսուցման արդի խնդիրներն ու դժվարությունները, հիմնական շեշտը դրվում է խնդիրների հաղթահարման փորձի և ապագա հեռանկարների վրա: Այս ուղղությամբ կարևորվում է վրացերենի հնչյունական կազմի հատուկ մշակումը լեզու սովորողի մայրենի լեզվի նկատմամբ: Ելնելով բազմաէթնիկությունից՝ Վրաստանում միշտ եղել է մեկից ավելի լեզուներով հաղորդակցվելու անհրաժեշտություն: Այդպիսին է իրավիճակը նաև այսօր. լեզու սովորելը շատ երկար գործընթաց է և մեծ ժամանակ է պահանջում: Ոչ մայրենի լեզու ուսումնասիրելիս պետք է ուշադրություն դարձնել հիմնական և ակադեմիական լեզվական հմտությունների զարգացմանը: Հիմնական լեզվական իրավասությունները ձևավորվում են վրացերենով խոսակցական պրակտիկայում: Սրանք հմտություններ են, որոնք մենք կիրառում ենք կենցաղային իրավիճակներում և առօրյա հարաբերություններում:

TEACHING PERSPECTIVES OF SPEECH FUNCTIONS (LISTENING, SPEAKING) OF GEORGIAN AS THE SECOND LANGUAGE

Mariam Koberidze

Summary

Key words: *foreign language, Georgian language, listening, speaking, phonetics, grammar*

In the presented article actual problems and difficulties of teaching speech functions (listening, speaking) of Georgian language are discussed within the training program in Georgian language. The main focus lies on the experience of overcoming the problems and future perspectives. In this direction, we consider it important to specially process the phonemic structure of the Georgian language in relation to the native language of the language learner.

Based on multi-ethnicity, there has always been a need for communication in more than one language in Georgia. This is the situation today. Learning a language is a very long process and requires a lot of time, so when learning a foreign language, attention should be paid to the development of basic and academic language skills. Basic language competencies are formed in conversational practice in Georgian. These are skills that we use in everyday situations and relationships.

УДК 81'322.4

ELECTRONIC TRANSLATION RESOURCES IN GEORGIAN-ARMENIAN DISCOURSE

Tinatin Mshvidobadze

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-291-297

Introduction

There are probably very few peoples on this planet who can claim to be as ancient neighbors as the Armenians and the Georgians. These two identities are so old, in fact, that not only do they have separate, unique names for their own selves – "Armenia" is "*Hayastan*" in Armenian, "Georgia" is "*Sakartvelo*" in Georgian – but they also have special names for each other: the Armenians call Georgia "*Vrastan*" and the Georgians call Armenia "*Somkheti*".

It is difficult to pin-point a specific origin of the Armenian presence in Georgia. Mentions of connections date from chronicles quite far back. One of the very first written works in the Georgian language, in fact, dating from the 5th century, is about the martyrdom of Shushanik, an Armenian princess married to a Georgian nobleman who refused to give up her Christian faith to ingratiate a Persian overlord [1].

We will discuss the works of Armenian writers in Georgia in the socio-cultural context. These are Hovhannes Tumanian, Givi Shahnazar, Anahit Bostanjian and others.

Givi Shahnazar. He published his first translations while still being a student. He has translated the works of such classics of Armenian literature as: Grigor Narekatsi, Nahapet Kuchak, Sayat-Nova, Avetik Isahakian, Vahan Terian, Paruir Sevak and others.

The first publications of **Artem Grigorents (Kirakozov)** appeared in the Russian-language magazine "Литературная Армения" (Literary Armenia) in the early 90s, then translations were printed in the yearbook "Vernatun" and the almanac "Kamurj".

Armenian writer from Tbilisi, translator **Anahit Bostanjiani** - holder of the title of "Ambassador of Georgian Culture" who had a great role in the rapprochement of Georgian and Armenian literatures. She is the

author of more than 30 books. Anahit Bostanjiani is the editor of the Armenian-language section of the Tbilisi publishing house "Meran", a member of the Union of Writers of Georgia and Armenia. She translated Tamaz Chiladze, Vazha-Pshavela, Grigol Robakidze, Revaz Mishveladze, Archil Sulakauri, Grigol Abashidze, Irakli Samsonadze and others from Georgian into Armenian. and from Armenian to Georgian (Okro Okroiani, Sona Vani, Vardan Akofiani, Avik Derentsi, Samvel Margariani, etc.). So, she translated into Georgian, Russian, English and Persian languages.

Hovhannes Tumanian (1869-1923) writer, who appeared on the literary scene in 1886 (the date when the stories "Dog and Cat", "Unfortunate Merchants" were published). Tumanian was a versatile creator – he wrote poems, short stories. His works reflect the socio-psychological conflicts characteristic of the reality of Armenia, the morals and customs of the people, the past and the situation of the Armenian people. The author's stories "Gikor" (published in 1907) and others are the best examples of Armenian prose.

Tumanan appeared as a devoted and passionate defender of the brotherhood and friendship of the Georgian and Armenian peoples. He created many poems on this topic: "Reconciliation" (1893), "Soul of Georgia" (1919), "Poets of Georgia" (1919) and others. His works have been translated into many languages. Many of his works were translated into Georgian by I. Grishashvili. [2].

Sayat-Nova, the pseudonym of Harutyun Sayadyan (1712 - 1795) – Armenian poet and ashugh, master of love lyrics. The great Armenian poet spoke about himself «Я – Саят-Нова!», which meant that he was a descendant of the Sayadyan family. He wrote poems and sang songs in Armenian and Georgian.

Electronic tools and resources for translation in the digital age

We will discuss the use of online language tools and resources for translation to enhance cross-cultural communication.

Reverso Context is a language services website [3]. It is not based on dictionary entries, which are treated as individual words, but on very large TMs derived from the official version.

WordReference, a bilingual dictionary that offers a set of "basic translations" for any given word.

Google translate is a free MT service based on neural networks (GNMT, Perez, 2017) provided by the Internet giant and is probably the most used translation service in the world.

It is also important to use search engines as language resources and language corpora.

Corpus of Modern American English (COCA) is a very large and balanced corpus. Its interface makes corpus data easily accessible and gives the user the opportunity to learn about different ways of obtaining information [4].

Fig.1. Screenshot for a collocate query in COCA ([url=https://corpus.byu.edu/coca/] https://corpus.byu.edu/coca/[/url])

Another handy tool within COCA is the "Word" menu option, which provides definitions and detailed information on a word much like a dictionary does, but with the added data of the COCA corpus.

Conroy (2010) argues that corpus relevance combined with advanced Google search facilitates greater and better use of Google in error correction [5].

Syanova-Chanturia and Martinez argue: the way statistical information is used during language processing to estimate the probability of appearance of certain words is "not unlike the predictive text algorithms designed to facilitate typing on smartphones and internet search engines" [6].

Figure 2. – Results of "Word" search
https://pressbooks.pub/testbook123/chapter/coca-tutorial/

Online dictionaries in translation

The first Armenian-Georgian dictionary compiled by the researcher of Georgian-Armenian historical and philological relations, Professor Leon Melixet-Beg, was reworked, completed and published in 1996. The dictionary is the main vocabulary of the Armenian language.ors, and scholars [8]. Armenian Georgian Dictionary (with romanizations) – travel dictionary to translate Armenian to Georgian displaying a list of words in Georgian. The dictionary also translates from Georgian to Armenian or Western and Eastern romanizations. Copying a word from the translated list for a reverse translation can be used to find synonyms and to understand the broader use of the Georgian word in the Armenian language. The use of the translation software in this way provides with a mechanism to better understand Georgian words in the Armenian context without the need for definitions [9].

Armenian-Georgian dictionary (National Library of the Parliament of Georgia) will serve Armenian translators, scholars and other interested persons well.

Conclusion

The paper discusses translation technology as cultural mediators working together to accomplish the task of intercultural communication between different sociocultural backgrounds [7]. Adopting a systematic approach to studying the contextual elements of the translation process is important to better facilitate intercultural communication.

The use of these technologies is also effective for strengthening the Georgian-Armenian discourse and for future research in this context.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-291-297

REFERENCES

1. Marshall D. Lang. Lives and Legends of the Georgian Saints. St. Vladimir's Press, 1976, pp. 44-56
2. Tumaniani O. Selected Works, Tbilisi, 1924.
3. Perez S. Googles smarter, A.I.-powered translation system expands to more languages, 2017. https://techcrunch.com/2017/03/06/googles-smarter-a-i-powered-translation-system-expands-to-more-languages/[/url];
4. Davies M. Corpus of Contemporary American English. Design, architecture, and linguistic insights. International Journal of Corpus Linguistics, 2009, p.159-190.
5. Conroy M. A. Internet tools for language learning: University students taking control of their writing, Australasian Journal of Educational Technology: p. 861-882.
6. Syanova-Chanturia A. & Martinez R. The idiom principle revisited, Applied Linguistics, p. 549-569.
7. Tirkkonen-Condit S. The Interaction of World Knowledge and Linguistic Knowledge in the Processes of Translation, Maastricht,1992, p. 433-440.
8. http://www.nplg.gov.ge/gwdict/index.php?a=index&d=42
9. http://www.nplg.gov.ge/gwdict/index.php?a=list&d=42&t=dict& w1=% D5 %94&w2=%D4%B5

ԷԼԵԿՏՐՈՆԱՅԻՆ ԹԱՐԳՄԱՆՉԱԿԱՆ ՌԵՍՈՒՐՍՆԵՐԸ ՎՐԱՑ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԴԻՍԿՈՒՐՍՈՒՄ

Թինաթին Մշվիդոբաձե

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *լեզվական կորպուս, սոցիալ-մշակութային համատեքստ, բառարան, մեքենայական թարգմանություն, ինտերֆեյս*

Թարգմանչական տեխնոլոգիաները՝ որպես մշակութային միջնորդներ, միասին աշխատում են տարբեր սոցիալ-մշակութային շերտերի ներկայացուցիչների միջև միջմշակութային հաղորդակցության խնդիրը իրականացնելիս: Վրաստանաբնակ հայ գրողների ստեղծագործությունները դիտարկվում են սոցիալ-մշակութային համատեքստում: Նրանք են Հովհաննես Թումանյանը, Գիվի Շահնազարը, Անահիտ Բոստանջյանը և այլք: Հոդվածում անդրադարձ կա թարգմանչական հիշողությանը, տեքստային կորպուսներին և լեզվակենտրոն ուսումնասիրություններին՝ օգտագործելով որոնիչները որպես լրացուցիչ լեզվական ռեսուրսներ մարտահրավերներին դիմակայելու համար, ինչպես նաև անվճար երկլեզու առցանց բառարաններ և մեքենայական թարգմանության համակարգեր: Քննարկվում են ժամանակակից մեծ և հավասարակշռված լեզվաբանական կորպուսները, ինչպիսին է COCA-ն: Դրա ինտերֆեյսը թույլ է տալիս հեշտությամբ մուտք գործել գործի տվյալներ և օգնում է օգտվողին՝ ուսումնասիրելու տեղեկատվություն ստանալու տարբեր եղանակներ:

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ В ГРУЗИНО-АРМЯНСКОМ ДИСКУРСЕ

Тинатин Мшвидобадзе

Резюме

Ключевые *слова: лингвистический корпус, социокультурный контекст, словарь, машинный перевод, интерфейс*

Переводческие технологии как культурные посредники, которые работают сообща для выполнения задачи межкультурной коммуникации между представителями различных социокультурных слоев. Произведения армянских писателей Грузии рассматриваются в социокультурном контексте. Это Ованес Туманян, Гиви Шахназар, Анаит Бостанджян и другие. В статье представлены память переводов, корпуса текстов и лингво-ориентированные исследования с использованием поисковых систем в качестве дополнительных лингвистических ресурсов для решения этих задач, а также бесплатных двуязычных онлайн-словарей и систем машинного перевода. Обсуждаются современные сбалансированные лингвистические корпуса, такие как COCA. Его интерфейс обеспечивает легкий доступ к данным корпуса и позволяет пользователю изучать различные способы получения информации.

УДК 811.19

ԲԱԶՄԱԲԱՂԱԴՐԻՉ ԲԱՅԱԿԱՆ ԴԱՐՁՎԱԾԱՅԻՆ ՄԻԱՎՈՐՆԵՐԻ ԸՆԴՄԻՋԱՐԿՈՒՄԸ

Ալբերտ Պողոսյան

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-298-311

Հանգուցային բառեր և արտահայտություններ. *մենաբառ, բազմաբառ, դասակարգում ըստ քանակի, դասակարգում ըստ շարահյուսական հարաբերության, համազոր և անհամազոր կապակցություններ, կապական կապակցություն, նախադասության անդամ չհամարվող, նախադասության անդամ համարվող*

Նախաբան: Ներկա հոդվածում մեր ուսումնասիրության նյութը բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորների ընդմիջարկումն է:

Ուսումնասիրության հիմնական նպատակն է գիտականորեն արժևորել բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորների ընդմիջարկումը:

Հաշվի առնելով վերոնշյալ նյութի ուսումնասիրման ամբողջական քննության բացակայությունը՝ մեր առաջադիր խնդիրներն ենք համարել՝

ա) քննել բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորների ընդմիջարկումը,

բ) դասակարգել բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորներն ըստ ընդմիջարկումների քանակի և շարահյուսական հարաբերության:

Հոդվածը բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորների ընդմիջարկումը համակարգված բնութագրելու փորձ է, որն առայժմ բացակայում է մեր իրականության մեջ:

Թեմայի արդիականությունը ժամանակակից հայերենի դարձվածային միավորների առանձնահատկությունների քննության նկատմամբ ուսումնասիրողների աճող հետաքրքրությունն է:

Ստացված տեսական և գործնական արդյունքները կարող են օգտագործվել «Ժամանակակից հայոց լեզու (Դարձվածաբանություն և բառարանագիտություն)» դասընթացի ուսուցման գործընթացում:

Ուսումնասիրության համար կիրառել ենք նկարագրական, վերլուծական, համադրական, երբեմն էլ՝ վիճակագրական մեթոդները:

Հոդվածի բովանդակությունը: Էդ. Աղայանը «Արդի հայերենի բացատրական բառարանում» *ընդմիջարկություն* եզրույթը բացատրում է. «Հավելում, ներմուծում գրվածքի, շարադրանքի մեջ» [1, 402]:

Էդ. Մկրտչյանը ընդմիջարկությունը սահմանում է «որպես շարահյուսական որոշակի կապակցություններում հանդիպող կառույցներ, որոնց չձևավորված քերականական կապերի և տրոհման հատկանշով հանդես գալու պատճառով տրոհող կառույցներ ենք անվանում» [4, 1]:

Նշենք, որ երկու դեպքում էլ խոսքը ընդհանրապես ընդմիջարկման մասին է:

Դարձվածքների ընդմիջարկմանն անդրադարձել է Պ. Բեդիրյանը «Հայոց լեզվի դարձվածաբանություն» գրքում: «Դարձվածքն անընդմիջարկելի՞ է» հարցին հեղինակը պատասխանում է. «Շատ հետազոտողներ այս հարցին դրական պատասխան են տալիս՝ հիմք ընդունելով դարձվածքի կառուցվածքային կուռությունը: Այս վերջին հանգամանքը բազմիցս նշել ենք նաև մենք: Բայց, այդուհանդերձ, կողմնակից չենք դարձվածքները բոլորովին անընդմիջարկելի համարելուն» [3, 171]:

Լեզվաբանը ընդմիջարկում է համարում ոչ միայն այն բառն ու բառերը, որոնք հավելադրվում են դարձվածքի ներսում, այլ նաև նրանք, որ ավելանում են նրանից առաջ կամ հետո: Այսպես՝ *բեռը տանել* կապակցության **իր** *բեռը տանել,* **իր ծանր** *բեռը տանել,* **իր ծանր** *բեռը* **լուռ** *տանել* հավելումներով դեպքերի հավելված (*իր, իր ծանր, իր ծանր* և *լուռ*) միավորները նա համարում է ընդմիջարկություններ: Կամ՝ *էն գլխից* դարձվածքի *էն գլխից* **էլ,** *կամուրջներն այրել* կառույցի **բոլոր** *կամուրջներն այրել* **ետևում**, **բոլոր** *կամուրջներն այրել* **իր ետևում** հավելումով դեպքերի ընդգծված (*էլ, բոլոր* և *ետևում*, *բոլոր* և *իր ետևում*) միավորները ևս դիտում է ընդմիջարկություններ [3, 171]:

Պ. Բեդիրյանին համակարծիք է նաև Լ. Ավետիսյանը՝ նշելով,

որ դարձվածքների և՛ գերադաս, և՛ ստորադաս անդամները կարող են ընդմիջարկվել հավելադրություններով. *ուրագի պես* **միշտ իր կողմը** *տաշել, մագնիսի պես* **դեպի իրեն** *ձգել, թիթեռնիկների նման* **անվերջ շուրջը** *պտտվել, կրիայի պես* **դանդաղ** *ընթանալ, օձի նման* **հազար** *շապիկ փոխել, մոմի նման* **ամեն կողմ** *շուռ տալ, թաշկինակի պես* **հաճախակի** *փոխել, սնկի նման* **արագ** *աճել, ուրվականների նման* **անվերջ** *հետապնդել* (ընդմիջարկվել են դարձվածքների գերադաս բաղադրիչները), **գիշերաշրջիկ** *լուսնոտի պես դեգերել, ոչխարի* **հոտի** *պես (մեկին) հետևել, մի դռան* **երկու** *շան պես յոլա գնալ* (ընդմիջարկվել են դարձվածքների ստորադաս բաղադրիչները) [2, 39]:

Սույն հոդվածում մենք կանդրադառնանք բազմաբաղադրիչ (չորս և ավելի բաղադրիչներով) բայական դարձվածային միավորների ընդմիջարկմանը՝ քննելով միայն այն դեպքերը, երբ ընդմիջարկումը կատարվել է կառույցի ներսում: Այս տեսանկյունից առանձնացրել ենք վերոնշյալ կապակցությունների երկու տեսակ՝

1. մեկ ընդմիջարկումով բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորներ, ինչպես՝ Չէ, չբերեմ, պետք չի, *աչքիդ լույսն* **էլ** *է տեղը*, ձեռդ էլ է տեղը, ոտդ էլ... (ՀՄՏ, 177): ....տղաների *գլխին* **կարծես** *սառը ջուր լցրին* (ՎԱԵ4, 135):

2. երկու ընդմիջարկումով բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորներ, այսպես՝ Այդ հուսախաբ սթափությունից հետո կրկին *սգի* **ևս** *քողը պատում էր* **նրանց** *սրտին ու հոգուն....* (ԱԵ, 332): Գոհարը երբեք հասկանալ չկարողացավ, թե աստծո *չոռոտի վրա* **ամուսնու** *սիրտը* **ո՞նց** *տաքացավ* (ՎՍՁԵՏՅՎ, 118):

Նշենք, որ առաջին խմբին պատկանող ընդմիջարկությունները քանակային առումով զգալիորեն գերազանցում են երկրորդ խմբի ընդմիջարկություններին:

Մեկ ընդմիջարկումով բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորներում կարող են ընդմիջարկվել կառույցի՝

ա) Առաջին բաղադրիչը մյուսներից[1]: Այսպես՝ Եթե էդպես է,

[1] Բաղադրիչների հերթականությունը տրվում է ըստ բառարանային դասավորվածության: Այսպես՝ « …. հազարավոր անմեղ մարդկանց

թող *ալլահը* **նրա** *թուրը կտրուկ անի* (ՀՄԱԶՀ3, 206): Այս նախադասության մեջ *ալլահը թուրը կտրուկ անի* կառույցի առաջին բաղադրիչը (ալլահը) ընդմիջարկվել է մյուս բաղադրիչներից:

բ) Առաջին և երկրորդ բաղադրիչները մյուսներից: Օրինակ՝ Բայց հենց որ մտավ յուր երկրի սահմանները, հենց որ ոտքը դրեց հայրենի հողի վրա, նրա սիրտը թունդ եղավ, *երակների մեջ* **կարծես** *նոր արյուն վազեց* (ԲԱԱԵԱԿ, 140): Այս նախադասության մեջ *երակների մեջ նոր արյուն վազել* կապակցության առաջին և երկրորդ բաղադրիչները (*երակների* և *մեջ*) ընդմիջարկվել են մյուսներից:

գ) Վերջին բաղադրիչը մյուսներից: Այսպես՝ .... տան տիրոջս մտիկ արա՛, է՛. *երկար ու բարակ* **ո՛նց** *ա մեկնվել....* (ՊՊ1, 296): Այս նախադասության մեջ *երկար ու բարակ մեկնվել* դարձվածային միավորի վերջին բաղադրիչը (*մեկնվել*) ընդմիջարկվել է մյուսներից:

Կապակցության բաղադրիչներըը միմյանցից ընդմիջարկող միավորը կարող է լինել՝ 1. մենաբառ, 2. բազմաբառ, 3. մենաբառ և բազմաբառ[2]:

1. Մենաբառ ընդմիջարկությունները լինում են՝

1.1. նախադասության անդամ չհամարվող. Օրինակ՝ Այժմ հարգանքի, պատկառանքի ու կախվածության բեռն էլ չկար, փոխարենն անբացատրելի մի թեթևություն էր, միայն հետ չգար անիծվածը, չհայտնվեր կրկին, աստված չանի, եթե *աշխարհը գլխիդ սև* **էլ** *չանի,* ապա ամոթից ավելի լավ է թողնել ու գաղթել, քան երևալ աչքին (ԶԽՄ, 149): ....այդ մտքից Սարգսի *արյունը* **կարծես** *կանգ առավ երակներում* (ՎԱԵ4, 90): Ի՞նչ ես ուզում ինձանից, հենց կլիմանայիր մեռել եմ, ո՞ւր եկար, *հետևիցդ* **հու** *կարմիր խնձոր չեմ դարկել* (ՄԴԿ, 24): ....մեր Արշավիրին էլ *աստված* **բալքի** *խելք ու քյամալ տա....* (ՊՊ1, 323):

արյունը մնում է **նրա** *խղճի վրա* (ՀՄԱԶՀ2 – 163): Նախադասության մեջ *արյունը խղճի վրա մնալ* դարձվածային միավորի առաջին և չորրորդ (*արյունը* և *մնալ*) բաղադրիչները ընդմիջարկվել են երկրորդից և երրորդից (*խղճի* և *վրա*):

[2] Այս դեպքում մենաբառ և բազմաբառ միավորները հանդես են գալիս միասին:

1.2. Նախադասության անդամ համարվող. այսպես՝ Թող *ալլահը չորացնի* **մեր** *կանանց արգանդը*, եթե չխնայենք քո զավակներին ու քեզ (ՍԽՄՍ, 369): Նրա դեմքը շողում էր մաքուր մի լույսով, *աչքերից* **չարաճճի** *կայծեր էին դուրս թռչում*.... (ԶԴԱՎ, 47): Էդ ո՞վ է դարդը պատմելիս մորից ծնվել նորից, որ *գլխիդ որդերն* **իզուր** *տեղահան արիր* (ԱՂՊ, 197):

1.3. Նախադասության անդամ չհամարվող մենաբառ և նախադասության անդամ համարվող մենաբառ. օրինակ՝ Բարձր հրամանատարությունն ու քաղաքի պարետը հաճախ են այնտեղ սեղան նստում և հրամանատարության *աչքն* **էլ մեր** *ֆելդֆեբելի ձեռին է* (ՀՄԱԶՀ1, 69-70):

2. Բազմաբառ ընդմիջարկությունները կարող են լինել՝

2.1. նախադասության անդամ համարվող համազոր բազմաբառ կառույց. օրինակ՝ ....հեղափոխական գործչի կինն իրավունք չունի նրա մահից հետո իր *կյանքը կապել* **որևէ սովորական** *հողագործի հետ* (ԶԽՄ, 210):

2.2. Նախադասության անդամ համարվող համազոր բազմաբառ և չհամարվող մենաբառ կապակցություն. օրինակ՝ Մենք դեռ ստիպված կլինենք *ուտել նրանց եփած* **դառն ու թանձր** *շիլան* (Լ.Հ.Հ, 142):

2.3. Նախադասության անդամ համարվող կայուն բազմաբառ կառույց. այսպես՝ Այդ նամակը կարծես *եռացրած ջուր լցրեց* **որսորդ Արամի** *երակները* (ՎԱԵ4, 539): Հանրապետության քրեական հետախուզության և օպերատիվ ծառայությունների պետերը, մինիստրության քաղբաժնի պետը, մինիստրի տեղակալները, այնուհետև մինիստրը գործը համարեցին արտակարգ դիպված և *հուր ու կրակ էին ժայթքում* **մայոր Բագրատունու** *գլխին* (ՄՄԽՊԱ, 100): ....եկել է *ոտք է գցում* **մղոսի Կյուրեղի** *որդու հետ* (ԱԵ, 356):

2.4. Նախադասության անդամ համարվող անհամազոր բազմաբառ կապակցություն. օրինակ՝ Ինչո՞ւ մի տեղ լալիս են, մյուս տեղ՝ ուրախանում, մի տանը հրճվում *են*, **մյուս տանը՝** *ախ ու վուշ անում* (ԲԱԱԵԱԿ, 368): Հայրն էլ, տեսար, չէ՞, *նայում էր* **խեղճ աղջկան՝** *ոնց որ թուրքը խոզի մսին* (ԱԵ1, 524):

2.5. Նախադասության անդամ համարվող տարասեռ բազմաբառ կառույց. այսպես՝ Թող հայ ժողովրդի *անեծքը ծանրանա* **ձեր ապականված** *հոգիների վրա* (ՍԽՄՍ, 732): ....այդ մարդը դեռ *չէր վերջացրել աշխարհի հետ* **իր բոլոր** *հաշիվները* և դեռ ամեն ինչի վրա թքած չուներ.... (ԿՏՆ, 190):

2.6. Նախադասության անդամ համարվող կապական բազմաբառ կապակցություն. օրինակ՝ Եվ ինչո՞ւ դու *բախտդ կապեցիր* **ինձ պես** *անխելքի հետ* (ՀՄԱԶՀ3, 445): Գնա՛, գլուխդ քարը, ես միայն էն խեղճ աղջկանն եմ ափսոսում, որ իր *բախտը կապել է* **քեզ պես** *հիմարի հետ* (ՀՄԱԶՀ3, 46):

2.7. Նախադասության անդամ համարվող դարձվածային բազմաբառ կապակցություն. այսպես՝ Թողություն կանես, Բեքիր չաուշ, ես *խմիչքի հետ* **մի քիչ** *գլուխ ունեմ* (ՀՄԱԶՀ2, 633):

2.8. Նախադասության անդամ չհամարվող բազմաբառ կապակցություն. օրինակ՝ Եվ Միքայել Թլվատ կայսրի *խոսքերը*, **ինչպես ասում են**, *ծակ կարասն էին ընկնում* (ԶԽՎՄ, 21):

2.9. Նախադասության անդամ չհամարվող բազմաբառ կառույց. Այսպես՝ Նա *ում արնգի տակ* **էլ ասես** *կպարի* (ԼՀՀ, 254):

3. Երրորդ խմբի ընդմիջարկությունները կարող են դասակարգվել մի քանի ենթախմբերով.

3.1. Նախադասության անդամ համարվող կապական բազմաբառ և մենաբառ կապակցություն. օրինակ՝....գալիս էին ջաղացը հատկապես Օհան-ամու ընտիր թյությունից մի չիբուխ քաշելու և հնությունից *մի երկու խոսք* **իրար հետ սրտանց** *խոսելու....* (ԱԻԵԺ4, 16):

3.2. Նախադասության անդամ համարվող կապական բազմաբառ և չհամարվող մենաբառ կապակցություն. օրինակ՝ Դեմքը մեզանից դանդաղ շրջեց. մեր քննադատությունն ուրեմն չէր ընդունում, *լեզվի տակ* **մեր դեմ ուրեմն** *խոսք ուներ* (ՀՄՏ, 267):

3.3. Նախադասության անդամ չհամարվող մենաբառ և համարվող կայուն բազմաբառ կապակցություն. օրինակ՝ Դրանցից *է բացվել* **և Եվրոպա աշխարհի** *աչքը մեզ վրա* (ՍԱՃՀ, 639):

3.4. Նախադասության անդամ չհամարվող մենաբառ և համարվող մենաբառ ու կապական բազմաբառ կապակցություն. օրի-

նակ՝ ….հայերիս *պատիվն* **էլ օխտն օտարի առջև** *ոտի տակ ես գցում* (ՌՊԵ, 580):

Շարահյուսական հարաբերության տեսանկյունից մեկ ընդմիջարկումով բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորներում մենաբառ ընդմիջարկությունները նախադասության կազմում կարող են կատարել շարահյուսական տարբեր պաշտոններ.

ա) Ենթակա՝ Ո՞վ քեզ ստիպեց, որ *գետին չհասած* **դու** *հանես ոտքերդ* (ՀԽԵՍ, 333): ....էդ թավուր բաների միջին նրա *ցերեկվան ման էկած տեղերը* **Գարեգինը** *քշերն ա ման էկել* (ՊՊ1, 274): – Է՛, այ որդի, Մարոն ուրիշի տան ճրագ է, *օջախիս ծուխը* **դու** *պիտի վառ պահես*,– ասում է քեռիս, որի համար տղա ժառանգ չունենալը մեծ վիշտ է (ՀՄԱԶՀ1, 9):

բ) Բաղադրյալ բայական ստորոգյալի բաղկացուցիչ մաս՝ ստորոգելի՝ Վերջինս տարիների հետ ավելի ու ավելի էր հակվում դեպի իր ասպետի խոսքն ու գործը, *աշխարհին իր տիրոջ աչքերով* **էր սկսում** *նայել*.... (ԶԽԵՎԶԴ, 318): Խանը օգտագործել է ուզում իմ բացակայությունը և *մի կրակոցով երկու որս* **է ուզում** *գցել* (ՍԱՃՀ, 165): .... սկսեց այնպիսի հարցերի քննության մեջ մտնել, որոնք խավարի անդնդում գործվածները *լույս աշխարհ* **էին կամենում** *դուրս բերել*.... (ԱԵ, 167):

գ) Անվանաբայական բաղադրյալ ստորոգյալի բաղկացուցիչ մաս՝ ստորոգելի՝ Դու էլ *նրա եղանակով* **հերիք է** *պար գաս* (ԱԵ, 345): Դե, ուրեմն, Ռուբենն *իրեն* **կարող էր** *զգալ յոթերորդ երկնքում* (ԱԵ1, 215):

դ) Որոշիչ՝ Երբ Գագիկը տեսավ, որ նրա *բերանից* **ոչ մի** *բառ դուրս չի գալիս,* դարձավ դեպի յուր ձիավորները.... (ԲԱԱԵԱԿ, 28): .... ի՞նչ են գտել աղջիկներն այդ աղքատիկ հոգով, գծուծ մարդու մեջ, որ իրենց *բախտը կապել են* **այդ** *լովելասի հետ* (ՎԲ1, 222): Այդ լեգեոնը, որ այնպես արիաբար կռվում էր ֆրանսիական զորաբանակի շարքերում՝ իր հայրենիքի ազատության համար, մի՞թե այժմ *չի մտնի իր* **հայրենի** *դրոշի տակ* (ՀՄԱԶՀ2, 338):

ե) Հատկացուցիչ՝ Մի ակնթարթում *քողն ընկնում է* **նրա** *աչքերի վրայից* և ամեն ինչ պարզ է դառնում (ԶԴԱՎ, 34): Լևոնի՛կ, Գագիկին *պահպանիր* **քո** *աչքի լույսի պես*, գիշերը չորս աչքով

դիտիր, ցերեկը՝ երկու և վա՛յ քեզ, եթե նրա մազին դիպչող լինի (ԲԱԱԵԱԿ, 297): Թուրքերը հիմա Անդրկովկասյան կառավարության հետ խնամի-խնամի են խաղում, իբր թե հաշտություն են ուզում, բանակցություններ են վարում, բայց դա խաբեություն է, ախպերս, *փափուկ բարձ են դնում* **մերոնց** *գլխի տակ* ու թաքուն պատրաստվում են.... (ՀՄԱԶՀ1, 178-179): ...նրա հաղորդած այդ *գույժը մուրճի նման իջավ* **տղաների** *սրտերին* (ՎԱԵ4, 491):

զ) Ուղիղ խնդիր՝ Ապա գնում *ես գլխին տալիս*՝ **կուտակածը** *ձեռքից առնում ես* (ԶԽՋՄ, 75): Հետզհետե Գագիկի աչքերը ծանրացան և *քնի հրեշտակը* **նրան** *յուր գիրկն առավ* (ԲԱԱԵԱԿ, 297): *Խելք ու միտքը տվել էր* **կայքերը** *շատացնելուն....* (ԱԵ, 66):

է) Հանգման անուղղակի խնդիր՝ *Աստված* **քեզ** *երկար կյանք տա*, ներո՛ղ եղիր (ՍԽՄՄ, 198): Բարի ես եկել, պարոն լիազոր, մեր աչքի, մեր գլխի վրա տեղ ունեք, տունը ձերն է, սաղ ըլնիք, *աստված* **ձեզ** *երկար կյանք տա* (ՀՄԱԶՀ1, 22):

ը) Չափի պարագա՝ *Արևն իր հրե թևերը* **կամաց-կամաց** *կծկում էր* (ՄԴԿ, 62): Մի օր, հինգ օր, տասը օր, տեսանք էս հարսը *ձեռքը* **սկի** *մի բանի չի տալիս* (ՍԽՄՄ, 169):

թ) Ձևի պարագա՝ ....տեսնենք, թե «*բախտի անիվն*» **ինչպե՞ս** *շուռ կգա* (ԱՀՇ, 54): ....հասկանում էր, որ....սուլթանի *բարկությունը* **հանկարծակի** *կպայթի իր գլխին* (ՍԽՄՄ, 725): Թատրոն չկա, կինոն էլ սկսնակ է, դեռևս չի կարող *երկու ոտքի վրա* **ամուր** *կանգնել* (ՄՍԽՊԱ, 192): Հետախուզության մեջ Ապետն *իրեն* **այնպես** *է զգում, ինչպես ձուկը ջրում* .... (ՀՄԱԶՀ3, 135):

ժ) Ժամանակի պարագա՝ Բայց ահա, այդ նույն *գայլերն* **այժմ** *հագել են գառան մորթի* (ՀՄԱԶՀ3, 296): Նախանձություն է, է՛, անտերը ընկեր է փնտրում իր կեսը նրան տալու... որ ասում են *լեզուն ցավող ատամին է* **միշտ** *դիպչո՞ւմ...* (ԱՂՊ, 181):

Մեկ ընդմիջարկումով բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորներում բազմաբաո ընդմիջարկությունները կարող են կազմված լինել նախադասության տարբեր անդամների զուգադրումից.

ա) Որոշիչ, որոշիչ՝ Ութ տարի *աշխարհի քարտեզի վրա* **բարդ մի** *զիգզագ անելուց* հետո վերադարձել էր Թիֆլիս (ԶԽՈԷՄԱ, 27):

բ) Ժամանակի պարագա, ձևի պարագա՝ Խնամի Նուբարը խոստանում է, որ մի լավ գառ նորից մատաղ կանի, երբ մենք կառողջանանք ու կվերադառնանք գյուղ, որպեսզի աստծու *աչքը* **միշտ այսպես** *քաղցր լինի մեզ վրա* (ՀՄԱԶՀ2, 81):

գ) Ժամանակի պարագա, որոշիչ՝ Ռուսական հրամանատարության *աչքն ու ականջը* **միշտ այս** *կամուրջի վրա էր*, մինչև որ գրավվեց Մուշը (ՀՄԱԶՀ3, 177):

դ) Ժամանակի պարագա, հատկացուցիչ՝ Դե, ի՞նչ խոսք. մելիքները շինականներին էլ են մեջ խառնում, թե ճշմարիտը կուզես, կռիվների *կուժն ու կուլան* **միշտ մեր** *գլխին է կոտրվում* (ԱԻՕ, 62):

ե) Հատկացուցիչ, որոշիչ՝ Մեր պառլամենտի առաջին ընտրություններն ու Հայաստանի հանրապետության առաջին տարելիցը *կմտնեն* **մեր հերոսական** *պատմության մեջ ոսկե տառերով* (ՀՄԱԶՀ2, 591): *Վառեց ու բորբոքեց* **հողազուրկների արդար** *վրեժը* (ԱԻԵԺ4, 16):

զ) Ստորոգելի, որոշիչ, որոշիչ՝ Դվինի ճակատամարտից հետո Գագիկ Արծրունու *սրտի մեջ* **սկսել էր մի ինչ-որ** *որդ շարժվել*, որ գիշեր-ցերեկ հանգստություն չէր տալիս (ԲԱԱԵԱԿ, 223):

է) Հատկացուցիչ, որոշիչ, հատկացուցիչ՝ Որպեսզի մոնղոլական սիբիրախտը *չչոքի ուղտի նման* **իր ծաղկած Կիլիկիայի** *դռանը*՝ նկարիչ-բանաստեղծ-օրենսդիր-զորավար Սմբատ Գունդստաբլ սպարապետը ձիավոր իր շքախումբը դեսպանության վարգեց.... (ՀՄԵ2, 96):

ը) Հատկացուցիչ, հատկացուցիչ, որոշիչ՝ ....այնպես ես ասում վերջ, կարծես *խաչ ես քաշում* **քո կյանքի ամենակարևոր** *բանի վրա* (ԱԵ1, 454):

թ) Որոշիչ, որոշիչ, հատկացուցիչ, հատկացուցիչ՝ Դաշնակից բանակի հրամանատարությունը հավատում է ավազակ Շենքի փաշային, որի *ձեռքերը թաթախված են* **հազարավոր հայ կանանց ու երեխաների** *արյան մեջ* (ՀՄԱԶՀ2, 334):

Երկու ընդմիջարկումով բազմաբաղադրիչ բայական դարձվածային միավորները անհամեմատ սակավ են հանդիպում: Այս դեպքում երկու միջարկություններն էլ սովորաբար մենաբառ են լինում: Այսպես՝ «Երիտասարդական *արյունը* **սկսեց** *բորբոքվել* **նրա** *երակ-*

ների մեջ և աչքերը լցվեցին անհամբերության կրակով (ԲԱԱԵԱԿ, 332)» նախադասության մեջ *արյունը երակների մեջ բորբոքվել* դարձվածքի բաղադրիչների միջև երկու ընդմիջարկում է հանդես եկել՝ ***սկսեց*** և ***նրա***, որոնք երկուսն էլ մենաբառ են և նախադասության անդամ՝ ստորոգելի և հատկացուցիչ: Այլ դեպքում երկու մենաբառ ընդմիջարկություններից մեկը կարող է նախադասության անդամ չլինել: «Եվ թող չորանա այն տմարդի ձեռքը, որ բարձրացել է մեր խաս միրի վրա, *Խուդեի կրակը* **թող** *թափվի* **նրա** *տան ու տեղին*, և նրա կանայք մոխիր ցանեն իրենց գլխներին (ՀՄԱԶՀ3, 121)» նախադասության մեջ ընդմիջարկություններից առաջինը՝ ***թող***, նախադասության անդամ չէ:

Եզակի դեպքերում հանդիպում են բազմաբաղադրիչ բայական կապակցություններ, որոնց բաղադրիչներն ընդմիջարկող երկու միավորները կամ դրանցից մեկը մեկ բառով չեն արտահայտված լինում: Այսպես՝ «Դե որ դուք, պարոն գնդապետ, էդպես հարեհաս եղաք ինձ, *աստված* **էլ թող ձեր** *մեկը* **միշտ էդպես** *երկուսն անի*» նախադասության մեջ հանդես եկած ընդմիջարկություններից առաջինը կազմված է երեք բառից (նախադասության անդամ չհամարվող բազմաբառ, նախադասության անդամ համարվող մենաբառ), երկրորդը՝ նախադասության անդամ համարվող անհամազոր երկու բառից: Իսկ «Տեսա, որ *գլուխս* **նորից** *դնում եմ* **մի անիմաստ** *գործի տակ* (ԶԽՄ, 423)» նախադասության մեջ ընդմիջարկություններից միայն երկրորդն է երկու՝ նախադասության անդամ համարվող համազոր բառերից բաղկացած:

Եզրակացություն: Ընդմիջարկությունները հայ լեզվաբանների կողմից մանրակրկիտ ուսումնասիրության չեն ենթարկվել: Դարձվածային միավորների ընդմիջարկմանը անդրադարձել են եզակի ուսումնասիրողներ, այն էլ հպանցիկ:

Ներկա հոդվածում մենք քննել ենք բայական բազմանդամ (չորս և ավելի բաղադրիչներով կազմված) դարձվածքները երկու սկզբունքով՝ ըստ քանակական հատկանիշի և ըստ շարահյուսական հարաբերության:

Բայական բազմանդամ դարձվածային միավորները առավել հաճախ հանդիպում են մեկ ընդմիջարկումով: Վերջիններս կարող

են լինել մենաբառ և բազմաբառ, որոնք կարող են լինել նախադասության անդամ կամ չլինել որպես այդպիսին: Ընդմիջարկությունները խոսքում կարող են կատարել նախադասության գլխավոր և երկրորդական անդամների դեր:

Երկու ընդմիջարկումով բազմաբառ բայական դարձվածային միավորները սակավ են հանդիպում: Այս դեպքում ևս ընդմիջարկող միավորները կարող են լինել մենաբառ և բազմաբառ, կատարել նախադասության որևէ անդամի դեր կամ նախադասության անդամ չլինել:

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-298-311

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Աղայան Է. Բ., Արդի հայերենի բացատրական բառարան, «Հայաստան» հրատ., Երևան, 1976, 1615 էջ:
2. Ավետիսյան Լ. Ն., Համեմատություն – դարձվածային միավորները ժամանակակից հայերենում, Երևան, «Էդիթ Պրինտ» հրատ., 2018, 184 էջ:
3. Բեդիրյան Պ. Ս., Հայոց լեզվի դարձվածաբանություն, Երևան, «Լույս» հրատ., 1973, 231 էջ:
4. Մկրտչյան Է. Ս., Ընդմիջարկությունները որպես քերականական կապակցությունները տրոհող կառույցներ գրաբարում // Պատմա-բանասիրական հանդես, Երևան, ՀՀ ԳԱԱ հրատարակչություն, 2007, 3 (176), էջ 143-154, Առանձնատիպ, 12 էջ:

Աղբյուրների և դրանց համառոտագրությունների ցանկ

Աղավնի, Երկեր երկու հատորով, հատոր 1, Երևան, 1981 – ԱԵ1:

Ավետիք Իսահակյան, Երկերի ժողովածու, 6 հատորով, հատոր 4, Երևան, 1975 – ԱԻԵԺ4:

Ատրպետ, Երկեր, Երևան, 1964 – ԱԵ:

Արտավազդ Հովակիմյան, Շրջադարձ, Երևան, 1976 – ԱՀՇ:

Արտաշես Ղահրիյան, Պատրանք, Երևան, 1983 – ԱՂՊ:

Բագրատ Այվազյանց, Աշոտ Երկաթ, Անիի կործանումը, Երևան, 1964 – ԲԱԱԵԱԿ:

Զարզանդ Դարյան, Արծիվ Վասպուրականի, Երևան, 1965 – ԶԴԱՎ:
Զորայր Խալափյան, Եվ վերադարձնելով ձեր դիմանկարը, Երևան, 1978 – ԶԽԵՎԶԴ:
Զորայր Խալափյան, Միջնաշեն, Երևան, 1991 – ԶԽՄ:
Զորայր Խալափյան, Որտե՞ղ էիր, մարդ աստծո, Երևան, 1983 – ԶԽՈԷՄԱ:
Զորայր Խալափյան, Ջերմանց մխիթարություն, Երևան, 1979 – ԶԽԶՄ:
Զորայր Խալափյան, Վասիլ Մեծ, հայ կայսր Բյուզանդիայի կամ կճուճների թագավորը, Երևան, 1995 – ԶԽՎՄ:
Լևոն Հուրունց, Հայրեր, Երևան, 1970 – ԼՀՀ:
Կամարի Տոնոյան, Նիգուլը, Երևան, 1974 – ԿՏՆ:
Հայկ Խաչատրյան, Երվանդ Սակավակյաց, Երևան, 1989 – ՀԽԵՍ:
Հարություն Մկրտչյան, Անհայտ զինվորի հիշատակարանը, գիրք առաջին, Երևան, 1969 – ՀՄԱԶՀ1:
Հարություն Մկրտչյան, Անհայտ զինվորի հիշատակարանը, գիրք երկրորդ, Երևան, 1973 – ՀՄԱԶՀ2:
Հարություն Մկրտչյան, Անհայտ զինվորի հիշատակարանը, գիրք երրորդ, Երևան, 1975 – ՀՄԱԶՀ3:
Հրանտ Մաթևոսյան, Երկեր 2 հատորով, հատոր երկրորդ, Երևան, 1985 – ՀՄԵ2:
Հրանտ Մաթևոսյան, Տերը, Երևան, 1983 – ՀՄՏ:
Մաթևոս Դարբինյան, Կիկոսը, Երևան, 1983 – ՄԴԿ:
Մկրտիչ Սարգսյան, Խաղաղություն պատերազմից առաջ, Երևան, 1981 – ՄՍԽՊԱ:
Մովսես Արազի, Իսրայել Օրի, Երևան, 1964 – ԱԻՕ:
Պերճ Պռոշյան, Երկերի ժողովածու 7 հատորով, հատոր 1, Երևան, 1962 – ՊՊ1:
Ռափայել Պատկանյան, Երկեր (ՀԴԳ), Երևան, 1980 – ՌՊԵ:
Սերո Խանզադյան, Մխիթար սպարապետ, Երևան, 1963 – ՍԽՄՍ:
Սուրեն Այվազյան, Ճակատագիրն հայոց, Երևան, 1989 – ՍԱՃՀ:
Վախթանգ Անանյան, Երկեր 4 հատորով, հատոր 4, Երևան, 1984 – ՎԱԵ4:

Վանո Սիրադեղյան, Ձեռքդ ետ տար ցավի վրայից, Երևան, 2000 – ՎՍՁԵՏՑՎ:
Վիկտոր Բալայան, Անցյալը երբեմն մեռնում է մեզ հետ, երկու գրքով, գիրք առաջին, Երևան, 1980 – ՎԲ1:

ДИСКОНТНОСТЬ В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Альберт Погосян

Резюме

Ключевые слова и выражения: *однословный, многословный, классификация по количеству, классификация по синтаксическим отношениям, являющийся членом предложения, не являющийся членом предложения*

Дисконтность никогда не становилась предметом исследования армянских лингвистов. К вопросу дисконтности фразеологических единиц обращались единичные исследователи, и то поверхностно.

В данной статье мы исследуем глагольные многокомпонентные фразеологизмы (состоящих из четырех и больше компонентов) на основании двух принципов: по количественному признаку и по синтаксическому соотношению.

Глагольные многокомпонентные фразеологизмы часто встречаются с одной дисконтной единицей. Она может быть как однословной, так и многословной и чаще всего выступает как член предложения, хотя может и не иметь подобной функции. Дисконтные единицы в речи могут выполнять роль главного и второстепенного членов предложения.

Многокомпонентные фразеологические обороты с двумя дисконтными единицами встречаются редко. В такой ситуации они также могут быть однословными и многословными, выступая в роли любых членов предложения, впрочем, они могут быть лишены данных глоссологических возможностей.

DISCONTINUITY IN MULTI-COMPONENT VERBAL PHRASAL UNITS

Albert Poghosyan

Summary

Key words: *one-word, polyword, classification by quantity, classification by syntactic relations, being a member of a sentence, not being a member of a sentence*

Discontinuity has never become a subject of study by Armenian linguists. The issue of discontinuity of verbal phrasal units has been addressed by a few researchers, but only superficially.

In this article we study multicomponent verbal phrasal units (consisting of four or more components) based on two principles: by quantitative criteria and by syntactic correlation.

Multi-component verbal phrasal units are often found with one discontinuous unit. It can be either one-word or polyword which most often act as a member of a sentence, although it may not have such a function. Discontinuous units in speech can serve as the principal and secondary members of a sentence.

Multi-component verbal phrasal units with two discontinuous units are rare. In such a situation, they can also be one-word or polyword, act or not act as a member of a sentence.

УДК 811.19

ՀԱՅԵՐԵՆԻ ԱՆԿԱՆՈՆ ՇԵՇՏԸ

Արեն Սանթոյան
Հասմիկ Հարությունյան

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-312-332

Հանգուցային բառեր. *շեշտի տեղաշարժ, իմաստատարբերակիչ շեշտ, հապավումների շեշտադրություն, ժխտական կազմությունների շեշտադրություն, ը ձայնավորի շեշտադրություն, երկշեշտություն*

Հայ և օտարազգի լեզվաբանները բազմիցս անդրադարձել են հայերենի շեշտին. ուսումնասիրվել են նրա ծագումը, բնույթը, տեղը (դիրքը), տեսակները, ոճական և կիրառական նշանակությունները, արտասանական տեղաշարժերը, գրական հայերենի և բարբառների շեշտի փոխհարաբերությունները, նորմավորման և այլ հարցեր [5, 28]:

Ժամանակակից հայ լեզվաբանության մեջ ընդհանրական նորմով սահմանվում է, որ հայերենի շեշտը ուժային է, իմաստատարբերակիչ դեր չունի, կայուն-շարժական է և վերջնավանկային: Այն է՝ եթե բառակազմության կամ ձևակազմության **ժամանակ** բառի արտահայտության պլանում աջընթաց աճ է տեղի ունենում (նրանում ավելանում են նոր վանկեր), ապա շեշտը տեղափոխվում է աջ՝ ավելացած վերջնավանկի վրա: Այս դեպքում հայերենի շեշտադրման նորմին հակադրվում են՝ ա) ցուցակով ճշտվող մի շարք բառեր (ո՛րերորդ, քանի՛երորդ, նու՛յնպես, ո՛րևէ, ո՛վևէ, ու՛մևէ, նա՛մանավանդ, իհա՛րկե, մի՛միայն, մի՛գուցե, գրե՛թե, մի՛թե, ի՛նչևէ, ի՛նչևիցե, ո՛վևիցե)[1], բ) *ը* ձայնավորը բնաձայնություններում, եթե միակ ձայնավորն է (չը՛խկ, թը՛րխկ): Հավելենք

[1] Այս բառերի ցանկը տարբեր աշխատություններում տարբեր է սրանց երկակի արտասանության պատճառով (հմմտ. որպե՛սզի//որպեսզի՛, նա՛և//նաև՛, գո՛նե//գոնե՛, նու՛յնիսկ // նույնի՛սկ: Նշել ենք այն բառերը, որոնք նույնն են բոլոր ցանկերում):

նաև, որ վերջնավանկի *ը* ձայնավորը, որպես կանոն, շեշտակիր չէ, ինչպես՝ քա՛րը, սի՛րտս:

Հոդվածում քննվում են այն դեպքերը, երբ շեշտը շեղվում է վերոբերյալ օրինաչափություններից. բերվում են օրինակներ, որոնք կա՛մ տեղ չեն գտել հարցին առնչվող աշխատություններում, կա՛մ լրացնում, ճշտում ու հավելում են այս կամ այն տեսակետը:

1.Շեշտի անկանոն դրսևորում բառակազմության ժամանակ

ա) Շեշտի աջ տեղաշարժ (տեղաշարժ առհասարակ) տեղի չի ունենում *-երորդ* ածանցով կազմություններում թե՛ դասական թվականներ կազմելիս (քսանմե՛կերորդ), թե՛ ***որ, քանի*** բաղադրիչներով դերանուններ կազմելիս (քանի՛երորդ//քա՛նիերորդ, ո՛րերորդ):

բ) Շեշտը տեղափոխվում է ձախ հետևյալ կազմություններում՝ *միա՛յն > միմիայն, գուցե՛ > մի՛գուցե, մա՛նավանդ > նա՛մանավանդ:*

գ) Շեշտի ձախ տեղաշարժ է տեղի ունենում հարադրավոր բայեր կազմելու ժամանակ: Հայտնի է, որ հարադրավոր բայերը երբեմնի շարահյուսական լրացում-լրացյալ կապակցություններ են, որոնցում հարադիրը արտասանվել է ավելի շեշտված, իսկ բայը՝ անշեշտ կամ թույլ շեշտով. *«Եթե բառը իրեն առաջից ունի մի գորավոր շեշտով բառ, այսինքն այնպիսի բառ, որի քերականական շեշտի հետ միացած է և տրամաբանական գորացուցիչ շեշտը, այդ բառը նախընթաց բառի գորավոր շեշտի ազդեցության տակ թուլացնում է յուր շեշտը....կացավ-վե՛ր կացավ»* [1, 285]:

Իհարկե, կան բազմաթիվ հարադիր բայեր, որոնցում ոչ բայական բաղադրիչը անկախ կիրառություն չունի, ուստի և **լրացում-լրացյալ** հարաբերության մասին խոսք լինել չի կարող: Հարադիրը արտահայտում է չկոնկրետացված գործողության իմաստ, բայարմատ է և շարահյուսական որևէ պաշտոն չի ստանձնում, ինչպես՝ անց կենալ, թաք կենալ, կուլ գնալ, հուպ տալ, կոտր ընկնել, քարշ գալ և այլն:

Մեկ այլ խումբ են այն հարադիր բայերը, որոնց ոչ բայական բաղադրիչը թեև բայանուն չէ, բայց նույնպես անկախ կիրառություն չունի, ինչպես՝ թիկն տալ, ծառս լինել, կուչ գալ, տեղի տալ, տեղի ունենալ, երևան հանել և այլն:

Այս երկու խմբի բայերի համար բառային շեշտը ձևավորվում է ոչ թե փոխարկման (տրանսֆորմացիա) արդյունքում, այլ համաբանությամբ, այն է՝ հարադիր բայերում շեշտը կրում է ոչ բայական բաղադրիչը:

Շարահյուսական կապը մթագնելու հետևանքով նոր բառ կազմելիս բառային հիմնական շեշտը, հակառակ սպասվածի, պահպանվել է հարադիրի՝ ոչ բայական բաղադրիչի վրա (կացա՛վ-վե՛ր կացավ): Փաստորեն պետք է արձանագրել, որ տեղի է ունեցել շեշտի փոխարկում (տրանսֆորմացիա). տրամաբանական շեշտը վերածվել է բառային շեշտի: Սրան կարող էր նպաստել նաև այն հանգամանքը, որ բանավոր խոսքում շեշտ էին ստանում հրամայական եղանակի բայերին նախորդող անդամները:

Բայական հարադրությունների քանակը հազարների է հասնում: Դրանք կազմվում են բայական և ոչ բայական բաղադրիչներից, որոնց բաղադրիչների իմաստային ինքնուրույնության կորստի հետևանքով ավելի է սերտանում նրանց կապը, որը և նպաստում է բառական մեկ միավոր գիտակցվելուն: Այդ հատկանիշներին զուգակցվում է բաղադրիչներից մեկի (բայական բաղադրիչի) բառային շեշտի թուլացումը, քանի որ նոր ձևավորվող բառույթի գլխավոր շեշտի դերը իր վրա է վերցնում ոչ բայական բաղադրիչը [3, 94]: «Որպես այդպիսիք (բայական հարադրություն՝ ԱՍ, ՀՀ) պետք է ընդունել այն բաղադրությունները, որոնք լեզվի մեջ իմաստային միասնության տեսանկյունից ձեռք են բերել որոշ ավանդականություն, հիմնավորվել են պատմականորեն, և պարագայական կամ նման լրացուցիչ իմաստն այստեղ անջատ չի գիտակցվում, այն լուծվում է բայիմաստի մեջ: Նշանակում է՝ հարադրությունը ճանաչելիս անհրաժեշտաբար պետք է հաշվի առնել իմաստային-ֆունկցիոնալ և պատմական ավանդական գործոնները:

Նման դեպքերում այս գործոններով է բացատրվում նաև բառային շեշտի գործածությունը: Ժամանակավոր կապակցությունների մեջ կապակցության անդամները հանդես են գալիս անկախ բառական շեշտերով, իսկ հարադրության մեջ կա ընդհանուր իշխող շեշտ (որը դրվում է ոչ բայական բաղադրիչի վրա, իսկ բա-

յական բաղադրիչի շեշտը շատ թույլ է լինում, գրեթե չի զգացվում)» [3, 185]:

2. Շեշտի անկանոն դրսևորում ձևակազմության ժամանակ

Շեշտը տեղափոխվում է դեպի ձախ հետևյալ դեպքերում:

ա) Բայի բաղադրյալ ժամանակաձևերի և հրամայական եղանակի ժխտականը կազմելիս օժանդակ բայը և արգելականի ***մի*** մասնիկը գալիս են դերբայից առաջ, և շեշտը տեղափոխվում է ձախ, ինչպես՝ *խոսու՛մ եմ > չե՛մ խոսում, խոսի՛ր > մի՛ խոսիր*:

Այսպես է նաև զուգաբայական հարադրությունների ժխտականի կազմության ժամանակ, ինչպես՝ *եփու՛մ-թափու՛մ է > չի՛ եփում-թափում, եփի՛ր–թափի՛ր > մի՛ եփիր-թափիր*:

Առհասարակ զուգաբայական հարադրություններն ունեն երկու կամ ավելի (նայած բաղադրիչների քանակին) շեշտ. յուրաքանչյուր բայ պահպանում է իր բառային շեշտը [17, 321]: Ընդ որում երկուսն էլ հիմնական շեշտեր են: Սրանով զուգաբայական հարադրությունները (ինչպես նաև կրկնավոր, հատվածական և բաղհյուսական բարդությունները) տարբերվում են, և դա արդեն անկանոն շեշտադրություն է, քանի որ բարդ բառի մեջ պահպանվում են մի քանի հիմնական շեշտեր, այլ ոչ թե հիմնական և երկրորդական:

Ժխտական խոնարհման ժամանակ շեշտի ձախ տեղափոխության արդյունքում նկատվում է ընդունված օրինաչափություններից երկու շեղում: Առաջին դեպքում երկու հիմնական շեշտերից մնում է մեկը, որը տեղափոխվում է ձախ (և ոչ աջ), իսկ բառային հիմնական շեշտերը վերածվում են երկրորդականի: Երկրորդ անկանոնությունն այն է, որ հիմնական շեշտը նախորդում է երկրորդականին. մինչդեռ օրինաչափության համաձայն երկրորդական շեշտը պիտի նախորդեր հիմնականին:

Պատկերն այլ է հարադրավոր բայերի ժխտական խոնարհման կազմության ժամանակ: Հայտնի է, որ հարադրավոր բայերում շեշտը կրում է ոչ բայական բաղադրիչը (ձե՛ռք բերել), և որ շեշտը պահպանվում է դրական խոնարհման դեպքում, իսկ օժանդակ բայը դրվում է բայական բաղադրիչից առաջ: Մինչդեռ ժխտական խոնարհման ժամանակ օժանդակ բայը չի փոխում իր դիրքը, բայց

շեշտը տեղափոխվում է աջ՝ օժանդակ բայի վրա (*ձե՛ռք է բերում > ձեռք չի՛ բերում*):

Բաղադրյալ ստորոգյալների ժխտականի կազմության դեպքերում շեշտը ստորոգելիից տեղաշարժվում է հանգույցի վրա՝ *մա՛րդ է > մարդ չէ՛*: Իրավացիորեն նկատվել է, որ «ժխտական նախադասություններում հիմնական ինֆորմացիան կենտրոնանում է ժխտման շուրջ: Ժխտական մասնիկ ունեցող (*մի, չ*) և ժխտում արտահայտող բառերի (*ոչ, չէ, բոլորովին, երբեք* և այլն) հատվածում տեղավորվում են ինչպես տրամաբանական շեշտը, այնպես էլ արտասանվածքի այն ամենաշեշտված մասերը, որոնք հնչերանգային պատկերում դրսևորվում են» [15, 55]:

Այս դիտարկումը ցույց է տալիս ժխտական մասնիկների կարևոր դերը շարակարգում: Ընդ որում դա տեղի է ունենում թե՛ ձևաբանական (*չե՛մ գա, մի՛ գրիր*), թե՛ շարահյուսական մակարդակներում (*մարդ չէ՛*). հմմտ. *ո՛չ բնական, ո՛չ հայկական*[2]: *Ոչ* ժխտական բաղադրիչի գերակա շեշտակրությունը դրսևորվում է նաև ժխտական դերանուններում՝ *ո՛չ մի, ո՛չ ոք, ո՛չ մեկը* (բայց՝ *ոչի՛նչ*) [6, 336]:

Հատկանշական է, որ Լոռու խոսվածքում ժխտական մասնիկը, հակառակ սպասվածի, չի շեշտվում, ինչպես՝ *ա՛սես ոչ, ա՛սիլ մի* (բայց՝ *կրակե՛ե՛ե՛լ ո՛չ*):

Ժխտական ձևերի կազմությունները ամփոփելով՝ փաստենք, որ ժխտական մասնիկները գրական հայերենում, անկախ իրենց դիրքից՝ նախադաս կամ վերջադաս լինելուց, դառնում են արտասանվածքի կենտրոն և շեշտը կրում են իրենց վրա: Դա տեղի է ունենում և՛ ձևաբանական մակարդակում՝ ժխտական բայաձևեր (բառաձևեր) կազմելիս, և՛ շարահյուսական մակարդակում՝ ժխտական հարաբերություններ ձևավորելիս:

Ի տարբերություն գրական հայերենի՝ բարբառներում, ինչպես ասվեց, ***ոչ*** ետադաս ժխտական մասնիկը կարող է և չշեշտվել:

---

[2] Այս տեսակետից սպասելի էր նաև *ան, ապ* ժխտական նախածանցների շեշտակրությունը (*անբնական,* ապազգային), սակայն դա տեղի չի ունենում:

բ) Շեշտը շարժվում է ձախ որակական ածականների համեմատության աստիճանները կազմելիս: Այսպես՝ բաղդատական աստիճանի *ավելի* մասնիկը համեմատաբար ուժեղ շեշտով է արտասանվում, ինչպես՝ *մեծ > ավելի՛ մեծ*:

Եթե գերադրական աստիճանը կազմվում է *ամենից, բոլորից* բառերով, շեշտը նույնպես տեղափոխվում է ձախ՝ սրանց վրա (որոնք, փաստորեն, բառահարաբերական ձևույթի արժեք են ստանում), ինչպես՝ *ամենի՛ց մեծ, բոլորի՛ց մեծ*[3]:

3. Ը ձայնավորի շեշտակրություն

Ըստ լեզվական նորմի՝ հայերենում շեշտ չի կրում նաև վերջին վանկի *ը* ձայնավորը գրությամբ արտահայտված լինելու թե չլինելու դեպքում (տու՛ն, գի՛րք(ը)ս):

Այս կանոնը բացառություն ունի. եթե *ը*-ն բառի (հաճախ շեշտվում է, որ այդ բառերը ձայնարկություններ են) միակ ձայնավորն է, գրվում է և շեշտ կրում (թը՛խկ, հը՞):

Սակայն, ինչպես ցույց են տալիս փաստերը, *ը*-ի շեշտադրությունը (նաև ուղղագրությունը) այս բառերով չի սահմանափակվում: Ձայնարկություններից բացի կան այլ բառեր ևս, որոնցում *ը*-ից տարբեր այլ ձայնավոր չկա: Ընդ որում, դրանք և՛ **հատուկ, և՛ հասարակ անուններ են: Օրինակ՝ Մսըր (Եգիպտոսի պարսկա-արաբական անվանումը) [18, 258], Քըրք (անձնանուն) [5, 171], Նսըր (արաբների ոստիկան)** [12, 331], Խղըր (քրդական (եզդիական) անձնանուն), Կըրկ (կղզի Ադրիատիկ ծովում), Ղզըլ (թրք. «կարմիր») բառով բազմաթիվ տեղանուններ (Ղզըլ-Քիլիսա, Ղզըլ-Դաշ, Ղզըլ-Թամարի և այլն), Խըղր փաշա, Շըխ Հայդար [11, 38-453], ղրղըզ [12, 331], ղըռ (անջրդի վայր), սըր (տղամարդուն դիմելու ձև անգլերենում)[4]:

---

[3] Ըստ Ջ. Աղաջանյանի՝ համեմատության գերադրական աստիճանի *ամենա-* ցուցիչն ունեցող բառերում համեմատությունն ընդգծելու նպատակով հաճախ ուժգնորեն շեշտվում է առաջին ձայնավորը՝ ա՛մենաուշադի՛ր, և այսպիսի շեշտադրությունն ունի ոճական նշանակություն [5, 146]:

[4] Ըստ կանոնի՝ *ը*-ն բառասկզբում գրվում է *ղ, մ, ն* բաղաձայններից առաջ, *ըստ* բառում, իսկ բառամիջում գրվում է, եթե առկա է նրանով

4. Շեշտի կորուստ և խոսքիմաստային փոխանցում.

Հայերենի մի քանի վերաբերականներ առաջացել են բայերի (ընդ որում անկանոն բայերի) հրամայական եղանակի ձևերից, ինչպես՝ *թո՛ղ, արի՛, բե՛ր, տե՛ս*: Եթե հրամայական բայերը արտասանվում են շեշտված (իսկ գրավոր խոսքում, որպես կանոն, գծանշվում են, պարտադիր շեշտ են կրում), ապա կորցնելով ուժեղ շեշտը՝ վերածվում են վերաբերականների՝ դառնալով անշեշտ բառեր թե՛ նախահար, թե՛ վերջահար դիրքերում[5]:

Այս բառերի նյութական իմաստի կողքին աստիճանաբար ձևավորվել է վերաբերմունքային իմաստ, իսկ դրան թերևս նպաստել է հենց շեշտի թուլացումը (կորուստը):

Այլ ձևակերպմամբ՝ շեշտի կորուստը (թուլացումը, թույլ արտասանությունը) կարող է հանգեցնել խոսքիմաստային փոխանցման կամ բառիմաստի տարբերակման:

5.Շեշտի իմաստատարբերակիչ դերը

սկսվող արմատ կամ բառամաս: Ուստի և ո**ւղղագրական շեղում է *ըհը, ըհի, ըհա*** բառերում, *ը* տառանվան՝ *ըթ,* և սրանից կազմված *ըթացում* բառում, մի քանի հայկական ազգանուններում (հմմտ. Այտընյան, Չալըխյան, Գաթըրճյան), Բուլանըղ//Բուլանըխ (գավառ Արևմտյան Հայաստանում), Չալթըր//Չալդըր (Նոր Նախիջևանի գյուղերից), Հաջըն տեղանուններում, *դը* (տիտղոս նշանակող մասնիկ) և լը (հոդ ֆրանսերենում) օտարալեզու մասնիկներում: Անմիօրինակություն է նկատվում օտար (հատկապես անգլերեն) անունները հայերենի փոխադրելիս՝ գրադարձելիս կամ հնչադարձելիս. գրադարձումը ենթադրում է բառի փոխադրումը ըստ գրության (Byron>Բայրոն), հնչադարձումը՝ ըստ արտասանության (Բայրըն): *Ը*-ի հնչադարձումը պարտադիր է բարբառային տեքստերը գրանցելիս: Ուղղագրական այս շեղումներին կանդրադառնանք առանձին:

[5] Լեզվաբանության մեջ տարածված այս բնորոշումը՝ անշեշտ բառ, վիճելի է, քանի որ բառի էական հատկանիշներից մեկը նրա արտասանական ամբողջականությունն է, որը ձևավորվում է հենց բառային շեշտի շնորհիվ՝ ապահովելով բառի զրո շրջապատը: Այնուամենայնիվ հետևելով հայ լեզվաբանության մեջ առկա ավանդույթին՝ գործածում ենք ***շեշտազրկում*** կամ ***շեշտի կորուստ*** տերմինները (այլ ոչ թե ***շեշտի թուլացում***):

Ընդունված է ասել, որ հայերենի շեշտը իմաստատարբերակիչ դեր չունի: Ոմանք իմաստատարբերակիչ դեր տեսնում են *քարե՛ր – քա՛ր էր, բացե՛ր – բա՛ց էր* ձևերում: Մինչդեռ նման դեպքերում գործ ունենք շեշտի սահմանազատիչ դերի հետ. նշված օրինակներում ընդգծվում է երկու բառերի սահմանը, իսկ շեշտի իմաստատարբերակիչ դերը պետք է տեսնել նույն բառի (բառաձևի) սահմանում, անկախ նրանից, թե բառը վերջնավանկային շեշտով է արտասանվում, վերջընթեր թե այլ (հմմտ. քա՛ղաքապետ, քաղա՛քապետ, քաղաքապե՛տ և ռուս. *за́мок (դղյակ) և замо́к (կողպեք), воды́ (ջրի), во́ды (ջրեր)*:

Զ.Աղաջանյանը իրավացիորեն շեշտի իմաստատարբերակիչ դեր է տեսնում *ըհը* բառի արտասանության ժամանակ. «ձևով ունի «այո» իմաստը, իսկ *ը՛հը* ձևով՝ «ահա» իմաստը» [5, 171]: Համաձայնելով հանդերձ՝ մի վերապահում անենք. «ահա, այսպիսով» իմաստի դեպքում բառն արտասանվում է կարծես երկու շեշտով, առաջին *ը*-ից հետո կարճ դադարով և երկրորդ *ը*-ի տևականությամբ: Այսինքն՝ բառիմաստը այնուամենայնիվ տարբերվում է ոչ թե հատկապես **միայն** շեշտով, այլ նաև հնչերանգային այլ դրսևորումներով:

Սրանից բացի մի շարք բառերի իմաստը նախադասության մեջ՝ շարահյուսական շրջապատում (բայց ոչ նախադասությունից դուրս, ինչպես ռուսերենում է), տարբերվում է հենց շեշտված կամ անշեշտ արտասանելով: Այսպես են իրարից տարբերվում՝

ա) *Էլ* հավելական շաղկապը (անշեշտ) և *է՛լ* մակբայը (շեշտով): Օրինակ՝ Ես էլ չեմ գա // Ես է՛լ չեմ գա: Պիսիրը Հաբուդի աչքում է՛լ ավելի ընկավ (ԱԲ):

բ) *Մի* արգելական մասնիկը (շեշտված) *մի* վերաբերականից (անշեշտ): Օրինակ՝ Մի՛ լսիր նրան // Մի լսի՛ր նրան:

գ) *Մի* թվականը (շեշտված) *մի* անորոշ դերանունից (անշեշտ): Օրինակ՝ Մեր տուն մի՛ մարդ էր եկել // Մեր տուն մի մարդ էր եկել [21, 76]:

Շեշտի իմաստատարբերակիչ դերը կարող է դրսևորվել ոչ միայն համանուն բառերի շեշտակրությամբ, այլև նույն բառային կազմն ունեցող նախադասության մեջ տարբեր բառերի շեշտադ-

րությամբ: Ընդ որում հատկանշական է, որ դա տրամաբանական շեշտի հետ կապ չունի. շեշտված բառը ոչ թե մղվում է առաջին պլան և դառնում տեղեկույթի կենտրոն, այլ տարբեր շեշտադրությամբ նախադասությունները տարբեր իմաստ են արտահայտում: Հմմտ. հետևյալ նախադասությունները.

1) Դե դու գիտե՛ս:

2) Դե դու՛ գիտես:

Առաջին նախադասությունը նշանակում է «տեղյակ ես, իրազեկված ես», իսկ երկրորդ նախադասությունը ունի զիջական, համակերպման երանգ և նշանակում է «ինչպես կուզես, քո կամքն է»:

Գ. Գարեգինյանը կարճ մեջբերվող ուղղակի և անուղղակի խոսքերի տարբերակման հիմունք է առաջարկում հարցական դերանունների վրա շեշտ կամ հարցական նշան (պարույկ) դնելը: «Հաճախ գրավոր խոսքում, եթե տարբերակիչ կետադրական նշաններ առկա չեն, ուրիշի ուղղակի խոսքը կարող է շփոթվել գլխավորին շարահարությամբ ստորադասված ուղիղ խնդիր երկրորդականի հետ: .... Նման երկդիմություն կարող է առաջանալ նաև *թե* շաղկապի զեղչման դեպքում, երբ հարցական բառերի վրա բացակայում են առոգանության նշանները: .... Երկդիմությունը կարելի է վերացնել առոգանության նշանների տարբերակված գործածությամբ: Եթե տվյալ նախադասությունը շարահարությամբ կապված ուղիղ խնդիր երկրորդական է, ապա անհրաժեշտ է նրա կազմում եղած հարցական բառի վրա շեշտ դնել, իսկ եթե ուղղակի խոսք է, ապա անհրաժեշտ է հարցական բառի վրա հարցական նշան դնել» [9, 393-394]:

Մասնագիտական գրականության մեջ առանձնացվում են այն բառերն ու բառախմբերը՝ լեզվական միավորները, որոնք բանավոր խոսքում շարահյուսական շրջապատում առանձնանում են ուժգին հնչողությամբ, իսկ գրավոր խոսքում պարտադիր կրում են շեշտ (կամ առոգանության որևէ նշան՝ պարույկ կամ երկարացման նշան): Ընդ որում դրանք քննվում են նույն խմբում, չնայած կա՛մ ձևաբանական, կա՛մ շարահյուսական միավորներ են: Դրանք են՝ ա) հրամայական եղանակի թե՛ դրական, թե՛ ժխտական խոնարհ-

ման բայաձևերը[6], բ) հարցական դերանունները, գ) մի շարք վերաբերականներ (այո՛, ո՛չ, չէ՛, հա՛, մի՞թե, չէ՞ որ, չլինի՞ թե, ինչպե՞ս չէ, ի՞նչ արած, ափսո՛ս), կրկնադիր շաղկապներ, ձայնարկություններ:

Շարահյուսական մակարդակում շեշտված արտասանությամբ (իսկ գրավոր խոսքում՝ համապատասխան կետադրությամբ) բնութագրվում է կոչականը:

Խոսքային իրավիճակով պայմանավորված՝ հրամայական եղանակի բայերի և կոչականի շեշտը կարող է տեղափոխվել ձախ: Բայց եթե կոչականի շեշտի տեղափոխությունը լրացումների կամ ձայնարկության վրա (սիրելի՛ Գոհար, ա՛յ տղա) ամրագրված է կանոնով, ապա հրամայական բայաձևերի շեշտի տեղաշարժը նախորդող բառի վրա, որպես կանոն, անտեսվել է: Մինչդեռ վաղուց է նկատված, որ «Կոչականն ու հրամայականը կը բթին՝ երբ նախընթաց շեշտեալ բառ մ'ունին՝ որ իրենց վերադիրն է» [7, 363]:

Գ. Գարեգինյանը գրում է, որ նախադաս լրացում ունենալու դեպքում շեշտը դրվում է ոչ թե ստորոգյալի, այլ նրա <u>նախադաս լրացման վրա</u> (ընդգ.՝ ԱՍ, ՀՀ), և դա պայմանավորում է տրամաբանական շեշտով [9, 421]: Մինչդեռ *Մի մոմ էլ դո՛ւ կպցրու Անհաղթի գերեզմանին* նախադասության մեջ շեշտվում է հրամայական բային նախորդող բառը, որը ոչ թե լրացում է, այլ ենթակա: Այսինքն՝ կարևոր չէ նախորդող բառի **լրացում** լինելը, կարևոր է հենց այն, որ շեշտակիր է դառնում հրամայական բային **նախորդող** բառը՝ անկախ շարահյուսական պաշտոնից:

Հր. Աճառյանը, սակայն, կարծում է, որ «նախադասության մեջ ստորադաս կամ երկրորդական արժեք ունեցող բառերը ավելի թույլ շեշտ են ստանում, քան իրենց գերադաս, այսինքն՝ ավելի կարևոր բառերը: Այսպես, ածականը իր գոյականից ստորադաս է, սեռա-

[6] Ս. Աբրահամյանը քննադատում է այս մոտեցումները: «Արդի հայերենի կետադրության թերություններից մեկը մի շարք դեպքերում ձևաբանական գործոնին առաջնություն տալն է շարահյուսականի, խոսքայինի համեմատությամբ: Այսպիսի դեպքերից է, օրինակ, հրամայական բայաձևերի, կրկնադիր շաղկապների պարտադիր շեշտադրության պահանջը, որը մինչև այժմ տեղ է գտնում որոշ գրքերում և կետադրության պրակտիկայում» [4, 11]:

կանը իր հատկացյալից ստորադաս է, մակբայ, շաղկապ, նախադրություն ավելի ստորադաս են, քան մյուս բառերը և այլն» [6, 322]:

6. Երկշեշտություն

Հայերենում երկու շեշտով բնորոշվում են հարադրական (կրկնավոր, հատվածական, բաղհյուսական) բարդությունները: Ընդ որում շեշտերից մեկը համարվում է հիմնական, մյուսը՝ երկրորդական: Ինչպես ասվեց, զուգաբայական հարադրությունների շեշտը քննելիս անկանոնություն պետք է դիտել ոչ միայն մի քանի շեշտը, այլև այն դեպքերը, երբ երկրորդական շեշտը նախորդում է հիմնական շեշտին:

Այդպիսին է (անկանոն) հարադրավոր բարդությունների բառային շեշտը, որն ընկնում է ոչ բայական բաղադրիչի՝ հարադրի վրա և և նախորդում երկրորդական շեշտին, որն ընկնում է բայական բաղադրիչի վրա, ինչպես՝ *ձե՛ռք բերել*:

Կրկնավոր բարդություններում նույնպես նկատելի են շեշտադրման շեղումներ: Այսպես՝ որոշ հարադրություններ ներկայացվում են առաջին բաղադրիչի շեշտադրությամբ, ինչպես՝ *օ՛ր օրի* [8, 50], [5, 177]: Այս շեշտադրությունն արդեն անկանոնություն է, քանի որ բարդ բառի ձևավորմամբ հանդերձ՝ շեշտի տեղաշարժ բառավերջ տեղի չի ունեցել:

Նշվեց, որ երկու հիմնական շեշտ ունենալն արդեն իսկ հայերենի համար անկանոնություն պետք է դիտել (տե՛ս զուգաբայական հարադրությունների շեշտը): Նման երկշեշտությամբ բնորոշվում են նաև կրկնավոր բարդությունները, ինչպես՝ *տու՛ր հա տու՛ր, բե՛ր հա բե՛ր* [10, 108]:

Ա. Մուրվալյանը նման բարդություններում շեշտը դնում է *հա* բաղադրիչի վրա՝ *փըշտ- հա՛ - փըշտ* «շտապով, երկյուղից շտապելով», ինչպես նաև՝ *գա հա՛ գա, տուր հա՛ տուր* [13, 152]: Նման շեշտադրությունը, որը, ինչ խոսք, հնացած է, նույնպես պիտի անկանոն համարել. նախ՝ շեշտը դրվում է վերջընթեր վանկի վրա, երկրորդ՝ չեն շեշտվում հրամայական եղանակի բայերը (վերջին երկու օրինակում):

Երկու շեշտ են կրում ինչպես կրկնավոր ձայնարկությունները, ինչպես՝ *վա՛շ-վի՛շ, տաշի՛-տուշի՛, հա՛յ-հա՛յ, հա՛յ-հու՛յ,* այնպես էլ

տարբեր բառերով ձևավորված բաղադրյալ ձայնարկությունները, ինչպես՝ *պա՛հո՛, տո՛բա՛, հա՛յ հարա՛յ, բա՛տո՛, է հե՛հե՛յ*:

7. Տառային հապավումների շեշտը

Շեշտին վերաբերող աշխատություններում առհասարակ չի խոսվում տառային հապավումների շեշտի մասին (հապավումների շեշտի մասին ընդհանրապես): Մինչդեռ հապավումները՝ որպես **բառեր**, պետք է ունենան իրենց շեշտը և ենթարկվեն հայերենի արտասանական և շեշտադրության կանոններին:

Առանձնակի է այն տառային հապավումների շեշտադրությունը, որոնք վերածվել են հասարակ գոյականների և գրվում են փոքրատառով, ինչպես՝ *բուհ, ջէկ, հէկ, աէկ, նէպ, գազս, սպիդ, դօտ, դգօտ, բոմժ*[7]:

Եթե տառային հապավումն ունի մեկ ձայնավոր, որը գտնվում է բաղաձայնների միջև և հապավման առաջին կամ վերջին բաղադրիչը չէ, հապավումն արտասանվում է և շեշտ է կրում սովորական միավանկ բառի համաբանությամբ, և տառանվանումների[8] *ը*-ն չի արտասանվում, ինչպես՝ *ՊԱՊ, ՀՕՊ, ՀԱՄԽ*:

Եթե հապավումն ունի բաղաձայնով ընդմիջվող մի քանի ձայնավոր, ապա դրանք վանկ են կազմում, արտասանվում և շեշտադրվում են բազմավանկ բառերի համաբանությամբ, ինչպես՝ *ՖԻՖԱ, ՆԱՏՕ, ՅՈՒՆԵՍԿՕ, ՄԽԱՏ*[9]:

---

[7] Արժանահիշատակ է վերջին երեք բառերի ուղղագրությունը: Դրանք ռուսերենից փոխառյալ հապավումներ են. դօտ (<долговременная огневая точка), դգօտ (<дерево-земляная огневая точка), բոմժ (<без определённого места жительства), բայց վերջինը գրվում է *ո*-ով (փոխանակ *օ*-ով): Երևույթը թերևս կարելի է բացատրել նրանով, որ հայերենում դրա հապավում լինելը չի գիտակցվում:

[8] ***Տառանվանում***-ը գործածում ենք՝ ընդգծելու այբուբենի տառերի՝ արևելահայերենում ընդունված *ա, բը, գը, դը…* արտասանությունը՝ ի տարբերություն ***տառանուն***-ի, որով ցույց է տրվում մեսրոպյան այբուբենի տառերի անունները՝ *այբ, բեն, գիմ, դա*:

[9] Կան վերջընթեր վանկի շեշտադրությամբ հապավումներ՝ ՆԱ՛ՏՕ, ՅՈՒՆԵ՛ՍԿՕ, և դա պայմանավորված է փոխատու լեզվի շեշտադրությամբ:

Եթե հապավման ձայնավորը առաջին (ԱՄՆ, ԱԱԾ, ՈՒԳԸ, ԳԱԱ) կամ վերջին բաղադրիչն է, կամ հապավումը ձայնավոր բաղադրիչ չունի, հապավման բաղադրիչներն արտասանվում են առանձին-առանձին (ոչ որպես մեկ հնչաբառ), տառանվանումով, յուրաքանչյուր բաղադրիչ ունենում է իր շեշտը, և առաջանում է հայերենի համար անսովոր (անկանոն) վիճակ. բառը ունենում է մի քանի շեշտ (կախված բաղադրիչների քանակից), և շեշտակիր կարող է դառնալ չգրվող, բայց լսվող *ը* ձայնավորը, օրինակ՝ ԱԳԸԼԸՃԸԿը, ՎԸՊԸՀը, ՀԸԹԸԸ:

Արևմտահայերենում հապավումներն արտասանվում են տառանուններով, ուստի և ո՛չ արտասանության, ոչ՛ շեշտադրման դժվարություններ չեն առաջանում, հմմտ. *ՀՅԴ* [10] *(հոհիդա), ՀՄԸՄ (հոմենըթմեն), ԿԿ (կենկեն)*:

Արտասանական (և ուղղագրական[11]) մյուս դժվարությունը առնչվում է համեմատաբար վերջերս տարածված օտարալեզու տառային հապավումներին, որոնք արտասանվում են օտար լեզվի տառանուններով, ինչպես՝ *Բի-Բի-Սի, Սի-Էն-Էն, Էյչ-Էս-Բի-Սի* և այլն: Այս բառերի յուրաքանչյուր բաղադրիչ արտասանվում է առանձին շեշտով, այսինքն՝ սրանք նույնպես բազմաշեշտ բառեր են[12]:

---

[10] Արևելահայերենում պահպանվում է հապավման ավանդական ձևը (փխնկ. ՀՀԴ):

[11] Սրանք, ի տարբերություն մյուս տառային հապավումների, գրվում են գծիկներով:

[12] Սրանք անգլալեզու հապավումներ են, տառադարձվել են անգլերենի տառանուններով (փոխառվել է օտարալեզու արտասանությունը), և ձևավորվել է ուրույն, մյուս հապավումներից տարբեր ուղղագրություն: Խորհրդային տարիներին գործածվող օտարալեզու հապավումների վրա այս դրույթը (տառանուններով փոխադրելը) չէր կարող տարածվել, քանի որ դրանք ռուսերենով միջնորդավորված էին. հմմտ. փոխառություններ ոչ միայն անգլերենից, այլև գերմաներենից, ֆրանսերենից և այլն, օրինակ՝ ՆԱՏՕ (անգլ.՝ North Atlantic Treaty Organization), ՕԱՍ (ֆր.՝ Organisation de l'Armee Secret «Ֆրանսիական զինված գաղտնի ընկերություն), ԴՊԱ (գերմ.՝ Deutsche Presse Agentur):

Օտարալեզու հապավումների՝ փոխատու լեզվի արտասանության օրինաչափություններով փոխառությունը հայերենի համար նորություն չէ: Այդպիսիք են էսէռ (СР=социал-революционер «սոցիալ-հեղափոխական»), կադետ (КД=конституционный демократ «կոնստիտուցիոն դեմոկրատ») հապավումները: Սրանք՝ որպես հասարակ գոյականներ, հիմք են դարձել նաև այլ կազմությունների (էսէռական, էսէռականություն, էսէռացող (ենթադրվող **էսէռանալ* բայը բառարանում չկար), էսէռություն, կադետական, կադետականություն, կադետային):

Հատկանշական է ՍՍ հապավումը (գերմ.՝ Schutstaffel «հիտլերյան ֆաշիստական Գերմանիայի հատուկ նշանակության զորամաս»): Այն գերմաներեն հապավում է, որը փոխառվել է ռուսերենի միջոցով և ռուսերեն արտասանությամբ՝ ԷսԷս: Այս հապավումը ածանցվելիս և հոլովվելիս դառնում է վանկային հապավում, ինչպես՝ էսէսի, էսէսական և այլն [14, 135]:

8. Տրամաբանական շեշտ

Բացի բառային շեշտից՝ հայերենին հատուկ է նաև տրամաբանական շեշտը, որով նախադասության որևէ բառը հատուկ երանգով և բառային շեշտի առավել ուժգնությամբ է արտասանվում՝ իմաստային երանգավորում հաղորդելով նախադասությանը:

Ս. Աբրահամյանը տրամաբանական շեշտը կապում է հնչերանգի ըմբռնման հետ՝ գտնելով, որ այն հնչերանգի ամենաբարձր տոնն է մնացած ելևէջների համեմատությամբ: Ընդ որում հեղինակը տրամաբանական շեշտ է տեսնում բոլոր տիպի նախադասություններում:

Եթե մի կողմ թողնենք այն բառերը, որոնք գրեթե միշտ շեշտված են հանդես գալիս (դրանց մասին նշվեց, ապա տրամաբանական շեշտով հնչաշղթայում կարող է առանձնանալ ոչ միայն ցանկացած **բառ**, այլև ցանկացած լեզվական միավոր՝ **վանկ, ձևույթ**, **անշեշտ** բառ: Ուստի և հնչաշղթայում բառային շեշտից ցանկացած շեղում պետք է դիտել անկանոնություն:

Անկանոնություն է դրսևորվում, երբ միջբառային դադարը վերածվում է կցույթի [20, 38] և բառային ու շարույթային շեշտերը

չեն համընկնում: Դա մասնավորապես լինում է այն ժամանակ, երբ բաղաձայնով վերջացող բառը հաջորդ բառի՝ ձայնավորով սկսելու պատճառով ստանում է *ն* հոդ, ինչպես՝ ***Հակոբն ընկավ (Հակոբընընկավ),*** բաղաձայնով վերջացող բառին հաջորդում է *եմ* օժանդակ բայը, *էլ* շաղկապը կամ *իսկ* վերաբերականը, ինչպես՝ *Լիլիթն է եկել (Լիլիթնէ յէկել), Համլիկն էլ կասի (Համլիկնէլ կասի), Արամն իսկ գիտի (Արամնիսկ գիտի)* [13]:

Պետք է առանձնակի ուշադրություն դարձնել հետևյալ հանգամանքին. եթե ա) կետում նշված դեպքերում բաղաձայնով վերջացող բառը, անկախ շարահյուսական շրջապատից՝ հաջորդ բառից, կարող է նաև ***ը*** հոդ ստանալ ***(Հակոբը ընկավ)***, ապա բ) կետում նշված դեպքում (***եմ*** բայից, ***էլ*** շաղկապից, ***իսկ*** վերաբերականից առաջ) ***ը*** հոդ ստանալ չի կարող: Այսինքն՝ բաղաձայնահանգ բառերի՝ օրինաչափորեն *ը* ստանալը խաթարվում է շարահյուսական շրջապատով. պարտադիր է մի տարբերակ միայն. ***ը*** հոդով զուգաձև չկա:

Այլ ձևակերպմամբ՝ եթե երկու (գուցե և ավելի) շեշտակիր բառեր միավորվում են մեկ հնչաբառի (հնչադասության) մեջ, նրանցից մեկը կորցնում է բառային շեշտը:

2) Տրամաբանական շեշտով կարող է ընդգծվել վանկ (արտասանվածքի նվազագույն միավորը) կամ որևէ բառամաս և չհամընկնել բառային շեշտին, օրինակ՝ *Ոչ թե պա՛միդոր, այլ պո՛միդոր: Ոչ թե մոտեցի՛, այլ մոտեցի՛ր (մոտեցի՛ բառաձև չկա.* շեշտը համաբանությամբ դնելով վերջին վանկի վրա՝ ընդգծվում է բառաձևի սխալը): Ես չասացի չը՛գաս, ես ասացի կը՛գաս: Նե՛րշնչում է և ո՛չ թե արտա՛շնչում:

«Հայերենի մեջ,– գրում է Հր. Աճառյանը,– այս երևույթը հասնում է մինչև տառերի կամ ձայների վրա ուշադրություն դարձնելու աստիճանի: Օրինակ՝ *Ա՛պարան* թե՞ *կապարան: Աբա՛րան չէ,*

[13] Սպասելի էր, որ նույնը վերաբերեր նաև *անգամ* սաստկական վերաբերականին, բայց նրանից առաջ բառը կարող է ստանալ և՛ *ը,* և՛ *ն* հոդեր: Հմմտ. *Արամը անգամ // Արամն անգամ:*

Ապա՛րան:

Առաջինի մեջ խնդիրը ***ա*** թե ***կա*** արտասանելու մասին է, ուստի այդ վանկերն են շեշտված, երկրորդի մեջ՝ ***բա*** թե ***պա*** արտասանելու մասին, ուստի և այդ վանկերն են շեշտված» [6, 321]:

Տրամաբանական շեշտի այս նշանակությունները հատկապես նկատելի են ու կարևոր հակադրությամբ կազմված կառույցներում:

գ) Եվ, վերջապես, շեշտադրման անկանոնություն պետք է տեսնել այն դեպքերում, երբ նախադասության մեջ տրամաբանական շեշտ են առնում անշեշտ բառերը՝ նախահար թե վերջահար[14]:

Անշեշտ են կապերը (թե՛ նախադրությունները՝ ***ի, ըստ, ընդ, առ, առանց*** և այլն, թե՛ ետադրությունները՝ ***մոտ, դեմ, մեջ***), թարմատարները (***ինչպես թե, երբ որ***), մի շարք վերաբերականներ, *եմ* օժանդակ բայը (դրական խոնարհման ժամանակ), շաղկապները (բացի կրկնադիր համադասականներից), *պիտի* եղանակիչը[15], բաղադրյալ ստորոգյալի հանգույցը դրական խոնարհման դեպքում:

Հատկապես բանաստեղծական խոսքում չափ պահելու նպատակով [19, 78-80] անշեշտ բառերը կարող են շեշտվել, և կառաջանա մի յուրահատուկ իրավիճակ. ձևաբանական կամ շարահյուսական նորմով սրանց շեշտադրությունը կլինի անկանոն, սակայն կանոնավոր՝ ըստ տաղաչափական նորմի: Համեմատենք հետևյալ դեպքերը, երբ շեշտված են՝

ա) ստորադասական շաղկապը.

1. Կշպրտենք-անթիվ տանկերո՛վ էլ գան *թե՛* (ԵՉ):

2. Բայց եղել են լոկ վկա անտարբեր
Եվ կարծել են, թե ես վաղուց չկամ (ԵՉ)

---

[14] *Հնչաբառի* դեպքում հիմք է ծառայում շեշտակրությունը. այս պայմաններում անշեշտ բառերը, լինեն դրանք նախահար (պրոկլիկտիկ), թե վերջահար (էնկլիկտիկ), միանում են շեշտակիր բառերին և կազմում մեկ հնչաբառ [19, 90-91]:

[15] *Պետք է* եղանակիչը համեմատաբար շեշտված երանգ ունի [5, 155]:

բ) նախադրություն կապը.

Որպես բախտիս մութ քամահրանքը, կամ *որպես*
Մի հին խոստում, որ անկատար, դրժած թողի (ԵՉ):

գ) ետադրություն կապը.

Իր բանվոր հոր հետ *միասին*
Գործարան էր գնում նա երբեմն:
Կամ հավաքած իր քաջ ընկերներին դրսի
Նա խաղում էր «Կռիվ բուրժույի *դեմ*» (ԵՉ):

դ) թարմատարը.

Եվ նա տեսավ, տեսավ, թե ինչպես հոր
Աչքերը հուր դարձան հետզհետե,
Լուսարձակներ երկու դարձան ոնց *որ*
Ոնց որ ռումբեր, որ նա պիտի էգուց նետե (ԵՉ):

Խոսքում շեշտակիր միավորների անջատումը սերտորեն կապվում է արտասանվածքի հատույթավորմանը [15, 173]:

Նկատենք սակայն, որ շարույթի սահմանները և շարույթային շեշտը որոշելը շատ սուբյեկտիվ է, քանի որ փորձառական հնյունաբանության մեջ օգտվում են ոչ միայն գործիքների ընձեռած հնարավորություններից, այլև մեծ չափով լսողական սարքերից [15, 42], [13, 171-206]:

«Որոշ դադարներով ձայնագրված նախադասությունները ***փորձարկվողը հնարավորություն էր ստանում լսել մի քանի անգամ, մինչև որոշում էր շարույթների տեղն ու քանակը***: Լսողական վերլուծությանը մասնակցել են բանասիրական ֆակուլտետների բարձր կուրսերի ուսանողներ: Բոլոր փորձարկվողներին էլ (մասնակի տարբերություններով) ***հիմնականում*** ճիշտ են նշել շարույթների սահմանները [15, 179, 182-185]»:

Ուստի և մենք զերծ կմնանք շարույթային շեշտին անդրադառնալուց, հատկապես որ «միշտ չէ, որ շարույթի վերջին վանկը շարույթային շեշտի կրողն է» [15, 182], նրանում կարող է ցայտուն արտահայտություն ստանալ բառային շեշտը, մինչդեռ նույն շարույթում կարող է լինել այլ շարույթային շեշտ, «շարույթային

շեշտը կարող է ընկնել նույն շարույթի մեջ մտնող տարբեր բառերի վրա» [15, 183]:

Այսպիսով կարող ենք արձանագրել, որ ինչպես լեզվական ցանկացած նորմ, այնպես էլ շեշտադրման նորմը բնութագրվում է հակահամակարգային տարատիպ դրսևորումներով (անկանոնություններով), որոնք ձևավորվում և զարգանում են կիրարկման (ուզուսի) մակարդակում և լեզվական նորմի բեկմամբ պայմանավորված՝ տեղ են գտնում նաև նրա կառուցվածքում՝ դառնալով այդ իսկ կառուցվածքի կանոնիկ դրսևորում:

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-312-332

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Աբեղյան Մ, Երկեր, հ. Ը, Երևան, 1985:
2. Աբրահամյան Ս., Ժամանակակից գրական հայերեն, Երևան, 1981:
3. Աբրահամյան Ս., Բայը ժամանակակից հայերենում, Երևան, 1962:
4. Աբրահամյան Ս., Հայերենի կետադրություն. Երևան, 2002:
5. Աղաջանյան Զ., Շեշտը և շեշտադրության նորմավորման հարցերը հայերենում, Երևան, «Նաիրի», 2019:
6. Աճառյան Հր., Լիակատար քերականություն հայոց լեզվի, հ. VI, Երևան, 1971:
7. Այտընյան Ա., Քննական քերականություն աշխարհաբար կամ արդի հայերեն լեզվի, Երևան, 1987:
8. Ավետիսյան Յու. և այլք, Հայոց լեզու և խոսքի մշակույթ, Երևան, 2016:
9. Գարեգինյան Գ., Ժամանակակից հայոց լեզու. բարդ նախադասություն, Երևան, 1991:
10. Գյուրջինյան Դ., Հայերեն բառարան տեղեկատու. միասին, անջատ կամ գծիկով գրվող բառեր, Երևան, 2006:

11. Դավրիժեցի Առ., Պատմություն, Երևան, 1988:
12. Դրասխանակերտցի Հովհ., Հայոց պատմություն, երևան, 1966:
13. Թոխմախյան Մ., Հայերենի շարույթային շեշտը, Երևան, 1978:
14. Հայոց լեզվի զարգացումը սովետական շրջանում, Երևան, 1973:
15. Հնչերանգը և շեշտը ժամանակակից հայերենում, Երևան, 1978:
16. Մուրվալյան Ա., Հայոց լեզվի բառային կազմը, Երևան, 1955:
17. Մարգարյան Ալ., Հայերենի հարադիր բայերը, Երևան, 1966:
18. Պապոյան Ա., Հայագիտական հետազոտություններ, Երևան, 2007:
19. Ջահուկյան Գ., Ժամանակակից հայերենի տեսության հիմունքներ, Երևան, 1974:
20. Ջահուկյան Գ., Հայերենի կետադրության պատմական և տեսական հիմունքները, «Լրաբեր հասարակական գիտությունների», 1990, N7:
21. Սանթոյան Ա., Արդի հայերենի կետադրության համակարգը, Երևան, 2004:

ИРРЕГУЛЯРНОЕ УДАРЕНИЕ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Арен Сантоян
Асмик Арутюнян

Резюме

Ключевые слова: *сдвиг ударения, смыслоразличительное ударение, ударение в аббревиатурах, ударение в отрицательных образованиях, ударение на гласном «ր» [ə], двойное ударение*

В современной армянской лингвистике ударение обычно описывается как сильное, не дифференцирующее значения, устойчивое и подвижное, и, как правило, ставится на последний слог. Однако это правило часто нарушается различными языковыми выражениями, которые зачастую либо не учитываются в существующих исследованиях, либо служат для дополнения, уточнения или расширения различных точек зрения.

В данной статье рассматриваются случаи, когда ударение расходится с вышеупомянутыми устоявшимися нормами, и выявляются следующие нерегулярные типам:

1. Иррегулярное ударение в словообразовании,
2. Иррегулярное ударение в грамматических склонениях,
3. Особенности ударения гласного «ր»,
4. Иррегулярноее ударение при потере ударения и сдвигах по частям речи,
5. Иррегулярное ударение, обусловленные смыслоразличительной ролью ударения,
6. Двойное ударение,
7. Особенности ударения в аббревиатурах,
8. Особенности логического ударения.

IRREGUALAR STRESS IN ARMENIAN

Aren Santoyan
Hasmik Harutyunyan

Summary

Key words: *stress shift, meaning-differentiating stress, stress in abbreviations, stress in negative formations, stress on the vowel "ը" [ə], double stress*

In modern Armenian linguistics, stress is generally described as strong, non-meaning- differentiating, stable-mobile, and typically placed on the final syllable. However, this rule is frequently disrupted by various linguistic expressions, which are often either overlooked in existing research or serve to complement, clarify, or expand upon different perspectives.

This article explores cases where stress diverges from the aforementioned established norms, identifying the following irregular patterns:

1. Unconventional stress patterns in word formation;
2. Irregular accentuation in grammatical inflections;
3. Stress characteristics of the vowel "ը";
4. Stress anomalies in accent loss and part-of-speech shifts;
5. Stress anomalies caused by the meaning-differentiating role of stress;
6. Double accentuation;
7. Stress patterns in abbreviations;
8. Characteristics of logical stress.

УДК 811.11-112

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF FRENCH AND ENGLISH IDIOMS PERTAINING THE TERM "HEAD"

Ella Sargsyan

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-333-345

Key words: *head, idiomatic expressions, borrow, comparative study, equivalent, parallels, terms, lexically, semantically and syntactically identical units*

After coexisting for centuries, English and French share a rich and entwined history. This long-lasting relationship has resulted in a vibrant interchange of grammar, pronunciation, vocabulary, writing, and culture, all of which mutually enrich each other by means of borrowings. It is possible to see these interactions between French and English as more than merely a word or a phrase borrowing because they represent some of the techniques by which the two languages have arrived at their current cultural state. It is a profound and ongoing dialogue that has left a lasting imprint. Despite the ongoing exchange and communication between languages, languages maintain distinctive characteristics in fields like grammar and vocabulary, but they also differ greatly in terms of everyday life, cultures, and values. The topic of this paper is much more fascinating to explore in light of all these parallels and discrepancies. The cultural contexts of French and English are thoroughly examined in this article, with an emphasis on idiomatic terms related to body parts more specifically "head". These idioms provide the perfect perspective through which it is possible to examine the unique characteristics included into these two languages. Idioms have emerged into the languages as fascinating linguistic elements featuring the collective wisdom, values, and perspectives of a culture. This article deals with the comparative study of the specific group of English and French body idioms that contain the term "head". It focuses on specific features of idioms, their structural patterns and their classification. It is devoted to the comparison and analysis of English and French body idioms from the semantic, lexical and formal points of view.

1. be at the head of

être en tête de

Both idioms have the meaning of being in the leading position. They both consist of the auxiliary verb "be" which is followed by the prepositional phrase. The structure is identical both in English and French. But the English idiom uses the definite article, while in French idiom there is no determiner at all, both idioms have been placed into the category of absolute equivalence.

▪ She was a head of year and really took me under her wing. THE GUARDIAN (2021) [1].

▪ The minister should be at the head of the table, that's the whole point.

▪ Lors du grand spectacle, Paul sera à la tête de la chorale, il conduira tous les chanteurs. – During the big show, Paul will be at the head of the choir, he will lead all the singers.

▪ Quand tu seras grand, tu pourrais être à la tête de ta propre boulangerie si tu adores faire du pain. – When you grow up, you could run your own bakery if you love baking bread [2].

2. Keep one's head

Garder la tête

This pair of idioms is lexically, semantically and syntactically identical. They share the meaning of staying calm despite great hardships. They are moreover realized with the same lexical means and verbs with the same denotation.

▪ It is essential you keep your head, don't panic and are clinical. THE SUN (2008)

▪ United's utility man needs to keep his head and stay in position rather than running forward. THE SUN (2009)

▪ J'essaye de garder la tête mais ce n'est pas facile du tout. – I try to keep your head but it's not easy at all.

▪ Malgré les difficultés, monsieur Erode essayait de garder la tête. – Despite the difficulties, Mr. Erode tried to keep his head calm.

3. Lose one's head

Perdre la tête

In both English and French these idioms are considered to be verbal idioms thus they have the same meaning – to lose control and not act calmly. They are used with the identical syntactic structure and consist of verbs with the same denotation. They both use possessive pronoun in English and definite article in French and therefore they are considered as absolutely equivalent.

▪ Everything went dark, and Marc just lost his head and couldn't even think what to do.

▪ It won't work, and you may well lose your head in the process. TIMES, SUNDAY TIMES (2016) [3].

▪ On perd la tête haute, on aurait aimé continuer nos projets. Le Tregor (2020). We are losing our heads held high, we would have liked to continue our projects. Le Tregor (2020)

▪ Le montant ferait perdre la tête à plus d'une personne. Angers Info (2021). – The amount would make more than one person lose their mind. Angers Info (2021)

▪ Je me suis demandé si je n'étais pas en train de perdre la tête. Matthieu, Robert L'enfer fiscal: les victims. I wondered if I was losing my mind. Matthieu, Robert Tax hell: the victims [4].

4. hit one's head against the wall

se cogner la tête contre les murs

Both English and French idioms are semantically equivalent with the meaning of wasting time to accomplish something that is completely hopeless,to attempt continuously and fruitlessly to accomplish some task or reach a particular objective that is or may seem utterly hopeless. The verbs have the same denotation. The French idiom uses the reflexive form of the verb. In case of these two idioms the morphological deviance is related to the plural form of "walls" that is used in the French idiom as opposed to the singular form of "wall" in the English one.

▪ Some adults are obviously

never going to agree with you on this, so it's no use hitting your head against the wall trying to convince everybody.

▪ She feels like she

has been beating her head against the wall trying to understand that math equation.

▪ Ils devraient arrêter de se cogner la tête conter les murs ; ça ne les avance en aucun cas.- They should stop hitting their heads against the walls; it doesn't advance them in any way.

▪ Quand je n'arrivais pas à résoudre ce casse-tête, je me sentais comme si je me cognais la tête contre les murs tellement c'était frustrant. – When I couldn't solve this puzzle, I felt like I was hitting my head against the walls because it was so frustrating.

▪ Ma sœur était si perdue en essayant de comprendre ses devoirs de maths qu'elle avait l'impression de se cogner la tête contre les murs. – My sister was so lost trying to figure out her math homework that she felt like she was hitting her head against the walls [5].

5. from head to foot

de la tête aux pieds

These both idioms are lexically and semantically identical with the meaning of completely covering the whole body. Here the French idiom uses body part in plural form "feet", whereas English refers to "foot" in the singular form.

▪ Colin had been put into a bath and been scrubbed from head to foot.

▪ The youth had been burnt from head to foot and never stood much chance. SUNDAY TIMES (2009)

▪ He had sustained shrapnel wounds from head to foot. SUNDAY TIMES (2015) [6].

▪ Nous n'hésitâmes pas à choisir le premier, un naturel roux de la tète aux pieds, qui n'avait jamais quitté son île, et en connaissait tous les endroits accessibles [7]. We did not hesitate to choose the first, a natural redhead from head to foot, who had never left his island, and knew all the accessible places.

▪ Elle la regarda de la tête aux pieds et sans doute son examen fut-il favorable car elle sourit à Minette d'un large sourire accueillant et quitta la salle. - She looked at her from head to toe and no doubt her examination was favorable because she smiled at Minette with a broad

welcoming smile and left the room [8].

6. have a (good) head on one's shoulders

avoir la tête (bien) sur les épaules

Corresponding on the syntactic and semantic level, both of the idioms mean to have common sense. The English idiom expresses the faculty of "good sense" by having a good head realized with an adjective which is followed by a noun, to have good judgment and be able to make good decisions. The French idiom focuses on the issue that the head is "attached quite well" to the shoulders and uses a noun that is followed by an adverb. With the meaning of staying calm in a difficult situation and being composed of verb + noun constituents, the two idioms are semantically and syntactically identical. However, they show a deviance in terms of different places of a noun and adjective in the noun phrase. The English idiom uses adjective as a pre-modifier of the noun, but in the French idiom the adjective is positioned after the noun.

▪ I suppose she has a very good head on her shoulders. She really knows the facts and she doesn't let the pressure get to her.

▪ We're looking for a person who is shrewd and has a good head on their shoulders.

▪ J'ai plutôt la réputation d'être très pragmatique et d'avoir la tête sur les épaules – et non d'être le genre de femme dont un gentleman mal intentionné pourrait abuser. (Stephanie LAURENS, Indocile Angelica, 2016)- Rather, I have a reputation for being very pragmatic and having a good head on my shoulders– and not being the kind of woman who might be taken advantage of by a gentleman with ill intentions. (Stephanie Laurens, Indocile Angelica, 2016)

▪ Benjamin, lui aussi semble avoir la tête sur les épaules. Même si un ami proche chauffeur de bus a totalement sombré, il tente de relativiser : C'est un sport et un jeu comme un autre... Et il faut bien mourir un jour, je vis bien, je fais ce que je veux » tranche-t-il.- Benjamin also seems to have his head on his shoulders. Even though a close bus driver friend has completely collapsed, he tries to put things into perspective: "It's a sport and a game like any other... And you have to die one day, I live well, I do what I want" he says.

7. get something into one's head

s'enfoncer quelque chose dans la crane

These idioms have the meaning of starting to believe something. From the lexical point of view the French counterpart uses skull, while the English idiom points to the head. Similarly, there is a difference in the denotation of the verbs, French focuses on the reflexive and more expressive verb with the meaning of sink into or press whereas English uses neutral verb get.

▪ When will you finally get it into your head that Margie is not coming back?

▪ One day, Brice got it into her head that we all hated her.

▪ Enfonce-toi bien dans le crâne que j'plaisante pas : le pôle sud est vachement plus froid que le pôle nord ! – Get it into your head, I'm not kidding: the South Pole is a lot colder than the North Pole! [9].

8. Have eyes in the back of one's head

Avoir les yeux dans le dos

The English version expresses the faculty of seeing everything by means of having eyes on the reverse side of the head, while the French one points to the back. Although semantically equivalent with the meaning of knowing everything that is happening around, both idioms refer to different body parts. The English idiom uses a composite preposition in the back of, syntactically both idioms follow the same structure.

▪ Elle avait les yeux dans le dos: elle remarquait littéralement chaque petit détail.

▪ M. George Duroy a les yeux dans le dos et il est toujours attentif au moindre signe de problème. - Mr. George Duroy has eyes in the back of his head and is always attentive to the slightest sign of a problem.

▪ Parents of teenagers need to have eyes in the back of their heads, especially nowadays.

9.Put an idea into one's head

Mettre la puce à l'oreille de qu'un

While having the same meaning of making someone want to do something they had not thought about before, both idioms differ

lexically, consisting of different body parts. From the syntactical point of view both idioms follow the same patter with the difference in the noun phrase, which is in English expressed by someone 's head, whereas in French there is the preposition of (ear of someone).

▪ Don't go putting an idea into his head. He can't afford a new car, you know he has financial problems.

▪ We're not moving, don't even try to persuade—what put that idea in your head?

▪ 3 décembre 1940 – Il m'intimide de plus en plus, ce qui est anormal et devrait me mettre la puce à l'oreille. Cette puce puisqu'il faut l'appeler par son nom, est-ce qu'elle n'aurait pas deux ailes et un carquois ? [10]. He intimidates me more and more, which is abnormal and should alert me. This flea, since we have to call it by its name, wouldn't it have two wings and a quiver?

▪ Les étonnants effets d'un médicament prescrit aux diabétiques ont mis la puce à l'oreille des médecins : la metformine pourrait allonger l'espérance de vie, ralentir le vieillissement du cerveau, voire prévenir le cancer ! (Adeline Colonat, Pourrait-on rester jeune grâce à une pilule de jouvence ?, Science & Vie le 19 avril 2017). The astonishing effects of a drug prescribed for diabetics have alerted doctors: metformin could extend life expectancy, slow down brain aging, and even prevent cancer! (Adeline Colonat, Could we stay young thanks to a youth pill?, Science & Vie April 19, 2017) [11].

10. Talk one's head off

Casser les orellies à qu'un

Both the English and French idioms share the same meaning of talking to someone for a long time. Lexically, however, the English idiom refers to the head, while in French the plural form of ear is used. Moreover, in English it is one's head that is talked off, while in French the structure uses dative and goes as to break ears to someone.

▪ Je vais encore casser les oreilles de mes voisins !- I'm going to talk my neighbors' head off again!

▪ Je vois surtout que tu vas bien nous casser les oreilles avec ça ! — (Delphine Bouquet, Éva, graine d'artiste, 2011)- Above all, I see that

you are going talk our head off with that! (Delphine Bouquet, Éva, graine d'artiste, 2011) [12].

▪ Oh my God, I am so exhausted: she talked my head off.

▪ Brad is shy at first, but will undoubtedly talk your head off once you get to know him

11. be off one's head

ne plus avoir sa tête

With the meaning of being mad the semantic equivalence is achieved in both languages. The idioms suggests an image of being without head, nevertheless, they use different verbs and syntactic structure. Here the English the idiom uses verb be (being without one's head), whereas the French one uses have (having no more one's head).

▪ Terry must be off his head going out in this weather!

▪ Hanse was off her head as usual.

▪ Eh ! mon Dieu ! est-ce dans un pareil moment que vous devez écouter les scrupules d'une femme qui n'a plus sa tête ? Voyons, profitez de son sommeil. (1844. Les Mystères de Paris, roman en cinq parties et onze tableaux)- Hey! my God ! Is it at such a moment that you must listen to the scruples of a woman who is off her head? Let's see, enjoy his sleep. (1844. The Mysteries of Paris, novel in five parts and eleven paintings)

▪ Un homme qui se soûle d'un bout de l'année à l'autre, n'a plus la tâte à lui, et il y a des maris, très-jaloux à vingt ans, que la boisson rend très-coulants à trente sur le chapitre de la fidélité conjugale (1877, L'Assommoir). A man who gets drunk from one end of the year to the next is off his head, and there are husbands who are very jealous at twenty but drink makes them very drunk at thirty. on the chapter of marital fidelity (1877, L'Assommoir).

12. Be over head and ears in work

Avoir du travail au-dessus la tête

This pair of idioms corresponds on the syntactic and semantic level. They have the meaning of being extremely busy, the two idioms differ in the use of verbs. The English idiom uses verb be, which expresses the notion of being totally immersed in work as opposed to have in French

with the idea of having a lot of work.

▪ The poor student has been over head and ears in work and studies having very little time for his relatives.

▪ Ils avaient du travail au-dessus la tête jusqu'à la fin du premier semester.

13. Have one's head in the clouds

être dans la lune

From the semantic point of view, these idioms convey the same meaning which means being unaware of what is going around. They lexically differ in the use of verbs and also other lexical means. The English idiom conveys the notion of having one's head in the clouds, while the French idiom focuses on being on the moon.

▪ You'll never be able to run the family business – he's always got his head in the clouds.

▪ Tom roams around all night with his head in the clouds.

▪ Clara, à Mme Pinchard. – Madame préfère-t-elle des oreillers en plumes ou en crin ? (Silence de Mme Pinchard). Madame désire-t-elle des oreillers en plumes ou en crin ? (Même jeu.) Ah, çà ! qu'est-ce qu'elle a ? Elle est dans la lune ! (Georges Feydeau, Le Dindon, 1896). Clara, to Mrs. Pinchard. – Does Madame prefer feather or horsehair pillows? (Silence from Mrs. Pinchard). Does Madame want feather or horsehair pillows? (Same game.) Ah, that's it! what does she have? She has her head in the clouds! (Georges Feydeau, Le Dindon, 1896).

▪ Un homme distrait ou trop accessible aux utopies est dans la lune, et l'on dit assez fréquemment un peu partout d'un homme de mauvaise humeur qu'il est mal luné (La Revue scientifique, 1910). A man who is distracted or too accessible to utopias has his head in the clouds, and it is quite frequently said almost everywhere that a man in a bad mood is in a bad mood (The Scientific Review, 1910).

In this article I attempted to demonstrate that idioms are dynamic expressions of culture rather than static objects. They reflect the continuous evolution of language and capture the spirit of a nation at a particular moment in time. Their depth and the dynamic character of the language are both revealed when we study them in the context of

their historical, linguistic, and cultural backgrounds. The study of idiomatic expressions becomes a direct window into the larger truth – that language is a living, breathing organism undergoing an ongoing evolution. It flourishes, changes, and adapts due to the speakers' combined experiences. Recognizing this dynamic character strengthens the function of the language as a lively representation of human expression throughout time and societies by fostering a deep respect for its adaptability and durability. The study deepens our comprehension by examining the intricacies, the origins and applications of these terms. The research provides a nuanced perspective on societal perspectives on interactions by shedding light on these cultural nuances, so improving our understanding of how language is embedded within larger cultural contexts. It is essential to comprehend colloquial language and particulars of culture in order to advance successful cultural diplomacy initiatives. This paper can help improve understanding and communication between distinct cultures and enlighten international relations by providing insights into linguistic and cultural diversity.

This paper provide an in-depth academic research of idiomatic expressions with the term "head". The knowledge acquired can be used in a variety of contexts, such as teaching one language through the other. Gaining knowledge concerning the usage of idiomatic language gives people the skills and necessary tools they need to successfully negotiate in a variety of linguistic environments. This article offers the possibility to broaden the scope to other Francophone or Anglophone countries in addition to comparing linguistic features between French and English-speaking countries. The research enhances cross-cultural understanding by identifying both common and unique characteristics through comparative analysis. By offering a thorough understanding of the linguistic and cultural landscape, this method can further navigate in the investigation of the cross-cultural influence between these two languages.

DOI: https://doi.org/10.58726/langlit-333-345

REFERENCES

1. HTTPS://WWW.COLLINSDICTIONARY.COM/SENTENCES/ENGLISH/HEAD#:~:TEXT=THEY%20SHOULD%20BE%20AT%20THE%20HEAD%20OF%20THE%20TABLE.&TEXT=THEN%20WE%20HEAD%20TO%20HER%20OFFICE%20TO%20TALK.)05.01.2024
2. https://tutoratpro.com/expressions/etre-a-la-tete-de/#:~:text=Les%20exemples%20pr%C3%A9sent%C3%A9s%20ci%2Ddessous,prend%20toutes%20les%20grandes%20d%C3%A9cisions. 05.01.2024
3. HTTPS://WWW.COLLINSDICTIONARY.COM/SENTENCES/ENGLISH/LOSE-YOUR-HEAD 05.01.2024
4. https://www.collinsdictionary.com/sentences/french/perdre-la-tete 05.01.2024
5. https://tutoratpro.com/expressions/se-cogner-se-taper-la-tete-contre-les-murs/ 05.01.2024
6. https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/from-head - to-foot 06.01.2024
7. Jules LECLERCQ La Terre de glace, Féroë, Islande, les geysers, le mont Hékla, Paris: E. Plon & Cie, 1883, p.78
8. Marie Chauvet, Dance on the volcano, Paris, Plon, 1957, p.191
9. (https://fr.wiktionary.org/wiki/s%E2%80%99enfoncer_dans_le_cr%C3%A2ne)06.01.2024
10. Benoîte et Flora Groult, Journal à quatre mains, Denoël, 1962, page 112, December 3, 1940
11. https://fr.wiktionary.org/wiki/mettre_la_puce_%C3%A0_l%E2%80%99oreille#: 06.01.2024
12. https://fr.wiktionary.org/wiki/casser_les_oreilles#:~:text=Locution%20verbale, casser%20les%20oreilles&text=(Familier)%20Faire%20trop%20de%20bruit%2C%20indisposer%20l'entourage.) 06.01.2024

«ԳԼՈՒԽ» ԵԶՐՈՒՅԹԸ ՊԱՐՈՒՆԱԿՈՂ ԻԴԻՈՄՆԵՐԻ ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՆԳԼԵՐԵՆՈՒՄ ԵՎ ՖՐԱՆՍԵՐԵՆՈՒՄ

Էլլա Սարգսյան

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. *գլուխ, իդիոմատիկ արտահայտություններ, փոխառություն, համեմատական ուսումնասիրություն, համարժեք հասկացույթներ, զուգահեռներ, բառապաշար, իմաստային և շարահյուսական նույնական միավորներ*

Դարեր շարունակ անգլերենն ու ֆրանսերենը կիսում են հարուստ պատմություն: Այս երկարատև հարաբերությունը հանգեցրել է քերականության, արտասանության, բառապաշարի, գրի և մշակույթի աշխույժ փոխանակմանը, որոնք փոխառությունների միջոցով փոխադարձաբար հարստացնում են միմյանց: Հնարավոր է ֆրանսերենի և անգլերենի միջև այս փոխազդեցությունները տեսնել որպես ավելին, քան պարզապես փոխառնված բառ կամ արտահայտություն, քանի որ դրանք ներկայացնում են որոշ մեթոդներ, որոնցով երկու լեզուները հասել են իրենց ներկայիս մշակութային վիճակին: Դա խորը և շարունակական երկխոսություն է, որը մնայուն հետք է թողել: Չնայած լեզուների միջև շարունակական փոխանակմանը և հաղորդակցությանը, լեզուները պահպանում են տարբերակիչ առանձնահատկություններ այնպիսի ոլորտներում, ինչպիսիք են քերականությունը և բառապաշարը: Այս հոդվածում մանրակրկիտ ուսումնասիրված են ֆրանսերենի և անգլերենի մշակութային ենթատեքստերը՝ շեշտը դնելով մարմնի մասերի, ավելի կոնկրետ՝ «գլուխ» եզրույթի հետ կապված բառակապակցությունների վրա: Այս բառակապակցությունները տալիս են հեռանկար, որի միջոցով հնարավոր է ուսումնասիրել այս երկու լեզուներում ներառված եզակի բնութագրերը: Այս իդիոմները հայտնվել են լեզուներում որպես հետաքրքրաշարժ լեզվական տարրեր, որոնք ներկայացնում են մշակույթի հավաքական իմաստությունը, արժեքները և հեռանկարները: Այս հոդվածը վերաբերում է «գլուխ» եզրույթը պարունակող անգլիական և ֆրանսիական մարմնի արտահայտությունների կոնկրետ խմբի համեմատական ուսումնասիրությանը:

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ТЕРМИНУ «ГОЛОВА»

Элла Саргсян

Резюме

Ключевые слова: *голова, идиоматические выражения, заимствование, сравнительное исследование, эквивалент, параллели, термины, лексически, семантически и синтаксически идентичные единицы*

После многовекового сосуществования английский и французский языки имеют богатую и переплетенную историю. Эти длительные отношения привели к яркому взаимодействию грамматики, произношения, лексики, письма и культуры, которые взаимно обогащают друг друга посредством заимствований. Можно рассматривать эти взаимодействия между французским и английским языками как нечто большее, чем просто заимствование слов или фраз. Это глубокий и продолжающийся диалог, который оставил неизгладимый след. Несмотря на постоянный обмен и общение между языками, языки сохраняют отличительные характеристики в таких областях, как грамматика и лексика, но они также сильно различаются с точки зрения повседневной жизни, культуры и ценностей. Тема этой статьи гораздо более интересна для изучения в свете всех этих параллелей и несоответствий. Культурные контексты французского и английского языков тщательно рассматриваются в этой статье с акцентом на идиоматические термины, связанные с частями тела, в частности с термином «голова». Эти идиомы предоставляют идеальную перспективу, через которую можно исследовать уникальные характеристики, включенные в эти два языка. В этой статье рассматривается сравнительное изучение конкретной группы английских и французских идиом с термином «голова». Она фокусируется на конкретных особенностях идиом, их структурных моделях и их классификации и посвящена сравнению и анализу английских и французских идиом с семантической и лексической точек зрения.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Азарова Василиса Николаевна
Аспирант, старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики
Томский государственный университет (Томск, РФ)

Алоян Жанна Липаритовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры иностранных языков и литературы.
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Аракелян Вера Саргисовна
Магистрантка 2 курса по специальности «Русский язык и литература»
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Арустамян Карине Смбатовна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры иностранных языков и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Арутюнян Асмик Павловна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Баландин Даниил Николаевич
Аспирант кафедры психологии образования и социальной педагогики,
Курский государственный университет (Курск, РФ)

Вигель Нарине Липаритовна
Доктор философских наук, доцент
Зав. кафедрой философии с курсом биоэтики и духовных основ медицинской деятельности
Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, РФ)

Галоян Мариам Вагифовна
Магистрантка 2 курса по специальности «Русский язык и литература»
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Герасимчук Ирина Васильевна
Старший преподаватель
Аспирант филологического факультета
Томский государственный университет (Томск, РФ)

Даниелян Тарон Рудольфович
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна
(Ванадзор, Армения)

Джагинян Нина Александровна
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры иностранных языков и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна
(Ванадзор, Армения)

Жилякова Наталия Вениаминовна
Доктор филологических наук, доцент
Зав. кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики
Томский государственный университет (Томск, РФ)

Иванова Ирина Евгеньевна
Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, РФ)

Ишанова Юлия Рустамовна
Директор, преподаватель иностранных языков
Лингвистический центр START (Первоуральск, РФ)

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, РФ)

Коберидзе Мариам Жораевна
Доктор филологических наук, профессор
Горийский государственный университет (Гори, Грузия)

Красиков Михаил Михайлович
Кандидат филологических наук, доцент
Профессор кафедры украиноведения, культурологии и истории науки
Национальный технический университет «Харьковский политехнический
институт» (Харьков, Украина)

Макарян Сюзанна Айказовна
Магистр педагогики по специальности «Русский язык и литература»
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Матинян Женя Эдиковна
Студентка 4 курса бакалавриата по специальности «Русский язык и литература»
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Меттини Эмилиано
Кандидат педагогических наук
Зав. кафедрой гуманитарных наук ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Москва, РФ)

Мшвидобадзе Тинатин Ясоновна
Доктор технических наук, профессор
Горийский государственный университет (Гори, Грузия)

Нафикова Сулпан Рамилевна
Кандидат филологических наук
Уфимский университет науки и технологий (Уфа, РФ)

Никонова Наталья Егоровна
Доктор филологических наук, профессор
Зав. кафедрой романо-германской филологии
Томский государственный университет (Томск, Россия)

Пилоян Валерий Альбертович
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Погосян Альберт Жоржевич
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения)

Родиков Владислав Вадимович
Бакалавр филологии
Магистрант 1 курса по специальности «Филология»
Томский государственный университет (Томск, РФ)

Саакян Эгине Артаковна
Преподаватель кафедры иностранных языков и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна
(Ванадзор, Армения)
Сантоян Арен Мэлсович
Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры армянского языка и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна
(Ванадзор, Армения)
Саргсян Элла Артаковна
Преподаватель кафедры иностранных языков и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна
(Ванадзор, Армения)
Тадевосян Тадевос Вруйрович
Кандидат филологических наук, доцент
Зав. кафедрой иностранных языков и литературы
Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна
(Ванадзор, Армения)
Тарасенко Анастасия Викторовна
Студентка 4 курса бакалавриата
Факультет журналистики
Томский государственный университет (Томск, РФ)
Хисамова Галия Гильмулловна
Доктор филологических наук, доцент
Профессор кафедры сопоставительного языкознания и экскурсоведения
Уфимский университет науки и технологий (Уфа, РФ)

ՀԱՄԱՌՈՏ ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

Ազարովա Վասիլիսա Նիկոլայի
Ասպիրանտ, լրագրության տեսության և պրակտիկայի ամբիոնի
ավագ դասախոս
Տոմսկի պետական համալսարան (Տոմսկ, ՌԴ)

Ալոյան Ժաննա Լիպարիտի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Օտար լեզուների և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Առաքելյան Վեռա Սարգսի
«Ռուսաց լեզու և գրականություն» մասնագիտության մագիստրատուրայի
2-րդ կուրսի ուսանող
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Առուստամյան Կարինե Սմբատի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Օտար լեզուների և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Բալանդին Դանիիլ Նիկոլայի
Կրթության և սոցիալական մանկավարժության հոգեբանության ամբիոնի
ասպիրանտ,
Կուրսկի պետական համալսարան (Կուրսկ, ՌԴ)

Գալոյան Մարիամ Վագիֆի
«Ռուսաց լեզու և գրականություն» մասնագիտության մագիստրատուրայի
2-րդ կուրսի ուսանող
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Գերասիմչուկ Իրինա Վասիլիի
Ավագ դասախոս
Բանասիրական ֆակուլտետի ասպիրանտ
Տոմսկի պետական համալսարան (Տոմսկ, ՌԴ)

Դանիելյան Տարոն Ռուդոլֆի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Հայոց լեզվի և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Թաղևոսյան Թաղևոս Վրույրի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Օտար լեզուների և գրականության ամբիոնի վարիչ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Ժիլյակովա Նատալիա Վենիամինի
Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ
Ժուռնալիստիկայի տեսության և պրակտիկայի ամբիոնի վարիչ
Տոմսկի պետական համալսարան (Տոմսկ, ՌԴ)

Իշանովա Յուլիա Ռուստամի
Տնօրեն, օտար լեզուների ուսուցիչ
START Լեզվաբանական կենտրոն (Պերվոուրալսկ, ՌԴ)

Իվանովա Իրինա Եվգենիի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Մոսկվայի Մ. Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարան (Մոսկվա, ՌԴ)

Խիսամովա Գալիյա Գիլմուլլայի
Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ
Համեմատական լեզվաբանության և էքսկուրսագիտության ամբիոնի պրոֆեսոր
Ուֆայի գիտության և տեխնոլոգիայի համալսարան (Ուֆա, ՌԴ)

Կլիմովա Քսենիա Անատոլիի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Մոսկվայի Մ. Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարան
Ռուսաստանի գիտությունների ակադեմիայի սլավոնագիտության ինստիտուտի գիտաշխատող (Մոսկվա, ՌԴ)

Կրասիկով Միխայիլ Միխայիլի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Ուկրաինագիտության, մշակութաբանության և գիտության պատմության ամբիոնի պրոֆեսոր
«Խարկովի պոլիտեխնիկական ինստիտուտ» Ազգային տեխնիկական համալսարան (Խարկով, Ուկրաինա)

Հարությունյան Հասմիկ Պավելի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Հայոց լեզվի և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Մակարյան Սյուզաննա Հայկազի
Մանկավարժության մագիստրոս «Ռուսաց լեզու և գրականություն» մասնագիտության
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Մատինյան Ժենյա Էդիկի
«Ռուսաց լեզու և գրականություն» մասնագիտության բակալավրիատի 4-րդ կուրսի ուսանող
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Մետտինի Էմիլիանո
Մանկավարժական գիտությունների թեկնածու
Ռուսաստանի Առողջապահության նախարարության Ռուսաստանի Ն. Ի. Պիրոգովի անվան ազգային հետազոտական բժշկական համալսարանի հումանիտար գիտությունների ամբիոնի վարիչ (Մոսկվա, ՌԴ)

Մշվիդոբաձե Թինատին Յասոնի
Տեխնիկական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
Գորիի պետական համալսարան (Գորի, Վրաստան)

Նաֆիկովա Սուլպան Ռամիլի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու
Ուֆայի գիտության և տեխնոլոգիայի համալսարան (Ուֆա, ՌԴ)

Նիկոնովա Նատալյա Եգորի
Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
Ռոմանագերմանական բանասիրության ամբիոնի վարիչ
Տոմսկի պետական համալսարան (Տոմսկ, ՌԴ)

Պողոսյան Ալբերտ Ժորժի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Հայոց լեզվի և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Ջաղինյան Նինա Ալեքսանդրի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Օտար լեզուների և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Ռոդիկով Վլադիսլավ Վադիմի
Բանասիրության բակալավր
«Բանասիրություն» մասնագիտության մագիստրատուրայի 1 կուրսի ուսանող, Տոմսկի պետական համալսարան (Տոմսկ, ՌԴ)

Սահակյան Հեղինե Արտակի
Օտար լեզուների և գրականության ամբիոնի դասախոս
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Սանթոյան Արեն Մելսի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Հայոց լեզվի և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Սարգսյան Էլլա Արտակի
Օտար լեզուների և գրականության ամբիոնի դասախոս
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Վիգել Նարինե Լիպարիտի
Փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ
Փիլիսոփայության, կենսաէթիկայի և բժշկական գործունեության հոգևոր հիմքերի ամբիոնի վարիչ
Ռոստովի պետական բժշկական համալսարան
(Դոնի Ռոստով, ՌԴ)

Տարասենկո Անաստասիա Վիկտորի
Բակալավրիատի 4-րդ կուրսի ուսանող
Լրագրության ֆակուլտետ
Տոմսկի պետական համալսարան (Տոմսկ, ՌԴ)

Փիլոյան Վալերի Ալբերտի
Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
Հայոց լեզվի և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Վանաձորի Հ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան
(Վանաձոր, Հայաստան)

Քոբերիձե Մարիամ Ժորայի
Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
Գորիի պետական համալսարան (Գորի, Վրաստան)

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS OF THE ARTICLES

Aloyan Zhanna

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Foreign Languages and Literature

Arakelyan Vera

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia),
2nd Year Master's Student in the specialty of "Russian Language and Literature"

Arustamyan Karine

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Foreign Languages and Literature

Azarova Vasilisa

Tomsk State University (Tomsk, RF), Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Journalism

Balandin Daniil

Kursk State University (Kursk, RF), Postgraduate Student of the Department of Educational Psychology and Social Pedagogy

Danielyan Taron

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Armenian Language and Literature

Galoyan Mariam

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), 2nd Year Master's student in the Specialty of "Russian Language and Literature"

Gerasimchuk Irina

Tomsk State University (Tomsk, RF), Senior Lecturer
Postgraduate Student of the Philological Faculty

Harutyunyan Hasmik

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Armenian Language and Literature

Ishanova Yulia

Linguistic center START (Pervouralsk, RF), Principal,
Teacher of Foreign Languages

Ivanova Irina

Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Moscow, RF), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Jaghinyan Nina

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Foreign Languages and Literature

Khisamova Galiya

Ufa University of Science and Technology (Ufa, RF), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Professor of the Department of Comparative Linguistics and Excursion Studies

Klimova Ksenia

Moscow State University after M. Lomonosov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, RF)

Koberidze Mariam

Gori State University (Gori, Georgia), Doctor of Philological Siences, Professor

Krasikov Mikhail

National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute" (Kharkiv, Ukraine), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Professor of the Department of Ukrainian Studies, Cultural Studies and History of Science

Makaryan Syuzanna

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Master of Pedagogy with a Degree in "Russian Language and Literature"

Matinyan Zhenya

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), 4th Year Undergraduate Student in the Specialty of "Russian Language and Literature"

Mettini Emiliano

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education after N. I. Pirogov (Moscow, RF), Candidate of Pedagogical Sciences. Head of the Department of Humanities

Mshvidobadze Tinatin

Gori State University (Gori, Georgia), Doctor of Technical Sciences, Professor

Nafikova Sulpan

Ufa University of Science and Technology (Ufa, RF), Candidate of Philological Sciences

Nikonova Natalya

Tomsk State University (Tomsk, RF), Doctor of Philological Sciences, Professor. Head of the Chair of Romano-Germanic Philology

Piloyan Valery

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Armenian Language and Literature

Poghosyan Albert

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Armenian Language and Literature

Rodikov Vladislav

Tomsk State University (Tomsk, RF), Bachelor of Philology,1st year Master's Student in the Specialty of Philology

Sahakyan Heghine

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Lecturer at the Chair of Foreign Languages and Literature

Santoyan Aren

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Associate Professor of the Chair of Armenian Language and Literature

Sargsyan Ella

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Lecturer at the Chair of Foreign Languages and Literature

Tadevosyan Tadevos

Vanadzor State University after H. Tumanyan (Vanadzor, Armenia), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Head of Department of Foreign Languages and Literature

Tarasenko Anastasia

Tomsk State University (Tomsk, RF), 4th Year Undergraduate Student, Faculty of Journalism

Vigel Narine

Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, RF), Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Philosophy with a Course in Bioethics and Spiritual Foundations of Medical Activity

Zhilyakova Natalia

Tomsk State University (Tomsk, RF), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor. Head of the Department of Theory and Practice of Journalism, Faculty of Journalism

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЖУРНАЛИСТИКА

Василиса Азарова
Отражение темы благотворительности в области здоровья
на страницах «Сибирской жизни» (1897-1900).....8
Ирина Герасимчук
Публицистика Белой столицы 1918-1919 гг.
(по материалам Г. А. Вяткина).....24
Тарон Даниелян
Неосуществленные проекты рекламно-справочных
изданий Тифлиса (1865-1905 гг.).....33
Наталия Жилякова
От «Автобизнеса» до «Чеховских пятниц»:
тематическое разнообразие специализированных журналов
Томска конца XX - начала XXI в. 44
Ксения Климова
Традиции и инновации в культуре понтийских греков на Кавказе
(по данным полевых исследований 2022-2024 гг.).....56
Михаил Красиков
Старообрядцы села Гурьев Казачок на Харьковщине:
жизнь и смерть традиции.....65
Наталья Никонова, Владислав Родиков
Театральная и переводческая рецепция пьесы
Бертольда Брехта «Мамаша Кураж и ее дети» в СССР и России 85
Валерий Пилоян
Попытка реинтерпретации жанра новеллы
на основе армянских новеллистических материалов.....99
Эгине Саакян, Женя Матинян
Армянская тема в рассказе С. Довлатова
«Когда-то мы жили в горах» и специфика авторского стиля 114

Тадевос Тадевосян
Ф. Достоевский как герой постмодернистского квеста
в романе В. Пелевина «t»....127
Тадевос Тадевосян, Вера Аракелян
Легенда о шотландском барде Томасе Рифмаче и
Королеве Фей в современной русской литературе 154
Анастасия Тарасенко, Наталия Жилякова
«Особенности рекламы коньяка фирмы “Н. Л. Шустов и сыновья”
в дореволюционных томских газетах»....174
Галия Хисамов, Сулпан Нафикова
Отражение башкирского национального характера
в русской литературе XX века:
лингвокультурологический аспект исследования 183

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Жанна Алоян, Мариам Галоян
Семантическая составляющая адъективных колоративов
(на материале произведений А. С. Серафимовича) 193
Карине Арустамян, Сюзанна Макарян
Роль иноязычных вкраплений в рок-поэзии
Бориса Гребенщикова 212
Даниил Баландин
Проблемы и противоречия формирования
этнокультурной идентичности подростков
в поликультурной образовательной среде....225
Нарине Вигель, Эмилиано Меттини
Язык как форма мировоззрения человека....239
Нина Джагинян
Рассуждения об эквивалентности художественного перевода....254
Ирина Иванова
Опыт преподавания сербского языка в МГУ....264

Юлия Ишанова
Фразеология как источник изучения английского менталитета....273
Мариам Коберидзе
Перспективы преподавания грузинского языка
как иностранного.....282
Тинатин Мшвидобадзе
Электронные переводческие ресурсы
в грузино-армянском дискурсе.....291
Альберт Погосян
Дисконтность в многокомпонентных
глагольных фразеологических единицах.....298
Арен Сантоян, Асмик Арутюнян
Иррегулярное ударение в армянском языке 312
Элла Саргсян
Сравнительный анализ французских и английских идиом,
относящихся к термину «голова».....333

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ.....346

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԼՐԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ

Վասիլիսա Ազարովա
Առողջության ոլորտում բարեգործության թեմայի արտացոլումը «Սիբիրյան կյանքի» էջերում (1897-1900.....8

Իրինա Գերասիմչուկ
Սպիտակ մայրաքաղաքի հրապարակախոսությունը 1918-1919 թթ. (հիմնվելով Գ. Ա. Վյատկինի նյութերի վրա).....24

Տարոն Դանիելյան
Գովազդային-տեղեկագրական հրատարակությունների չիրականացված նախագծերը Թիֆլիսում (1865-1905 թթ.).....33

Նատալյա Ժիլյակովա
«Ավտոբիզնեսից» մինչև «Չեխովյան ուրբաթներ». 20-րդ դարավերջի, 21-րդ դարասկզբի Տոմսկի մասնագիտացված ամսագրերի թեմատիկ բազմազանությունը 44

Քսենիա Կլիմովա
Ավանդույթներն ու նորարարությունները Կովկասում Պոնտոսի հույների մշակույթում (ըստ 2022-2024 թթ. դաշտային հետազոտությունների տվյալների).....56

Միխայիլ Կրասիկով
Խարկովի շրջանի Գուրև Կազաչոկ գյուղի հնադավանականները. ավանդույթի կյանքն ու վախճանը.....65

Նատալյա Նիկոնովա, Վլադիսլավ Ռոդիկով
Բերտոլդ Բրեխտի «Կուրաժ մայրիկն ու նրա երեխաները» պիեսի թատերական և թարգմանական ընդունելությունը ԽՍՀՄ-ում և Ռուսաստանում.....85

Վալերի Փիլոյան
Նորավեպի ժանրի վերաբնութագրման փորձ՝ ըստ հայկական նորավեպի ընձեռած նյութի.....99

Հեղինե Սահակյան, Ժենյա Մատինյան
Հայկական թեման Ս. Դովլաթովի «Մի ժամանակ մենք ապրում էինք լեռներում» պատմվածքում և հեղինակային ոճի յուրահատկությունը 114
Թադևոս Թադևոսյան
Ֆ. Դոստոևսկին որպես հետմոդեռնիստական քվեստի հերոս Վ. Պելևինի «t» վեպում 127
Թադևոս Թադևոսյան, Վերա Առաքելյան
Շոտլանդացի բարդ Թոմաս Քերթողի և Դիցանուշների Թագուհու մասին առասպելը արդի ռուս գրականության մեջ.....154
Անաստասիա Տարասենկո, Նատալյա Ժիլյակովա
«Ն. Լ. Շուստով և որդիները» ընկերության կոնյակի գովազդի առանձնահատկությունները նախահեղափոխական Տոմսկի թերթերում.....177
Գալիյա Խիսամովա, Սուլպան Նաֆիկովա
Բաշկիրների ազգային խառնվածքի արտացոլումը XX դարի ռուս գրականության մեջ. հետազոտության լեզվամշակութաբանական տեսանկյունը.....183

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԼԵԶՎԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՄԵԹՈԴԻԿԱ

Ժաննա Ալոյան, Մարիամ Գալոյան
Ածական գունանունների իմաստային բաղադրիչը (Ա.Ս. Սերաֆիմովիչի ստեղծագործությունների նյութի հիման վրա) 193
Կարինե Առուստամյան, Մյուզաննա Մակարյան
Օտարալեզու ներդրումների դերը Բորիս Գրեբենշչիկովի ռոք բանաստեղծություններում 212
Դանիիլ Բալանդին
Բազմամշակութային կրթական միջավայրում դեռահասների էթնոմշակութային ինքնության ձևավորման հիմնախնդիրներն ու հակասությունները.....225

Նարինե Վիգել, Էմիլիանո Մետտինի
Լեզուն որպես մարդու աշխարհայացքի ձև 239
Նինա Ջաղինյան
Մտորումներ գեղարվեստական թարգմանության
համարժեքության շուրջ.....254
Իրինա Իվանովա
Սերբերենի դասավանդման փորձը ՄՊՀ-ում.....264
Յուլիա Իշանովա
Դարձվածաբանությունը որպես անգլիական
մենթալիտետի ուսումնասիրության աղբյուր.....273
Մարիամ Քոբերիձե
Վրացերենի՝ որպես օտար լեզվի դասավանդման
հեռանկարները.....282
Թինաթին Մշվիդոբաձե
Էլեկտրոնային թարգմանչական ռեսուրսները
վրաց-հայկական դիսկուրսում.....291
Ալբերտ Պողոսյան
Բազմաբաղադրիչ բայական
դարձվածային միավորների ընդմիջարկումը 298
Արեն Սանթոյան, Հասմիկ Հարությունյան
Հայերենի անկանոն շեշտը.....312
Էլլա Մարգսյան
«Գլուխ» եզրույթը պարունակող իդիոմների համեմատական
վերլուծությունը անգլերենում և ֆրանսերենում.....333

ՀԱՄԱՌՈՏ ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ
ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ.....350

CONTENTS

LITERARY STUDIES AND JOURNALISM

Vasilisa Azarova
Reflection of the Theme of Charity in the Field of Health
on the Pages of "Siberian Life" (1897-1900).....8
Irina Gerasimchuk
Publicism of the White Capital 1918-1919
(based on the Materials by G. A. Vyatkin).....24
Taron Danielyan
Unrealized Projects of Advertising and
Reference Publication in Tiflis (1865-1905) 33
Natalia Zhilyakova
From "Autobusiness" to "Chekhov Fridays":
Thematic Diversity of Specialized Magazines in Tomsk
in the late 20th- early 21st centuries 44
Ksenia Klimova
Traditions and Innovations in the Culture of the Pontic Greeks
in the Caucasus (based on Field Research in 2022-2024).....56
Mikhail Krasikov
Old Believers of the Village of Guriev Kazachok
in the Kharkiv Region: the Life and Death of a Tradition 65
Natalya Nikonova, Vladislav Rodikov
Theatre and Translation Reception of Bertolt Brecht's Play
"Mutter Courage Und Ihre Kinder" IN USSR and RUSSIA.....85
Valery Piloyan
An Attempt to reinterpret the Novel Genre based
on the Armenian Novel Materials 99
Heghine Saakyan, Zhenya Matinyan
The Armenian Theme in S. Dovlatov's Story "Once We Lived
in the Mountains" and the Specifics of the Author's Style 114

Tadevos Tadevosyan
F. Dostoevsky as a Hero of a Postmodernist Quest
in V. Pelevin's novel "t" 127
Tadevos Tadevosyan, Vera Arakelyan
The Legend of The Scottish Bard Thomas the Rhymer and
the Fairy Queen in Modern Russian Literature.....154
Anastasia Tarasenko, Natalia Zhilyakova
"Features of Advertising of Cognac from the Company
"N.L. Shustov and Sons" in Pre-revolutionary Tomsk Newspapers"....177
Galiya Khisamova, Sulpan Nafikova
Reflection of the Bashkir National Character in the Russian Literature
of the XX century: the Linguistic and Cultural Aspect of the Study....183

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING METHODS

Zhanna Aloyan, Mariam Galoyan
Semantic Component of the Adjectives' Coloratives
(based on the Works of A.S. Serafimovich) 193
Karine Arustamyan, Syuzanna Makaryan
The Impact of Foreign Words
in Boris Grebenshchikov's Rock Poetry.....212
Daniil Balandin
Problems and Contradictions of the Formation
of Ethnocultural Identity of Adolescents
in a Multicultural Educational Environment.....225
Narine Vigel, Mettini Emiliano
Language as a Form of Human Worldview.....239
Nina Jaghinyan
Reflections on Equivalence of Artistic Translation 254
Irina Ivanova
Experience of teaching Serbian at MSU 264
Yulia Ishanova
Phraseology as a Source for studying the English Mentality 273

Mariam Koberidze
Teaching Perspectives of Speech Functions (Listening, Speaking)
of Georgian as the Second Language 282
Tinatin Mshvidobadze
Electronic Translation Resources in Georgian-Armenian Discourse ...291
Albert Poghosyan
Discontinuity in Multi-component Verbal Phrasal Units.....298
Aren Santoyan, Hasmik Harutyunyan
Irregualar Stress in Armenian.....312
Ella Sargsyan
The Comparative Analysis of French and
English Idioms pertaining the Term "Head".....333

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS OF THE ARTICLES.....357

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РА

ФОНД «ВАНАДЗОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О. ТУМАНЯНА»

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации»

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ванадзор – 2024

ՀՀ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

«ՎԱՆԱՁՈՐԻ Հ. ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ» ՀԻՄՆԱԴՐԱՄ

VII ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

«Լեզուն և գրականությունը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում»

ԳԻՏԱԿԱՆ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

Վանաձոր – 2024

RA MINISTRY OF EDUCATION, SCIENCE,
CULTURE AND SPORT

"VANADZOR STATE UNIVERSITY AFTER H. TUMANYAN"
FOUNDATION

THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

"Language and Literature in the Context of Intercultural Communication"

MATERIALS OF INTERNATIONAL CONFERENCE

Vanadzor – 2024

Հայալեզու տեքստերի խմբագիր՝ Վալերի Փիլոյան
Օտարալեզու տեքստերի խմբագիր՝ Զառա Ալեքյան
Համակարգչային ձևավորող՝ Աշխեն Գալստյան

Վանաձոր – 2024

Корректор армяноязычных текстов: Валерий Пилоян
Корректор иноязычных текстов: Зара Алекян
Компьютерный дизайнер: Ашхен Галстян

Ванадзор – 2024

Proofreader of Texts in Armenian: Valeri Piloyan
Proofreader of Texts in Foreign Languages: Zara Alekyan
Computer Designer: Ashkhen Galstyan

Vanadzor – 2024

ISBN 978-9939-1-2006-5